

С. М. БУДЕННЫЙ

ПРОЙДЕННЫЙ

ПУТЬ

Семен Михайлович
БУДЕННЫЙ

МАРШАЛ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

С. М. БУДЕННЫЙ

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1973

Буденный С. М.

Б90 Пройденный путь. Книга третья. М., Воениздат, 1973. «Военные мемуары».

408 стр.

В своей третьей книге «Пройденный путь» прославленный полководец гражданской войны, трижды Герой Советского Союза, член Президиума Верховного Совета СССР Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный рассказывает о героических действиях 1-й Конной армии на Южном фронте при разгроме Врангеля осенью 1920 года, о борьбе с антисоветскими бандами Махно на Украине, о ликвидации контрреволюционного заговора князя Ухтомского на Дону и Северном Кавказе, об участии конармейцев в боях с басмачами в Средней Азии.

Многие страницы книги посвящены периоду пребывания С. М. Буденного на посту члена РВС СССР, рассказывают о его встречах с руководителями партии и правительства.

Предыдущие две книги вышли в Военном издательстве в 1959 и 1965 гг.

Б 1122-145 58-72
068(02)-73

9(с)22

ОТ АВТОРА

Третьей книгой «Пройденный путь» я заканчиваю повествование о героической Первой Конной, ее славном боевом пути, о той роли, какую она сыграла в защите и укреплении Советской власти.

Осенью 1920 года Первая Конная по решению ЦК партии и лично В. И. Ленина была переброшена с Западного на Южный фронт и принимала активное участие в завершающем сражении — разгроме белогвардейских войск Врангеля, в освобождении Северной Таврии и Крыма. Это было тяжелое время в истории Советского государства. Народ устал от войны. Надо было быстрее покончить с ней, дать возможность стране начать мирную жизнь, заняться практическим строительством социализма. Владимир Ильич требовал от войск Южного фронта покончить с Врангелем до зимы.

Войска фронта, проявляя исключительную самоотверженность и массовый героизм, блестяще выполнили наказ Владимира Ильича Ленина. Наступление началось 28 октября и закончилось в предельно короткий срок полным разгромом врангелевской армии. 16 ноября красные герои очистили Крым от врага. Горжусь, что Первая Конная армия принимала непосредственное участие в наступлении на Врангеля и, как всегда, с честью выполняла ответственные задания командования.

Я имел счастье видеть и слушать гениального вождя партии и народа Владимира Ильича Ленина. Читатель узнает, с какой теплотой относился В. И. Ленин к Первой Конной, заботился о ней, следил за ростом боевого мастерства конармейцев и командиров.

В книге я рассказываю о встречах с выдающимися государственными деятелями — соратниками В. И. Ле-

нина, о талантливом полководце Михаиле Васильевиче Фрунзе, о моем друге и боевом товарище Клименте Ефремовиче Ворошилове и конечно же о командирах и бойцах Первой Конной. Многие из них пали в боях за светлое дело революции. Другие прошли гражданскую войну и были активными участниками великой битвы нашего народа с немецко-фашистскими захватчиками, вновь водили войска в бой за свободу и независимость Отчизны.

Мне посчастливилось быть участником I Всесоюзного съезда Советов, на котором было провозглашено образование Союза ССР. Об этом важном в истории Советского государства событии также рассказывается в книге. Несколько страниц ее посвящены моей работе в качестве члена Реввоенсовета Республики и заместителя Главкома, в одной из глав идет речь о ликвидации басмачества в Средней Азии.

...Неотвратим бег времени. Все меньше остается в живых участников гражданской войны. Скоро только по документам и книгам будут узнавать потомки историю тех лет. И я счастлив, что мне удалось довести до конца повествование о тех суровых и героических годах, о которых вечно будет помнить человечество. Пусть простят меня ветераны, что не всем воздал должное в своей книге. Но я всегда с большим волнением вспоминаю всех, с кем довелось пройти тяжелыми боями. Мы сражались за дело революции так, как учила нас партия коммунистов, и никто из нас не думал о личной славе.

Новое поколение советских людей достойно умножает славные революционные и боевые традиции партии, народа, могучих Советских Вооруженных Сил. Посчитаю свою задачу выполненной, если и эта книга найдет отклик в сердцах нашей славной советской молодежи, воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, будет способствовать их новым трудовым и ратным подвигам во имя Родины.

Выражаю глубокую признательность моему ближайшему помощнику в работе над книгой писателю капитану 1 ранга Золототрубову Александру Михайловичу и капитану 2 ранга запаса Тонкову Александру Александровичу.

1. ПРИКАЗ — ИДИ НА ВРАНГЕЛЯ

I

Сентябрь 1920 года.

Молодая Советская Республика отражала очередной натиск империалистов. Уже пять месяцев с переменным успехом шла война с буржуазно-помещичьей Польшей. С юга, из Северной Таврии, продолжала угрожать стране белогвардейская армия Врангеля. Советскому народу приходилось напрягать все силы, чтобы выдержать удары врагов, отстоять свою свободу и независимость, свое право строить новую жизнь. Недоставало самого необходимого. На счету был каждый кусок хлеба, каждый патрон. Между тем и польская армия, и врангелевцы щедро снабжались империалистами, имели в изобилии все для войны.

Партия вела колоссальную работу по строительству и укреплению Красной Армии. ЦК партии, Владимир Ильич Ленин с неослабным вниманием следили за развитием всех родов войск. Помимо пехотных, артиллерийских создавались инженерные части, формировались бронепоезда, военные флотилии, готовились летчики.

Предметом особой заботы партии была конница. Еще год назад ЦК РКП(б) обратился к партийным организациям с призывом: «Помогайте строить кавалерийские части! Извлекайте всех коммунистов-кавалеристов, создавайте из них ячейки для советской кавалерии!..»¹

Соединения 1-й Конной армии, передав часть своих боеприпасов 12-й армии Западного фронта, сосредото-

---

¹ «Известия ЦК РКП(б)», 30 сентября 1919 года, № 6.

лись в районе Бердичева. Мы выполняли директиву Главкома Красной Армии С. С. Каменева, которая гласила, что 26 сентября 1920 года 1-я Конная армия переходит в резерв Главкома и в его непосредственное подчинение. «...Имея в виду использовать всю силу грозной Конной армии для окончательной ликвидации Врангеля, рассчитываю, что она в полной мере оправдывает надежды, возлагаемые на нее Рабоче-Крестьянской Республикой...»¹

На польском фронте временно оставалась лишь 6-я кавдивизия. Ее предполагалось перебросить потом по железной дороге. Узнав об этом, начдив И. Р. Апанасенко сетовал:

— Товарищ командарм, на кого вы меня покидаете? Я ж сердцем прирос к Первой Конной. К чему отрывать мою дивизию от всей армии?

Я разделял мнение Апанасенко, но сказал:

— Не паникуй, Иосиф Родионович. Раз есть приказ — его надо выполнять. Но буду просить Главкома, чтобы пересмотрел свое решение.

На другой день, посоветовавшись с членами Реввоенсовета Конармии, я послал Главкому в Москву телеграмму № 1430/оп, в которой, в частности, писал:

«Для успешного выполнения задания необходимо 6-ю кавалерийскую дивизию также вывести из боя и отправить вместе с армией. Последующая переброска по железной дороге приведет ее в полную негодность»².

— Если сам Главком не решит этот вопрос, — сказал мне Ворошилов, — придется телеграфировать тогда Сталину.

— Сергей Сергеевич Каменев пойдет нам навстречу, ибо 6-я кавдивизия крайне необходима на врангелевском фронте.

И я не ошибся — наша просьба была удовлетворена. 30 сентября 6-я кавдивизия также двинулась по установленному для нас маршруту. Кроме того, по приказу Главкома из его резерва к нам направлялись четыре кавалерийских полка, которые должны были влиться в армию во время марша.

€

¹ Директивы Главного Командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969, док. № 771, стр. 758.

² ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 979, л. 287.

Конечно, в длительных и тяжелых боях с белополяками мы понесли потери, но и после этого 1-я Конная оставалась крупной боевой единицей. По состоянию на 2 октября 1920 года у нас было комсостава 1577 человек, бойцов (сабель) — 13967, штыков — 2621¹, лошадей боевого состава — 18087, лошадей строевых — 16396, орудий — 58, пулеметов — 259. Кроме того, в состав армии входили 3 бронепоезда, 1 бронелетучка, 3 автобронепоезда и 3 авиационных отряда — 20 самолетов.

Заботу о 1-й Конной со стороны Центрального Комитета партии, лично В. И. Ленина мы ощущали постоянно. Назначенный в мае 1920 года членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта И. В. Сталин имел специальное поручение Политбюро ЦК — принять все необходимые меры для повышения боеспособности 1-й Конной.

1-я Конная армия особенно укреплялась коммунистами, число которых утроилось. Партийные ячейки были во всех эскадронах и даже во взводах. Наши потери своевременно возмещались. Так, в сентябре к нам прибыло 400 политработников. Причем почти все они знали кавалерийское дело.

Еще до выхода в район Бердичева мы возбудили ходатайство перед Реввоенсоветом Республики о посылке на Дон и Кубань делегатов для вербовки среди казачества добровольцев в Конную армию. Нам разрешили это сделать. Реввоенсовет разработал специальное обращение к крестьянам и трудовым казакам Дона и Кубани, в котором рассказывалось о тяжелой обстановке, какая сложилась в стране в связи с выступлением Врангеля. Мы писали о том, что белогвардейцы вновь наседают на Советскую Республику. Бароны, помещики, паны снова занесли меч над нашей головой. Но красные конники будут и впредь бесстрашно сражаться с лютым врагом. Мы, как и раньше, твердо уверены в нашей полной и окончательной победе.

«Но, товарищи, облегчите и вы нашу победу, — говорилось в обращении. — Помогите нам последний раз ударить белогвардейцев так, чтобы они больше не встали. Придите на помощь красному фронту, придите на помощь вашим братьям, вашим сынам. Помните, что

---

¹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 979, л. 373.

только единением красного фронта и тыла мы добьемся победы! Помните, что красные бойцы, уставшие в боях, нуждаются в вашей самой живой помощи.

Дайте Красной Армии хлеба, дайте фуража! Шлите ваших сынов и братьев! Шлите новых и новых добровольцев!..»¹

Реввоенсовет армии, все мы заботились о том, чтобы боеспособность 1-й Конной не снижалась ни на один день. С этой целью в армии широко была развернута партийно-политическая работа. Мы провели ряд занятий с командным и политическим составом по изучению тактики и техники противника. На этих занятиях, как правило, выступали опытные командиры, хорошо знавшие структуру и состав войск Врангеля. На тактических играх учили младших командиров правилам ведения боя с превосходящими силами противника. Разумеется, еще и еще раз анализировались те боевые операции, которые мы успешно провели против Деникина и белополяков.

Кропотливо работали и с прибывавшим пополнением. Реввоенсовет армии обязал начдивов добиться того, чтобы к прибытию в район Каховки все молодые конники отлично овладели своим оружием. Бывалые, особо отличившиеся в боях бойцы рассказывали молодым воинам о славных боевых традициях красных конников, об их верности революции и Советской власти.

Мы сами — К. Е. Ворошилов, С. К. Минин и я — во время похода, привалов и на дневках беседовали с бойцами, призывали их быть смелыми и мужественными. В беседах конармейцы спрашивали нас обо всем, что их интересовало, рассказывали о своих нуждах, о письмах, которые они получали от родных, делились своими заботами и мечтами о том, что будут делать после войны. Такие беседы, тесное общение командиров с бойцами, которые уже много месяцев не знают отдыха, переносят все тяготы суровой походной жизни, постоянно ведут упорную борьбу с врагами, приносили большую пользу — поднимали боевой дух конармейцев, укрепляли их веру в победу.

Реввоенсовет заботился и о том, чтобы на всем протяжении маршрута конармейцы были в курсе событий,

---

¹ ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 335, л. 57.

происходящих в стране и за рубежом, знали о действиях противника. С этой целью при политотделе Конной армии был создан телеграфно-информационный отдел — «Конарм РОСТА».

Целеустремленно работала в эти дни редакция газеты «Красный кавалерист». На ее страницах публиковались письма, статьи, другие материалы, в которых авторы-бойцы делились своими сокровенными думами, давали полезные советы, как лучше действовать в бою, во время атаки, как бить врага наверняка, как беречь оружие и т. д. Газета «Красный кавалерист» печаталась большим тиражом. Она широко распространялась не только среди конармейцев, но и среди местного населения и пользовалась большой популярностью. Те номера «Красного кавалериста», которые попадали в руки крестьян, зачитывались буквально до дыр.

Бойцы с интересом читали все материалы, в которых речь шла о предстоящих боях с Врангелем. Передовую статью «Мы должны раздавить барона» вырезали из газеты, читали и перечитывали, а затем бережно прятали в карман.

«Советская Республика снова переживает тяжелый момент,— говорилось в передовой.— На жизнь нашей Республики, на нашу жизнь покушаются паны и бароны.

Последние силы собрали белогвардейцы, все средства пустили в ход, чтобы еще раз попытаться растоптать нашу Советскую власть.

Три года ожесточенной борьбы с белогвардейцами. Через месяц мы уже будем праздновать третью годовщину Октябрьской революции, а враги все еще лезут. Из последнего, но лезут.

Паны срывают мир и прут на Советскую Республику.

Барон Врангель, по последним сведениям, уже забрался в Юзовский и Таганрогский районы.

Больше всего опасен сейчас для нас барон Врангель. У него определенное желание захватить железнодорожные узлы, от которых идут железнодорожные пути на Кавказ.

Покушаясь на Донецкий бассейн, а затем на Ростов—Таганрог, барон хочет не только лишить нас донецкого угля, он хочет лишить нас и нефти.

Лишить нас угля, лишить нефти, захватить весь ук-

раинский, а если бы удалось — и кубанский хлеб — вот прямая задача Врангеля.

Не дать ему хорошего отпора, не раздавить эту гадину — значит нанести смертельный удар нашей хозяйственно-промышленной жизни, значит затруднять борьбу с польскими панами.

Барон Врангель должен погибнуть от красного меча, банды крымского барона должны быть разгромлены.

Мы должны еще раз, и в последний раз, показать баронам свою мощь, показать свою силу.

Своей дисциплиной, организованностью, проникнутые единым желанием закрепить завоевания революции, мы победим»¹.

Реввоенсовет контролировал работу редакции, помогал ей. Однажды мы обратили внимание на то, что газета почему-то не опубликовала на своих страницах ряд важнейших постановлений Реввоенсовета. Я попросил редактора газеты объяснить, чем это вызвано. Он удивился моему вопросу.

— Товарищ командарм, постановлений, о которых идет речь, мы не получали.

— Как это — не получали? — в свою очередь удивился я.

Несколько минут спустя я уже разговаривал по этому вопросу с Климентом Ефремовичем.

— Ведь что выходит,— говорю ему,— Реввоенсовет армии обсуждает вопросы, которые касаются порой не только бойцов, но и гражданского населения, принимаются важные постановления, а широкие массы, те, кому их надо выполнять, ничего не знают о них.

Климент Ефремович выслушал меня и сказал:

— Сейчас же передам секретарю Реввоенсовета, чтобы он регулярно информировал редакцию о важнейших решениях командования, какие можно и нужно оглашать в открытой печати.

— И пусть редакция не только публикует важнейшие документы, но и постоянно разъясняет их,— добавил я.

До предела загруженные подготовкой к переходу, мы нашли возможность и время одно из заседаний Реввоен-

---

¹ О героизме бойцов Первой Конной армии. Ростиздат, 1939, стр. 39.

совета — 4.10.20 — специально посвятить работе газеты. В постановлении¹ говорилось:

1. Все важнейшие постановления Реввоенсовета посылать в редакцию газеты «Красный кавалерист».

2. Всем учреждениям армии, а также дивизиям, полкам и батареям обязательно подшивать и хранить получаемые очередные номера газеты «Красный кавалерист».

Зампоарму тов. Вардину позаботиться о регулярной высылке газет.

Нам предстояло за короткий срок — 20—25 суток — совершить 700-километровый марш из Бердичева в район Берислава. Надо было осмотреть лошадей, подготовить их к длительному переходу: подковать, отремонтировать седла, сбрую. Требовалось заготовить продовольствие, фураж, пополнить боеприпасы, привести в полный порядок обозы. Надо было одеть и обуть самих конников: наступали холода, а обмундирования не хватало. Словом, забот хватало.

К тому же районы, которыми предстояло двигаться Конной армии, кишели агентами врага — белогвардейцами, дезертирами, просто бандитами из состава различных шаек, каких тогда было много на Украине. Они разрушали железные дороги, грабили эшелоны с продовольствием и другими грузами, направлявшимися Красной Армии, убивали коммунистов, руководителей местных Советов, активистов. Приходилось быть предельно бдительными.

Реввоенсовет требовал от начдивов, а через них от всех бойцов и командиров 1-й Конной во время передвижения сохранять в строгой тайне маршрут, цели перехода, вести непрерывную разведку, иметь постоянное боевое охранение, надежно прикрывать обозы.

Перед выступлением Реввоенсовет армии разработал и разослал командирам и комиссарам соединений инструкцию о мерах обеспечения марша и о борьбе с бандитами. В инструкции, в частности, говорилось:

«...дабы не задерживать движения Конной армии в назначенный ей район, приказываю с корнем вырвать бандитские элементы в полосе движения дивизий, выделить по одному полку из каждой дивизии и, если обста-

---

¹ ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 94, л. 14.

новка потребует, оставлять эти полки на два-три дня у себя в тылу для окончательной ликвидации бандитов. Выделяемые полки должны иметь большой кадр политработников»¹.

Важно было также оградить армию от проникновения в ее ряды агентов врага.

Переход целой армии на другой фронт не скроешь. Врангель, конечно, ожидал, что Красная Армия в ближайшее время развернет против его войск решительное наступление. Сила 1-й Конной — ее высокая маневренность и боеспособность — ему известна, и поэтому он стремится узнать, куда она будет направлена, с какими задачами.

Начальник особого отдела армии Г. А. Трушин на одном из заседаний Реввоенсовета доложил, что Врангель издал специальный приказ о засылке в нашу армию своих агентов.

Георгий Андреевич Трушин был хорошим, энергичным начальником. Прямой и честный, он обладал изумительной работоспособностью. Мог не спать несколько ночей подряд, и это нисколько не отражалось на нем. Мы высоко ценили Трушина, доверяли ему самые ответственные дела.

Перед маршем особому отделу удалось выявить несколько белогвардейских агентов, но чувствовалось, что в эскадронах еще оставались вражеские элементы, чуждые нам люди, которые стремились подорвать боеспособность армии, опорочить ее в глазах местного населения. Они распускали злонамеренные слухи, натравливали конармейцев на местных жителей, а тех — на конармейцев.

Климент Ефремович на этом заседании Реввоенсовета обратил внимание присутствовавших на необходимость всемерного усиления партийно-политической работы среди местного населения. Он предложил выделить в полках наиболее знающих коммунистов и поручить им перед походом выступить с докладами.

— Уверен, что это даст хороший результат, — сказал Ворошилов.

Я поддержал предложение Климента Ефремовича.

Начполештарм С. А. Зотов сообщил о мерах, какие

---

¹ ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 89, л. 6.

надо предпринять, чтобы обеспечить движение колонн не только днем, но и ночью, подчеркнув, как важно в походе держать оружие в полной боевой готовности и сохранности.

2

Ширина полосы, по которой следовала армия, составляла 120—150 километров. Маршрут нам был дан лишь на половину пути. Куда двигаться дальше, Главком обещал указать в Белой Церкви. В районе Кременчуга после прибытия туда соединений и частей армии предполагалось развернуть наш штаб.

Темпы движения намечались высокие, и поэтому особая ответственность ложилась на разведчиков. Разведотдел армии возглавлял Иван Сергеевич Стройло, бывший до этого начальником штаба 6-й кавдивизии. Человек высокой партийной принципиальности, он добросовестно выполнял свои обязанности.

Знал я его давно. Родом он был из Черниговской губернии. Отец его—потомок запорожских казаков, мать тоже казачка. В 1915 году Иван Сергеевич окончил учительскую семинарию. Вскоре его призвали в царскую армию. Стал прапорщиком, воевал на Юго-Западном фронте, которым командовал в то время генерал А. А. Брусилов. Великая Октябрьская социалистическая революция застала Стройло в Омске, куда он попал после ранения. И Иван Сергеевич сразу же перешел на сторону большевиков. Потом работал в подпольной большевистской организации на Дону, в отряде председателя Донского советского правительства Ф. Г. Подтелкова, откуда был послан на курсы политработников в Ростов. Но окончить курсы Ивану Сергеевичу не пришлось. Отряд курсантов ушел на фронт. Когда прибыли в станицу Великокняжескую, там состоялся митинг, где я и познакомился с Иваном Сергеевичем Стройло.

На марше Стройло умело организовал разведку. Подходя к тому или иному месту, где располагались бандиты, мы уже имели почти все данные о них. Разведчики армии работали в самых отдаленных районах, особенно там, где орудовали разного рода враги. Это давало нам возможность правильно оценивать обстановку в полосе движения армии и своевременно принимать меры для обезвреживания вражеских лазутчиков.

Хорошо помогали нам украинские трудовые селяне, хотя бандиты грозили им расправой. На память приходит такой эпизод. Двое суток мы продвигались без передышки. Две ночи подряд я не спал и страшно устал. А тут еще погода: снег попеременно с дождем, слякоть. Часа в два ночи мы остановились на ночевку в одном из сел Александровского района. Послал моего ординарца Григория Гурова разведать, где можно отдохнуть, а сам соскочил с коня. Вскоре Гуров вырós из темноты.

— Товарищ командарм, шагах в ста отсюда есть хатенка. Мужика убили бандиты, но хозяйка вроде добрая...

— Ладно, пойдем...

Неказистая хата. Пошатнувшийся забор, сарайчик, за ним — скирда соломы. Постучали в дверь.

— Кто тут? — раздался женский голос.

— Свои, хозяйюшка...

— Кто свои? Красные?

— Они самые, красные.

Грохнул железный засов, и мы вошли в хату. Хозяйка, лет тридцати пяти, высокая, с черными, как у цыганки, глазами, пригласила присесть. Окинул взглядом комнату. Потолок закоптелый (на столе горел керосиновый каганец), большая русская печь. Дарья (так звали хозяйку) стала собирать ужин: принесла кувшин молока, кусок сала, достала ломоть черного хлеба, положила все это на стол и тихо сказала:

— Ешьте, люди добрые. Небось озябли, так я печку затоплю. У меня же хворост есть...— Она вдруг приложила к глазам конец платка: — Тяжко без мужа, да что поделаешь?.. Вы уж не сердитесь на меня... Одна вот теперь с детьми...

И тут слезы ручьем хлынули из ее глаз. Прерывая рыдания, женщина рассказала, как все было. За два дня до вступления частей 1-й Конной армии в этот район в село нагрянула банда Голого. У крестьян забирали скот, хлеб, другое продовольствие. У Дарьи бандит повел со двора корову. Муж Дарьи бросился к нему.

— Ведь с голоду помрем! — крикнул он. — Четверо детишек. Как им без молока?

Бандит ударил Павла плетью по спине.

— Ты, сволочь большевистская, для нас коровы жалешь? Красным ее бережешь?

И Павла расстреляли...

Немного успокоившись, Дарья сообщила нам, что в селе орудует немало бандитов. Маскируются под местных жителей. Среди них есть и белые офицеры. Тут неподалеку они по ночам собираются...

— Это где же? — спросил я.

Она вышла на крыльцо и показала в сторону одного дома, в окне которого горел огонек.

— Бачите дом?

— Тот, что с верандой?

— Ага. Там и збираются бандиты. Сам атаман Голый бувае. Токо обо мне ни слова, а то зарубят...

Так рядовая крестьянка помогла нам выявить немало агентов Врангеля, узнать о дислокации банды Голого и позже разгромить ее.

29 сентября в штаб Конармии поступила директива командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского. В ней сообщалось о наметившемся соглашении с предводителем так называемой повстанческой армии Махно, о признании им Советской власти, о его готовности подчиниться фронтовому командованию и совместно с Красной Армией выступить против Врангеля. В директиве предлагалось боевые действия против махновцев приостановить, но все же быть настороже.

Последние слова «...все же быть настороже» заставили меня улыбнуться. Значит, и М. Н. Тухачевский не был уверен, что Махно до конца признал Советскую власть, что совместно с красными бойцами будет активно сражаться против врангелевцев. Что касается меня, то я несколько не верил Махно и был убежден, что рано или поздно он нарушит соглашение.

Мы уже имели дело с Махно. Злейший враг Советской власти, он не раз наносил удары в спину Красной Армии. В 1920 году по пути на польский фронт бойцам 1-й Конной пришлось вести бои с бандами Махно. Несмотря на тяжелое положение на фронте, командование вынуждено было выделять отряды регулярных войск для действий против махновских банд.

3

Нашему переходу в район Берислава предшествовал ряд событий на юге страны.

К началу 1920 года Красная Армия завершила основные операции по разгрому Деникина. Остатки деникинских войск отступали в различных направлениях. Группа генерала Слащева отходила в Крым. Эта группа состояла из частей 13-й и 34-й пехотных дивизий 2-го армейского корпуса, Особой кавалерийской бригады, Чеченской дивизии, 9-й кавалерийской дивизии.

Наша 13-я армия Юго-Западного фронта, действовавшая на крымском направлении, имела все возможности отрезать группе Слащева путь в Крым, окружить и уничтожить ее, но не сумела сделать этого. Предпринятые в январе попытки прорваться через Перекоп в Крым и добить там Слащева не принесли успеха. Крым остался в руках белогвардейцев и интервентов.

В. И. Ленин 15 марта 1920 года писал в Реввоенсовет Республики:

«Нужно постановление РВС:

обратить сугубое внимание на явно *допущенную* ошибку с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил);

— все усилия на исправление ошибки...

— в частности, приготовить морские средства (мины, подводные лодки и т. п.) и возможное наступление с Тамани на Крым...

Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом *необходим немедленно!*¹

Несколько позднее в Крым переправились уцелевшие деникинские войска с Северного Кавказа (35—40 тысяч вместе с тылами).

Так образовался Крымский фронт. Империалисты, не расстававшиеся с мечтой вооруженным путем свергнуть в России Советскую власть, принялись всячески укреплять его.

Деникина, не оправдавшего доверия интервентов, заставили уйти в отставку. Характерно его заявление об этом:

«Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбой.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание не потеряна, но внутренняя связь

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 161—162.

между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю военному совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование»¹.

Деникина заменил барон Врангель. Небезынтересно напомнить, как это происходило.

«20 марта², накануне предполагавшегося моего отъезда из Константинополя в Сербию,— пишет Врангель,— верховный комиссар Англии адмирал де-Робек пригласил меня завтракать на флагманском корабле «Аякс». Я выходил из посольства, когда мне вручили принятую английской радиостанцией телеграмму из Феодосии от генерала Хольмана³. Последний сообщал, что генерал Деникин решил сложить с себя звание главнокомандующего и назначил военный совет для выбора себе преемника. На этот совет генерал Деникин просил прибыть меня. Телеграмма показалась мне весьма странной. На службе я уже более не состоял, и приглашение генералом Деникиным меня, только что оставившего пределы армии по его требованию, трудно было объяснить. Обстоятельства, при которых генерал Деникин принял это решение, стали мне известны лишь впоследствии...

Завтрак кончился, адмирал де-Робек просил меня и генерала Мильна⁴ пройти к нему в кабинет.

— Сегодня я отправил вам принятую моей радиостанцией телеграмму генерала Хольмана,— сказал он.— Если вам угодно будет отправиться в Крым, я готов предоставить в ваше распоряжение судно. Я знаю положение в Крыму и не сомневаюсь, что тот совет, который решил собрать генерал Деникин для указания ему преемника, остановит свой выбор на вас...»

Назначение Врангеля главой белой армии в Крыму было предложено интервентами, и, конечно, совет «избрал» его!

Империалисты помогли «черному барону» реорганизовать и заново оснастить армию, численность которой вскоре перевалила за 100 тысяч человек. Они щедро

---

¹ Врангель. Белое дело. Берлин. 1928. (В последующем цитируется по этому же изданию.)

² Все даты даны по старому стилю.

³ Представитель Англии при генерале Деникине.

⁴ Командующий английским ~~окупационным~~ корпусом.

снабжали Врангеля самолетами, танками, артиллерией, боеприпасами. В Крым насильно отправлялись русские военнопленные, оставшиеся после мировой войны в Германии и Австро-Венгрии. В портах Крыма находились корабли интервентов, в том числе американские миноносцы. Опытные разведчики империалистов помогали Врангелю развернуть шпионско-диверсионную сеть. Отпускались крупные средства на содержание армии. Так, английское правительство передало Врангелю 14,5 миллиона фунтов стерлингов из кредитов, предназначенных ранее для Деникина. При штабе Врангеля находились военные и дипломатические миссии Англии, Франции, Америки, Японии.

Помощь интервентов Врангелю возрастала по мере того, как он активизировал действия своих войск. В августе американцы доставили в Крым 436 пулеметов, около 2,5 миллиона патронов, 3130 винтовок и разное военное снаряжение. В сентябре Врангель вел переговоры с США о займе в 50 миллионов долларов. На эту сумму США должны были поставить ему вооружение, уголь, нефть. В октябре — ноябре американцы доставили в Крым разных материалов больше чем на 1,6 миллиона франков. Французское правительство спешно отправляло туда крупные военно-морские силы. Несколько тысяч французских офицеров «изъявили» желание поехать на помощь Врангелю. Правительство Латвии пропустило через Ригу в Крым 200 офицеров-белогвардейцев.

«2 мая,— писал в своих мемуарах Врангель,— прибыл в Севастополь командующий английским оккупационным корпусом генерал Мильн. Он посетил меня. Это посещение, по его словам, имело специальной целью ознакомиться с той громадной работой по реорганизации армии и устройству тыла в Крыму, о коей он был осведомлен через своих агентов. Личные впечатления его в Севастополе, как он говорил, это полностью подтвердили.

Он просил меня указать, не испытываю ли я нужду в каких-либо предметах боевого снаряжения, и выразил полную готовность сделать все от него зависящее для ее удовлетворения. Я поблагодарил за предложение и сказал, что в настоящую минуту особенно нуждаюсь в бензине для боевых машин и рельсах для проведения

ветки к Бешуйским копиям, разработка коих облегчит острую нужду в угле. Генерал Мильн отдал тут же распоряжение об отпуске бензина из Батума и предложил воспользоваться для получения рельсов старым русским имуществом, оставшимся в Трапезунде. На замечание мое, что в Трапезунде могут встретиться затруднения со стороны турок, генерал Мильн предложил послать с нашим транспортом английский броненосец для прикрытия погрузки».

После реорганизации в состав армии Врангеля вошли 4 армейских корпуса (1-й — генерала Кутепова, 2-й — генерала Слащева, Донской — генерала Абрамова и сводный, смешанного состава, — генерала Писарева) и 2 кавдивизии. Эти дивизии в июне были сведены в отдельный конный корпус. Командовал им генерал Барбович. Армия имела 108 орудий, 630 пулеметов, 24 бронеавтомобиля, 12 танков, 4 бронепоезда, 24 самолета. К осени число самолетов возросло до нескольких десятков. Врангель обладал довольно крупными военно-морскими силами. Интервенты захватили на Черном море и передали Врангелю линкор («Воля»), 3 крейсера, 10—11 миноносцев, 8 канонерских лодок, 4 подводные лодки, минные заградители, тральщики и много других судов. Всего в Черном море находилось вместе с флотом интервентов 8 линейных кораблей, 17 крейсеров, 47 эсминцев и миноносцев, 4 подводные лодки и много других кораблей и судов.

Чтобы создать себе прочный тыл, «черный барон», конечно с согласия интервентов, стал проводить определенную политику. Он возвращал помещикам все отнятое у них революцией, начал продавать землю наиболее зажиточным крестьянам с рассрочкой на ряд лет. «Земельные законы» Врангеля предусматривали средний размер крестьянского хозяйства в 100—150 десятин земли. Это была явная ставка на кулачество. Рядовое же крестьянство, беднота, крымские рабочие нещадно эксплуатировались, что вызывало массовое недовольство населения. В Крыму разрасталось партизанское движение.

Войскам Врангеля в Крыму противостояла наша 13-я армия под командованием И. П. Уборевича, входившая в состав Юго-Западного фронта.

Следуя директиве фронта, армия готовилась ворвать-

ся в Крым, для чего ее силы были разделены на две группы — Перекопскую и Сивашскую. Но одновременно готовился к прорыву из Крыма в Северную Таврию, на оперативный простор, в богатые хлебом районы, и Врангель.

В апреле Перекопская группа начала наступление. Ожесточенные бои продолжались несколько дней. Наступление успеха не имело. Наши войска, понеся потери, отошли на исходные позиции.

13-я армия начала готовить новое наступление. Но его пришлось отложить. Для Юго-Западного фронта решающим в тот момент стало киевское направление (против белополяков).

В июне Врангель взял инициативу в свои руки и начал наступление. 1-й армейский корпус Кутепова наносил удар по Перекопской группе 13-й армии, сводный корпус Писарева — по Сивашской, на Сальково, 2-й армейский корпус Слащева высадился десантом в районе Кирилловки, захватил Мелитополь и перерезал важную для 13-й армии железную дорогу на Синельниково.

Наши войска упорно сопротивлялись, предпринимали ожесточенные контратаки. В одном из боев в ночь на 11 июня кавалеристы 3-й бригады 2-й кавдивизии, разбив наголову белогвардейскую часть в селе Ново-Михайловка, захватили в плен командира Чеченской дивизии генерала Ревшина. О нем И. В. Сталин писал Владимиру Ильичу:

«Взятый нами в плен десятого июня на Крымском фронте боевой генерал Ревшин в моем присутствии заявил: а) обмундирование, орудия, винтовки, танки, шашки врангелевские войска получают главным образом от англичан, а потом от французов; б) с моря обслуживают Врангеля английские крупные суда и французские мелкие...»¹.

О том, сколь ожесточенно проходили бои, свидетельствовал и сам Врангель в своих мемуарах:

«Танки и броневики двигались впереди наших частей, уничтожая проволочные заграждения. Красные оказывали отчаянное сопротивление. Особенно упорно дрались латышские части. Красные артиллеристы, установив орудия между домами в деревнях Преображенка

---

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 335.

и Первоконстантиновка, в упор расстреливали танки. Несколько танков было разбито...»

Однако враг обладал большим превосходством в силах. Наши войска отошли по всему фронту и заняли оборону на линии по правому берегу Днепра от Херсона до Никополя, на левобережье — от Васильевки, Большого Токмака до Бердянска на юго-восток.

В конце июля противник начал новое наступление, основная цель которого заключалась в том, чтобы выйти в богатые сельскохозяйственные и промышленные районы Донбасса и Дона. Помимо 13-й армии наступление врага отражала сформированная в июле 2-я Конная армия. Командовал армией О. И. Городовиков, членами Реввоенсовета были назначены Е. А. Шаденко и К. А. Макошин. Бои продолжались до 3 августа. На наступление врангелевских войск командование Юго-Западного фронта ответило решительным контрударом. Боевые действия отличались высокой маневренностью. То и дело вспыхивали встречные бои. Наиболее активно они велись в районе Орехова. Сам Орехов несколько раз переходил из рук в руки. Противнику все же удалось овладеть им. Отсюда он повел наступление на Александровск и занял его. Но на этом успехи Врангеля кончились. В ряде мест под ударами 13-й армии и 2-й Конной ослабленные в боях белые войска начали отступать.

В августе командование Юго-Западного фронта предприняло контрнаступление против Врангеля. Боевые действия велись с 7 августа по 5 сентября. Ночью 7 августа части 13-й армии, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, в ряде пунктов (Алешки, Корсунский Монастырь, Каховка) форсировали Днепр. Образовался ставший историческим каховский плацдарм на левобережье.

Одновременно повели наступление войска левого фланга — части 13-й армии и 2-я Конная. Хотя наступление здесь развивалось медленно, все же к концу августа наши части подошли вплотную к Мелитополю.

Обеспокоенный этим успехом Красной Армии, Врангель предпринял ряд попыток отбросить наши войска в районе Каховки за Днепр, но понес большие потери и успеха не добился.

В отражении вражеского наступления, в создании каховского плацдарма большую помощь сухопутным частям оказывали моряки созданной всего несколько месяцев назад (в марте 1920 года) для действий в северо-западной части Черного моря и на Нижнем Днепре специальной флотилии.

Во время летнего наступления Врангель пытался ввести в Буг, Днепровско-Бугский лиман и Днепр боевые корабли. Их появление здесь значительно ухудшило бы положение красных войск, осложнило обстановку. Но все эти попытки решительно и смело пресекались моряками. Врага встречал меткий огонь морской береговой артиллерии и плавучих батарей, с воздуха наносили удары гидросамолеты. Фарватеры, ведущие к лиману, прикрывались минными заграждениями.

Корабли флотилии, действуя на Нижнем Днепре, вели огонь по вражеским позициям, переправляли наши войска через Днепр, высаживали в тыл врангелевцев десанты. За лето и осень 1920 года в десантах было высажено до 5000 бойцов.

Однако Врангель не отказался от замысла войти в Донбасс, форсировать Днепр в районе Александровска и юго-западнее Никополя. Была сделана попытка захватить Кубань. С этой целью в августе на Кубани высадились две крупные десантные группы: генерала Улагая — у поселка Ахтарский, генерала Харламова — на Таманском полуострове. Третий десантный отряд — генерала Черепова — высадился северо-западнее Новоросийска.

В сентябре Врангель предпринял в Северной Таврии новое наступление и добился крупного успеха. Отбросив в Донбасс 13-ю армию, он занял Синельниково, Волновоху, Мариуполь.

Врангель стремился координировать свои действия с польским командованием. В июне в Польшу ездил военный представитель Врангеля генерал Махров. Империалисты, щедро поставляя все необходимое польской армии, в то же время усилили помощь Врангелю. Из США в Крым непрерывным потоком шло оружие, боеприпасы, снаряжение. Английский премьер-министр Ллойд Джордж заявил, что в связи с неудачами польской армии военная интервенция против Советской Рос-

сии может стать необходимостью и что английское правительство возьмет на себя снабжение армии Врангеля¹.

11 августа французское правительство опубликовало следующее заявление: «Принимая во внимание военные успехи и усиление правительства генерала Врангеля, а также его заверение относительно... верности прежним обязательствам России, французское правительство решило признать правительство генерала Врангеля фактическим правительством Южной России...»²

Официальное признание Врангеля послужило «юридическим обоснованием» последующих шагов. В Крым прибыла французская военно-дипломатическая миссия. Для ее «охраны» в Черное море вошли французские военные корабли, в том числе флотилия миноносцев.

Из-за вторжения Врангеля в Северную Таврию ухудшилось положение страны. Снова в разных районах начали поднимать голову недобитые белогвардейцы. Усиливалась активность бандитских шайк. На Кубани к середине августа насчитывалось 27 банд общей численностью свыше 13 тысяч штыков и сабель. Возникла и оформилась в течение июля так называемая «армия возрождения России» генерала Фостикова, представлявшая для нас серьезную опасность — ее численность составляла 5,5 тысячи штыков и сабель с десятью орудиями и десятками пулеметов. Монархист Фостиков решительно встал на сторону Врангеля, «черный барон» установил с ним связь.

Врангель становился главной опасностью. 10 июля Центральный Комитет РКП(б) обратился с письмом ко всем партийным организациям.

«Белогвардейские банды мятежника генерала Врангеля продолжают держаться на юге России,— говорилось в обращении.— В самый тяжелый момент борьбы русских и украинских рабочих и крестьян с польской шляхтой генерал Врангель ввел свои войска в самые плодородные уезды Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его движение уже нанесло неисчислимый вред Советской Республике. Каждый, даже временный и незначительный, успех врангелевских мятежников гро-

---

¹ См. История гражданской войны в СССР. Т. 5. М., Госполитиздат, 1960, стр. 185.

² Газета «Таймс», август 1920 г.

зит еще большими бедами. Хлеб, уголь и нефть, предназначенные для спасения рабочих и крестьян России, находятся под угрозой. Донецкий бассейн, Дон и Кубань, кровью лучших сынов трудового народа освобожденные от Деникина, находятся под ударами Врангеля. В глубоком тылу Красной Армии, победоносно продвигающейся на Западном фронте, белогвардейские бандиты производят разрушения и грозят сделать ближайшую зиму не менее тяжелой, чем зима 1919 г.

Победа над Польшей не будет действительно победою, если Врангель не будет разгромлен: наступление Врангеля есть только часть польского наступления.

На Крымском фронте мы теперь расплачиваемся только за то, что зимой не добились остатки деникинских белогвардейцев. Голод, разруха транспорта, нехватка топлива будут длиться дольше, потому что в свое время не было проявлено достаточно энергии, настойчивости и решительности в доведении до конца уничтожения южной контрреволюции.

Далее медлить нельзя! Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Деникин!

Величайшим преступлением каждого коммуниста и каждой рабочей организации будет, если они не употребят всех сил, чтобы немедленно прекратить продвижение Врангеля и уничтожить крымское белогвардейское гнездо.

Партия должна понять, что если Врангелю удалось его первые шаги, то только исключительно потому, что партия не обратила на крымский гнойник достаточно внимания и не срезала его единым и решительным ударом.

Центральный Комитет призывает все партийные организации и всех членов партии, все профессиональные союзы и все вообще рабочие организации поставить на очередь дня и немедленно принять меры к усилению борьбы с Врангелем. В ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте! Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на юг. Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем. Последний оплот генеральской контрреволюции должен быть уничтожен!

Над Крымом должен взвиться красный флаг рабочей революции!

К оружию, товарищи!...»¹

По личному указанию В. И. Ленина фронт усиливался новыми частями и техническими средствами.

11 июля И. В. Сталин обратился к В. И. Ленину со следующим письмом:

«Председателю Совета Труда и Оборона товарищу Ленину.

На совещании в составе Главкома, начальника Полевого штаба и запред. Реввоенсовета Республики, созванном мною на днях, Главком обещал перебросить на усиление Крымского фронта ряд воинских частей и технических единиц, перечень которых представляю Вам согласно Вашего устного предложения.

- 1) 52-я стрелковая дивизия;
- 2) 1-я стрелковая дивизия;
- 3) 23-я стрелковая дивизия;
- 4) 9-я стрелковая дивизия;
- 5) 9-я кавдивизия;
- 6) Добровольческая сибирская бригада;
- 7) бригада курсантов;
- 8) 1-я бригада Гольберга;
- 9) 2-я бригада Гольберга;
- 10) кавполк Гольберга;
- 11) четыре марш-эскадрона Гольберга;
- 12) девять марш-батальонов (окружных);
- 13) десять тысяч пополнений (до 15 июля);
- 14) кроме трех отправленных бронепоездов еще семь бронепоездов;
- 15) танки, число коих не установлено;
- 16) один истребительный авиационный полк в составе трех истребительных авиационных эскадрилий;
- 17) два разведывательного авиационного отряда (двухместные самолеты)».

Это письмо И. В. Сталина В. И. Ленин переслал Э. М. Склянскому с резолюцией: «Прошу вернуть мне это с Вашими пометками, что уже выполнено, что когда именно выполняется»².

В Северную Таврию были направлены с Кавказского фронта 2-я Донская и 9-я стрелковые дивизии, 5-я и

¹ «Правда», 10 июля 1920 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 237.

7-я кавдивизии. Из Сибири прибыла 30-я стрелковая. С Туркестанского фронта — интернациональная кавалерийская бригада и несколько стрелковых полков. Фронт пополнялся авиацией (33 самолета). На Нижнем Днепре была создана речная флотилия, на Азовском море — Азовская военная флотилия.

2 августа 1920 года Политбюро ЦК РКП(б), обсудив положение, сложившееся на юге страны в связи с успехами Врангеля и восстаниями на Кубани, приняло решение выделить врангелевский фронт в особый фронт. В тот же день В. И. Ленин направил телеграмму И. В. Сталину, в которой обратил его внимание как члена ЦК и члена Реввоенсовета фронта на громадную опасность Врангеля. Владимир Ильич, в частности, писал:

«Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей. Я Вас прошу очень внимательно обсудить положение с Врангелем и дать Ваше заключение. С Главкомом я условился, что он даст Вам больше патронов, подкреплений и аэропланов»¹.

В. И. Ленин всесторонне, глубоко ознакомился с обстановкой на фронтах, выяснил мнение военного командования, членов ЦК, и его запрос И. В. Сталину свидетельствовал о той осмотрительности, с какой Владимир Ильич подходил к решению вопроса о борьбе с Врангелем и уничтожении его войск. При этом Ленин никогда не горячился, но жестко требовал выполнения принятых Политбюро и ЦК партии решений.

Сталин подробно высказал свои соображения в связи с постановлением Политбюро от 2 августа. Их он доложил 4 августа телеграммой в адрес ЦК РКП(б).

«Надо полагать, — писал И. В. Сталин, — что речь идет не об объединении двух фронтов, их аппаратов и имущества и создании новых аппаратов Южфронта, а о передаче двенадцатой, Первой Конной и четырнадцатой армий Запфронту, что Реввоенсовет, аппарат и имущество Югзапфронта не разбиваются и не делятся, а

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 247.

остаются нетронутыми в целях их превращения или переименования в РВС и аппараты нового, Южного фронта, причем передаваемые Запфронту армии Югзапа будут обслуживаться РВС и штабом Запфронта в их нынешнем виде. Такая комбинация была бы более естественной и безболезненной, ибо она, во-первых, исключает ненужную трату сил по разделению или объединению фронтов, сформированию нового РВС фронта и по разбивке старых аппаратов, с другой стороны, дала бы возможность объединить все антипольские армии в единый Запфронт...»¹.

Из телеграммы И. В. Сталина далее следовало, что в состав нового Южного фронта помимо 13-й и 2-й Конной армий должна была войти 9-я армия Кавказского фронта.

Все эти соображения И. В. Сталина о проведении в жизнь Постановления ЦК от 2 августа были одобрены Реввоенсоветом Республики и рассмотрены 5 августа на Пленуме ЦК партии. Пленум принял решение: «Утвердить предложенный тов. Сталиным вариант, принимаемый РВСР»².

Таким образом, ЦК РКП(б) признал необходимым передать Запфронту 12, 14 и 1-ю Конную армии и тем самым объединить на заключительном этапе войны все войска, действовавшие против польских интервентов, в составе одного фронта. Это позволяло использовать их более целеустремленно для достижения успеха на главном, варшавском направлении. Своевременным было и решение о создании самостоятельного фронта против Врангеля.

21 сентября Реввоенсовет Республики образовал Южный фронт. В него вошли 6-я и 13-я армии, 2-я Конная армия, был предreshен вопрос о передаче вновь образованному фронту 1-й Конной. Включена она была в состав Южного фронта 23 октября.

По предложению В. И. Ленина Пленум ЦК РКП(б) рекомендовал командующим Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе. Членами Реввоенсовета фронта были утверждены С. И. Гусев и Бела Кун.

Вскоре мы получили первый приказ нового коман-

---

¹ История гражданской войны в СССР, т. 5, стр. 153.

² Там же.

дующего фронтом о его вступлении в должность. Он был подписан двойной фамилией — Фрунзе-Михайлов. Может, это тот самый Михайлов? Тогда мы встречались не раз. Познакомился с ним в Минске в 1917 году, где был председателем полкового комитета и заместителем председателя солдатского комитета Кавказской кавалерийской дивизии. Михайлов и еще один большевик, Александр Мясников, давали мне советы, как вести революционную работу среди солдат, связали меня с Минским городским комитетом партии, приглашали на заседания Минского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Я повседневно чувствовал их заботу о повышении моей политической сознательности. Они помогали мне глубже понять политику большевистской партии, разглядеть буржуазное нутро всех партий, враждебных большевикам. Работа под руководством Михайлова и Мясникова была для меня настоящей большевистской школой, хотя я в то время был беспартийным.

Климент Ефремович тоже, конечно, знал Михаила Васильевича, знал давно, но лишь по партийной кличке — Арсений.

4

27 сентября М. В. Фрунзе прибыл в Харьков, где находился штаб фронта, и в тот же день обратился к войскам с приказом, о котором я уже говорил. Этот приказ лишней раз свидетельствует о высоких душевных качествах М. В. Фрунзе как коммуниста и полководца.

«Вступая ныне в исполнение своих обязанностей,— писал М. В. Фрунзе,— с первой мыслью и первым словом я обращаюсь к вам, товарищи красноармейцы.

...Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, истрадававшаяся и изголодававшаяся, но по-прежнему крепкая духом сержанья Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.

...Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый

узел интриг и козней, при помощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение. Успехи Врангеля окрылили их надеждами и поддерживают бодрость в борьбе с надвинувшейся вплотную волною пролетарского движения в их собственных странах.

На нас, на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчеты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счета труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты; очередь за вами, товарищи.

...Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта.

...Победа армии труда, несмотря на все старания врагов, неизбежна. За работу, и смело вперед»¹.

28 сентября М. В. Фрунзе сообщил В. И. Ленину, что сформированы штаб и политуправление фронта, которые уже приступили к работе. 30 сентября политуправление по указанию М. В. Фрунзе предложило всем коммунистам фронта немедленно развернуть партийно-политическую, агитационную работу по подготовке к решительному контрнаступлению на врага. М. В. Фрунзе доложил В. И. Ленину обстановку на фронте, сообщил о тех мероприятиях, которые намечал провести для укрепления позиций наших войск. А обстановка в те дни на фронте была для нас крайне неблагоприятной.

3 октября, когда 1-я Конная находилась на марше в районе Екатеринославской губернии, Фрунзе докладывал В. И. Ленину:

«...от Александровска до Херсона противник пассивен, но занят подготовкой к развитию операций. На всем остальном фронте продолжает рядом сильных ударов громить 13-ю армию. Части армии надломлены предшествующими неудачами и, несмотря на значительные подкрепления, ударов врага не выдерживают.

Угроза Донбассейну, создавшаяся с прорывом за

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. I. М., Воениздат, 1957, стр. 347.

линию Волноваха⁴ — Мариуполь его значительных сил, временно была отпарирована ударом на Волноваху нашей группы, в основу которой легла задержанная в Донбассе 9-я дивизия. В настоящее время противник пытается разбить ее и тем окончательно развязать себе руки на всем левобережном участке. В случае удачи этого он, разгромив наш ближайший тыл, несомненно, попытается нанести удар и нашей правобережной группе, переправившись через Днепр где-нибудь в районе Александровска. Наша задача — во что бы то ни стало продержаться на левобережном участке и прикрыть Донбасс, не вводя в бой пока неготовой правобережной группы. Задача крайне трудная, ибо дух войск надломлен, среди масс идут разговоры об измене, свежих же резервов нет. Положение усугубляется дезорганизацией тыла. В самом Харькове у меня сейчас нет ни одной надежной части. Настроение запасных частей, почти совершенно раздетых и плохо питаемых, определенно скверное. Чувствую себя со штабом фронта окруженным враждебной стихией. Настроение можно переломить только крупным успехом на фронте. Думаю, что, несмотря на все это, до момента общего наступления выдержим, хотя ряд огорчительных неудач на нашу долю еще выпадет. Самым скверным считаю запоздание конницы Буденного, на что обращаю постоянно внимание главнокомандующего, и на возможность наступления распутицы к моменту предполагаемой общей операции»¹.

Положение действительно было серьезным, и мы прекрасно понимали волнения командующего Южным фронтом. Фрунзе, видимо, считал, что 1-я Конная могла бы продвигаться быстрее. Однако наше движение сковывала борьба с бандитизмом. Даже после того как 4 октября мы получили телеграмму В. И. Ленина, требовавшего изо всех сил ускорить передвижение нашей армии, мы не смогли предпринять что-либо существенное, хотя с болью в сердце сознавали, как важна помощь 1-й Конной фронту.

В начале октября противник снова перешел в наступление на правом фланге. Под прикрытием артиллерийского огня он форсировал Днепр в районе южной

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 352.

части острова Хортица и повел решительное наступление против нашей правобережной группы.

14—16 октября белогвардейцы предприняли наступление на каховский плацдарм. Сюда Врангель бросил до 7000 штыков и сабель, 68 орудий, 200 пулеметов. Пехоту и конницу поддерживали 12 танков, 16 броневых автомобилей и 15 самолетов. Каховский плацдарм обороняли входившие в 6-ю армию 51-я стрелковая дивизия и 44-я бригада 15-й стрелковой дивизии. Они имели 11 тысяч штыков и сабель, 52 орудия, 368 пулеметов и 10 броневых автомобилей.

Наступление белогвардейцев началось ранним утром 14 октября после артиллерийской подготовки. Впереди двигались танки и броневые автомобили, за ними — цепи пехоты. Авиация сбрасывала бомбы. Советские войска стойко отражали атаки врага. Первый бой с бронесилами приняли части 51-й дивизии, которой командовал В. К. Блюхер. Командир одной из рот этой дивизии рабочий-коммунист Голованов и красноармеец Паршин бросились к одному из танков с гранатами в руках. Паршину удалось добежать до танка и вскочить на него. Но открылся люк, и герой был убит. Голованов успел бросить в люк гранату. Подбитый танк остановился. Подвиг Голованова и Паршина показал бойцам, что с танками можно успешно бороться, даже если в руках только винтовка и граната.

Умело отражали атаки вражеских танков красные артиллеристы. Особо отличился 3-й легкий артдивизион 51-й стрелковой дивизии под командованием Л. А. Говорова (впоследствии Маршал Советского Союза).

Защитники каховского плацдарма выстояли.

Успешно было ликвидировано также и вражеское наступление за Днепром. Здесь, на Правобережье, храбро сражались войска 2-й Конной армии, части 6-й и 13-й армий. Они разбили три вражеские кавалерийские дивизии.

5

1-я Конная форсированным маршем шла к Днепру. Большие трудности стояли перед нами.

Тесное общение красноармейцев во время перехода с местными жителями имело громадное значение как для населения, так и для самих конников. Но приходи-

лось строжайше следить за тем, чтобы бойцы строго соблюдали дисциплину. Было бы наивно полагать, что все бойцы Конной армии отличались высокой сознательностью. Попадались среди них и недисциплинированные, неустойчивые, политически неграмотные. Все это требовало от командиров и политработников выдержки, индивидуального подхода к каждому бойцу, проведения непрерывной партийно-политической работы на марше. Лично мне, например, приходилось по нескольку раз в сутки бывать в эскадронах и полках, особенно в тех, где, по докладам начдивов, отдельные бойцы проявляли недисциплинированность.

Мы шли по Елисаветградской губернии.

Мне доложили, что в 4-й кавалерийской дивизии было несколько случаев пьянства. Провели расследование и установили, что бойцов спаивали местные жители. И как правило, это были дезертиры с фронта, агенты Врангеля, действовавшие с определенной целью: они вели среди конармейцев антисоветскую агитацию, пытались разложить их. Пришлось отдать распоряжение о строгой охране спиртных заводов, об изъятии у местных жителей самогонных аппаратов, о выявлении дезертиров и привлечении их к ответственности по законам военного времени.

С конца сентября начались стычки с бандами. Отдельные шайки произвели несколько нападений на конармейцев еще в районе Бердичева, куда войска стягивались перед маршем. Это свидетельствовало об определенной согласованности в действиях врагов, о наличии руководящего центра. В местечке Любар бандиты учинили погром, грабили мирное население. В ночь на 3 октября в Прилуках снова начался грабеж, несколько мирных жителей было убито.

По мере дальнейшего продвижения армии налеты бандитов на наши отдельные группы, на оставшие обозы, советские учреждения участились.

Состав банд был очень пестрый.

Среди бандитов находилось немало офицеров, служивших в свое время верой и правдой Краснову, Юденичу, Каледину, Деникину, а теперь переметнувшихся к очередному хозяину — Врангелю. Было много мародеров, воров, рецидивистов, словом, всяких отбросов человеческого общества. Но главную силу бандитских шайк

С. М. Буденный, М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов на Врангелевском фронте, 1920 г.

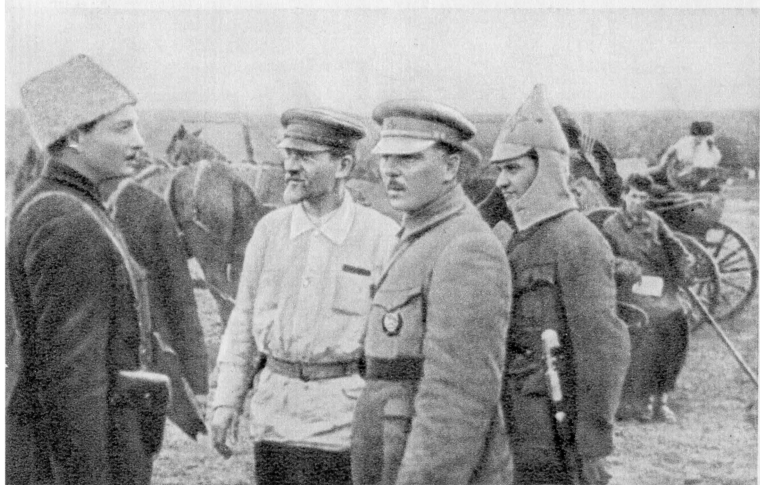
Бела Кун, член Реввоенсовета Южного фронта

С. И. Гусев, член Реввоенсовета Южного фронта

М. И. Калинин, С. М. Буденный и другие обходят части Первой Конной армии на Врангелевском фронте, октябрь 1920 г.

К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин среди бойцов Первой Конной армии, октябрь 1920 г.

составляли местные кулаки и их сынки — дезертиры с фронта. Бандитами они становились добровольно: защищали свое богатство, свои привилегии. Их ненависть к Советской власти не знала пределов. Они зверски расправлялись с конармейцами, попавшими в их руки. Мы находили бойцов подвешенными к сучьям деревьев, с распоротыми животами, отрезанными носами и ушами, с выколотыми глазами, с вырезанными на спинах звездами. Бандиты терроризировали местное население, жестоко преследовали тех, кто хоть чем-либо стремился помочь нам.

Борьба с бандитами была трудной. Наша разведка, несмотря на ее героические усилия, не всегда могла установить численность бандитских отрядов из местного населения и места их дислокации.

Наиболее трудно было раскрывать банды, состоявшие из жителей того или иного села. Когда наши части останавливались здесь, бандиты превращались в «мирных» селян. Когда мы уходили, они давали нам выйти из села, затем скрытно преследовали нас и стреляли в спину.

Вооружение и обмундирование бандитские атаманы приобретали как путем реквизиции, захвата, так и путем «торговых» сделок. В ряде населенных пунктов мы видели объявления, в которых говорилось, что тот, кто имеет винтовки, шинели, сапоги, лошадей, может обменять все это на сахар и соль. За каждую винтовку — 15 пудов сахару, за шинель — 4 пуда, за сапоги — 10 пудов соли, за лошадь — 60 пудов соли. Для поддержания банд Врангель из «своей» казны отпускал большие суммы денег, переправляя их бандитским атаманам через лазутчиков.

3 октября ночью получили донесение, что в районе Володарки, где сосредоточилась 3-я бригада 4-й кавдивизии, в лесу действует банда в несколько тысяч человек с пулеметами и даже с артиллерийской батареей.

В этот же день разведка обнаружила крупные отряды бандитов в районе восточнее и юго-восточнее Белой Церкви. Пришлось задержать движение Особой бригады и поручить ее командиру К. И. Степному-Спичарному очистить район от банд.

4 октября начальник 11-й кавдивизии Ф. М. Моро-

зов доложил, что в селе Яковка банда Саенко напала на конармейцев.

5 октября утром в районе Синян конармейцы столкнулись с бандой из 40 человек, а вечером в селе Лосятине вели бой с другой крупной шайкой.

Пожалуй, не было такого дня, чтоб не поступали донесения о стычках с бандитскими шайками. Кого только не приходилось бить конармейцам! Одно только перечисление атаманов банд заняло бы целую страницу. По своей организации некоторые банды скорее напоминали регулярные части с пулеметами и орудиями, с пехотой и кавалерией. Так что борьба с ними была нелегкой.

В большинстве случаев бандитами командовали бывшие офицеры царской армии, имевшие солидный военный опыт. И дрались они с яростью обреченных.

Очень часто та или иная банда состояла из нескольких отрядов. Каждый действовал в своем районе. Этим и объясняется, что во время нашего похода мы не раз вновь встречались с шайками, ранее нами же разгромленными.

Некоторые крупные банды, не ввязываясь в бои с нами, пробирались в Крым, к Врангелю. Во время войны с белополяками бандиты накапливали силы. Они считали, что Красная Армия и польское войско взаимно уничтожат друг друга, а им останется только взять власть в свои руки и восстановить старые порядки. Сейчас шла дальнейшая поляризация сил, концентрация войск той и другой сторон. Предстояли решающие схватки.

2. ОБСТАНОВКА НАКАЛЯЕТСЯ

1

Борьба с бандитами отвлекала наши силы, замедляла марш. Но мы старались не терять времени — обстановка нас торопила. С Южного фронта поступали тревожные вести. Донской корпус Врангеля ко 2 октября, прорвав оборону частей Таганрогской группы, вышел к границам Донецкого бассейна. Создалась реальная угроза захвата врагом этого богатейшего района страны.

В. И. Ленин 2 октября обратился с призывом к незаможным селянам Украины.

«Товарищи! — писал Владимир Ильич. — Царский генерал Врангель усиливает наступление на Украину и Россию. Поддержанный французскими капиталистами, он продвигается вперед, угрожая Донецкому бассейну и Екатеринославу. Опасность велика. Еще раз помещики пытаются вернуть свою власть, пытаются вернуть себе земли и снова закабалить крестьян!

Товарищи! Украинская деревня перенесла неслыханные страдания от гнета помещиков. Им не один раз удавалось свергать Советскую, рабоче-крестьянскую власть, им не раз помогали богатые крестьяне, кулаки, помогали и тем, что прямо переходили на их сторону, помогали и тем, что мешали неимущим, трудящимся крестьянам устроить новый порядок, новую жизнь, новую организацию деревни. И всякий раз попытки восстановления помещичьей власти кончались новой победой рабочих и крестьян. Теперь по Украине незаможные селяне взялись за устройство своих комитетов, чтобы окончательно победить сопротивление немногих богачей, окончательно

обеспечить власть трудящихся. Помещичий генерал Врангель усиливает натиск, чтобы сломать эти организации трудящихся.

Товарищи! Пусть же все и каждый встанет грудью на защиту против Врангеля! Пусть все комитеты незаметных селян напрягут, как только можно, свои силы, помогут Красной Армии добить Врангеля. Пусть ни один трудящийся крестьянин не останется в стороне от рабоче-крестьянского дела, не останется бездеятельным или равнодушным. Товарищи! Помните, что дело идет о спасении ваших семей, о защите крестьянской земли и власти.

Все на помощь Красной Армии!
Смерть помещикам-угнетателям!

Ленин»¹.

Обращение вождя революции к трудовому народу Украины мы обсудили во всех подразделениях 1-й Конной армии. Комиссары, политработники, все коммунисты агитационно-пропагандистскую работу вели под лозунгом «С марша — в бой! Разгромим Врангеля!».

Днем 4 октября, когда я находился в частях 14-й кавдивизии, вступившей в район Жашкова, в полештарм поступила телеграмма В. И. Ленина, адресованная Реввоенсовету 1-й Конной.

«Крайне важно из всех сил ускорить передвижение вашей армии на Южфронт. Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими. Телеграфируйте, что именно делаете.

Предсовобороны Ленин»².

Начальник полештарма С. А. Зотов о полученной телеграмме доложил мне по телефону. Я срочно вернулся в полештарм. Созвали Реввоенсовет. Напряженно думали, что еще можно предпринять, чтобы ускорить марш (к этому времени дивизии Конармии сосредоточились к югу от Белой Церкви), чтобы прибыть в район Елисаветграда и Александрию к 16 октября.

Переход армии походным порядком на такое огромное расстояние — дело очень сложное, и борьба с бандитизмом отвлекала нас от планомерного решения многих

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 334—335.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 295.

задач, связанных с походом. Поэтому Реввоенсовет армии приказом № 316 от 5 октября утвердил должность начальника тыла, которому и поручили возглавить борьбу с бандитами. Основная задача начальника тыла, говорилось в приказе, — ликвидация банд и прочей контрреволюции. Особый отдел армии, комдезертир¹ губчека, ревкомы, губернских и уездных военкомов, начальников местных гарнизонов, комендантов этапов и железнодорожных станций во всей тыловой зоне армии подчинили начальнику тыла. Предоставили ему право объявлять отдельные районы, входившие в тыловую зону, на военном положении. В распоряжение начальника тыла выделялись специальные части.

Был принят и ряд других мер, способствовавших ускорению перехода армии.

Владимиру Ильичу мы ответили следующей телеграммой:

«Предсовнаркома товарищу Ленину.

Сознавая всю важность настоящего момента для нанесения противнику окончательного сокрушительного удара, РВС Первой Конной армии принимает самые чрезвычайные меры к ускорению сосредоточения армии согласно приказу командюжа»².

Пришла телеграмма от командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе. Он сообщал, что Врангель начал решительное наступление против нашей правобережной группы, полагая уничтожить ее до подхода подкреплений. Рассчитывал он и на политический успех. Наступление стоит в теснейшей связи с мирными переговорами в Риге между Советской Россией и Польшей, бьет на срыв их. Своими новыми успехами Врангель стремится подчеркнуть нашу слабость. Чем больше мы терпим неудач на юге, тем сильнее растут польские притязания.

«Перед армиями Южного фронта, — писал М. В. Фрунзе, — стоит задача не допустить этого срыва и обеспечить путем ликвидации нынешних врангелевских попыток мир с Польшей. Необходимо внушить каждому красноармейцу, что сейчас нами решается дело мира не только на юге России, но и на западе. Республика ждет от нас исполнения долга»³.

¹ Комитет по борьбе с дезертирством.

² ЦГАСА, ф. 245, оп. 4, д. 232, л. 19.

³ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 365.

Утром 8 октября я получил телеграмму Главкома С. С. Каменева. Главком предлагал, изменив маршрут Конной армии, направить ее кратчайшим путем на Берислав, не подавая левый фланг к Днепру, а придерживаясь только данного направления. Указанная ранее скорость марша оставалась в силе.

В тот же день от Главкома была получена вторая телеграмма, из которой мы узнали о том, что в Конную скоро приедут М. И. Калинин, А. В. Луначарский и Н. А. Семашко.

По указанию В. И. Ленина на фронт срочно выехал Главком С. С. Каменев.

К нам продолжали поступать резервы. На пополнение 4-й кавдивизии прибыл 3-й кавалерийский полк. В район Лубны пришло пополнение — 3000 человек без лошадей. По распоряжению Главкома нам доставляли 2000 лошадей из района Москвы, 2000 — из района Орла и 1000 — из Самары.

Погода по-прежнему стояла необычайно холодная, а обмундирование и обувь у бойцов истрепались. Продовольствие и фураж на исходе. Запасы продовольствия и фуража у нас имелись в Елисаветграде, но они предназначались для обеспечения армии на время ее боев с Врангелем, а потому расходовать их мы пока не могли. Немедленно доложив Реввоенсовету Республики, я просил разрешения проводить заготовки на месте, в Лубенском и Хорольском уездах. Перед этим с такой же просьбой я обратился в Наркомпрод Украины. Заготовки вроде бы и разрешили, но на деле Наркомпрод не помогал, а даже мешал. В Полтавской губернии производить заготовку вообще запретил. Одновременно я просил ускорить отправку в район Кременчуга занаряженных по нашей заявке 2000 седел, 2000 шашек и поезда с теплым обмундированием и топливом.

9 октября А. С. Зотов доложил мне об очень неприятном событии, которое встревожило нас и потребовало принятия самых решительных мер. А случилось вот что. В одной из частей (она вышла из боя последней и отставала от основных сил армии) начались беспорядки: некоторые бойцы отказывались выполнять приказы, заявляли, что они и их лошади утомлены, одежда и обувь истрепаны. Обвиняли в этом командиров. Под влиянием белогвардейских агентов, пробравшихся в ди-

визию, было совершено несколько актов насилия и грабежей. Они же 28 сентября убили военкома 6-й дивизии Георгия Георгиевича Шепелева...

Получив эти сведения, я тут же направился на место происшествия.

Эта часть пользовалась заслуженной боевой славой. Не раз отличалась она в сражениях на польском фронте. Но, как я уже говорил, враги делали все, чтобы ослабить грозную для них Конную армию. Под видом добровольцев в ее дивизии проникали агенты врага, диверсанты. Им ставилась задача провоцировать погромы местного населения, грабежи, вовлекать в них как можно больше бойцов из числа малограмотных, отсталых в политическом отношении, вынуждать тем самым командование применять к провинившимся репрессивные меры, что могло вызывать озлобление бойцов против командиров. Провокаторы рассчитывали, что падение дисциплины в красных войсках, участие бойцов в грабежах, мародерство подорвут у населения веру в Красную Армию.

Порой белогвардейские агенты, переодетые в нашу военную форму, выступали перед крестьянами как «очевидцы» погромов и грабежей, рассказывали небылицы о якобы чинимых красноармейцами «зверствах».

Агентура врага вела также усиленную подрывную работу среди населения прифронтной полосы, пробраться в которую лазутчикам не стоило большого труда. В то время, особенно в прифронтной полосе, органы Советской власти на местах были слабы, а в ряде районов их вовсе уничтожили бандиты.

Партийная прослойка в некоторых подразделениях была очень мала, и не потому, что ряды партии не росли. До конца преданные Советской власти коммунисты в бою были всегда впереди, дрались до последнего вздоха, не щадя своей крови и жизни. И значительная часть их выбыла из строя.

Беспорядки в этой части начались еще до выхода ее из боя. В период с 18 по 22 сентября бандиты организовали несколько разбойничьих нападений на мирное население. Все участники этих налетов, боясь наказания за совершенные ими преступления, ушли в бандитские шайки.

Выход части из боя еще больше развязал руки пре-

ступным элементам. А комсостав не принял решительных мер для пресечения бесчинств.

Командиру части мы не раз указывали на частые случаи нарушения дисциплины. Он тогда заверял:

— Товарищ командарм, на меня и на моих людей можете положиться, как на самого себя. Верно, кое-кто нарушал порядок и дисциплину, но теперь этому конец.

Однако свои обещания командир не выполнял. У него был один, крупный для военного человека, недостаток — мягкость характера. Он сам не отличался высокой требовательностью и, естественно, не мог потребовать этого от подчиненных ему командиров. Когда мы указывали ему на недопустимость либеральничания, он невесело проводил широкой ладонью по лицу, словно смахивал усталость, и со вздохом говорил:

— Так ведь жаль бойца, Семен Михайлович. Сегодня живет, за Советскую власть борется. А завтра раз — и готов... Погиб.

Слушая его, я нередко думал: «Эх, подведет тебя мягкотелость. Самое опасное, когда свою строгость и чуткость командир подменяет жалостью».

Командование части, чтобы «не выносить сор из избы», умалчивало о происходящем, и члены Реввоенсовета узнали о преступлениях, совершенных бандитами, лишь спустя несколько дней, да и то из других источников, а подробности преступлений выяснились значительно позже.

— Что будем делать? — спросил разгневанный случившимся Ворошилов.

— Сам знаешь, по головке гладить не будем.

9 октября в полевом штабе в Ракитно созвали экстренное заседание Реввоенсовета армии. На заседании написали следующий приказ:

«Мы, Революционный Военный совет 1-й Конной Красной Армии, именем Российской Социалистической Федеративной Советской Рабоче-Крестьянской Республики, объявляем:

Слушайте, честные красные бойцы, слушайте, преданные до конца трудовой Республике командиры и комиссары!

1-я Конная армия в течение почти целого года на разных фронтах разбивала полчища самых лютых врагов Рабоче-Крестьянской власти, была грозой неприятеля

теля и любовью и надеждой для трудящихся не только в России, но и за границей. Особенно прогремела ее слава после могучих сокрушительных ударов на фронте против польских помещиков и капиталистов. Окруженная этой славой, 1-я Конная армия согласно приказу Главкома начала выходить из боя для приведения частей в полный порядок перед выполнением новой боевой особой задачи. Гордо реяли красные знамена, орошенные кровью павших за святое дело героев, окропленные радостными слезами освобожденных тружеников.

И вдруг совершилось черное дело и ряд неслыханных в рабоче-крестьянской армии преступлений».

Далее в приказе приводились факты злодеяний, совершенных бандитами.

Чтобы смыть позор с армии и подготовить ее к новым победам, Революционный Военный совет постановил: запятнавшие себя позором и преступлениями, обagrившие себя кровью невинных жертв полки (назывались их номера), по лишении присвоенных от имени Рабоче-Крестьянской Республики полкам наград и отличий, разоружить и расформировать, а номера их из списка кавалерийских полков 1-й Конной армии исключить навсегда.

Всех убийц, громил, бандитов, провокаторов и их сообщников немедленно арестовать и предать суду Чрезвычайного военно-революционного трибунала.

После выдачи и ареста преступного элемента остальным бойцам расформированных подразделений оружие и лошадей вернуть.

Не явившихся на смотр, не исполнивших приказа как врагов Рабоче-Крестьянской Республики объявить вне закона.

Я отдал распоряжение: для объявления приказа Реввоенсовета построить часть на поле за Ольшаницей утром 10 октября.

В назначенный срок построение не состоялось. Тогда я предложил командиру части построить подразделения в пешем строю 11 октября в 10 часов утра в том же месте и предупредил, что, если приказ не будет выполнен, отдам под суд военного трибунала весь комсостав. Я приказал также командиру Особой кавбригады К. И. Степному-Спижарному вывести бригаду в полной

боевой готовности к месту построения и в случае отказа сложить оружие принудить их к этому силой.

К счастью, применять силу не потребовалось. 11 октября утром полки в указанном месте были построены. Реввоенсовет армии в полном составе выехал на место. Несмотря на приказ построиться в пешем строю, многие прибыли на конях. Часть виновных в совершенных преступлениях, боясь сурового наказания, оставила лошадей в лесу в двухстах метрах от места построения. Некоторые вообще не явились.

Я подошел к настороженному строю. Одна мысль сверлила мозг: сдадут бойцы оружие по моей команде или же нет? Старался держаться как можно спокойнее, а внутри все бушевало. Превозмогая волнение, говорил сам себе: «Спокойно! Спокойно!»

Раздалась команда: «Смирно!» С. К. Минин не спеша, внятно начал читать приказ Реввоенсовета. Я следил за строем. Приказ оказывал свое действие. Вначале у многих лица были хмурыми, с застывшим выражением злости, а иные потупили взгляды. Когда же Минин стал перечислять злодеяния, совершенные бандитами над мирным населением, головы одних стали подниматься, на их лицах отразилась суровая решимость. Головы других опускались еще ниже. В этот момент кто-то надрывно крикнул:

— Да что слушать, стреляй их!

Из леса выскочила группа всадников, у каждого на поводу была свободная лошадь. Всадники галопом подлетели к построившимся и пытались передать свободных лошадей тем, кому они принадлежали.

Строй на минуту дрогнул, кто-то пытался сесть на лошадь, кого-то стаскивали с седла. Мне казалось, что в этой суматохе вот-вот дойдет до рукопашной. К счастью, ничего не случилось.

Группа подъехавших всадников да с ней еще с десятков замешанных в преступлениях бойцов ускакали в лес. После моих команд «Равняйся!» и «Смирно!» конармейцы остались стоять на месте, и С. К. Минин продолжал чтение приказа.

Наступили решающие минуты. «Подчинятся или нет? — волновался я. — Сдадут оружие или нет? Если нет — как поступить?» Однако времени терять было нельзя.

Подаю команду:

— Сдать боевые знамена и знамена ВЦИК, врученные за боевые заслуги!

После заметного колебания знаменосцы двигаются с места и приносят знамена ко мне. На глазах бойцов замечаю слезы.

Еще команда:

— Клади оружие!

Слова прозвучали в полной тишине. Они были слышны каждому находившемуся в строю, они докатились до леса и эхом отозвались в нем. Наступила минута ожидания, не скрою, самая, пожалуй, трудная в моей жизни.

Но вот первая шеренга как бы стала ломаться. Бойцы, недружно наклоняясь, осторожно клали на землю, каждый возле себя, шашки, карабины. То же сделала вторая шеренга.

Замечаю отдельные неподвижные фигуры бойцов, на лицах которых отражается злоба. Но эти одиночки, хотя и с оружием, были бессильны теперь против абсолютного большинства уже безоружных конармейцев.

И тут случилось то, чего ни я, ни члены Реввоенсовета К. Е. Ворошилов и С. К. Минин не ожидали. По рядам вначале прошел тяжелый вздох, затем послышались рыдания. Мне редко приходилось видеть плачущих навзрыд мужчин. Мужские слезы, видимо, не зря называют скупыми. На какое-то мгновение я оцепенел: стоят передо мной боевые кавалеристы, которых много раз приходилось водить в атаку в конном и пешем строю, от которых враг удирает так, что только пятки сверкали, стоят и, не стесняясь друг друга, плачут. А среди плачущих бойцов, утратив надменность, озираются волками не сложившие оружия преступники.

Обращаюсь с краткой речью к тем, кто только что сдал оружие:

— Вы ли это, товарищи, кто еще совсем недавно под этими легендарными знаменами громил белополяков? Эх, плохо, когда у бойца не душа, а душонка и когда его сердце дрогнуло. И где дрогнуло? Не в бою, когда вражья пуля могла тебя с седла скосить, а в мирный час, когда ты поддался вражьей агитации, изменил делу революции!

Сделал паузу, смотрю на виновников. Головы опустили еще ниже.

Кто-то крикнул:

— Чего с ними цацкаться! К стенке, товарищ командарм!

Легко сказать — к стенке. Среди виновных большинство таких, кто стал соучастником преступления по недомыслию. Надо, чтобы они глубоко осознали свою вину.

— Товарищи,— продолжал я,— Республика Советов, наша любимая Россия, переживает сейчас, может быть, самое тяжелое время. Враг хочет вновь заковать в кандалы наших сыновей и матерей, нас с вами. Враг делает ставку на Врангеля. «Черный барон» вооружен до зубов. Ленин, Родина зовут нас к решительной борьбе. Так неужели мы, сыны своего Отечества, не постоим за Республику Советов? Постоим! И будем биться до последнего дыхания, а если надо, то во имя свободы и счастья трудового народа отдадим свои жизни!..

Бойцы в ожесточенных боях с врагом проявили чудеса храбрости и героизма. И вот теперь в их рядах нашлись предатели. Они запятнали вашу боевую честь и славу, и смыть этот позор можно лишь честной, самоотверженной службой и своей кровью во имя дела революции. Помните об этом. Вопросы есть? Нет? Тогда приказываю здесь же и непременно сейчас выдать зачинщиков.

Над полем повисла тишина. Некоторые из замешанных в грабежах и убийствах пытались пробиться через строй и уйти в лес. Но поздно. Строй на несколько минут нарушился, короткая схватка — и бойцы разоружили бандитов.

У меня словно камень с плеч свалился. Снова обращаюсь к бойцам и командирам. Призываю их восстановить боевую славу в предстоящих боях против врангелевцев, быть верными большевистской партии и Советскому правительству. В заключение говорю:

— Боевые знамена останутся в штабе армии до тех пор, пока снова, как и прежде, не загремит ваша воинская слава на полях сражений!

Вижу, все конармейцы слушают меня внимательно, и сам я повеселел, уверенности прибавилось. Теперь уже громко даю команду:

— Взять оружие!

На меня уставились удивленные глаза бойцов. Еще секунда — и я все понял. Конармейцы не верят, что я, командарм, несколько минут назад распекавший их, вдруг разрешил взять оружие. Пришлось повторить команду. На этот раз ее дружно выполнили все, как один человек. В это время еще несколько десятков бойцов бросились в лес. Ворошилов и я недоумеваем, в чем дело. Неужели бойцы решили убежать? Между тем из леса слышались выстрелы. Вскоре наше недоумение рассеялось. Оказалось, что в лесу находилась группа наиболее оголтелых бандитов, которая не вышла на построение, но все время наблюдала за нами. За ней-то и погнались бойцы. Преступники бросились наутек, по ним открыли огонь. Несколько человек было убито, остальных поймали и обезоружили.

События в 6-й кавдивизии взволновали меня до глубины души. Было обидно, что подобное произошло в кавдивизии, бойцы которой еще совсем недавно мужественно и беспощадно громили врага. И особенно огорчил тот факт, что случилось это перед решающими боями с Врангелем.

В тот день я ходил мрачный и угнетенный. Мы провели заседание Реввоенсовета, на котором тщательно обсудили, что послужило поводом столь тяжелого происшествия. Горячо, страстно говорил каждый из нас. И почти каждый предлагал принять самые строгие меры к тем, кто запятнал честь революционного бойца.

— Особая вина во всем случившемся лежит на командире части, — взволнованно говорил начдив 11-й Морозов (на заседание Реввоенсовета были приглашены все начдивы и военкомы). — Не буду голословным. Сейчас, как никогда, надо проявлять повышенное внимание к бойцам: чаще беседовать с ними, узнавать, что у человека на душе, какие думы одолевают его. А товарищ... тяготится этим, его редко увидишь с подчиненными. Дневка — он не к конникам, а в отдельную избу, видите ли, покой ему надо создать. А всем ясно, что, чем дальше командир уходит от бойца, тем большая вероятность того, что его перестанут понимать.

— Судить будем всех, кто опозорил революционное знамя Первой Конной! — подвел итоги обсуждения Ворошилов.

Мы знали, что, во всеуслышание говоря о беспорядках

в наших подразделениях, даем врагу пищу. Но честно сказать об ошибках — значит укрепить свои ряды, а не ослабить их.

Реввоенсовет армии решил виновных в происшествии командиров отстранить от занимаемых должностей и предать суду Революционного военного трибунала.

13 октября через Главкома С. С. Каменева нам передали указание Владимира Ильича представить ЦК полную информацию о борьбе с бандитизмом, о событиях, происшедших в 6-й кавалерийской дивизии, о трудностях, переживаемых армией. В тот же день отправили подробное донесение Председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину, Главкому С. С. Каменеву, командующему Южным фронтом М. В. Фрунзе. В этом донесении Реввоенсовет подробно описал все, что произошло, доложил о том, какую борьбу 1-й Конной приходится вести с бандитскими шайками, как это отвлекает нас от выполнения прямой задачи — движения на врангелевский фронт.

Мы сочли нужным еще раз обратить внимание командования дивизий на беспощадную борьбу с теми, кто своими враждебными действиями ослаблял дисциплину в армии, дискредитировал честь и достоинство защитника дела рабочих и крестьян. 13 октября Реввоенсовет отправил следующую телефонограмму в дивизии:

«Начдивам и военкомдивам 4-й, 6-й, 11-й и 14-й кавдивизий.

Немедленно приступите к самой радикальной чистке вверенных вам дивизий от всякого рода бандитов, хулиганов и подозрительного элемента. Вылавливая подозрительный и преступный элемент, не останавливаться ни перед чем. Положение, временные заслуги и долгое пребывание в части не могут служить смягчающим обстоятельством для заподозренных или уличенных в бандитизме...»¹

Вскоре мы получили приказ Реввоенсовета Республики, которым 31, 32 и 33-й кавполки, как опозорившие себя, вычеркивались из списков 1-й Конной. Реввоенсовет армии принял решение вместо 31, 32 и 33-го полков создать 1, 2 и 3-й кавалерийские маршевые полки. Они

¹ ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 27, л. 70.

сводились в маршевую бригаду. Командиром бригады назначался Губанов, который до этого командовал 3-й бригадой 6-й дивизии. 34, 35 и 36-й кавполки 6-й дивизии сводились в отдельную кавалерийскую бригаду. Командиром бригады стал Н. П. Колесов.

Следствие по делу отданных под суд бывших командиров 6-й кавдивизии продолжалось 17 дней. Судила их выездная сессия Революционного военного трибунала 1-й Конной армии. Слушалось дело в открытом судебном заседании.

Вот что гласил приговор Ревтрибунала:

«...будучи ответственными представителями РККА, они в силу своего попустительства, разгильдяйства и халатности допустили разложение и ослабление воинской дисциплины и не приняли беспощадных мер к искоренению бандитизма во вверенных им частях, к охране населения от погромов... не предприняли действенных... шагов к обнаружению всех участников бандитизма. Всем этим они косвенно способствовали... разложению армии и нанесли материальный и особенно большой моральный ущерб».

Чрезвычайная выездная сессия Революционного военного трибунала 1-й Конной армии, учитывая все это и руководствуясь интересами социалистической Республики, единогласно постановила: лишить виновных всех наград, полученных от Рабоче-Крестьянской Республики, и подвергнуть одних высшей мере наказания — расстрелу, других лишению свободы на различные сроки.

Однако чрезвычайная выездная сессия Революционного военного трибунала, принимая во внимание добровольное вступление в ряды РККА в первые дни ее создания всех виновных в происшествии, их исключительные заслуги перед пролетарской революцией и в ознаменование трехлетней годовщины Октябрьской революции нашла возможным смягчить меру наказания.

По решению Революционного военного трибунала осужденные направлялись в распоряжение штаба Южного фронта для зачисления в кавалерийские части на должности со значительным понижением.

В первых же боях против Врангеля все осужденные проявили храбрость и стойкость в достижении победы, доказав свою преданность великому делу революции.

Многие из них потом продвинулись далеко по службе. Вот почему я и не называю их имен.

2

Неприятные события в 6-й дивизии вынудили нас задержать ее в районе Ольшаница, Ракитно, а вместе с ней и Особую кавалерийскую бригаду на четыре дня. Они возобновили движение лишь утром 13 октября. 11, 4 и 14-я кавалерийские дивизии и в эти тяжелые для нас дни продолжали движение по указанным маршрутам.

На станции Бобринская по прямому проводу я получил сообщение о подписании в Риге предварительного мирного договора с Польшей. Из этого сообщения мы узнали, что Польша отказывается от своих притязаний на Правобережную Советскую Украину и Советскую Белоруссию, но сохраняет за собой захваченные ею западные области обеих республик.

Советская страна добилась новой крупной победы. Планы Антанты опять потерпели полный провал. Война с белополяками окончилась, как указывал Владимир Ильич, миром для нас более выгодным, чем тот, который мы предлагали Польше в апреле.

Мы были очень рады сообщению. Сразу же созвали митинг. На него пришли рабочие станции и местное население. Из-за плохой погоды митинг проводился в помещении агитпункта вокзала. Все желающие поместиться в нем не могли. Большая толпа образовалась на перроне, слушая речи ораторов, долетавшие через открытые двери.

Выступавшие говорили, что мир с Польшей позволит нам сосредоточить все усилия на врангелевском фронте и довести борьбу до полной победы.

Митинг прошел с большим подъемом.

В Белой Церкви состоялась IV партийная конференция Конной Армии. В ней участвовало 245 делегатов с решающим голосом и 35 — с совещательным: представители от 2500 членов и кандидатов партии.

Делегаты в резкой форме осудили коммунистов, которые нарушали партийную и военную дисциплину. «Члены партии,— говорилось в резолюции конференции,— не выполняющие честно свои коммунистические

обязанности, должны быть немедленно исключены из партии. Коммунистов будет меньше, но пусть они представляют собой образец стойкости, сознательности, революционной честности и самоотверженности».

Конференция обязала политический отдел 1-й Конной провести чистку партийных ячеек армии, освободиться от лиц, позорящих своим поведением высокое звание члена большевистской партии.

Коммунистов не могло не беспокоить то, что в Конную армию разными путями пробирались вражеские элементы. Конференция приняла обращение ко всем бойцам 1-й Конной. В нем говорилось: «Изгоняйте из своей среды провокаторов, шептунов, всех врагов Советской власти... В Красной Армии нет им места! Красная Армия — армия честных бойцов революции!»

Делегаты конференции говорили о трудностях, связанных с непрерывным движением армии, о сложной обстановке, вызванной необходимостью вести борьбу с бандитизмом, о нехватке опытных политических работников, недостатках в материальном обеспечении. Но и в этих условиях в частях проводились партийные собрания, читки газет и книг, митинги, доклады, беседы, работали библиотеки, школы по ликвидации неграмотности... Силами конармейцев устраивались самодеятельные спектакли и концерты, на которых бывали и местные жители.

Вместе с тем отмечались и существенные недостатки в партполитработе. Ни у кого не оставалось сомнений: чем ближе мы подходим к Южному фронту, тем упорнее и в больших масштабах вражеское командование будет засылать к нам шпионов и диверсантов. Конференция предложила усилить политическую работу среди воинов и населения.

15 октября на станции Знаменка мы встретили агитпоезд «Октябрьская революция», с которым прибыли М. И. Калинин, А. В. Луначарский и Н. А. Семашко.

Утро выдалось ясным, безветренным. Я подошел к вагону, в котором находились дорогие гости. Открылась дверь. В ее проеме показался Михаил Иванович Калинин. Он щурил глаза от яркого солнца.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищи конармейцы! — весело приветствовал он нас.

С Михаилом Ивановичем мы обнялись, как старые друзья. Он был для меня близким человеком, и я мог рассказать ему все, что лежало на сердце, что тревожило и волновало меня.

Михаил Иванович Калинин приезжал к конармейцам уже в третий раз. Впервые он посетил нас 4 ноября 1919 года, когда я командовал еще кавалерийским корпусом, затем 25 мая 1920 года во время марша Конной армии с Северного Кавказа на польский фронт. Сейчас приезд Михаила Ивановича был как нельзя кстати.

М. И. Калинин обошел строй почетного караула, поздоровался с бойцами, затем остановился возле меня:

— Ну что, товарищ Буденный, чем будем заниматься?

— Дел у нас по горло, Михаил Иванович, — сказал я и тут же попросил Калинина председательствовать на заседании Реввоенсовета армии, которое мы собирались провести.

— А смогу? — спросил он, хитровато блеснув глазами.

М. И. Калинин придал заседанию форму интереснейшей беседы. Он обращался с вопросами то к одному из нас, то к другому. Он хотел знать буквально все: численный состав армии, ее боевую и политическую подготовку, настроение бойцов и населения. Он расспрашивал о том, как конармейцы обеспечены вооружением и боеприпасами, продовольствием, фуражом и медикаментами.

После заседания Михаил Иванович пожелал встретиться с бойцами. Я предложил ему сначала отдохнуть с дороги. Калинин махнул рукой и, как мне показалось, иронически усмехнулся.

— Отдыхать? Негоже. Сам-то, Семен Михайлович, небось все на ногах, а мне советуешь прилечь? — И, подмигнув Клименту Ефремовичу, молча слушавшему наш разговор, добавил: — Меня не проведешь, по глазам вижу, что оба вы чертовски устали.

Калинин подошел ко мне ближе, тронул за плечо.

— Да, Семен Михайлович, пока не до отдыха, если враги клинки над головами держат. Надо скорее доби-

раться до каховского плацдарма. Владимир Ильич возлагает на вас большие надежды. Врангеля надо разбить до зимы, иначе он прочно засядет в Крыму.

По нашему совету Михаил Иванович выехал в Митрофановку, в распоряжение частей 14-й кавдивизии. Конармейцы искренне обрадовались приезду к ним Председателя ВЦИК. Вдоль рядов проносилось громкое «ура». Настроение у бойцов было хорошее — это меня обрадовало.

Михаил Иванович выступил перед бойцами с яркой речью. В начале ее он напомнил конармейцам, что в конце мая встречался с дивизиями 1-й Конной приблизительно в этих же местах, когда армия шла на польский фронт, чтобы заставить врага признать силу Советской власти.

«Вы это сделали быстрее, чем мы ожидали,— сказал М. И. Калинин.— Тому свидетельство — подписание перемирия с Польшей. Это уже почти мир. Это признание польскими панами силы и непобедимости советского народа. Перемирие подписано после отступления частей Красной Армии от Варшавы. Но польские паны по опыту прошлых боевых операций хорошо знают, что наши отступления на фронтах заканчиваются новым наступлением и окончательным поражением врага. Это-то и заставило их пойти на мир. Теперь перед нами последний враг — Врангель, которого нужно обязательно уничтожить. Победа над Врангелем не за горами. Несмотря на трудность и огромность задач, стоящих перед нами, мы с ними справимся,— продолжал М. И. Калинин.— Можно смело сказать, что нет в мире лучших, более сознательных войск, чем вы. Может быть, у вас есть много и неграмотных людей, но смело могу сказать, что нет в мире армии, которая была бы так сознательна, которая бы так хорошо знала, за что она воюет, которая бы так ненавидела людей, с которыми она воюет, которая бы так доверяла комиссарам...»¹

После речи М. И. Калинин осмотрел части 14-й кавдивизии. Бойцы, командиры и политработники, построены в колонны, четким шагом прошли перед Председа-

---

¹ М. И. Калинин. Статьи, беседы, речи. Кн. 2. М.—Л., 1926, стр. 23.

телем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

М. И. Калинин находился в Конной армии несколько дней. За это время он посетил все дивизии, не раз встречался с бойцами, выступал перед местным населением.

В личных беседах я рассказал Михаилу Ивановичу о тяжелом положении с обмундированием, о застрявших где-то эшелонах, которые мы ждем вот уже почти два месяца.

Михаил Иванович обещал помочь.

— Бойцы скоро пойдут на решительный штурм Врангеля, — сказал он, — и надо их обеспечить всем необходимым. На «ура» Врангеля не возьмешь, нужна тщательная, всесторонняя подготовка людей.

С докладами в частях выступали также нарком просвещения А. В. Луначарский и нарком здравоохранения Н. А. Семашко. Каждый из них освещал вопросы международного и внутреннего положения Советской Республики, военные и политические проблемы, рассказывал о делах, касающихся тех отраслей, которыми он руководил. А. В. Луначарский посещал школы, помогал местным органам устраивать в детские дома беспризорных ребятишек. Н. А. Семашко встречался с медицинскими работниками.

Перед отъездом из армии Калинин сказал, что доложит Владимиру Ильичу Ленину обо всем, что он здесь видел и слышал. Он делал так всегда после посещения Конармии. Мы были благодарны ему за это. Михаил Иванович сдержал свое обещание — помог нам с обмундированием. Вскоре после его отъезда к нам прибыл долгожданный эшелон с одеждой и обувью.

3

15 октября Реввоенсовет армии получил приказ командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе, согласно которому Конная армия должна двигаться западнее Александрии и не позже 24 октября сосредоточиться в районе Березнеговатое, Евгеньевка, Староселье. Начполештарма Зотов, который принес мне шифровку, попождав, пока я ознакомлюсь с содержанием телеграммы, сказал:

— Тяжеленько уложиться в этот срок! А вы как считаете, товарищ командарм?

— Уложимся, Степан Андреевич.

Я подошел к столу, на котором лежала карта нашего маршрута.

— Сегодня мы находимся здесь, в районе Знаменки, через неделю пройдем еще километров двести, так?

— Не многовато — двести? — спросил Зотов.

Я ответил, что дороги в этих местах хорошие, погода не дождливая, стало быть, можно двигаться форсированным маршем. Зотов согласился со мной. И мы — я, Ворошилов, Минин, Зотов — уже было разметили, где какие делать дневки и ночевки, как вдруг на другой день утром Степан Андреевич докладывает:

— Только что получен приказ Главкома товарища Каменева. Срок сосредоточения войск изменен...

Я чертыхнулся: Главком приказывал быть в районе Березнеговатое, Евгеньевка, Староселье не 24-го, а 23 октября.

Недоумеваю, почему Главком отменил приказ Фрунзе и дал свой, новый. Возможно, противник предпринял что-то существенное? Сказал об этом Ворошилову. Тот пожал плечами.

— Пожалуй, так, Семен Михайлович. Со своей колокольни мы не видим того, что видит Главком. Надо постараться быть к двадцать третьему!

С. С. Каменев (нам это стало известно впоследствии) решил, что мы можем продвигаться быстрее, и дал телеграмму. Фрунзе же в известность не поставил. Надо сказать, что сутки обстановку не изменили, но вот нервов нам потрепали предостаточно. И если я сейчас вспоминаю этот случай, то только для того, чтобы еще раз подчеркнуть свою мысль: каждое решение должно быть глубоко продуманным, способствующим общему успеху. Если же сегодня ты получил приказ передвинуться в такой-то район, а следом поступает новая директива, отменяющая прежнюю, значит, первый приказ был отдан наспех, не созрел для претворения его в жизнь, значит, возможны ошибки, недоработки и т. д. А ведь ошибка в бою стоит крови.

...Едва мы закончили обсуждать свои вопросы и Ворошилов ушел, ко мне явился Зотов.

— Разрешите доложить?

— Слушаю. Что у вас?

Зотов сообщил, что технические эскадроны, состоящие из саперов и подрывников, сформированы. Уже начата их специальная подготовка. Нам предстояло форсировать Днепр, преодолевать различные другие препятствия, которые не преминут создать врангелевцы.

Как известно, 15 октября 1920 года М. В. Фрунзе доложил В. И. Ленину о наметившемся переломе на Южном фронте в пользу советских войск.

На другой же день, 16 октября, Владимир Ильич ответил:

«Получив Гусева и Вашу восторженные телеграммы, боюсь чрезмерного оптимизма. Помните, что надо во что бы то ни стало на плечах противника войти в Крым. Готовьтесь обстоятельнее, проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма»¹.

Текст телеграммы В. И. Ленина штаб фронта передал всем командармам фронта. Для нас она явилась одним из важнейших документов, нацеливала на главное: не обольщаться достигнутыми успехами. Врангель силен, и к боям с ним надо готовиться серьезно и тщательно.

Именно об этом мы говорили бойцам на конференциях беспартийных, которые проходили в эти дни в дивизиях.

Проводить их не легко, когда армия находится на марше, а полки и эскадроны рассредоточены. Во время дней конники старались присмотреть за своими лошадьми, напоить и накормить их, привести в порядок снаряжение, почистить оружие. И все же мы находили время и возможность, чтобы донести до масс партийное слово. Да и сами конники тянулись к нам, ждали наших выступлений, задавали множество вопросов, и прежде всего о положении в стране, о земле, спрашивали, видел ли я Ленина, какой он, как его здоровье. Нам представлялась возможность еще раз напомнить бойцам о злейшем враге Советской власти — Врангеле, призвать их к решительным боям, чтобы как можно скорее завершить гражданскую войну и начать мирное строительство.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 307,

19 октября мы получили директиву М. В. Фрунзе о предварительных перегруппировках войск к предстоящей операции.

День выдался холодный. С утра накрапывал дождь, а к полудню подул резкий ветер, пошел снег.

У нас была дневка. Только кончился обед. Сел за широкий дубовый стол, разложил перед собой карту. Вдруг входит ординарец и докладывает, что прибыл связной.

— Вам срочный пакет, товарищ командарм.

Связной доставил директиву командюжа М. В. Фрунзе. Читаю ее не без волнения:

«Сообщаю для личного сведения командармов и для проведения предварительных перегруппировок общие соображения по предстоящей операции:

1. Ставлю армиям фронта задачу — разбить армию Врангеля, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров и захватить перешейки. Во исполнение этой общей задачи правобережная армия должна отрезать противнику пути отступления в Крым и наступлением на восток разбить резервы армии Врангеля в районе Мелитополя.

Задача левобережных армий — своими действиями привлечь возможно больше сил на свой фронт, не дав противнику возможности своевременно оттянуть такие из-под удара в тыл нашими армиями правого берега Днепра.

2. Если противник не заставит нас начать раньше активные действия, то по времени распределяю задачи между армиями следующим образом: для отвлечения внимания противника сразу на восточный участок наступление начинает 13-я армия (предположительно 25 октября), через день (26 октября) — группа александровского направления, еще через день или два (27 или 28 октября) — армии правого берега Днепра.

3. Задача 6-й армии: оставив на Днепре для наблюдения и обеспечения переправ не более одной дивизии, остальные силы армии (не менее четырех дивизий) сгруппировать для решительного удара в направлении на Перекоп и Сальково, имея при наступлении одну

дивизию в резерве и одну уступом за правым флангом 1-й Конармии.

В частности, к началу наступления на каховском плацдарме из четырех дивизий, предназначенных для наступления, должно быть сосредоточено не менее трех. Отдельную кавалерийскую бригаду подготовить для рейда в перекопском направлении с задачей отрезать с тыла район Чаплинка и, если обстановка позволит, захватить Перекоп. Всей армии стремиться овладеть крымскими перешейками на плечах отступающего противника.

4. Задача 2-й Конной армии: до начала общего наступления (27 октября) комбинированными переправами у Нижний Рогачик и Никополя обеспечить себе к 27 октября исходное положение на левом берегу Днестра.

Дальнейшая задача армии — энергичным наступлением в юго-восточном и восточном направлениях, войдя правым флангом в связь с 1-й Конной армией, разбить группирующиеся на фронте армии силы противника и выйти в район ст. Федоровка — Михайловка — Васильевка, имея в виду в дальнейшем ударом в тыл Александровской и Пологской групп противника завершить его разгром.

5. Задача 1-й Конной армии: в ночь на 26 октября сосредоточиться на правом берегу Днестра, в ближайших к переправе деревнях, где расположиться совершенно скрытно.

Командарму 6-й заблаговременно учесть приход 1-й Конармии и своевременно освободить необходимые ей деревни.

В ночь на 27 Конной армии переправиться на левый берег Днестра и быстрым движением выйти в район северная оконечность оз. Молочное — ст. Федоровка, разгромить группирующиеся здесь резервы противника и, отрезав противнику пути отступления в Крым, преследовать его до полного уничтожения.

6. Задача группы александровского направления и 13-й армии — энергичными действиями с первого дня наступления сковать на своем фронте противника, не дав ему возможности оттянуть часть сил для обеспечения отхода в Крым, и дальнейшим наступлением разбить его и опрокинуть на 1-ю и 2-ю Конармии. При этом командарму 13 объединить кавалерийские дивизии в одну

группу и поставить ей задачу движения в направлении на ст. Федоровка, войти в связь с 1-й и 2-й Конными армиями, завершить окружение противника и содействовать его уничтожению.

Командарму 13-й уцехь, что 23-я стрелковая дивизия будет передана в состав Александровской группы, а в состав армии включена партизанская армия.

7. Намечаю разграничительные линии — между 6-й и 2-й Конными армиями прежняя и далее Верхний Рогачик — Веселое. Между 2-й Конной и группой александровского направления — теперешняя граница с 13-й армией. Между группой александровского направления и 13-й армией — ст. Ульяновка — Орехов — ст. Федоровка.

8. О получении донести.

Командюж — Фрунзе
Член РВС — С. Гусев»¹.

Прочел я директиву, и наступила напряженная тишина. Ворошилов, сидевший напротив, встал. Внимательно прочитал текст пункт за пунктом, потом сказал:

— Значит, предлагают делить операцию на две части — Таврическую и Крымскую?

Я думал об этом же и был глубоко убежден, что операция по разгрому Врангеля должна быть единой и что удар надо наносить двумя кулаками: у Перекопа и у Бердянска. Следовало прежде всего ликвидировать Мелитопольскую группу. Иначе противник, подавшись правее Александровки, пропустит наши части через Перекоп в Крым и отрежет их. Закроет ворота. Настораживало и то, что Врангель при осаде нами Перекопа мог ударить в тыл нашим частям.

Судя по директиве, М. В. Фрунзе считал, что главные силы Врангеля находятся севернее и северо-восточнее Мелитополя. Потом выяснилось, что они сосредоточиваются в районе Серогоз, и М. В. Фрунзе внес в свой план коррективы.

1-я Конная не готова была начать наступление 27 октября. Своими мыслями я поделился с членами Реввоенсовета. К. Е. Ворошилов и С. К. Минин поддержали меня.

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 384—386.

— Предлагаю собрать Реввоенсовет, все как следует обсудить, взвесить и доложить свои соображения, — сказал Ворошилов.

Так мы и сделали. Возможно, мы не все продумали, возможно, излишне были недоверчивы. Но исходили мы не из своих местных интересов, думали не только о 1-й Конной. Мы горели желанием как можно скорее разгромить Врангеля и поэтому так уверовали в свою правоту, что даже написали В. И. Ленину, Главкому С. С. Каменеву, Реввоенсовету Республики, а копию направили М. В. Фрунзе.

Всю ночь секретарь Реввоенсовета С. Н. Орловский шифровал и передавал мнение Реввоенсовета Конармии. Утром он явился ко мне усталый, лицо серое, как ковыль, под глазами мешки.

Пришел Ворошилов, посмотрел на Орловского и заявил, что тоже не спал всю ночь.

— А вы почему? — удивился я. — Бессонница, что ли, одолела?

— Да нет. — Климент Ефремович провел рукой по усталому лицу, присел на табуретку. — Все о нашем ответе думал. Поймет ли Фрунзе наш замысел?

— Поймет. Должен понять.

Ворошилов волновался не меньше меня, и не потому, что его терзали какие-либо сомнения. Вовсе нет. Климент Ефремович, как и все мы, был глубоко убежден, что наш план наиболее реально учитывает создавшуюся обстановку. Но поймут ли нас там, в штабе Южного фронта?..

Я давно заметил в характере Ворошилова одну очень ценную черту: Климент Ефремович никогда не уходил от острых вопросов, когда их решал Реввоенсовет, принимал самое активное участие в их обсуждении, не боялся взять на себя ответственность. Нравилось мне и то, что Ворошилов не навязывал свое мнение, он давал возможность высказаться любому товарищу, особенно если речь шла о серьезных вопросах, от решения которых зависела боеготовность 1-й Конной. Однако, когда Климент Ефремович был в чем-либо глубоко уверен, он отстаивал свою точку зрения до конца, если даже против было большинство. Правда, лично со мной у него почти не было расхождений, разумеется, это не значит, что мы не спорили. Но спор, как правило, не

выходил «за рамки». Я это хочу еще раз подчеркнуть лишь потому, что дружная работа командарма и члена Реввоенсовета, как показал и опыт Великой Отечественной войны, помогает правильно руководить войсками. Нравилось мне и то, что Ворошилов не только вносил предложения, но и сам активно участвовал в практическом осуществлении их, старался найти кратчайшие, проверенные опытом пути.

Сейчас после долгой паузы Ворошилов предложил:

— Лучше бы съездить в Харьков и доложить обо всем командюжу лично. Одно дело — бумага, а другое — личное общение.

— А кто поедет? Мне нельзя. Может быть, ты отправишься?

— Могу, если не возражаешь, — согласился Ворошилов и добавил: — Сергей Константинович Минин собирается в Лубны по делам снабжения, и я с ним, а оттуда — в Харьков.

— Проведем заседание Реввоенсовета — и поезжайте, — сказал я.

На заседании Реввоенсовета¹ обсуждались вопросы, связанные с празднованием 3-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и первой годовщины со дня образования (17 ноября 1919 г.) 1-й Конной армии. Договорились отметить эти праздники славными боевыми делами. Было намечено провести в частях короткие митинги, но только там, где позволит боевая обстановка.

Учитывая нужду в продуктах питания, которую испытывали в центре страны, решили в дар рабочим Петрограда, Москвы и Тулы ко дню 3-й годовщины пролетарской революции отправить маршрутный поезд с продовольствием. Эшелон поручили составить опродкомарму: по 10 вагонов Москве и Петрограду и 5 вагонов Туле. Сопровождать эшелон была выделена группа бойцов во главе с комиссаром Чурусовым. Я распорядился, чтобы с отправкой эшелона с хлебом поторопились. Вардин заверил меня, что все будет в порядке. А на другой день тот же Вардин сказал, что дело подвигается туго.

— Почему?

— Нет пустых вагонов.

---

¹ ЦГАСА, ф. 245, оп. 1, д. 97, л. 1.

Вижу, что он еще не все сказал, смотрит на меня с опаской, словно боится, что стану ругать.

— Что еще?

— Хлеб весь собрали, но опять неувязка — нет паровоза.

Пришлось заняться и этим вопросом. Все-таки состав был отправлен, и мы получили благодарность от Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина.

23 октября все дивизии Конармии сосредоточились в районе Березнеговатое. Мы остановились в этом селе. Здесь я получил телеграмму от Ворошилова. Климент Ефремович сообщал, что уже находится в Лубнах и на следующий день выезжает в Харьков. Перед этим у него состоялся разговор по прямому проводу с Главкомом С. С. Каменевым. Вот запись этой беседы.

Ворошилов: Здравствуйте, товарищ Каменев.

Первое. Вы требуете прибыть в Харьков командарму или мне. Командарм прибыть абсолютно не может, так как двигается вместе с армией к фронту и в случае поездки в Харьков не сможет вернуться к началу операции.

Второе. Присутствие мое в армии к началу операции также крайне необходимо. В случае если настоящий разговор не исчерпает все ваши вопросы и указания, то я приеду в Харьков, но убедительно прошу в этом случае ваших распоряжений возможно быстрее передвинуть мой бронепоезд в Харьков и обратно, чтобы мне не опоздать к началу операции. В Лубны я прибыл сегодня и завтра предполагаю вернуться в армию.

По поводу предварительной директивы командюжа командармом были посланы соображения, которые рассматривались командармом и нами не как попытка уклониться от точного исполнения директив и приказов командюжа, а как практические соображения вполне естественные, какие могут быть у каждого командарма, тем более речь шла о директиве предварительной. Что касается сроков операции, то указанные нами для нашей армии сроки продиктованы абсолютной неизбежностью, так как несмотря на все принятые меры при данных условиях подвести всю армию в полной боевой готовности раньше указанных сроков совершенно невозможно...

Доводим до вашего сведения, что Конармия в данное время почти совершенно не обслуживается в смысле перевозок по железным дорогам. Сорок эшелонов тыловых учреждений и баз, которые необходимо немедленно выдвинуть возможно ближе к армии, особенно тогда, когда она идет авангардом, нет возможности сдвинуть с места. Мало того, даже боевые эшелоны, как, например, воздухофлот, включая его и боезвено, до сегодняшнего утра был задержан частью в Ромодане, частью в Кременчуге.

Просим ваших дальнейших указаний и распоряжений.

Каменев: Здравствуйте, товарищи Ворошилов и Минин!

Первое. Считаю прибытие в Харьков товарища Ворошилова необходимым, так как согласен, что командарму покинуть сейчас армию затруднительно. Но переговорить об операции абсолютно необходимо, дабы ничего неясного в дальнейшем ходе операции не было. Желателен ваш приезд к тринадцати часам 24 октября. В УПВОСО я только что сделал распоряжение и по видимому этот срок возможный. Постараемся не задерживать вас ни одной минуты.

Второе. По поводу ваших соображений нарекания с моей стороны заключались в том, что они посланы по всем адресам, тогда как они должны быть посланы лишь по оперативной линии.

Третье. К сожалению, срок начала операции больше зависит от обстановки на фронте, чем от каких-либо других причин, с чем вы завтра, вероятно, согласитесь со мной.

Четвертое. Приму все меры, чтобы наладить перевозку эшелонов Конармии. Боюсь только, что здесь есть технические невозможности. Во всяком случае и этот вопрос завтра осветим.

Больше вопросов не имею. Считаю очень удачным, что удалось с вами переговорить и наладить свидание...¹

Поздно вечером я связался с полештармом. К аппарату подошел новый начальник штаба Лецкий.

Буденный: Какие у вас имеются сведения о фронтах?

---

¹ ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 979, лл. 207—208.

Лецкий: Полештарм прибует в Казанку в 16 часов. Особая кавбригада проследовала в Николаевку. Вчера достигла района Братолюбовки, немного уклоняясь от своего района, где будет иметь дневку. С начштармом связь имеется. Получен ряд шифровок, видимо директив, они расшифровываются.

На Западном фронте наши части продвинулись на линию согласно условиям перемирия, боевые действия прекращены. На Южном фронте по Днепру — без изменения. Наши части заняли Славгород и Ново-Николаевку. Далее до моря без изменений.

Разведкой установлено, что противник — первый армейский корпус в составе марковской и корниловской и дроздовской дивизий — оттягивается на заранее укрепленные позиции. Этот корпус уже прошел станцию Чокрак. Конный корпус в составе Терско-астраханской кавбригады, 1-й Кубанской кавдивизии также оттягивается на юг, уже прошел Рубановку, что в 65 верстах северо-восточнее Каховки. 6-я пехотная дивизия отошла в район Горностаевское, в 20 верстах юго-восточнее Рубановки.

Нам предложено организовать контроль по оперативному пункту. Товарищ Ключев предлагает установить там два юза, несколько аппаратов Морзе, оставить два легковых автомобиля, взвод летучей почты, одну радиостанцию и прочее. По мере передвижения будет передвигаться и оперпункт.

До нашего прибытия в Казанку из Лубен была получена здесь шифровка для вас. Пока все.

Буденный: Передайте товарищам Ворошилову и Минину, чтобы они приняли самые радикальные и срочные меры для немедленного отправления на станцию Снегиревка обмундирования и всего, что имеется у нас, оружия — винтовок, шашек — с таким расчетом, чтобы удовлетворить дивизии к 26-му, так как в дивизиях учащаются случаи заболевания бойцов. Я сейчас нахожусь на станции Березнеговатая. Орловский и эскадрон прибыли сегодня в село Большая Романовка.

Что касается оперпункта, то его установить необходимо, но не в таком масштабе, как сообщает Ключев. Радиостанция и машины должны безотлучно находиться при полештарме. Не нужно также взвода кавалерии, а оставить при пункте 200 всадников. Кроме того, маши-

ны необходимо снабдить достаточным количеством горючего, покрышками и камерами и непременно придать их начдивам, которые и будут держать связь с полештармом, а полештарм — с контрольным пунктом. О машинах сообщите товарищам Ворошилову и Минину.

Вы тоже ухитрились послать со мною четыре машины без горючего, а имевшуюся на станции Знаменка цистерну угнали в Крюков. Необходимо разыскать продовольственные и артиллерийские летучки и немедленно направить их на станцию Березнеговатая.

Сообщаю для сведения, что железная дорога Николаев — Херсон — Снегиревка — Апостолово действует.

Все имеющиеся шифровки, если они чрезвычайной важности, постарайтесь доставить в расшифрованном виде Орловскому, который находится в Большой Романовке, — при нем имеется две легковые машины. Я буду находиться при штадиве 4 и если явится возможность, то завтра заеду к командарму 6.

Сообщите, есть ли при полештарме горючее для машины.

Кроме того, сообщите товарищу Ворошилову, что в дивизиях нет никаких смазочных веществ для винтовок, пулеметов и орудий. Кончается взрывчатка.

Лецкий: Вас понял, Семен Михайлович. Все ваши приказания срочно исполню.

Начальником полештарма Георгий Иванович Лецкий стал недавно. Он сменил Степана Андреевича Зотова, который был назначен на должность начальника оперативного управления. Был Лецкий с виду мешковатый, глаза немного раскосые. В них, как мне казалось, стоял всегда один и тот же вопрос: «Ну, как я?» После первой беседы с Лецким на душе у меня остался неприятный осадок. Нет, речь идет не о каких-либо душевных качествах Георгия Ивановича, а о его военной подготовке. Что-то в стиле работы у Лецкого было не свойственное коннику: нетороплив, распоряжения отдавал с оглядкой, мало проявлял инициативы. Взять хотя бы те вопросы, о которых я говорил с ним по прямому проводу. Ведь кому-кому, а начальнику полевого штаба должно быть ясно, что в период подготовки к наступлению особо нужен его зоркий глаз: все ли получили войска, в чем ощущается нехватка, что где застряло. А он не очень-то торопился. Вот и приходилось подстегивать

его. Однако надо сказать, что все мои распоряжения Лецкий выполнил оперативно, и вскоре бойцы получили теплое обмундирование, оружие, смазочные материалы.

Вопросы снабжения армии по-прежнему отнимали у нас много времени. Когда мы из Новополтавки переехали в Большую Романовку, нас вскоре пригласил к себе председатель исполкома. Я, Вардин и Орловский направились к нему. Нас встретил высокий седой не по годам мужчина, небритый, в черном потрепанном, выдавшем виды пальто. Пригласил в кабинет: то была маленькая комнатка с черными закоптелыми стенами. Деревянный стол, несколько табуреток. На столе — карта Украины.

— Рад видеть вас, товарищ Буденный, — сказал председатель.

«Председателю надо следить за собой, ведь представитель Советской власти», — подумал я, но промолчал. А тот, словно догадавшись о моих мыслях, смущенно сказал:

— Закрутился... Всю ночь был на маслодельном заводе. Заминка там случилась. А масло Республике давай. Не успел побриться. Вы уж извините...

Новополтавка — село зажиточное. Здесь имелись сыроваренный и маслодельный заводы. Хлеба и фуража достаточно. Но председатель стал жаловаться на тяжесть разверстки.

— Не знаю, что и делать, — сокрушался он.

— Сколько вы должны сдать хлеба? — поинтересовался Орловский.

— Пятьдесят тысяч пудов. А дать в состоянии не более пятнадцати.

Оказывается, райпродком определил урожай в 47 пудов с десятины, тогда как фактически уродилось 30 пудов. Разверстку начисляли из расчета всей земли, а засеяно было меньше.

— Что же собираетесь предпринять? — спросил я.

— Видимо, другими продуктами будем заменять. Есть у нас фураж.

— И можете нам продать для лошадей?

— О том и речь, — повеселел председатель. — Для вас мы ничего не пожалеем. Врангеля надо прихлопнуть. Иначе, если он сюда дойдет, всех изничтожит.

И хлеб до зерна заберет. Белогвардейцы — это же не люди, звери. А Конная армия — наша, родная.

— Верно, — подхватил я. — Так и скажите населению: наша армия защищает Советскую власть, а не власть буржуев. Значит, и помогать надо армии...

5

После полудня 24 октября начполештарма доложил, что меня и К. Е. Ворошилова вызывает на станцию Апостолово М. В. Фрунзе.

— Надлежит быть, товарищ командарм, завтра, 25 октября. Клименту Ефремовичу уже сообщено об этом, и он выезжает в Апостолово.

«Значит, командюж получил наши предложения по предстоящей операции и приглашает на беседу», — подумал я.

Стали готовиться к поездке. Вардин в шутку сказал:

— Задаст вам перцу командюж, если сам приехал из Харькова.

Я ответил начальнику политотдела армии, что, возможно, и задаст. Но дело революции для меня дороже всего на свете.

Поздно вечером я выехал на станцию Апостолово. Ворошилов был уже там. Оказывается, он вернулся с полдороги. Мы ждали, когда нас примет командующий Южным фронтом.

И вот из салона командюжа выходит плотный, коренастый, с характерной улыбкой на открытом лице человек. Мы торопливо идем навстречу, обнимаемся. Я называю его товарищем Михайловым, Ворошилов — товарищем Арсением.

— Какими судьбами? — засыпаем его вопросами. — Из Москвы?

— Да, был и в Москве, — отвечает он.

— Теперь к нам, надолго? С поручением Ленина?

— Безусловно.

— Что делаете теперь? Чем занимаетесь? Надолго к нам? Когда опять в Москву? У командюжа были?

— Был, — смеется Фрунзе.

— Где он теперь?

— Отдыхает.

— Слушай, Арсений, — говорит доверительно Ворошилов. — Кто он такой? Сердитый?

— Очень. Вот проснется, задаст всем взбучку. Тоже мудрецы. Разослали свою бумагу всем, всем и копию базару.

— Что вы говорите? — возмутился я. — Мы послали только товарищу Ленину, Главкому и командую.

— Я говорю о копиях, — усмехается Фрунзе. — Где гарантия того, что какая-либо из этих копий не стала известной противнику?

— Вы сами читали нашу шифровку? — допытываюсь я.

— Читал.

— Ну и как?

— Да поймите, — тихо произнес Фрунзе, — армии уже выполняют директиву, и я не могу изменить ее.

— Вы?..

Увидев изумление на наших лицах, Фрунзе снова рассмеялся:

— Не узнали? Приняли за другого? Ничего, бывает.

Словно камень свалился с души. Я был несказанно рад, что командующим оказался Михаил Васильевич.

Фрунзе был выдающимся деятелем Коммунистической партии, талантливым полководцем. Партия поручала ему наиболее ответственные задания, и он успешно выполнял их. Стойкий большевик, верный идеям марксизма, он жил делами партии, до последнего вздоха был предан ее великим идеалам, отдавал все свои силы делу освобождения трудового народа, борьбе за его светлое будущее. Накануне Февральской революции М. В. Фрунзе вел революционную работу среди войск на Западном фронте, возглавлял там подпольную большевистскую организацию. В дни корниловского мятежа возглавил штаб революционных войск Минского участка. В сентябре 1917 года его избрали председателем Шуйского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во главе двухтысячного отряда шуйских красногвардейцев он участвовал в октябрьских боях в Москве. В декабре 1918 года партия послала М. В. Фрунзе командующим 4-й армией Восточного фронта, позднее — командующим Южной группой войск Восточного фронта. В 1919 году, будучи командующим войсками Восточного фронта, М. В. Фрунзе возглавил наступление на Колчака, затем принял Туркестанский фронт и успешно провел ликвидацию белоказахской Уральской армии и

основных сил басмачества. С X партийного съезда М. В. Фрунзе — член ЦК РКП(б).

Военный талант Фрунзе очень высоко ценил Владимир Ильич Ленин. Когда Михаил Васильевич ехал через Москву на Южный фронт, Ленин пригласил его на беседу, в ходе которой указал на крайнюю необходимость ускорить наступление на Врангеля, чтобы до предстоящей зимы Крым был освобожден.

Фрунзе пригласил нас в салон. Завязалась откровенная беседа. Михаил Васильевич сказал, что он считает наш план оригинальным, заслуживающим внимания, но вынужден отклонить его. И он стал терпеливо разъяснять нам почему.

— Врангеля нужно уничтожить до зимы и именно в Северной Таврии, — сказал Фрунзе. — Задача трудная и сложная. Врангель еще очень силен. Драться будет отчаянно. Но мы обязаны не пустить его армию в Крым, сокрушить ее в Северной Таврии, на подступах к Перекопу и Чонгару. Тогда и Крымом быстро овладеем. В связи с этим операция и разделена на два этапа.

При разработке плана стратегического контрнаступления М. В. Фрунзе делал упор на применение самых эффективных и решительных мер: двусторонний охват противника, удары по флангам и тылам, окружение.

— Особые надежды, — сказал Михаил Васильевич, — я возлагаю на Первую и Вторую Конные армии. Конница — самая мощная и подвижная группа фронта.

Михаил Васильевич, взяв со стола указку, подошел к карте.

— 28 октября 6-я армия Корка своим левым флангом совместно со 2-й Конной перейдет в решительное наступление на врага, засевшего в районах Рубановки и Серогоз. В этот же день ваша армия, Семен Михайлович, переправившись через Днепр, стремительным маршем выйдет на фронт Аскания-Нова, Громовка. Уничтожая противника, отходящего от Никополя, Корк тем самым обеспечит ваш рейд. Вам надлежит отрезать противника от перешейков и наступлением с юга на Агайман, Серогозы совместно с 6-й армией и 2-й Конной окружить и уничтожить там главные силы врага. Ну как, по плечу задача, товарищ Буденный?

Мы заверили командующего, что приложим все силы и приказ выполним.

Зашла речь о Махно. Я решительно заявил, что сейчас самое подходящее время разоружить его армию. Махно прекратил борьбу с Советской властью, но временно. Мы его вынудили к этому. И чуть изменятся обстоятельства — он снова начнет вредить нам.

— Все это мне известно, дорогой Семен Михайлович, — сказал Фрунзе. — Да, Махно временный и ненадежный союзник. Но мы идем на соглашение с ним, чтобы обеспечить себе тыл. Армию Махно мы включили в состав Южного фронта, однако я и сам не уверен, что он станет активно бороться против Врангеля.

— Ох, чует мое сердце, Михаил Васильевич, что нам еще придется иметь дело с Махно, — заметил я.

— И мое сердце чует, — согласился Фрунзе, — но что будет потом — увидим... Соглашение с Махно целесообразно и потому необходимо. Такова точка зрения и Владимира Ильича. Не читали его доклад о внутреннем и внешнем положении Республики на совещании актива Московской организации РКП(б) 9 октября? Так вот, Ленин говорил, что элементы, группировавшиеся около Махно, уже испытали на себе режим Врангеля, и то, что он им может дать, их не удовлетворило. Здесь получилась такая же картина, как с Деникиным и Колчаком: как только они затронули интересы кулаков и крестьянства вообще, последние переходили на нашу сторону.

Фрунзе рассказал нам о том, что перед отъездом на Южный фронт его принял В. И. Ленин. Долго беседовал. Напутствуя Фрунзе, Владимир Ильич особо подчеркнул мысль: не допустить зимней кампании.

— Об этом, — сказал Фрунзе, — я и вас прошу помнить. Повторяю, ваш план не лишен оригинальности, но поздно теперь уже обсуждать его. Кстати, Главком того же мнения.

Теперь после беседы с М. В. Фрунзе нам стало понятно, почему уже нельзя менять план наступления войск Южного фронта, утвержденный ЦК партии. Ведь оставалось два дня до начала решительного штурма Врангеля.

— На совещании командующих будет Главком, — сказал Михаил Васильевич. — Он уже здесь. Прибыл на Южный фронт по указанию Владимира Ильича.

Совещание началось поздно вечером. Оно было ко-

ротким и деловым. Главком С. С. Каменев, коротко обрисовав обстановку в стране и, в частности, на Южном фронте, сообщил о том, что предпринято главным командованием для усиления войск Южного фронта. В частности, С. С. Каменев сказал, что для объединения морской обороны Черноморского побережья в одних руках в составе Южфронта образован объединенный Приморский укрепрайон с подчинением его Реввоенсовету Южного фронта. Комендантом Приморского укрепрайона назначен начальник морской обороны т. Пини.

На совещании не присутствовали командарм 13-й армии И. П. Уборевич и командарм 4-й армии В. С. Лазаревич, поэтому Главком информировал, как у них обстоят дела. С. С. Каменев сказал, что, по отзывам Уборевича, 13-я армия приведена в полный порядок, она боеспособна. Дивизии уже занимают исходные позиции. Что касается 4-й армии Лазаревича, то она уже почти закончила сосредоточение и вместе с махновцами своей 23-й дивизией наступает на Александровск. На этом участке наши бойцы разбили целый полк дроздовцев, в районе Лежина прервана железная дорога Александровск—Орехов. Войска правобережной группы в целом подготовку к наступлению закончили. Об этом Главком доложил в Москву.

— Нас очень огорчает тот факт, — продолжал С. С. Каменев, — что мы до сих пор не наладили снабжение наших войск в этом районе. Причина — затор на железных дорогах. Я потребовал от командармов 13-й и 4-й армий, чтобы приняли все меры и в полном объеме обеспечили себе подвоз боеприпасов. Теперь о противнике. Выясняется, что свои главные силы он massирует в районе Серогозы, Менчекур, Мелитополь. Я допускаю мысль, что противник может попытаться нанести новый удар на каховский плацдарм. Тут командарму 6-й армии надо быть начеку.

Главком сделал паузу, посмотрел какие-то свои бумаги в папке, потом обратился ко мне:

— Товарищ Буденный, вы получили вчера телеграмму Владимира Ильича Ленина?

Я доложил, что такую телеграмму мы получили и уже обсудили ее на совещании Реввоенсовета. Мы делаем все возможное, чтобы быть готовыми своевременно начать боевые действия.

— Бойцы и лошади очень утомлены длительным маршем, но переправимся через Днепр как можно скорее, — добавил Ворошилов.

— Сроки наступления все армии должны выдержать, — заметил Каменев. — Сразу же после совещания я доложу Ленину.

И действительно, утром 26 октября С. С. Каменев послал Владимиру Ильичу телеграмму, в которой писал, что «на совещании командармов определен срок операции, согласованы действия, выяснено крупное преобладание наших сил. Продвижение 1-й Конной ускорено согласно заданиям. Существует твердая уверенность перехватить Врангеля»¹.

Затем слово взял М. В. Фрунзе. В основном он повторил то же самое, о чем говорил нам с Ворошиловым в беседе. Михаил Васильевич обратил внимание командармов на четкое и мужественное выполнение задач, поставленных войскам командованием.

— И еще одно, товарищи, — продолжал Фрунзе. — Обращаю ваше внимание на связь. Она должна быть бесперебойной...

Совещание закончилось глубокой ночью, и мы с Ворошиловым сразу же уехали в армию.

6

Утром 26 октября мы с Ворошиловым вернулись в Берислав. Начальник полештарма Лецкий доложил мне, что вчера поздно вечером прибыл Ока Иванович Городовиков, который назначен к нам начальником 6-й кавдивизии. Реввоенсовет 1-й Конной все время просил Главкома направить его к нам, и теперь я был рад. О. И. Городовиков — храбрый, боевой начдив, он пользовался большой любовью бойцов и командиров нашей армии. Очень скромный и на первый взгляд тихий, в бою он в своем спокойствии страшен. Я был уверен, что бойцы 6-й дивизии обретут в его лице достойного командира.

Вскоре появился сам Городовиков. Он доложил официально, а когда я обнял его, как старого боевого друга, Городовиков сказал:

— Рад я, Семен Михайлович, что снова мы вместе.

---

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. М., изд-во «Советская Россия», 1961, стр. 422.

Ох и дадим по банке «черному барону», только прошу — бросайте мою дивизию на самый опасный участок!

— И я рад, что ты вернулся, Ока. Слышал, что было у нас на переходе? Да, нелегко тебе придется.

Городовиков ответил, что доверие Реввоенсовета оправдает.

— Что касается бойцов, товарищ командарм, то они не подведут. Я умею с ними ладить, — сказал новый начдив. — Если что — первым лйду в атаку. С врангелевцами тоже знаком.

После проведенного в штабе совещания командного состава армии — начдивов и комиссаров, на котором мы с Ворошиловым рассказали о встрече с командюжем, о поставленных нам задачах, мы поехали в 6-ю кавалерийскую дивизию. Многие бойцы хорошо знали Оку Ивановича и с радостью восприняли известие о его назначении начдивом. Это было заметно по улыбкам на их лицах. Бойцы стояли в строю. Я обратился к ним с речью, рассказал о задачах, поставленных перед Конармией, подчеркнул, что партия большевиков, ее вождь Владимир Ильич Ленин призывают нас смело идти в решительный бой, уничтожить «черного барона» до наступления зимы.

— Верю, что каждый из вас до конца выполнит свой долг перед Республикой Советов. Смерть Врангелю!

Над притихшей степью прокатились мощное «ура» и возгласы: «Смерть Врангелю!», «Да здравствует Ленин!».

Когда возгласы стихли, я сообщил бойцам, что Реввоенсовет армии назначил начальником 6-й кавдивизии Оку Ивановича Городовикова.

— Вы знаете, — продолжал я, — что товарищ Городовиков храбрый и стойкий командир, за дело партии и трудового народа он не раз сражался с врагами. Надо помочь своему командиру наладить в полках крепкую, железную дисциплину, считать его приказы святыми, действовать в бою так, как начдив: смело, решительно, не боясь трудностей.

Потом, взглянув на Городовикова, стоявшего рядом со мной, сказал:

— Теперь ваше слово, Ока Иванович.

Городовиков кашлянул в кулак, потом заговорил о долге бойцов перед Республикой Советов. В заключение он сказал:

— Товарищи бойцы! Требую от каждого из вас высокой дисциплины, стальной выдержки и стойкости. Покажем в боях с Врангелем свою непоколебимую преданность делу пролетарской революции и социализма. Слава вам, красные бойцы!

И снова над степью звучит мощное «ура».

— Первым пойду в атаку, — сказал Ока Иванович.

Эти слова как нельзя лучше характеризуют его. Он никогда не думал о себе, всегда стремился быть там, где опаснее, где решается исход боя. И не ради личной славы, нет. Ока Иванович был удивительно скромным человеком. Он знал — не раз бывало, — придавит к земле конармейцев ураганный вражеский огонь, секунды — и можешь оказаться побежденным: дрогнут бойцы, и конец. Но вот рванулся вперед командир, лихо взмахнул шашкой, ринулись за ним конармейцы, и уже ничто не может остановить их. Хотя я нередко сдерживал начдивов, но в душе гордился — вот он, красный командир. Для него превыше всего честь, совесть, Родина. И он готов идти в самое пекло, только бы привести бойцов к победе, раздавить, уничтожить врага. Таким был и Ока Иванович. Видимо, особенно за это любили его бойцы.

Другая немаловажная черта Городовикова — его командирская зрелость. Он умел обхитрить врага, навязать ему свою тактику, а затем и разбить.

Помню, Главком С. С. Каменев (мы тогда шли на польский фронт) запросил меня, кого могу рекомендовать на должность командующего 2-й Конной армией. Без раздумий ответил — Городовикова. Ворошилов добавил:

— Это очень способный командир.

В состав 2-й Конной армии вошли две кавалерийские дивизии конного корпуса Жлобы, 2-я кавалерийская дивизия имени Блинова, 16-я кавалерийская дивизия, 4-я и 5-я кавалерийские бригады 40-й стрелковой дивизии и, кроме того, четыре артиллерийских дивизиона.

При формировании 2-й Конной, которая немедленно должна была вступить в бой, Городовиков столкнулся с огромными трудностями, о которых он мне рассказывал. Не хватало многого. Но самое главное — ощущалась острая потребность в подготовленных командирах. Число бойцов в армии не превышало 3500—4000 человек. Поэтому название «армия» являлось преувеличением и

должно приниматься условно. В лучшем случае это был корпус неполного состава.

Кавалерийские дивизии, входившие в состав армии, по своей боевой закалке, подготовке и боеспособности не были однородны. 20-я кавалерийская дивизия, переданная из конного корпуса, была заражена партизанщиной. Выгодно выделялась 16-я кавалерийская дивизия. Она имела хороших командиров и бойцов. Костяком армии были 2-я и 21-я кавалерийские дивизии, которые твердо хранили свои традиции и стойко сражались с врагами революции.

Реввоенсовет армии, лично О. И. Городовиков сделали многое, чтобы 2-ю Конную армию собрать в единый мощный кулак. Она провела ряд удачных операций. Реввоенсовет Юго-Западного фронта высоко оценил ее заслуги в ликвидации июльского наступления Врангеля. В присланной 1 августа телеграмме говорилось, что без 2-й Конной армии противник, превосходящий нас на линии огня численностью, конницей и пехотой, разгромил бы нашу пехоту, лишив ее техники, и был бы близок к осуществлению своей задачи. «В этих боях 2-я Конная приняла на себя все удары белогвардейской кавалерии и помогла 13-й армии выйти из критического положения. Вместе с ней 2-я Конная сорвала стратегический план Врангеля»¹.

Вместе с тем в длительных боях 2-я Конная армия понесла немалые потери, особенно в конском составе. Был некомплект в людях. Перед решающими боями главное командование все это учло, оно оказало армии необходимую помощь. А командующим 2-й Конной армией Реввоенсовет Республики 30 августа 1920 года назначил Филиппа Кузьмича Миронова.

Нас, конечно, интересовало, чем это вызвано. Осведомленные товарищи информировали нас, что сделано это не только для укрепления командования армии (О. И. Городовиков временно исполнял должность командующего армией), но и из политических соображений. Дело в том, что у казачьей верхушки на Дону и Кубани усилилось стремление выйти из подчинения Врангеля. Оппозиция была довольно сильной, и борьба с ней доставила барону немало хлопот. Кроме того, в

---

¹ ЦГАСА, ф. 246, оп. 3, д. 16, л. 113.

лагере Врангеля существовала вражда между «добровольцами» и донскими казаками, переброшенными в Крым морем с Кавказа весной 1920 года. Врангель даже устроил суд над командованием Донской армии — генералами Сидориним и Кельчевским, отстранив их от руководства казачьими частями. Донских казаков долгое время не вооружали, не давали им лошадей. Надо было использовать эти распри, ослабить сопротивление донских казаков или даже склонить их на нашу сторону. Ф. К. Миронов безусловно имел большой опыт командования кавалерийскими частями, знал сильные и слабые стороны кавалерии противника. К тому же его хорошо знали бойцы — кавалеристы, уроженцы Дона и Кубани, и это обстоятельство имело в то время немало важное значение.

После того как Ока Иванович принял дивизию, мы с Ворошиловым пригласили его к себе.

— Ну, рассказывай, Ока Иванович, как вы там били Врангеля?

Городовиков, по натуре своей скупой на слова, и сейчас не был словоохотлив. Однако из его рассказа нам стало ясно, что Врангель намерен сражаться до конца. Его войска до зубов оснащены оружием, дерутся в бою до последнего патрона. Особенно офицеры-белогвардейцы. В плен не сдаются — последнюю пулю себе...

— Наши бойцы бьются отчаянно, смело, хотя вооружены они слабее врага, — заключил Городовиков.

Мы с Ворошиловым уже знали, что Городовиков, будучи командармом 2-й Конной, встретился с большими трудностями. Одно дело командовать дивизией, другое — армией, да еще такой разношерстной, какой была 2-я Конная.

— Тяжело мне было, Семен Михайлович, — рассказывал Ока Иванович. — В Первой Конной меня все знают, а там — люди новые. Отсюда и все трудности в командовании. К тому же я сам давно просил вернуть меня к вам и рад, что мою просьбу удовлетворили.

Помолчали. Потом Ворошилов сказал:

— У нас тоже нелегко, но мы-то вас знаем. Уверены, что шестая кавдивизия с честью выполнит поставленные перед ней задачи в предстоящих боях.

...Я вернулся в штаб поздно вечером. Здесь меня ожидал приказ командующего Южным фронтом о пере-

ходе в общее наступление против Врангеля (М. В. Фрунзе издал этот приказ сразу же после совещания в Апостолово). Срок наступления назначался на 28 октября. В приказе сообщалось, что противник продолжает отход на линию мелитопольских укрепленных позиций. В районе Рубановка, Верхний Рогачик, Б. Белозерка, Веселое отмечено присутствие главных сил 1-го армейского корпуса, снятых с Александровского участка. Установлено, что перед фронтом 13-й армии находятся все части Донского корпуса противника.

Перед фронтом 6-й армии группировка прежняя, причем танки, бронемашины и часть тяжелой артиллерии отведены противником в Армянский Базар.

Части 4-й и 13-й армий продолжают наступление; к 12 часам 26 октября нами занята линия Ново-Григорьевское, Омельник, Богатый, Пологи, Конские Раздоры, Бельманка, Берестовое, Ново-Спасское.

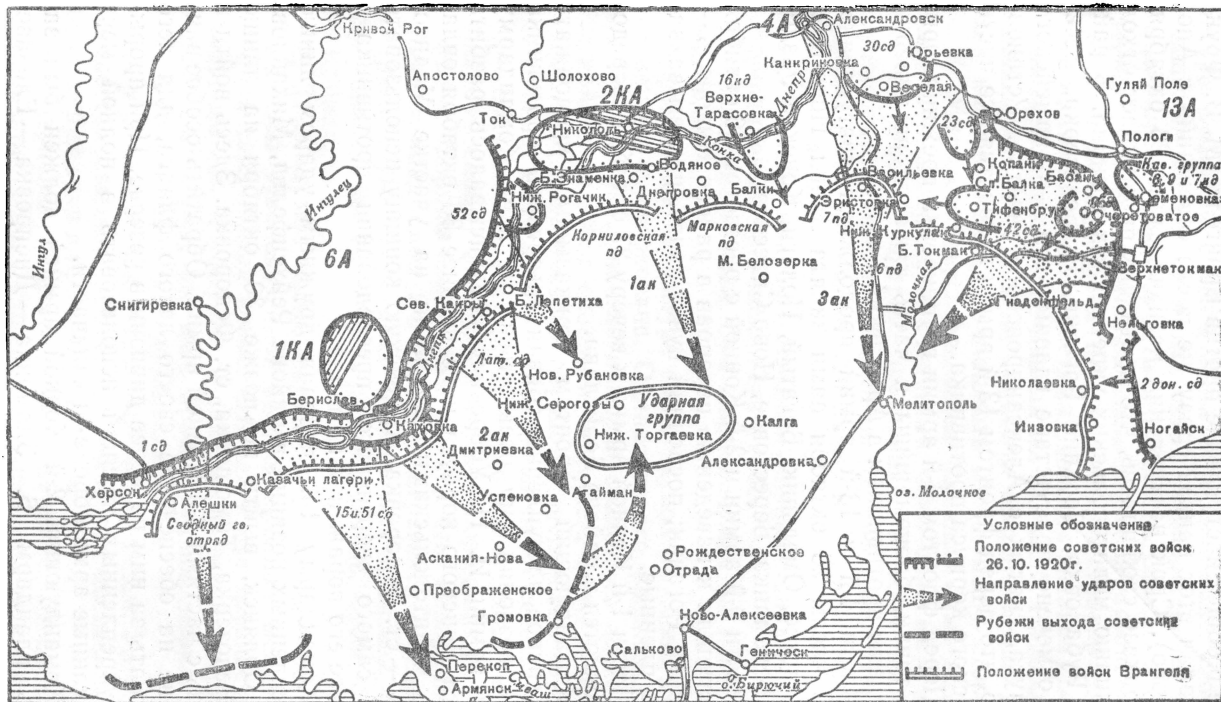
Части 6-й армии и 2-й Конной с рассветом 26 октября приступили к наведению переправ в районе Никополь — Нижний Рогачик; последний пункт занят, причем захвачены пленные.

Части 1-й Конной армии к вечеру 27 октября сосредотачиваются в районе Берислава.

Командующий фронтом приказывал продолжать энергичное наступление, сбивая арьергарды противника и не позволяя ему отрываться от нас. Командарму 13-й армии И. П. Уборевичу предписывалось разбить части Донского корпуса и не позднее 30 октября овладеть мелитопольскими позициями на участке Мелитополь — ст. Федоровка. Армейскую конницу использовать для самого энергичного преследования противника в случае его поражения и отхода.

Командарму 4-й, прорвав дружным ударом линию укрепленных позиций в районе Рейхенфельд, Михайловка, Орлянк, выйти не позже 30 октября на линию М. Белозерка, Тимошевка, ст. Федоровка. Здесь войти в связь с частями 2-й Конной армии. Обратит особое внимание на обеспечение своего левого фланга, для чего держать за ним не менее дивизии в резерве. При прорыве укрепленных позиций использовать в полной мере приданные армии броне- и авиачасти.

Командующий 2-й Конной армией должен был занять плацдарм Б. Знаменка — Днепровка — Елизавет-

План разгрома войск Врангеля по директиве командования Южного фронта от 26 октября 1920 г.

товка и удерживать его за собой во что бы то ни стало. С утра 29 октября перейти в энергичное наступление на Серогозы, Калашинскую и совместно с 6-й и 1-й Конной армиями окружить и уничтожить главные силы противника, группирующиеся в этом районе.

Войскам 6-й армии А. И. Корка, заняв и закрепив плацдарм Нижний Рогачик — Карайдубина, предписывалось надежно обеспечить здесь и у Каховки наше исходное положение. С утра 28 октября главными силами армии перейти в решительное наступление на юг и разгромить части 2-го армейского корпуса противника. Ударную группу обеспечить заслоном не менее дивизии, выдвинутой на линию Дмитриевка, Константиновка, Горностаевка. Армейскую конницу стремительно бросить на Чаплинку, в тыл противнику, с задачей отрезать ему отступление и на его плечах ворваться в Перекоп. Не менее одной дивизии иметь в резерве. 29 октября левым флангом армии совместно со 2-й Конной перейти в решительное наступление на Рубановку, Серогозы, уничтожая противника, отходящего от Никополя, и обеспечивая рейд 1-й Конной армии.

В случае общего отхода противника на фронте 2-й Конной и левом фланге 6-й командармам 2-й и 6-й развить решительное наступление, не стесняя себя указанным выше сроком (29.10), имея главной целью не дать противнику уклониться от наших ударов.

1-й Конной армии предстояло после переправы через Днепр у Каховки с 27 на 28 октября стремительным маршем выйти 29 октября на фронт Аскания-Нова, Громовка, отрезать противника от перешейков и решительным наступлением с юга на Агайман, Серогозы совместно с 6-й и 2-й Конной окружить и уничтожить главные силы противника. Мы обязаны были также при необходимости ударом на Чаплинку оказать содействие коннице 6-й армии в разгроме тыла противника, а особо выделенным боковым отрядом перехватить железную дорогу в районе Ново-Алексеевки.

Для энергичного содействия наступлению все авиасредства 6-й и 1-й Конной армий объединились в руках общего начальника. В случае неудачи попытки овладения Перекопом с налета командарму 6-й предписывалось немедленно приступить к подготовке артиллерийской и инженерной атаки перешейка.

26 октября М. В. Фрунзе телеграфировал Владимиру Ильичу из Апостолово:

«Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении. Решающими днями будут 30, 31 октября и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. На немедленный захват перешейков считаю не более 1 шанса из 100. В ночь с 25 на 26 в Апостолово провел совещание командармов и Ревсоветов 6, 2 и 1-й армий. Установлена полная согласованность и взаимное понимание. В частности, в отношении Ревсоварма 1-й и всей 1-й Конной у меня нет никаких сомнений в том, что она до конца выполнит свой долг. Все разъехались в наилучшем настроении. Даны соответствующие директивы в отношении Махно. Сегодня в 20 часов уезжаю в Харьков.

Командюж — Фрунзе»¹.

Одновременно с приказом мы получили Обращение к войскам Южного фронта, подписанное М. В. Фрунзе и членом Реввоенсовета фронта С. И. Гусевым. В нем говорилось:

«Мною отдан приказ о переходе в общее наступление против Врангеля. Республика и главное командование сделали все, что могли, для обеспечения нашего успеха; сила для сокрушения врага собрана вполне достаточная. Противник, потерпев ряд жестоких неудач в последних боях, надломлен и вновь готов забраться в Крым, чувствуя надвигающуюся гибель. Наша задача — предупредить этот отход дружным стремительным ударом всех армий фронта. Надо разгромить его живые силы и на плечах бегущих белогвардейцев ворваться в Крым.

Кампанию можно окончить одним ударом и выполнить — это наш долг перед всей страной и перед нами самими. Зимней кампании не допустить ни в коем случае. Красные бойцы фронта! Для нас наступил час последнего и решительного боя. Никаких отступлений отныне не будет, каждый должен выполнить долг до конца.

Вперед на врага!

Да сгинет последний очаг контрреволюции и да здрав-

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 394.

ствует наша победоносная Рабоче-Крестьянская Республика!»¹

В ночь на 26 октября на станцию Березнеговатая прибыл эшелон с одеждой и боеприпасами. Погода была холодная, студеный ветер обжигал лицо, и я был обрадован, что обмундирование для бойцов прибыло как нельзя кстати. Начальнику полештарма приказал немедленно вызвать из дивизий и частей подводы.

— Сам я поеду на станцию и буду там находиться до полной разгрузки эшелона, — предупредил начальника полештарма.

Сразу же после этого выехал на станцию. А уже днем новое обмундирование выдали бойцам. Настроение конармейцев заметно поднялось.

Выполняя приказ, мы приняли все меры, чтобы 27 октября Конная армия сосредоточилась в районе Берислава. А на другой день она переправилась на каховский плацдарм по заранее наведенному 6-й армией мосту. Мы с Ворошиловым целый день провели на переправе, следя за движением войск, проверяя их готовность к предстоящим боям.

За 28 дней Конная армия, ведя непрерывные бои с многочисленными бандами, прошла путь почти в 700 километров, сохранив при этом полную боеспособность.

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 393.

3. ИДЕМ В РЕШАЮЩИЙ БОЙ

1

Территория, захваченная Врангелем в Северной Таврии, по форме напоминала треугольник. Вершина его, смятая нашей 4-й армией, находилась в районе Канкриновка, Юрьевка. Одну из сторон — левую — составляло нижнее течение Днепра. Другая — правая — проходила по линии Юрьевка, Ногайск. Основанием служили Каркинитский залив, Сиваш и побережье Азовского моря от Генического до Ногайска.

Наши войска располагались по сторонам треугольника так.

Рубеж от Херсона до Нижнего Рогачика — на правом берегу Днепра — занимала 6-я армия А. И. Корка. Основные ее силы находились на каховском плацдарме (уже на левом берегу). На левом же берегу в районе Большая Знаменка, Водяное и севернее, а также в районе Балки размещалась 2-я Конная армия. В Бериславе сосредоточивались соединения 1-й Конной армии.

На вершину треугольника давили части 4-й армии. Ее 23-я дивизия 27 октября вышла в район Орехов, Копани.

На противоположной — восточной стороне треугольника размещались войска 13-й армии. Ее 42-я дивизия, выйдя к району Сладкая Балка, Большой Токмак, стала соседом 23-й дивизии 4-й армии.

9-я стрелковая дивизия 13-й армии и 2-я Донская занимали линию от побережья Азовского моря (Ногайск) до Вербовое. 9, 7 и 5-я кавалерийские дивизии расположились восточнее этой линии; 9-я — в районе

Басан, 5-я — в районе Семеновки и 7-я — в районе Скеливата (юго-западнее пункта Пологи).

У белогвардейцев в Северной Таврии находились крупные силы.

Фронтальная ударная группа была подчинена непосредственно Врангелю. Ее составляли конный корпус генерала Барбовича, Кубанская дивизия, дроздовская пехотная дивизия и Терско-Астраханская кавалерийская бригада. Размещалась в центре треугольника (район Серогоз).

1-я армия генерала Кутепова. В нее входили 1-й и 2-й армейские корпуса, сводный гвардейский отряд, резервные части генерала Черепова и ряд подразделений специального назначения. Армия противостояла нашей 6-й и 2-й Конной армиям. 1-й армейский корпус занимал фронт от селения Большая Лепетиха до Балки, 2-й — от Казачьих Лагерьей до Дмитриевки, причем главные силы были сосредоточены против нашего каховского плацдарма. Сводный гвардейский отряд располагался от устья Днепра до Казачьих Лагерьей.

В вершине треугольника против нашей 4-й армии стояли 7-я пехотная дивизия, 1-я и 2-я дивизии Донского корпуса 2-й армии (генерал Абрамов). Другие соединения армии размещались у восточной стороны треугольника. Части 2-й армии имели задачей, опираясь на большетокмакские и мелитопольские позиции, сдерживать наступление красных войск с севера, северо-востока и востока.

Соотношение сил в Северной Таврии к началу наступления было в нашу пользу. Войска Южного фронта насчитывали почти 100 тысяч штыков и около 33,5 тысячи сабель. У Врангеля имелось 23 тысячи штыков и около 12 тысяч сабель. Но белогвардейцы были лучше обеспечены обмундированием, питанием, боеприпасами, конский состав кавалерийских частей не был измучен длительными переходами. С тыловыми районами белогвардейские части связывали хорошо налаженные коммуникации. Войска Врангеля опирались на заранее подготовленные позиции, в том числе на мощный оборонительный пояс Крымского перешейка. Надо учитывать и еще одну особенность врангелевских войск. Здесь сконцентрировалось почти все белогвардейское офицерство, люто ненавидевшее Советскую власть. Оно в свою оче-

редь опиралось на младший комсостав, состоявший в большинстве своем из зажиточных слоев населения. У Врангеля было в избытке опытных командных кадров. В войсках насаждалась жестокая дисциплина.

Погода тоже больше благоприятствовала Врангелю, чем нам: рано начались небывалые для тех мест холода. В октябре мороз доходил до 12—15 градусов. Дули северные ветры, мела поземка. Зимнего обмундирования у нас не хватало, и бойцы страдали от холода. Плохо подкованные лошади скользили на твердой, оледеневшей земле, то и дело выходили из строя...

И все-таки настроение было боевым, приподнятым. Мы знали, что идем в последний, решительный бой, что разгром «черного барона» будет означать конец войне. В нашей победе мы не сомневались.

Завершив марш, воины 1-й Конной, не теряя ни одной минуты (времени — в обрез), стали готовиться к ответственному рейду в тыл противника. Реввоенсовет, штаб и политический отдел армии, штабы дивизии и частей работали с исключительным напряжением. Проверялось состояние оружия, коней, техники, пополнялся боезапас. Поступило подкрепление, но, к сожалению, даже комсостав прибыл большей частью в летнем изношенном обмундировании. Надо было всех одеть, обуть, распределить по частям.

Начдивы получили указание ни в коем случае не обременять боевые части излишними повозками. Надо было взять в рейд самое необходимое, и прежде всего — достаточное количество огнеприпасов, а также продовольствия и фуража не менее чем на три дня. Каждому бойцу вменялось в обязанность иметь пару подков, 20 гвоздей и шипы.

2

Наступал исторический день — 28 октября. Все армии фронта переходили в решающее наступление на врага. Первой Конной предстояло с каховского плацдарма совершить стремительный рейд в тыл противника. Реввоенсовет не сомневался, что конармейцы с честью выполнят новую сложную боевую задачу. Не в первый раз им совершать смелые рейды по тылам врага!

Но как развернутся события, что нас ожидает, с какими неожиданностями встретимся? Ведь все предуга-

дать, все предусмотреть невозможно. Как удастся прорвать фронт белых? Каховского плацдарма они особенно опасались и создали здесь сильную оборону...

Долго сидел я в ту ночь над картой Северной Таврии. Надо бы отдохнуть, но сон не приходил. Думал все об одном и том же, пытался представить, что делается в штабе противника, чем занят сейчас сам Врангель? Что удалось нам скрыть? Что ему известно? Он, безусловно, знает, что красные готовят большое наступление. Какие контрмеры предпримет? Проигрыш сражения для белых — для самого Врангеля и его окружения, для большинства фанатичных врангелевских офицеров — равносильен смерти. Они ясно отдают себе в этом отчет и драться будут ожесточенно.

Некоторые историки и даже военные специалисты, говоря о Врангеле, порой умаляют его как военного деятеля. Это неправильно. Врангель был опытным и энергичным военачальником. Он умел собрать людей воедино, в один кулак, в нужный момент мог сыграть на настроении офицеров и солдат.

Этим и объясняется тот факт, что после поражения главы южнорусской контрреволюции Деникина в руководстве белого лагеря все чаще стало упоминаться имя Врангеля. Антанта увидела в нем именно того человека, который способен повести войска против армий молодой Советской республики. Жестокий и самолюбивый, Врангель и сам не прочь был стать «спасителем отечества».

Пожалуй, самым слабым местом в войсковой организации Врангеля были его генералы. Я хорошо знал и Покровского, и Шатилова, и Улагая, и других: нам приходилось их бить в 1919 году. Это были не очень храбрые вояки, с узким военным кругозором, с ограниченным оперативным мышлением. Улагай — в прошлом богатый помещик — мой давний «знакомый». В первую мировую войну я четыре года был у него в подчинении в 18-м драгунском полку. Потому и знал его слабые и сильные стороны.

Как-то теперь они будут драться, понимая, что на карту поставлено все?!

Рано утром 28 октября мы начали переход на левый берег Днепра. Первой переправлялась 14-я кавдивизия, за ней 4-я. 11-я кавдивизия закончила переправу во второй половине дня. Последней на левый берег Днепра

перешла Особая кавбригада. Ее бойцы расположились в Б. Каховке.

Как уже отмечалось выше, переправа прошла организованно, без каких-либо потерь в живой силе и технике, и уже на левом берегу перед началом рейда я подписал первый боевой приказ, в котором определил ближайшие задачи Первой Конной.

4-й кавдивизии предлагалось в 9.00 29 октября перейти в решительное наступление в направлении Аскания-Нова, Громовка, уничтожить на своем пути противника и к вечеру быть в районе Сергеевка, Грачевка, Воскресенка. При движении вести разведку в юго-восточном направлении. Дивизия нацеливалась на район крымских перешейков. Ее выход туда совместно с частями 6-й армии создал бы для армии Врангеля критическое положение.

14-й кавдивизии в 8.00 29 октября перейти в наступление в направлении Б. Токмак, Круглая, Н. Покровское. 11-й кавдивизии к вечеру достигнуть Агаймана. Разведку вести в полосе Петровское, Ниж. Серогозы. 6-й кавдивизии к вечеру 29 октября выйти в район Успенковка, Сисоева, Н. Ральевка, здесь расположиться на ночлег. Разведку вести в полосе Ниж. Серогозы, Рубановка.

Особой кавбригаде и полештарму к вечеру 29 октября перейти в Асканию-Нова. Разведку вести в южном и восточном направлениях.

Таким образом, 1-я Конная разбивалась на две группы: северную (6-я и 11-я кавдивизии) и южную (4-я и 14-я кавдивизии). Южная выходила к перешейкам, северная становилась на пути отступавшего врага, наносила по нему удар с тыла, с юга.

В день переправы мы получили телеграмму от М. В. Фрунзе, которая еще более воодушевила нас. «Лучший из корпусов армии Врангеля, — сообщал М. В. Фрунзе, — 27 октября разбился о 2-ю Конную армию; все попытки противника отбросить нас к Днепру окончились полной неудачей. В связи с нанесенными противнику большими потерями и обходом нами левого фланга его укрепленной линии Васильевка — Мелитополь несомненно противник начал общий отход в Крым.

Теперь от вас и вашей энергии зависит судьба нашей операции. Ценой полного напряжения сил вы должны отрезать противнику пути отхода в Крым, дабы общим

наступлением всех армий фронта уничтожить его живую силу. Не позднее 30 октября частями вашей армии должна быть перехвачена железная дорога на Сальково. *Фрунзе»*¹.

Речь шла о корпусе Барбовича. Он действительно был лучшим во всей врангелевской армии. В нем находились самые отъявленные головорезы, белые казаки, обладающие изрядным боевым опытом, вооруженные до зубов. Они не раз одерживали победы над нашими бойцами. Забегая вперед, скажем, что командующий был введен в заблуждение. В действительности же противник еще не был разбит, и его главные силы пока в Крым не отходили.

...Сражение в Северной Таврии, исключительное по своему значению для исхода гражданской войны, явилось объектом исследования ряда историков, о нем написано много книг. К сожалению, в отдельных трудах допускается субъективный подход в освещении некоторых фактов. Например, утверждается, что Первая Конная, начиная рейд с каховского плацдарма 29 октября, якобы не имела сколь-нибудь достоверных сведений о противнике, даже находившемся перед фронтом армии, что и в последующих боях командование 1-й Конной, я в том числе, пренебрегали разведкой.

Такое утверждение, мягко говоря, не соответствует действительности. Сказать о командире, что он бросает солдат в бой, ничего не зная о противнике, значит представить его абсолютно неграмотным в военном отношении. Командование фронта и наша разведка снабжали Реввоенсовет и штаб Первой Конной достаточно проверенными данными. Мы располагали подробными сведениями о том, где находятся части противника, каковы их силы, и были достаточно осведомлены о планах и замыслах Врангеля. Приведу лишь некоторые факты. Перед переправой войск 1-й Конной в районе Каховки полештарм армии заранее обсудил вопрос о состоянии разведки в дивизиях. С целью сбора точных сведений о противнике каждая кавдивизия вела боевую и агентурную разведку. В частности, нам почти в полном объеме

---

¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., Воениздат, 1941, стр. 417.

удалось узнать силы врангелевских войск на серогозском и геническом направлениях. Особое внимание было уделено организации разведки сразу же после переправы войск. Причем наши разведчики проникали не только в ближние, но и дальние тылы врангелевцев, даже в Крым...

Наступление на врага, начатое на рассвете 28 октября, развивалось успешно.

Части 6-й армии, в том числе закаленная в боях 51-я дивизия В. К. Блюхера, прорвав оборону противника, быстро продвигались вперед и к исходу 29 октября подошли к Перекопу, закрыв Врангелю путь отхода в Крым через Перекоп. В районе Херсона успешно переправились через Днепр части 1-й стрелковой дивизии. Латышская и 52-я дивизии наступали на Агайман — Серогозы. По всему фронту теснила противника 13-я армия И. П. Уборевича. Отдельные ее части, преследуя врага, совершили переход почти в 60 километров и заняли Мелитополь — крупный опорный пункт вражеской обороны. С 26 октября вела бои и развертывала свои силы на левом берегу Днепра 2-я Конная. Утром 28-го ее 16-я кавдивизия начала марш на Орлянск, Большую и Малую Белозерки. Из-под Александровска двигалась 4-я армия. Между ее частями и белогвардейцами начались бои в районе Большой Токмак. Врангелевцы сопротивлялись с отчаянностью обреченных, переходили в яростные контратаки, пускали в ход авиацию, танки, бронепоезда, но были не в силах остановить наступление красных войск, охваченных могучим наступательным порывом. Желание скорее разгромить ненавистного врага и завоевать Родине мир удесятерили силы наших воинов.

Обгоняя пехоту, на степные просторы вырвались красные конники.

4-я кавдивизия 1-й Конной, пройдя за день 50 километров в тылу врага, вышла в район Аскания-Нова, Громовка. Достигли намеченных в приказе пунктов 14-я и 6-я дивизии и Особая бригада. 6-я кавдивизия в районе Успеновка, Ново-Репьевка встретилась с разъездом противника, захватила пленных и к вечеру установила связь с Латышской дивизией. Части 11-й кавдивизии (1-я и 2-я кавбригады) в 19.00 29 октября заняли Агайман. В селении находились тыловые учреждения 2-й армии противника, оказавшие сопротивление. Несколько чело-

век было зарублено, 40 взято в плен, в том числе офицеры. Захвачено большое количество обозов, главным образом с продовольствием и фуражом, артсклад и до 10 миллионов рублей вражескими кредитками.

29 октября Реввоенсовет и полештарм Первой Конной оставовились в Аскании-Нова.

Аскания-Нова — единственный в своем роде государственный заповедник в степной Украине — вела большую работу по акклиматизации и гибридизации животных, по выведению новых пород домашнего скота. Заповедник находился под особой охраной государства. Советская власть даже в труднейшие дни гражданской войны выделяла заповеднику все, что могла, оказывала его работникам всемерную поддержку.

Аскания-Нова находится в 40 километрах юго-восточнее Каховки. Еще перед наступлением я беседовал с Климентом Ефремовичем Ворошиловым о том, как быстрее, по возможности без боя, взять этот населенный пункт, чтобы сохранить заповедник.

Все было тщательно продумано, и наступление наших частей оказалось для врага неожиданным. Врангелевцы бежали, не успев нанести заповеднику сколь-нибудь существенный урон.

Служил у нас в штабе писарем Иван Селезнев из Сальского округа — разбитной грамотный парень. Я вызвал его к себе и говорю:

— Вот что, товарищ Селезнев. Назначаю тебя комендантом заповедника. Он представляет для нашего государства большую ценность, и все то, что в нем имеется, надо сохранить.

— Слушаюсь, товарищ командарм, — четко ответил Селезнев. — Сберегу все как положено.

И хотя для нас был дорог каждый конник, мы выделили людей для охраны заповедника. Позже все хозяйство заповедника мы передали по акту представителям украинского правительства. Вот этот своеобразный документ:

«Предсовнаркома УССР тов. Раковскому
Ново-Троицкое, 5 ноября 1920 года.

При занятии 1-й Конармией имения Аскания-Нова там оставлен представитель РВС с охраной, дабы предотвратить от разгрома проходящих частей столь ценного советского имения с единственным в мире зоологи-

ческим садом, большим количеством овец, скота и хлеба. Сообщаем, что будем нести охрану имения до 15 ноября, после чего просим принять от нас таковое для передачи Советской власти. В имении до 1 октября числилось племенных заводских овец 6162, волов 66, кобылица английская заводская одна, лошадей приплода 1929 штук, верблюдов 75, буйволов 20. В зоопарке млекопитающих 32 вида, всего 256 штук, птиц 166 видов, всего 1422 штуки, зерна — пшеницы около 6000 пуд., ржи 5000 пуд. и ячменя 3000 пуд.

Реввоенсовет 1-й Конармии — *Буденный, Ворошилов, начполештарм Лецкий*».

Поступила одна из первых разведсводок. Начполештарм Лецкий докладывал, что из опроса пленных офицеров тыловых учреждений врангелевской армии 29 октября выяснено: утром 29-го в Нижних и Верхних Серогозах находились штаб 1-й армии (Врангеля), штабы конкорпуса и 6-й пехотной дивизии. Части 1-й армии 29-го находились в районе Торгаевка, Серогозы и прилегающих хуторов Верхние Серогозы, Нижние Серогозы, Верхняя Рубановка. 28 октября там стояла Терско-Астраханская бригада, прибывшая из Нижнего Рогачика. По заявлению одного из пленных, чиновника Камбурга, в указанном районе находился также гусарский Александровский полк.

Задачей 1-й армии было ликвидировать группу красных войск в Каховском районе. Этому помешало стремительное наступление наших частей. Из предварительного опроса пленных, в частности коменданта 3-го района 2-го армкорпуса поручика Платова и полковника Сенягина (штабс-офицера для связи Астраханского казачьего войска), удалось выяснить силу некоторых частей противника Серогозского района. Терско-Астраханская отдельная бригада состоит из Терского и двух Астраханских кавполков. Во всех полках по 4 сотни и по пулеметной команде (6 пулеметов), 1-й Астраханский полк — 300 сабель, 2-й — 120 сабель. Численность Терского полка не выяснена. Комбриг — генерал-майор Агеев. Начальник штаба — полковник генштаба Соколовский. Конский состав полков не выяснен. В Ново-Троицком находится Терско-Астраханский запасный дивизион — около 200 сабель при 15 офицерах...

Здесь же, в Аскании-Нова, исходя из общего плана разгрома врага в Северной Таврии, я поставил задачу войскам Первой Конной на 30 октября.

11-я кавдивизия должна была, поддерживая продвижение 4-й кавдивизии, основными силами наступать в направлении Кучкогус, Петровское, станция Юрицыно, занять эту станцию и прилегающие к ней населенные пункты (хутор Адамы, Черный Пад). 1-й кавбригаде (комбриг Г. Колпаков) выступить из Агаймана, произвести налет на Нижние Серогозы и захватить штабы расположенных там вражеских соединений.

4-й кавдивизии Реввоенсовет ставил задачу, несмотря ни на что, не ввязываясь в затяжные бои с противником, продолжать продвигаться к Геническу, овладеть им, занять ближайшие к перешейку станции Сальково и Ново-Алексеевка. С занятием этих станций и Геническа Врангелю закрывались пути отступления в Крым через Чонгарский перешеек и Арабатскую стрелку, то есть достигалась основная задача, поставленная перед 6-й армией и 1-й Конной, — отрезать войска Врангеля, находящиеся в Северной Таврии, от Крыма.

6-й кавдивизии предлагалось, наступая в направлении Агайман, Кучкогус, занять и упорно оборонять район Кутузово, Петровское, Санбрум, Бредихин, иметь в Санбруме кулак не менее бригады на случай появления противника со стороны Серогоз.

Особой бригаде перейти в Ново-Троицкое. Один эскадрон оставить в Мартьяновке, откуда выслать сильный разъезд на Чаплинку. Здесь связаться с частями 6-й армии, получить от них ориентировку, ознакомить с нашим планом действий.

14-я кавдивизия сосредоточивалась в районе Рождественское и поступала в мой резерв.

Полештарм переходил в Отраду (50 километров восточнее Аскании-Нова).

Действия героев Первой Конной и 30 октября были выше всяких похвал. Боевой приказ дивизии выполнили с честью. Рейд красных конников явился полной неожиданностью для противника.

В Ново-Михайловке находился запасный полк корниловской пехотной дивизии. Лихой атакой конники смяли его и взяли в плен около тысячи вражеских солдат. Офицеры полка пытались отстреливаться, но все были

уничтожены. В районе Ново-Алексеевки конники Тимошенко разгромили другой запасный полк — марковской пехотной дивизии, штаб 1-й армии, взяли в плен много вражеских солдат и офицеров, захватили обоз генерала Кутепова. Сам Кутепов 30 октября находился в Ново-Алексеевке. Здесь получил донесение от летчика, что к станции подходят крупные силы красных. Кутепов не поверил этому сообщению и даже приказал арестовать летчика за распространение панических слухов. Генерал сам лично выехал проверить сообщение летчика и, убедившись, что донесение правильное и красные конники рядом, бросил своих подчиненных и постыдно бежал на станцию Рыково. Свиту Кутепова наши передовые части захватили у станции Ново-Алексеевка в плен. Станция была занята 1-й кавбригадой 4-й дивизии в 18.00 без единого выстрела, так как белые, находившиеся там, приняли красных конников за своих. Поняв ошибку, около 40 офицеров, засев в пакгаузе, отчаянно сопротивлялись. Все они, в том числе четыре полковника, были убиты или пленены. В плен попал и председатель военно-судной части Врангеля генерал Морель, спешивший укрыться в Крыму. Нам достались богатые трофеи: 5 паровозов, свыше 200 вагонов, в том числе 16 со снарядами и 3 с авиачастями, много орудий, пулеметов, патронов.

Сальково защищал гарнизон, насчитывавший более 1500 штыков и 4 бронепоезда. Перед станцией была построена оборонительная полоса из окопов и проволочного заграждения. Атака в конном строю была бы связана с большими потерями. Конармейцы начали атаку спешившись. Белые оказывали ожесточенное сопротивление, но были выбиты из окопов и разгромлены. Взято до тысячи пленных. Захвачено артснабжение целой армии и много продовольствия.

Из опроса пленных и перебежчиков выяснилось, что линия железной дороги от Мелитополя до Салькова сплошь забита эшелонами. Жители рассказывали, что идет спешная погрузка хлеба и других запасов на суда. В Громовке конармейцы захватили в плен агента по закупке хлеба. Он заявил, что заготовил в Громовке в течение двух недель 40 тысяч пудов ржи и пшеницы.

В Геничеське враг оставил не один миллион пудов зерна, награбленного Врангелем у крестьян Северной

Таврии и приготовленного к погрузке на суда для отправки за границу. Изъятие у врага такого количества хлеба было ценным подарком Первой Конной своей Родине, население которой, особенно в центральных промышленных областях, голодало. Мы наладили охрану хлеба. В городе восстановили Советскую власть.

В районе Геническ, Сальково красные конники захватили тыловые учреждения противника. Здесь же оказалась и американская миссия Красного Креста. Когда нам доложили об этом, Климент Ефремович написал записку секретарю РВС Орловскому: «Сергей Николаевич! Американскую миссию Красного Креста сейчас же направьте в Харьков в распоряжение РВС фронта... С этой публикой нужно обойтись возможно лучше. Член РВС — Ворошилов».

Сам Врангель в своих записках положение под Сальковым в ночь на 30 октября, когда уже наметилось движение Южной группы Конной армии к сальковскому перешейку, характеризует так:

«1-я Конная армия красных всей своей массой двинулась в тыл нашим армиям, стремясь отрезать их от Крыма. Между тем генерал Кутепов медлил. В течение целого дня 29 октября он продолжал оставаться в районе Сергоз. Я по радио передал ему приказание спешно двигаться к Салькову, стремясь прижать прорвавшегося противника к Сивашу. Однако было ясно, что противник успевает подойти к перешейку прежде, нежели части генерала Кутепова туда придут. Противник двигался беспрепятственно, и ожидать его в районе Салькова можно было к вечеру 30-го. Укрепленная позиция, прикрывшая выход из Крыма, была занята лишь слабыми караульными командами. Красные части с налета легко могли захватить сальковские дефиле, прервав всякую связь Крыма с армией. Необходимо было спешно занять дефиле войсками. Генералу Абрамову я послал приказание в ночь на 30-е направить к Салькову под прикрытием бронепоездов сосредоточенную в Мелитополе 7-ю пехотную дивизию. В течение ночи эшелоны с войсками двигались по железной дороге. Однако вследствие забитости путей движение шло крайне медленно. Мороз достиг 20°. Неприспособленные к таким холодам станционные водокачки замерзли. Эшелоны с войсками застряли в пути. Наступили жуткие часы. Под рукой у

меня войск не было — доступ в Крым для противника был открыт. В течение всего дня 30-го все, что только можно было собрать из способного носить оружие, направлялось к Салькову: юнкерское училище из Симферополя, артиллерийская школа, мой конвой; из Феодосии были вытребованы не успевшие закончить формирования кубанские части генерала Фостикова. В сумерках передовые части красной конницы подошли к Салькову и завязали перестрелку с нашими слабыми частями».

3

Но тут случилось то, чего я так в глубине души опасался. Врангель вначале полагал, что ему удастся отразить наступление красных и удержаться в Северной Таврии, и на атаки частей фронта отвечал дерзкими контратаками. Но 30 октября Врангелю достаточно было посмотреть на карту с нанесенной обстановкой, чтобы с предельной ясностью понять наш замысел. Что ему оставалось делать? Принимать бой с превосходящими силами красных на равнинах Северной Таврии? Это было бы равносильно самоубийству. И Врангель дал войскам приказ, оставляя заслоны, спешно отходить в Крым, за перешейки, прикрыться ими.

Так как Перекоп был уже закрыт, вся масса белогвардейских войск двинулась к чонгарским позициям, куда выходила 1-я Конная. Ей предстояло выдержать исключительный по силе удар. Врангель приказал Кутепову объединить силы 1-й и 2-й армий и во что бы то ни стало пробиваться на Сальково. Кутепов отходил двумя колоннами: одна — в составе Кубанской и 2-й кавалерийской дивизий, Терско-Астраханской бригады — двигалась на Агайман, Кучкогус, Отраду, другая — 1-я кавалерийская и дроздовская пехотная дивизии — по маршруту Агайман, хутор Кутузова, Рождественка. Части, находившиеся в районе Мелитополя (Донской корпус и другие), отходили вслед за ударной группой вдоль железной дороги. В Сальково спешно вызывались из Симферополя подкрепления.

На войне нередко бывают такие моменты, когда судьба сражения, в котором принимают участие многие соединения, в какой-то момент оказывается в руках одного

из них, подчас даже не основного. Так сложилась обстановка и сейчас.

Когда войска белых начали отступать, исход сражения, его успех в значительной мере встали в прямую зависимость от действий 2-й Конной армии. Ей ставилась задача 29 октября во что бы то ни стало прорваться на Серогозы, совместно с 6-й и 1-й Конной армиями окружить здесь наиболее сильную ударную группировку врага, в том числе такие подвижные части, как конный корпус Барбовича и Кубанская кавалерийская дивизия, и уничтожить. Эта центральная вражеская группировка была наиболее опасной. Ее ни в коем случае не следовало выпускать из района Серогоз.

Сейчас, как никогда, требовалась решительность в действиях, следовало проявить максимум инициативы и наступать, наступать, не считаясь ни с какими трудностями, врезаться во вражеские группировки, рассекать их, окружать, уничтожать по частям. Тогда Врангель был бы зажат в железные тиски и разбит. Но к сожалению, противнику удалось сковать действия 2-й Конной армии, сражение у никопольского плацдарма затянулось.

2-я Конная армия утром 28 октября и весь день вела разрозненные бои с отдельными неприятельскими частями. Ее дивизии согласно поставленным задачам наступали: 21-я — на Верхний Рогачик, который она и заняла совместно с 52-й стрелковой дивизией 6-й армии; 46-я и 3-я стрелковые, подчиненные командующему 2-й Конной, — на Елизаветовку и Днепровку. Здесь же наступала 2-я кавдивизия, получившая задачу содействовать пехоте. 16-я кавдивизия наступала из Балки на Орлянск.

Пехотной группе в составе 46-й и 3-й стрелковых дивизий удалось выбить части марковской пехотной дивизии из Днепровки и Елизаветовки (21 километр юго-восточнее Днепровки) и нанести ей поражение, взяв в плен до тысячи человек. Этот частичный успех и дал повод думать, что был разбит лучший корпус противника.

16-я кавдивизия попыталась с ходу взять село Малая Белозерка. Однако белые отразили атаки конармейцев и сами нанесли сильный удар. Отбросив 16-ю кавдивизию, белые окружили и взяли в плен два наших стрелковых полка (23-й и 24-й 3-й дивизии). После этого Мионов стал действовать осторожно. Армия прекра-

тила преследование врага и начала перестраиваться, сосредоточивая крупный кулак в районе Большой Белозерки.

30-й дивизии и 2-й Конной противостояли только две Донские и 1-я Кубанская дивизии врага. Командарм 2-й Конной решил, что на него наступают главные силы Врангеля, и дал команду изменить направление наступления своих главных сил с южного на юго-восточное. Это, по сути дела, было отклонением от поставленной командованием фронта задачи. Между прочим, еще на совещании в Апостолово М. В. Фрунзе настоял на том, чтобы придать 2-й Конной армии ряд стрелковых дивизий, имея в виду, что они явятся надежной опорой для смелого маневра конницы в глубь вражеского расположения. Но Миронов не сумел использовать пехоту, и Фрунзе 46-ю и 3-ю стрелковые дивизии с 30 октября переподчинил 4-й армии.

Было еще время исправить ошибку. Армия могла, продвинувшись к югу всего на 20—25 километров, вклиниться между мелитопольской и серогозской группировками врага (между ними оставался разрыв в 35 километров), нанести первый удар по тылам, а второй — во фланг, что поставило бы противника в катастрофическое положение. Но время было упущено, и главные силы ударной группы генерала Кутепова обрушились на Первую Конную, которая в упорных боях с превосходящим по силам противником несла большие потери.

М. В. Фрунзе вынужден был строго предупредить Миронова. Он телеграфировал ему:

«Обращаю ваше внимание на отсутствие должной энергии и решительности в действиях вашей конницы. Вместо того чтобы согласно моему приказу¹, стянувшись в общую ударную массу, стремительно броситься в район Серогозы, Калашинская, главная масса ее весь день 30 октября пассивно провела в районе Б. Белозерка, отбивая атаку двух конных полков противника, явно имевшую цель прикрыть отход главных сил. Этим же непростительным бездействием не была дана своевременная помощь частям 1-й Конармии, вынужденным в районе Агайман выдерживать бой, не давший решающих результатов, с главной массой конницы противника.

¹ Приказ № 002 от 26 октября 1920 г.

Приказываю немедленно всеми силами вверенной вам конницы ударить в общем направлении на Ивановка, что в 20 верстах северо-восточнее Агайман. Ставлю задачей достичь этого пункта не позднее вечера 31 октября.

Об отданных распоряжениях донести.

Командюж — Фрунзе»¹.

Серьезная задача возлагалась на 13-ю армию, в состав которой были включены большие силы конницы. Центр тяжести боевого дня 28 октября переместился на восток — на алексеевское и пологское направления. Здесь 4-я и 13-я армии добились значительных тактических успехов. Противник был сбит и вынужден в силу общей обстановки начать отход с той линии фронта, на которой собирался упорно обороняться.

4-я армия 29 октября без боя заняла Малую Белозерку, Тимошевку, Михайловку. 5-я и 9-я кавдивизии 13-й армии в это время овладели Мелитополем, а 2-я Донская стрелковая вышла в район Огарково, Георгиевка.

Однако 30 октября, когда 1-я Конная вышла к Чонгару и когда, собственно, решалась судьба операции, 4-я и 13-я армии, на наш взгляд, действовали недостаточно активно. Это дало возможность Врангелю снять с мелитопольского направления три дивизии. Две из них он перебросил в район Серогоз на усиление ударной группы, одну — в район Сальково, чтобы прикрыть Чонгарский полуостров на случай неожиданного прорыва сюда красных войск. Как видим, Врангель считался с подобной возможностью.

Вечером 30 октября М. В. Фрунзе отдал 4-й и 13-й армиям следующий приказ:

«Противник, сбитый на всех участках фронта, спешно отступает на Сальково, стараясь прорваться через преграждающую ему путь 1-ю Конармию. К вечеру сегодняшнего дня вероятное нахождение главных сил противника в районе Серогозы, Калашинская, Михайловка, Ивановка. Необходимо не допустить прорыва этих сил на Сальково, для чего приказываю:

Командарму 4 продолжать энергичное движение вперед, используя все местные средства, двигаясь днем

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 402—403.

и ночью, не считаясь со сроками и рубежами, указанными в директиве № 0268/сек/821/оп.

Командарму 13, продолжая стремительное выдвижение пехотой, бросить конницу рейдом, не задерживаясь боями с арьергардами противника, находящимися перед фронтом армии, с тем чтобы выйти 31 октября в район Петровское, хут. Адама. От успешности выполнения данной задачи зависит разрешение основной задачи армии.

Командюж — Фрунзе»¹.

Поручил начальнику полештарма связаться с командармом 13-й армии. Связь все время прерывалась, и начальник полештарма ничего толком не понял. К. Е. Ворошилов предложил обратиться непосредственно к командующему фронтом, но я возразил:

— Поздно, Климент Ефремович. Теперь всю лавину белогвардейских войск придется сдерживать нашей армии.

Как позже выяснилось, Главком С. С. Каменев тоже был озабочен сложившейся обстановкой. 2 ноября вечером из Орла Главком шлет срочную директиву о перегруппировке сил с целью прикрытия направления Сальково — Громовка — Аскания-Нова. Главком отмечал, что пропущен целый день для наступления в направлении на Сальково, в результате чего в самые решительные моменты операции и в самых ответственных районах дрались только одна Латышская дивизия и 1-я Конная армия, без всякой помощи всех остальных частей фронта. В результате боев 1-я Конная армия, очевидно, потерпела неудачу и не исключена возможность, что наступление на Сальково, Громовка, Аскания-Нова прикрыто весьма слабо только одной 15-й дивизией, которая к тому же имеет задачу на Сиваш.

Директива² требовала произвести соответствующую перегруппировку. Но драгоценное время было потеряно.

Врангель получил возможность собрать свои силы в крепкий кулак, оставляя на пути отступления лишь заслоны. На 1-ю Конную легла вся тяжесть борьбы с сосредоточенными силами врага. В первой половине дня 30 октября 6-я и 11-я кавдивизии были атакованы в районе Агаймана конным корпусом генерала Барбо-

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 404.

² ЦГАСА, ф. 6, оп. 10, д. 257, л. 195.

вича. Коннице были приданы танки и 21 броневедомо-
биль.

Бойцы 1-й Конной сражались героически. Они неоднократно переходили в атаки, но были вынуждены оставить Агайман.

Особенно тяжелое положение сложилось для 11-й кавдивизии. Ее 1-ю бригаду атаквали вражеские танки. Молодые бойцы бригады, еще ни разу не встречавшиеся с танками, побежали. Спасая положение, вперед на конях вырвались начдив Морозов и комиссар дивизии Бахтуров. Им удалось повернуть бригаду и повести в контратаку. Но перелом в бою дался дорогой ценой: оба — и Морозов и Бахтуров — погибли.

Тяжело переживали мы трагическую весть. И Морозов и Бахтуров были любимцами красных конников.

Федор Максимович Морозов — уроженец станицы Платовской. Крестьянин-батрак, в первые дни гражданской войны он вступил в красный партизанский отряд. Командовал взводом, затем — кавалерийским полком. Природный ум, отличная сметка, умение ориентироваться в любом положении в сочетании с огненным темпераментом, неуемной храбростью сделали из него в короткий срок опытного кавалерийского начальника. При разгроме Деникина он уже командовал бригадой и вскоре при переходе Конной армии на польский фронт — дивизией. Конники любили Морозова как родного отца, были готовы пойти за своим командиром в огонь и в воду. И Морозов любил конников, верил им. В своей деятельности он опирался на передовых воинов-коммунистов, постоянно заботился о том, чтобы в дивизии кипела партийно-политическая работа. Для этого он не жалел ни сил, ни времени.

— Главное в нашем бойце-коннике, — нередко говорил Морозов, — это глубокая вера в идеи революции, вера в идеи партии большевиков. А эту веру одним приказом в людские души не вложишь, надо, чтобы она укрепилась в сердце бойца, чтобы понял он, что Советская власть — его родная, кровная, без которой ему и дня не прожить. А раз она, Советская власть, его родная — значит, и защищать ее надо умело, не щадя своей крови и самой жизни.

Под стать начдиву был и его комиссар Бахтуров. Павел Васильевич — казак, учитель Качалинской станицы.

В период калединщины возглавлял станичный ревком, проявил огромную энергию и талант организатора при формировании красных полков. В ноябре 1919 года Бахтурова назначили военкомдивом 6-й, а в августе 1920 года — военкомом 11-й кавдивизии. Бахтуров был исключительно яркой, одаренной личностью: красивый, богатырского телосложения, жизнерадостный, остроумный, блестящий оратор, поэт, музыкант. В нем сочетались высокая партийная принципиальность и душевная теплота. Умел он правдивым словом захватить в плен сердца конников.

Мне рассказывали потом, что в ночь на 31 октября Бахтуров долго не ложился спать, он сидел за столом и что-то писал. Оказалось, написал слова к песне. После гибели комиссара мне передали ее.

Песня начиналась так:

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор.
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржуйам битву дать...

Гибель начдива и комиссара в самый напряженный момент боя в ходе контратаки, когда решающим является не столько численный перевес той или иной стороны, сколько психологический настрой, дух бойцов, могла окончиться для дивизии трагически. Но этого не случилось. Красные конники не дрогнули. Командование дивизией принял командир 24-го полка Василий Васильевич Коробков. Дивизия отразила натиск врага, восстановила положение.

После окончания боя я побывал в 11-й кавдивизии. Выступил перед бойцами.

Минутой молчания мы почтили память героически погибших начдива и комиссара, комбрига Г. Колпакова. Мне тяжело было говорить о них, как о погибших, и я очень волновался.

Потом я вызвал из строя Василия Васильевича Коробкова и представил его бойцам.

— В самый решительный момент боя командир двадцать четвертого полка взял на себя командование дивизией и повел бойцов в атаку, — говорил я. — По поручению Реввоенсовета Конармии объявляю, что отныне Василий Васильевич Коробков — ваш боевой начдив. Служите, товарищи, под его началом так же, как вы это

делали при начдиве Морозове и комиссаре Бахтурове. У нас еще будут жаркие схватки. Войска Врангеля еще до конца не разбиты, и я призываю вас с новой силой ударить по врагу. Да здравствует Власть Советов!..

В ответ раздалось мощное конармейское «ура».

В. В. Коробков, командуя 11-й кавдивизией, успешно справлялся с боевыми задачами. После разгрома белогвардейских войск в Крыму, когда Конармия передислоцировалась в Екатеринославскую губернию, В. В. Коробков сильно заболел. Его сменил Ф. У. Лобачев.

Под Агайманом шли тяжелые бои. Маршевая бригада 6-й кавдивизии отошла на хутора, что в 3—5 верстах северо-западнее Успенской, а 2-я кавбригада 6-й кавдивизии с 62-м полком — в южном направлении. К вечеру 30 октября 2-я кавбригада 6-й кавдивизии сосредоточилась в Ново-Троицком, 2-я бригада 11-й кавдивизии — в Успенском. В Агайман вступил противник. Эту неприятную весть несколько скрасило сообщение комдива 14-й. После незначительного боя дивизия заняла Рождественское.

Надо было думать, как поступить в новой обстановке. Мы оказались на пути поспешно отступавших крупных вражеских сил. Следовало действовать смело, решительно и ни в коем случае не упускать управления из своих рук. Объединили две бригады 6-й кавдивизии и 62-й кавполк 11-й кавдивизии в одну группу.

Агайман надо было вернуть, в противном случае мы лишались стратегически важного пункта. Я приказал начдивам 6-й и 11-й совместными действиями разбить противника в Агаймане, после чего присоединиться к частям Конармии в районе Ново-Троицкое, Отрада.

Наша разведка постоянно добывала ценные сведения; это давало возможность своевременно принимать необходимые решения, чтобы упредить действия врага. В тот день, о котором идет речь, мы получили донесение, что соединения генерала Витковского (13-я, 34-я сводно-гвардейские и 6-я пехотная дивизии) группируются для последующего овладения Ново-Алексеевкой и обеспечения переправ на Крымский полуостров в районе станция Чонгар, Геническ. Общая численность войск группы — до 600 штыков и 1500 сабель. В Нижних и

Верхних Серогозах группируется 1-я армия в составе корниловской, дроздовской и марковской пехотных дивизий, 1-й и 2-й кавдивизий. Кроме того, в состав 1-й армии входят несколько невыясненных полков пехоты и кавалерии. Общая численность 1-й армии — до 9 тысяч штыков и 6500 сабель при 9 броневедомолах и 18 грузоведомолах, на которых установлены пулеметы. Задача 1-й армии та же, что и группы генерала Витковского.

Нам предстояло сделать выбор — или отойти, или вступить в неравный бой, любой ценой задержать противника, не дать ему уйти в Крым. Мы выбрали последнее.

— Что ж, скрестим еще раз клинки с белогвардейцами, — сказал Климент Ефремович, — по-настоящему, по-большевистски. Может быть, в последний раз. Врангеля побьем, безусловно. А там и войне конец. Это будет «наш последний и решительный бой», — продекларировал он.

6-я и 11-я кавдивизии весь день 31 октября дрались с частями корниловской пехотной дивизии под Агаймано, предпринимали атаку за атакой, спешившись, отбивали яростные контратаки врага. К вечеру красные конники сломили сопротивление корниловцев и все-таки овладели Агаймано.

Обстановка накалялась с каждым часом. Колонны противника, отступавшего из районов Серогоз и Агаймана, обрушились в районе Ново-Алексеевки на 4-ю кавдивизию. Бой завязался жестокий. По железнодорожному полотну, ведя картечный огонь, двигались бронепоезда белых, а справа и слева от насыпи шли плотные цепи офицерских полков. В особенно тяжелое положение попала 3-я кавбригада, которой пришлось пробиваться буквально между колоннами противника. Начдив 4 С. К. Тимошенко сам несколько раз в строю конников бросался в контратаки. Он был дважды ранен, но продолжал руководить боем. Дивизия выдержала напор белых. В боях красные конники перебили много вражеских солдат, в течение двух дней захватили до 2 тысяч пленных, в том числе 15 офицеров.

В это же время яростным атакам в районе Рождественки подвергалась 14-я кавдивизия А. Я. Пархоменко. Белые наседали на нее с трех сторон. Весь день 31 октября и до вечера 1 ноября дивизия, показывая

чудеса отваги и мужества, сдерживала отчаянный напор врангелевцев. Только к исходу дня 1 ноября она вышла из боя и сосредоточилась в районе Ново-Троицкое.

Еще более жестокий бой проходил 31 октября в Отраде. О нем следует рассказать подробнее.

После первого дня наступления полештарм 1-й Конной и Особая кавбригада по моему указанию расположились в Отраде. Этот населенный пункт, дворов 200—300, занимал важное ключевое положение по отношению к Чонгару и Геническу. Через его центр проходила хорошая проселочная дорога. Село стояло на пригорке. От него далеко вокруг простиралась степь, что давало возможность вести круговой обзор. Забегая вперед, скажу, что именно благодаря этому, когда на Отраду навалились из Северной Таврии полчища врангелевцев, мы сумели обнаружить вражеские войска далеко на подходе к селу и вовремя подготовиться к бою. Словом, Отрада была во всех отношениях выгодным участком. Отсюда мне легче было руководить дивизиями во время боев.

Едва полештарм обосновался в Отраде, Лецкий сразу же установил связь со всеми дивизиями, уточнил обстановку на их участках и доложил мне. Я требовал от Лецкого далеко не отрываться с полештармом от дивизий. Трагический случай с Чапаевым, когда его штаб оторвался от основных сил и понес большой урон, был для нас уроком.

— Продолжать поддерживать надежную связь, — распорядился я.

На колокольне церкви установили наблюдательный пункт. Командиру эскадрона связи при полештарме С. М. Заславскому было приказано провести на колокольню линию связи.

Мне нравился командир эскадрона связи. С. А. Зотов, в бытность свою начальником полештарма, тоже не раз с похвалой отзывался о С. М. Заславском. Горячо преданный делу революции, честный, мужественный боец, Сергей Матвеевич был знатоком своего дела. Я не помнил случая, чтобы связь у нас отказывала.

Обстановка была тревожной.

Пришел Лецкий, крайне встревоженный.

— Донесение, — сказал он. — По некоторым данным, главные силы Врангеля двинулись в сторону Отрады.

Несколько раз перечитал я донесение и затем передал Ворошилову. Если оно не было ошибочным, нас ждали крупные неприятности. Хорошо продуманный, тщательно разработанный план разгрома врага ставился под удар.

— Что будем делать? — спрашиваю Ворошилова. — У нас ведь людей совсем мало.

— Надо выстоять. Любой ценой.

— И я так думаю. Приказ командюжа для нас — закон.

— Нам же это не в первый раз — драться с крупными вражескими силами, — усмехнулся Ворошилов.

— Да, не в первый, — согласился я. — Не остановим врангелевцев, так изрядно потреплем.

Приказал Лецкому подтянуть к Отраде 4-ю кавдивизию С. К. Тимошенко. Она могла раньше других подойти к нам.

В селе расположились так. Полештарм обосновался в центре, на той самой улице, которая надвое делила село. Эскадрон связи, состоявший из четырех взводов — по 100 человек в каждом, и ординарческий кавдивизион — 2 эскадрона по 100 человек — оставались при полештарме. Они несли охрану, развозили почту по дивизиям, оперативные сводки, различные приказы и т. д. Командир кавдивизиона Десятников был храбрым, отчаянным конником. Да и все бойцы под стать своему командиру — смелые, находчивые, мужественные. Они не раз бывали в боях, имели по 3—4 ранения, обладали опытом ведения боя в любых условиях, особенно в населенной местности.

При полештарме находилась особая кавбригада, которой командовал Константин Иванович Степной-Спичарный. В бригаде два полка по 500 человек в каждом и артиллерийская батарея из четырех орудий. Первым полком командовал Е. И. Горячев, вторым — Г. М. Екимов, батареей — Митров.

Особая кавбригада расположилась на северной окраине села, примерно в двух километрах от полештарма.

Было ясно, что если вражеские войска до вечера не подойдут, то ночью они не осмелятся атаковать нас. И все-таки на душе тревожно.

Раздался писк телефонного аппарата. Снимаю трубку. Тревога! Белые прорвались к селу.

Полки Особой бригады занимали исходную позицию. Я вышел на улицу. Мне подали коня. Не вижу Ворошилова. Захожу вновь в избу. Климент Ефремович сидит за столом и орудует иголкой.

— Нашел время, — говорю. — Бросай!

— А что стряслось? — спокойно спрашивает он.

— Белые рядом!

— Ну и пусть. Раз пришли — встретим, как договорились. Сейчас приведу в порядок шинель и...

— Быстрее, — начинаю сердиться я.

— А куда торопиться? — смеется он.

Климент Ефремович был на редкость смелый человек. Его пренебрежение опасностью иногда выходило за рамки обычных представлений о храбрости. Он буквально играл со смертью. По этой причине не раз попадал в тяжелые переpleты и чудом оставался цел.

Я сказал Ворошилову, что поскачу в Особую бригаду, а его попросил тут людей организовать. Надо посадить на коней всех, кто только может владеть шашкой.

Когда я прискакал в Особую бригаду, Степной-Спичарный уже развернул полки для боя. Командир 1-го полка Горячев увел своих конников к ветряку — северо-западнее Отрады, построил фронтом к северу. 2-й полк прикрывал батарею. Вдали на фоне еще светлого горизонта темнели подходившие к селу массы белых. На Отраду наваливались несколько полков пехоты и конницы, поддерживаемых огнем артиллерии и броневиков.

Митров, увидев меня, сказал:

— Товарищ командарм, прикажите открыть огонь!

— Пусть ближе подойдут, потерпите!

Вот белые подошли на расстояние орудийного выстрела. Даю знак, и тотчас заговорили наши пушки.

Завязался ожесточенный артиллерийский бой. Метрах в ста от меня разорвался вражеский снаряд. На моих глазах был убит Екимов. Мы потеряли одного из лучших красных офицеров. Екимов долго командовал 2-м полком (раньше полк назывался Сибирским), принимал участие в ожесточенных боях против Колчака и Юденича.

На секунду под огнем врага люди дрогнули. И тут я решил, что поведу полк в атаку сам.

— Товарищ командарм, куда вы, нельзя вам! — крикнул Степной-Спижарный.

Конечно, с точки зрения штабных работников, мне не следовало лезть под пули. Я сам, подобно Чапаеву, учил командиров, где им надо находиться в бою, откуда лучше руководить боем. Но разве сейчас было время думать о своей безопасности?! Положение, в какое мы попали, было отчаянным — 4-я дивизия еще не давала о себе знать. Нас могли выручить лишь беззаветная храбрость и мужество конников, хладнокровие и смелость командиров. Я верил в своих людей.

— Шашки к бою! — скомандовал я. — За мной, в атаку, марш-марш!

Выхвачены шашки, коням даны шпоры, с места в карьер мы понеслись навстречу врагу. Неистовая стрельба с обеих сторон слилась в сплошной могучий рев. Глушило уши, до боли сдавливало голову, не слышно команд. Да и вряд ли кому нужно было что-то говорить и слушать. Цель атаки, ее направление для всех очевидны и ясны.

Стремительно несется полк на белых. Могучее «ура» раздается над степью. У меня в голове одна мысль — сдержат натиск врага, не дать ему прорваться к центру села, где находится полештарм. Я был уверен, что Ворошилов уже успел там подготовить людей и что врагу не удастся нас сломить.

Бойцы полка, который я повел в атаку, дрались беззаветно. Нам удалось отбросить белых от села. Я приказал Степному-Спижарному удержать северную часть Отрады во что бы то ни стало, а сам помчался к батарее Митрова, которая под прикрытием полка Горячева вела меткий огонь по белым. И вдруг слышу:

— Товарищ командарм, белые прорываются к полештарму с юга!

Отступив под нашим ударом на северной стороне села, враг бросил до трех полков в тыл Отрады.

Что делать? Решаю ударить по ним полком Екимова.

— За мной, орлы! — громко командую бойцам.

Мы рванулись в центр села. У полештарма уже шел бой. Ворвавшись на площадь, увидели перед собой казачью сотню и врезались в нее. Белые открыли огонь из поставленных во дворах ручных пулеметов. Передние лошади, ошарашенные выстрелами в упор, вздыбились,

однако под напором скачущих сзади промчались вперед. Вихрем носились красные конники по улицам и переулкам Отрады, круша врага. Белогвардейцы не выдержали и стали отступать.

В этом бою Климент Ефремович едва не погиб. Когда в тылу полештарма с южной стороны Отрады появились неприятельские конники, Ворошилов во главе эскадрона бросился в атаку. Несколько белогвардейцев ринулись на Ворошилова. Впереди несся один с пикой в руках. Ворошилов выстрелил в него, но промахнулся. Врангелевец ударил Ворошилова пикой. Казалось, смерть неизбежна. Но воинское счастье и в этот раз не изменило Клименту Ефремовичу. Острие пики завязло в толстой бурке, которая была на Ворошилове. Раздалось несколько выстрелов. Белогвардеец свалился с лошади мертвый. Стрелял красноармеец Шпитальный.

В тяжелом бою за Отраду красные конники показали чудеса героизма и храбрости. Командир эскадрона связи С. М. Заславский, о котором я писал выше, в самую тяжелую минуту атаковал ворвавшегося в село противника, врезался в середину колонны и лично зарубил несколько белогвардейцев. Преследуя противника, С. М. Заславский с бойцами освободил попавших в плен трубачей, перевязочный пункт, кухню Особой кавбригады и захватил три вражеских пулемета.

Иван Шпитальный, красноармеец ординарческой команды при Реввоенсовете, был храбрым, отчаянным конником. Много славных дел числилось за ним. В бою под Ровно 8 июля 1920 года при прорыве на Луцк 18-й пехотной дивизии белополяков в жестоком бою погиб славный герой Олеко Дундич. Иван Шпитальный вынес тело убитого из расположения вражеских войск, привел его лошадь, забрал оружие. И в этом бою он отличился.

Особенное мужество проявил Петр Зеленский. В бою он неотлучно находился при мне, передавал мои распоряжения, в атаке бросался в самые опасные места. Он и раньше отличался отменной храбростью, был находчивым, инициативным бойцом.

Командир 4-го эскадрона 1-го кавполка Особой кавбригады Михаил Савченко смело ринулся со своим эскадроном на колонну противника. Личным примером и мужеством он увлек за собой остальных бойцов.

Эскадрон с ходу врзался в середину колонны, расстроил ее ряды и обратил в бегство.

Позже, когда М. Савченко наградили орденом Красного Знамени, он сказал:

— Служу революции и своему народу и, если потребуется, готов отдать жизнь за родную Советскую власть.

Так сражались под Отрадой многие.

Старшина комендантского эскадрона Илья Албаев в самый разгар боя, когда враги устремились в атаку на взвод артиллерии, один с пулеметом остался прикрывать артиллеристов, которые вынуждены были сменить свои боевые порядки. Три вражеских эскадрона атаковали нашу артиллерию, но Илья Албаев вел из пулемета сильный и непрерывный огонь, и враг не прорвался. Под стать этому смельчаку и пулеметчик Федор Татарников, который также до последней минуты вел огонь по белогвардейцам, пытавшимся отрезать от основных наших сил другую батарею.

Надо отдать должное и нашим артиллеристам. Вот один из них — Василий Митров, командир 3-й батареи. В течение сорока минут в бою под Отрадой он губительным огнем прямой наводки картечью отражал непрерывные атаки пяти эскадронов неприятельской кавалерии. Благодаря этому полештарму удалось избежать окружения.

Не дрогнул перед врагами и командир 1-й батареи Владимир Адамович. Метким артиллерийским огнем своей батареи он расстроил боевые порядки врангелевской конницы. Это дало возможность полкам 4-й кавдивизии настичнуть отступающего врага и уничтожить его передовые части.

М. Савченко, И. Албаев, Ф. Татарников удостоились ордена Красного Знамени, а В. Митров, В. Адамович от имени ВЦИК были награждены золотыми часами.

Ценой героических усилий многих бойцов и командиров, ценой многих жизней нам удалось сдержать натиск белогвардейских войск под Отрадой. И хотя мы временно оставили поселок, наращивая силы, победа была на нашей стороне, о чем писал позже в своих мемуарах Врангель.

Конечно, если быть самокритичным, то мы могли бы лучше подготовиться к отпору вражеских сил, осуществив мы глубокую разведку, когда остановились на ночной отдых в Отраде.

В бою под Отрадой участвовал один из ветеранов отечественной кинематографии кинооператор Эдуард Тиссэ. Это был добрый и храбрый человек. С киноаппаратом на боевой тачанке он принимал участие во многих боях, делал съемки с натуры. Как-то перед боем в Отраде я ему сказал:

— Ох, боюсь за вас. Шальная пуля заденет, кто тогда расскажет о героях-конармейцах?

Тиссэ в ответ улыбнулся.

— Вас же, Семен Михайлович, пуля не трогает, почему меня должна задеть? — И уже серьезно добавил:— Съемки боев очень нужны для будущих поколений. Пусть узнают потомки, как воевали конармейцы. Ради этого стоит рисковать.

Позже, уже перед войной с немецко-фашистскими захватчиками, Эдуард Тиссэ в беседе с молодыми работниками искусств рассказывал об этих событиях.

«Советская кинематография, — говорил он, — создавалась в первые годы гражданской войны. Мне лично пришлось участвовать в ряде боевых походов. Я снимал в Крыму, в районе Оренбурга и Челябинска, на территории Латвии и в других местах. Но наиболее яркие эпизоды я пережил, участвуя в замечательных походах 1-й Конной армии.

Отправляя нас, кинохроникеров, на фронт, нам давали от ста двадцати до трехсот шестидесяти метров негативной пленки. Она была часто недоброкачественной, но и в том случае, если на ней можно было снимать, расходовать ее приходилось с величайшей экономией, чтобы ни один метр не пропал даром, чтобы заснять самое важное, самое ценное из увиденного. Оператор должен был перебрасываться с места на место буквально «в два счета».

Помню бой на подступах к Крыму. Выбирая высокую точку съемки, я взобрался с аппаратом на вышку ветряной мельницы. Увлечшись съемкой, совершенно не заметил того, что мельница сделалась центром боя. Я продолжал снимать до той минуты, пока кавалерия белых не подошла вплотную к мельнице. Красная кавалерия перешла в контратаку... С величайшим трудом, под обстрелом, мне удалось сойти со своим киноаппаратом с вышки мельницы. Меня подхватили на тачанку, и я получил радостную возможность снять паническое бегство белых...

Наши съемки имели громадное агитационное значение. После моего возвращения из 1-й Конной в Москву материал был смонтирован в фильм. Этот фильм повез с собой оператор Г. Гибер, направлявшийся для съемок во 2-ю Конную армию.

Просмотр фильма во всех случаях вызывал громадный подъем среди бойцов, для которых 1-я Конная служила образцом героизма и беззаветной преданности революции.

Гражданская война была нашей первой кинематографической школой».

...Темнело. Бой начал стихать. Но с севера к Отраде подходили главные силы Врангеля — соединения 1-й и 2-й армий под общим командованием Кутепова. В ночь на 1 ноября белогвардейцы заняли Отраду. Войска Врангеля оттеснили 4-ю дивизию из района железной дороги, окружили и, отрезав от остальных 14-ю дивизию, хлынули к мостам через Сиваш.

4. СРАЖЕНИЕ РАЗГОРАЕТСЯ

1

Рано утром 1 ноября между Ново-Троицкое и Отрадой началось новое сражение. Полки Особой бригады при поддержке подошедшей 4-й дивизии двинулись на Отраду. Конники вновь ворвались в село.

Врангелевцы двинули бронемашину. Пулеметы врага стали косить красных бойцов. Полки отошли за село. В 10 часов 30 минут мы повторили атаку. Но и она успеха не имела.

В полдень с севера показались передовые части 11-й дивизии, которые по пятам преследовали отходящих к Отраде белогвардейцев. С юго-запада к Ново-Троицкое подошли две бригады 14-й дивизии.

Под вечер 1 ноября части 1-й Конной еще раз атаковали численно превосходящие белогвардейские войска. Особая бригада ворвалась в Отраду, где находились дроздовцы и терско-астраханская конница. 4-я дивизия обрушилась на части Барбовича. 11-я дивизия и одна бригада 6-й дивизии пошли в обход села. Упорно дрались белогвардейцы, однако не выдержали стремительных атак конармейцев и стали отходить к юго-востоку.

На юг, к спасительным мостам через Сиваш, уходили конница, пехотные части, артиллерия и бронепоезда Врангеля.

14-я дивизия оказалась отрезанной от других соединений. Со всех сторон на нее наседали огромные силы белых. В такой обстановке Пархоменко собрал командиров и принял решение наносить удар в направлении Ново-Троицкое, чтобы там соединиться с другими ча-

стями Первой Конной. Обстановка требует наступать на врага крупными силами. Действия разрозненных частей нужного успеха не дадут. Начдив потребовал от всех командиров решительности, умелых действий в бою.

Ночью белые сделали налет на Рождественское, полагая окружить здесь дивизию. Начала бить вражеская артиллерия. Пархоменко приказал отходить. Сам с батареей и штабом ушел из села последним. В темноте противник потерял из виду красных конников. Дивизия вошла в Ново-Троицкое.

Реввоенсовет армии приказал 14-й и 4-й дивизиям ударить на Ново-Алексеевку. У Ново-Дмитриевки и в трех верстах севернее Сальково части этих дивизий наткнулись на упорное сопротивление врага. У белогвардейцев было огромное количество броневиков. Против 1-й Конной Врангель бросил авиацию. Аэропланы группами летали над конниками и забрасывали их бомбами. У 1-й Конной не было ни броневиков, ни авиации.

Перед наступлением командование фронта приказало сосредоточить все броневики и авиацию в одних руках, чтобы иметь возможность наносить сосредоточенные удары по наиболее важным объектам врага. Такая мера была безусловно правильной и могла дать хорошие результаты, если бы все армии действовали согласованно и активно. Но получилось так, что в 1-й Конной и своей техники не стало, и авиационная группа не помогала.

Мы вынуждены были 2 ноября обратиться к М. В. Фрунзе со следующей запиской:

«...Первая Конармия выполняет вашу директиву в тяжелых условиях отсутствия в армии автоброневиков и авиации. Несмотря на все усилия, просьбы, техника не была доставлена до сих пор, и борьба проходит в неравных схватках. Теперь у противника огромное количество автоброневиков и аэропланов. Топографические условия и погода благоприятствуют для пользования авточастями. Бесперывное курсирование автоброневиков противника лишает кавдивизии возможности полностью выполнять боезадачи; бомбометание с аэропланов, группами летающих над конными массами, ничем не парализуется с нашей стороны. За всю операцию над нашим расположением не появился ни один наш аэроплан...»¹

¹ И. В. Тюленев. Советская кавалерия в боях за Родину. М., Воениздат, 1957, стр. 233.

Впоследствии по указанию М. В. Фрунзе авиацию вновь передали нам.

В ожесточенных боях под Ново-Алексеевкой многие бойцы и командиры проявили мужество и героизм, не щадя своей крови и самой жизни, они до конца сражались с врагом.

После боя, когда я посетил 4-ю кавдивизию, начдив доложил мне о тех бойцах, которых он просит представить к награждению орденом Красного Знамени. В числе других героев начдив назвал конармейца Васильева Григория Петровича.

— Первым рванулся в атаку, а бойцы — за ним. Достоин ордена...

Военком 19-го кавалерийского полка тов. Блюх также показал пример мужества. Врангелевцы, пользуясь превосходством сил в бою под Ново-Алексеевкой, потеснили полк и отрезали часть дивизии. Тогда тов. Блюх с эскадронам 19-го кавполка смело бросился в атаку и разорвал кольцо окружения.

Храбро сражался командир пулеметного взвода тов. Кузьмин. В бою весь расчет погиб. Кузьмин остался с пулеметом на станции Ново-Алексеевка и один, без прикрытия, долго сдерживал наступающего противника. Старшина Яков Резников одним из первых ворвался в ряды неприятельской пехоты, захватил пулемет и пленил десять солдат. Помощник начальника команды разведчиков 19-го кавполка А. Каргайский в конной схватке был тяжело ранен в руку. Однако, несмотря на это, продолжал сражаться до конца боя.

Не дрогнул в бою и помощник командира 1-й бригады 4-й кавдивизии Александр Быстров. Случилось так, что в бою 31 октября врагам удалось окружить бригаду. Многие были убиты. В самый решающий момент Быстров, невзирая на артиллерийский и пулеметный огонь противника, поднял бойцов в контратаку. Несмотря на полученное ранение, он оставался в строю, продолжал командовать бригадой, чем способствовал разгрому противника и выводу бригады из тяжелого положения.

Нельзя не восхищаться мужеством командира 20-го кавполка Д. Вайнерха. Когда кавалерия и пехота противника при поддержке бронепоездов отрезала бригаду, Д. Вайнерх повел свой полк в решающую атаку. Прорвав окружение, конармейцы решительным ударом

разбили целый полк врангелевцев, спасли от разгрома две наши батареи и много обозов.

2

Итак, врагу удалось пробиться через боевые порядки 1-й Конной. Центр боев переместился в район Рождественское, Сальково. Здесь сосредоточились вражеские части общей численностью до 12 000 штыков и 6500 сабель при 9 броневедомоколах, 18 грузоведомоколах, приспособленных для пулеметов.

Мы получили сведения, что Врангель спешно укрепляет Крымский перешеек. Подвозится бетон для постройки орудийных площадок, которые расположены вдоль берега Сиваш — Гнилое море. От Перекопа до Таганаша, против Строгановки и Ивановки, в узких местах Сиваша, у высоты 65, Коранки и Пусюрмана расставлены 53 тяжелых орудия. Все орудия с фортов Севастополя сняты и перевезены на указанную линию. Южнее Перекопского вала с западной и восточной сторон установлены по два тяжелых орудия. На станциях Юшунь и Таганаш имеются склады снарядов. На станции Джанкой наш агент видел семь танков, которые перевозились из Мелитопольского района в Юшунь. На станции Генчешек на двух площадках установлено два тяжелых орудия. Эвакуация из Мелитополя идет на Горелое, где предполагалось поднять все на суда. Там же имеется несколько миллионов пудов ячменя и пшеницы.

Несмотря на крайнюю утомленность личного состава и лошадей, Реввоенсовет 1-й Конной принимал все меры, чтобы не дать врагу уйти в Крым.

14-я кавдивизия дралась с врагом в районе Рождественское.

4-я кавдивизия совместно с 6-й кавбригадой и 62-м кавполком в течение всего дня 1 ноября вела кровопролитный бой за овладение деревней Александровское (в километре западнее Отрады). Противник яростно сопротивлялся, наносил дивизии тяжелые потери своими броневедомоколами. Но все же наши части к вечеру разбили врангелевцев и заняли Александровское, захватив пленных.

6-я и 11-я кавдивизии вели бой на левом фланге 4-й кавдивизии, наступая на Рождественское. Совместно

с 6-й кавдивизией наступали на Рождественское Латышская дивизия, части 30-й Иркутской стрелковой дивизии 4-й армии и 16-я кавдивизия 2-й Конной армии. Части 6-й кавдивизии в одной из лихих атак изрубили до 200 человек, в том числе несколько офицеров, и до 40 человек захватили в плен.

2 ноября противник оставил Рождественское. Попытки 21-й кавдивизии преградить путь отступающим успеха не имели, и враг сумел отойти к Ново-Алексеевке. Преследуя врангелевцев, наши войска подошли к позициям южнее Салькова.

На высотах севернее Ново-Дмитриевки и в трех верстах севернее Салькова противник оказал упорное сопротивление наседавшим частям 14-й и 4-й кавдивизий, вел ураганный артиллерийский и пулеметный огонь, бомбил с аэропланов.

Наконец стали подходить и вместе с конармейцами громить врага пехотные соединения. Латышская дивизия наступала из Агаймана на Петровское, станцию Юрицыно. 52-я дивизия пробивалась к населенным пунктам Ивановка, Калга. На побережье Сиваша с целью охраны его вышла 15-я стрелковая дивизия. Части 4-й армии заняли станцию Федоровка. В селе Ново-Троицкое расположилась 46-я стрелковая дивизия. 13-я армия двигалась в направлении Петровское, Рыково.

Появилась связь со 2-й Конной, которая к 14.00 1 ноября заняла Петровское. Блиновская кавдивизия попыталась с ходу овладеть Рождественским, но потерпела неудачу: там сосредоточились части 1-го армейского корпуса и конного корпуса противника. Для разгрома такой крупной группировки требовалось усилие главных сил 2-й Конной армии. Лишь 2 ноября после комбинированного удара частей 1-й и 2-й Конных армий Рождественское было взято.

В район Отрады подходила, не встречая сопротивления противника, группа Махно, готовившаяся к переправе через Сиваш для участия в разгроме врангелевских войск в Крыму. В Воскресенское для содействия переправе Махно через Сиваш перешла 7-я кавдивизия.

В ходе боев я получил обрадовавший меня документ — рапорт врио военкома 6-й кавдивизии Богданова, в котором он сообщал, что в бою под Рождественским отличился 3-й маршевый полк. Богданов писал, что

Реввоенсовет значительно поднял бы дух бойцов, вернув полку его боевое Знамя. Начдив 6-й и начштаба умело и спокойно руководили боем, большую часть времени находились непосредственно под огнем противника. Начдив получил легкую контузию от разорвавшегося близко снаряда...

Все мы видели, что историческое сражение в Таврии — одно из крупнейших в годы гражданской войны — подходило к концу. Командный состав, офицерские части противника думали лишь об одном: как бы скорее прорваться за крымский оборонительный вал. Поэтому контратаки врага, его натиск час от часу становились ожесточеннее. Офицеры гнали солдат в бой под огнем своих пулеметов, не считаясь ни с какими потерями.

Требовалось усилить напряжение, не давать врагу ни минуты передышки, наращивать удары по нему, повысить решительность и стремительность атак.

Обстановка сложилась весьма тяжелой, и все же я был вынужден потребовать от начдива 11 перейти в решительное наступление в направлении Геническа, стремительным ударом захватить город, после чего, оставив здесь одну бригаду, остальными двумя отойти в район Стовопани, Юзкуя, где и расположиться.

Начдиву 14 приказал 3 ноября в 8 часов выступить вслед за 11-й кавдивизией, оказать ей полную поддержку и совместно с ней уничтожить противника в районе Геническа. После операции отойти в район Юзкуя, Ново-Алексеевка.

Начдиву 6 предписывалось в то же время развить наступление в направлении Сальково, разбить противника, на его плечах ворваться на Чонгарский полуостров, стремительным ударом во что бы то ни стало захватить в целости Чонгарский мост и продолжать стремительное наступление на Крым. Все обозы, за исключением огнеприпасов, оставить в Ново-Дмитриевке.

Начдиву 4 выступить 3 ноября вслед за 6-й кавдивизией и энергично содействовать ей. Обозы оставить в своем районе в Ново-Михайловке.

В ходе боев артиллерию размещать в наивыгодных позициях для сосредоточения разрушительного огня. При штурме укрепленных линий действовать в спешном строю. Авангардам 11-й и 6-й кавдивизий поддерживать между собою тесную связь.

Сам я выехал в 4-ю кавдивизию. Полештарм переехал в Ново-Троицкое.

В соответствии с приказом 11-я кавдивизия во второй половине дня 3 ноября совместно с частями 9-й стрелковой и 5-й кавалерийской дивизий заняли Геническ. 14-я кавдивизия в это время находилась в Ново-Алексеевке и своими действиями поддерживала наступление 11-й кавдивизии. Противник, не став оборонять город, ушел на Арабатскую стрелку. Белые взорвали за собой мост через пролив, отделяющий Арабатскую стрелку от материка, и до глубокой ночи обстреливали Геническ с моря. К городу подошли 15 военных кораблей и судов и стали бить по нему из дальнобойных орудий.

6-я кавдивизия утром 3 ноября начала атаку сальковских позиций. В тесном взаимодействии с частями дивизии наступали 264-й и 262-й стрелковые полки 88-й бригады 30-й стрелковой дивизии. Врангелевцы вели сильный пулеметный огонь, но не сломили наступательного порыва красных героев. Вскоре наши войска достигли сплошных проволочных заграждений и начали их штурм. Многие бойцы, не имея ножниц для резки проволоки, рубили ее шашками. Противник не выдержал мощного напора наступавших и бежал. После упорного боя 2-я бригада 6-й кавдивизии и 88-я бригада 30-й стрелковой дивизии овладели сальковскими укрепленными позициями и заняли Сальково. В сводке о действиях 88-й стрелковой бригады говорилось:

«Прорвавшись через проволочное заграждение после штыковой атаки, неся большие потери от пулеметного огня и бронепоездов («Иван Калита», «Дмитрий Донской», «Единая Россия»), бригада в 22 часа овладела позициями, захватив 400 пленных 3-й Донской дивизии, 11 пулеметов и легкое орудие»¹.

Развивая достигнутый успех, две бригады 6-й кавдивизии, 262-й и 263-й полки 88-й бригады устремились к станции Джимбулук, на подступах к которой, как и у Сальково, встретили новые сильно укрепленные позиции врангелевцев. Джимбулук обороняли офицерские части марковской пехотной дивизии. Они оказали еще более упорное сопротивление. Но близкая победа удесятерила силы красных конников и пехотинцев. Они штурмом взя-

¹ ЦГАСА, ф. 192, оп. 4, д. 256, л. 5.

ли джимбулукские укрепленные позиции и отбросили марковцев на третью линию чонгарских оборонительных позиций.

В 18 часов 3 ноября части 89-й и 90-й стрелковых бригад 30-й стрелковой дивизии и 6-я кавдивизия атаковали противника на позициях южнее Джимбулука. Врангелевцы сопротивлялись. Бой затягивался. Тогда 1-я бригада 6-й кавдивизии осуществила смелый обходный маневр и нанесла удар белым во фланг с юго-запада. Это заставило противника поспешно отступить к станции Чонгар. В 3 часа ночи он был выбит и оттуда.

Сражение завершалось. Последние вражеские части покинули Северную Таврию и перешли в Крым по Чонгарскому мосту. Мост горел. Передовые эскадроны 6-й кавдивизии сумели прорваться сквозь огонь по мосту на противоположный берег Сиваша, но, встретив там особенно упорное сопротивление врангелевцев, вынуждены были отойти.

Начдив 6 Городовиков доносил мне, что белые пробились к своему последнему спасению — укреплениям у перешейков. Главный костяк врангелевских частей — офицеры были смертельными нашими врагами и дрались с большим упорством и ожесточением. «...Преследуя отступающих, 6-я кавдивизия первой вышла на Чонгарский полуостров. Здесь были подготовлены противником бетонированные окопы, прикрытые проволочным заграждением. Если бы сюда подоспела хоть одна стрелковая дивизия и заняла эти окопы, она преградила бы путь врангелевцам в Крым. Но наша пехота не поспевала за уходящим на повозках противником. С 30-й дивизией у меня не было связи. И шедшие непрерывным потоком вражеские подразделения с броневиками и тяжелой артиллерией оттеснили нас, заняли окопы и укрепились в них...»

Утром 6-я кавдивизия вместе с 30-й стрелковой после жестокого боя овладела укреплениями Чонгарского полуострова. Взято было много пленных. Ночью вражеские солдаты дрались, а утром побросали оружие и пошли в нашу сторону.

В оперативной сводке за 3 ноября сообщалось, что противник сжег Чонгарский мост, установил за ним артиллерию и огнем пресекает любую попытку исправить его, самолеты, во множестве летающие над мостом, сбрасывают бомбы.

На станции Чонгар 6-й кавдивизией захвачен вагон 8-дюймовых снарядов и найден склад в несколько десятков тысяч различных мин. Части дивизии 5 ноября выступили с Чонгарского полуострова и расположились: 1-я маршевая и 3-я кавбригады — в Ново-Михайловке; 2-я кавбригада, штадив, управление артдивизиона — в Ново-Дмитриевке.

В районе Б. Утлюга остались вражеские 1-я и 2-я Донские казачьи дивизии, не успевшие отступить в Крым. Разведка донесла, что настроение конников паническое, но сдаваться в плен они не хотят и намерены пробиться в Донскую область...

Наступило затишье. Части 1-й Конной повсеместно прекратили боевые действия. Первый этап по ликвидации войск врангелевцев был закончен.

Наступательная операция Южного фронта в Северной Таврии отличалась большим размахом. Всего с обеих сторон в боях участвовало до 200 тысяч штыков и сабель. Наступление велось на фронте протяжением 350 километров. Противник был разгромлен в исключительно короткий срок — 7 дней. Теперь армиям Южного фронта предстояло ворваться в Крым и уничтожить последнее убежище контрреволюции.

3

Наступал великий праздник — 3-я годовщина Октябрьской революции. В полках проводились митинги, собрания. На торжественном заседании работников штаба и политотдела 1-й Конной мы избрали в почетный президиум Владимира Ильича Ленина и от имени красных конников послали вождю мировой революции праздничное приветствие, в котором заверяли В. И. Ленина, что 1-я Конная не пожалеет сил для завершения полного разгрома врага.

В эти дни мы получили множество поздравлений. Вот некоторые из них.

«Полештарму 1-й Конной, членам РВС тт. Буденному и Ворошилову.

Торжественное собрание комячейки сотрудников УПВОСО, единогласно избрав Вас в почетный президиум, приветствует с великим пролетарским праздником и шлет свои горячие пожелания Вам и в Вашем лице

всей доблестной 1-й Конной. Пусть красные конники по-прежнему гордо и высоко держат Красное знамя свободной Советской России. Выражаем уверенность, что скоро утопим в Черном море последнего выродка старого империалистического строя — Врангеля».

«Реввоенсовету 1-й Конной армии

Организованный пролетариат и красный гарнизон Елисаветграда приветствуют в Вашем лице легендарную красную кавалерию, пробившую дорогу в Крым. Передавая от нас привет частям красной конницы, скажите им, что сердца елисаветградского пролетариата и красного гарнизона бьются в унисон с сердцами героев славной непобедимой конницы.

Вперед же в Крым через трупы врангелевских банд!

Да здравствует всемирная непобедимая Красная Армия!»

Во второй половине дня 6 ноября полештарм передислоцировался в Петровское, что примерно в сорока километрах от железной дороги. Петровское было большим селом, в нем насчитывалось около пятисот дворов, поэтому Лецкий нашел для нас неплохое помещение.

Последние дни выдались морозными, ветреными, что прибавило нам немало хлопот. У многих бойцов основательно износилось обмундирование, они мерзли, приходилось все чаще разводить костры, но и для этого не хватало дров. Северная Таврия и Крым, как известно, бедны топливом. Между тем конники, как и все части Южного фронта, вынуждены были располагаться в открытом поле. К этому надо добавить еще и то, что у нас не хватало питьевой воды и для лошадей и для людей — кругом на десятки километров ни речек, ни родников. Доставали воду с большим трудом. Правда, с фуражом было несколько легче: еще на пути в Берислав мы заготовили фураж в большом количестве и теперь не испытывали в нем острой нужды.

Передышку перед решающим штурмом мы старались использовать для пополнения армии всем необходимым.

Лецкий при очередном докладе спросил меня, как решен вопрос с выдачей обмундирования курсантам кавалерийских курсов армии в Елисаветграде и как быть с запасным кавалерийским полком в Знаменке.

Дело в том, что в период ожесточенных боев на пополнение 1-й Конной армии прибыл 15-й кавалерийский

полк, который находился в это время в Знаменке. Я располагал сведениями, что полк недостаточно вооружен, бойцы не имеют теплой одежды. Долго думал, как поступить. Знаменка от нас очень далеко, и пока полк подойдет в расположение предстоящих боев, он еще больше потеряет боеспособность и вряд ли принесет пользу. Посоветовавшись с членами Реввоенсовета, решил передать 15-й полк в непосредственное подчинение нашему инспектору кавалерии т. Мурзину до приведения в полную боевую готовность.

Что касается обмундирования для курсантов — этот вопрос мы обсудили вечером на заседании Реввоенсовета. Курсы заканчивала группа в 75 человек. Реввоенсовет постановил: выдать им 75 комплектов кавказского обмундирования. Читателю может показаться странным, что для решения столь незначительного вопроса приходилось созывать Реввоенсовет. Да, созывали. Дел у нас было много, больших и важных. Но в то время Республика Советов испытывала трудности буквально во всем. Мы знали, что рабочие центральных районов сидят на голодном пайке. Поэтому экономили на всем. Потому и занимался Реввоенсовет такими вопросами, которые в нынешней обстановке решил бы, скажем, командир роты.

Едва ушел Лецкий, как в комнату влетел Ворошилов. С мороза, раскрасневшийся. Он протянул мне только что полученную из штаба командюжа телеграмму:

«В районе 6-й армии, — писал врид начштаба Южного фронта И. Х. Паука, — замечена масса пленных, идущих частью без конвоя, группами по направлению к Бериславу. При таких условиях пленные могут осесть в тылу и создать там неблагоприятное для нас настроение. Помкомандюж приказал срочно принять необходимые меры к правильной эвакуации пленных.

Помкомандюж также приказал организовать соответствующим образом охрану зоологического сада в Аскании-Нова, представляющего собою ценное достояние Республики».

— Лецкий уже принял меры, — сообщил Ворошилов. — А насчет заповедника в Аскании-Нова я недавно разговаривал по телефону с комендантом Селезевым. Там все в порядке. 19-й полк Петра Стрепухова, который мы оставили в заповеднике, несет охрану добросовестно. Все животные и птицы в полной сохранности.

— Пусть Лецкий сообщит об этом в штаб фронта, — распорядился я.

Вместе с Ворошиловым сели писать приказ по Конной армии. Согласно директиве командюжа от 5 ноября 1920 года нам предлагалось спешно привести в порядок конницу и готовиться к переправе через Сиваш у Чонгарского полуострова вслед за пехотой 4-й армии. М. В. Фрунзе указывал, что всю операцию по форсированию Сиваша мы должны проводить сосредоточенными силами и с максимальной энергией, доводя атаки во что бы то ни стало до успешного конца, ибо при данных условиях открытая атака живой силой является наискорейшим и наилучшим средством решения задач.

Исходя из этого, мы решили передислоцировать некоторые дивизии, поставили им задачу привести части в боевой порядок, произвести выкормку и ковку лошадей, ремонт обоза и снаряжения, чистку орудий, пулеметов и винтовок. Запастись к предстоящей операции достаточным количеством огнеприпасов, продфуража и продовольствия со станции Березнеговатая. Устанавливался порядок обеспечения технической связи между дивизиями и полештармом и т. д.

Когда разрабатывался приказ, нам сообщили, что на станцию Рыково прибыл командующий фронтом М. В. Фрунзе.

— Завтра, 7 ноября, командюж будет здесь, — доложил Лецкий.

Мы очень обрадовались этому сообщению. Хотелось о многом поговорить с Фрунзе. Ожидали его с утра 7 ноября, а он приехал около двух часов дня. С ним были член Реввоенсовета фронта Смилга и наркомпрод Украины Владимиров.

Прошло две недели с того дня, как мы встречались с Фрунзе в Апостолово. Тогда Михаил Васильевич был бодрым, розовощеким, а сейчас лицо его осунулось и потемнело. Оно и понятно — эти дни для всех нас были напряженными, тяжелыми, а для командюжа — тем более.

— Ну, Семен Михайлович, рассказывайте, как у вас идет подготовка к новым боям? — спросил меня Михаил Васильевич.

Выслушав мой доклад о состоянии войск и их дислокации, Фрунзе улыбнулся.

— Коротко, коротко, Семен Михайлович. А мне пошире бы надо...

Фрунзе высоко оценил мужество и боевую доблесть конармейцев.

— Я бы поставил вам в упрек лишь одно, — заметил командюж. — Почему ваши бойцы не взорвали мост через Генический пролив? Ведь часть войск Врангеля ушла через Арабатскую стрелку.

Я доложил, что враг сосредоточил там большие силы и конники не могли прорваться.

Фрунзе помолчал с минуту, словно раздумывая, потом сказал:

— Да, мы понесли большие потери. Но еще большие потери у наших врагов...

И Михаил Васильевич рассказал нам о том, что видел, когда ехал по железной дороге на станцию Рыково. Все проселочные дороги, шедшие в направлении с севера на юг, полны следов кровавой схватки, которая еще недавно была в этих местах. Участок железной дороги между станциями Большой Утлюг и Рыково почти полностью разрушен. Десятки разбитых вагонов, несколько составов спущено под откос. Многие вагоны все еще горели, то там, то здесь рвались снаряды. Все это бросили врангелевцы при поспешном отступлении.

— Но больше всего меня удручило большое количество убитых лошадей, — продолжал Фрунзе. — Буквально вся степь покрыта конскими трупами. Сотни, тысячи. Это производит гнетущее впечатление. Я даже подумал о том, как тяжело нам будет после войны из-за нехватки лошадей. И уж кому-кому, а вам, Семен Михайлович, придется заняться этим вопросом, так?

Ворошилов толкнул меня в плечо:

— Верно, Семен, ты у нас знаток по этой части.

— У всех нас будет работы по горло, только бы скорее врага разбить, — вновь заговорил Фрунзе. И далее он рассказал о том, что предстоит.

Войска 4-й армии энергично готовятся к форсированию перешейков. Работы очень тормозятся полной оторванностью тылов, отсутствием не только танков, но даже тяжелой артиллерии. Затянулся ремонт железнодорожных мостов, отсутствует топливо, не хватает продовольствия для передовых частей. Поэтому приходится несколько медлить с началом операции.

— Обо всем этом я доложил Главкому и Предсовобороны Ленину еще вчера по телеграфу со станции.

Потом разговор зашел о 2-й Конной армии. Я посетовал на Миронова, который двое суток, особенно 30 октября, пассивно провел в районе Б. Белозерки, отбивая атаки конных полков противника¹.

Фрунзе сообщил, что дал директиву командарму 2-й Конной, согласно которой ему надлежит 9 ноября, сосредоточив армию в районе Владимировка, Строгановка, в зависимости от обстановки, развить успех 6-й армии наступлением западнее и восточнее озера Красное в тыл перекопско-шошуньской группе противника с целью ее уничтожения.

— А вы, — командюж глянул на меня, — оставаясь в занимаемом районе, будьте готовы в любой момент тоже выступить в поход.

— Мы хоть сейчас, — отозвался Ворошилов.

Во время беседы в полештарм поступило донесение от начдива 6 Оки Городовикова (его полки находились в районе Шотовка — Ивановка). Начдив докладывал, что дивизия пополнилась всем необходимым и готова к предстоящим боям. Единственное, о чем просил Городовиков, — изыскать возможности и выдать ему хотя бы сотню комплектов теплого обмундирования.

— Что ответите начдиву? — спросил Фрунзе.

— А что ответить? — горько усмехнулся я. — Нет теплого обмундирования. Все войска в таком положении.

— Да, — задумчиво произнес Фрунзе. — Тяжело... А тут еще морозы да метели. И все же надо помочь Оке Городовикову. Кстати, следовало бы отметить доблесть его конников в боях.

— Вы угадали наше желание, Михаил Васильевич, — сказал я и подал командюжу набросок решения Реввоенсовета Комармии.

Фрунзе взял документ и стал читать его вслух:

— Ввиду проявленной в боях на врангелевском фронте прежней боевой отваги и доблести ходатайствовать перед Реввоенсоветом Республики о присвоении

---

¹ В последние годы появился ряд публикаций о Ф. К. Миронове. Свое мнение о его роли в годы гражданской войны я высказал в журнале «Вопросы истории КПСС» № 2 за 1970 г. — *Прим. авт.*

дивизии наименования Чонгарской в ознаменование занятия ею Чонгарского полуострова...

Прочитав до конца, Фрунзе сказал:

— Одобряю!..

Разговор перешел на положение в стране в связи с близким концом гражданской войны.

— Разобьем вот Врагеля — и делу конец, — весело произнес Фрунзе.

— А Махно?

Фрунзе улыбнулся.

— И дался вам этот Махно, Семен Михайлович. Заставим работать на Советскую власть.

Ворошилов заметил:

— Махно не пойдет с нами, Михаил Васильевич. Хитрющий батька. Ну да если будет вредить — призовем к порядку, потребуется — разобьем.

Фрунзе расспросил нас, как в дивизиях проводят праздник. Потом Михаил Васильевич достал из планшета лист бумаги и, помолчав, сказал:

— Друзья, у меня есть предложение послать телеграмму Владимиру Ильичу Ленину.

Мы горячо поддержали это предложение и, пока готовился ужин, набросали текст. Фрунзе прочел с чувством:

— «Дорогой Владимир Ильич! Сегодня, в день годовщины рабоче-крестьянской революции, от имени армий Южного фронта, изготовившихся к последнему удару на логовище смертельно раненного зверя, и от имени славных орлов 1-й Конной армии — привет. Железная пехота, лихая конница, непобедимая артиллерия, зоркая стремительная авиация дружными усилиями освободят последний участок Советской земли от всех врагов»¹.

Уехал от нас М. В. Фрунзе в приподнятом настроении.

---

¹ М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сборник документов, стр. 429.

5. ПОСЛЕДНИЙ УДАР

I

Я уже писал о том, что Врангель наглухо закрыл за собой ворота в Крым. Перекопский перешеек был превращен врагом в неприступную крепость. От берега Черного моря до Сиваша тянулись мощные укрепления. Перекопский и Чонгарский перешейки и соединяющий их южный берег Сиваша, как позже отмечал Фрунзе, представляли собой одну общую сеть заблаговременно возведенных укрепленных позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями. В сооружении их принимали участие как русские, так, по данным нашей разведки, и французские военные инженеры, использовавшие при постройках весь опыт империалистической войны.

Основная линия обороны была сооружена на Турецком валу, длина которого составляла 11 километров, высота до 8 метров. Все здесь было насыщено орудиями и пулеметами. Перед валом — ров глубиной 10 и шириной более 20 метров. Многочисленные ряды проволочных заграждений с заложенными в них фугасами прикрывали ров и подступы к валу. Перед валом за рвом открывалась гладкая степь. Взять Турецкий вал в лоб, штурмом, было не так просто. В 25—30 километрах за Турецким валом шла вторая полоса укреплений: Юшуньские позиции — линии окопов, густо опоясанные колючей проволокой. Вторая линия окопов проходила от Перекопского залива в районе Карт-Казака и дальше, огибая южную оконечность озера Старое. Окопы глубокие, в полный рост. Пулеметные гнезда, убежища, проволочные за-

граждения — все это представляло для наших бойцов большое препятствие.

Были сильно укреплены также Литовский полуостров (белые опасались захода красных во фланг Перекопу и Юшуню) и Арабатская стрелка (полоса земли до 120 километров длиной и шириной от полкилометра до трех).

В помощь войскам, действовавшим на сухопутье, Врангель ввел в Каркинитский и Перекопский заливы (к западной части перешейка) 20 боевых кораблей, которые держали под огнем весь перешеек. Сюда же перешли американские, английские и французские корабли. Арабатская стрелка также прикрывалась огнем Азовской военной флотилии белых.

Проходы через Чонгарский полуостров закрывали сильные укрепления. Два моста — железнодорожный и деревянный, связывавшие Северную Таврию с Крымом через Чонгар, были сожжены белыми. И здесь французские инженеры построили блиндажи, лисьи норы, шесть линий укреплений. Перед каждой линией — три-четыре ряда колючей проволоки. На бетонных площадках — крепостные орудия, привезенные из Севастополя.

После осмотра системы укреплений крымских перешейков Врангель на совещании в Севастополе заявил: «Русская (то есть белая. — С. Б.) армия спокойно перезимует в Крыму, за зиму оправится и окрепнет, а весной перейдет в решительное наступление».

М. В. Фрунзе тщательно готовился к штурму крымских укреплений. Успех предстоящей операции зависел от храбрости, находчивости, смелости войск, решительности командного состава. Командование фронта, все красноармейцы сознавали огромную ответственность перед Родиной, перед партией. Шла самая энергичная подготовка к штурму перешейков. Командиры инженерных войск внимательно осматривали берег Сиваша, подходы к воде, шестами измеряли глубину топких мест. Разведывательные отряды по ночам производили поиски на вражеском берегу, причем отряды переправлялись через Сиваш на лодках или наспех сколоченных плотках; со всех сторон побережья, и главным образом из Генического, свозились перевозочные средства (лес, лодки), совершенно отсутствовавшие в намеченных для удара районах; устанавливались береговые батареи для прикрытия штурма.

Чтобы оценить грандиозность и сложность производившейся работы, надо учесть, что никаких технических средств у войск под рукой не было и что эту работу производили воины в условиях страшной стужи, полураздетые и разутые, лишенные возможности где-нибудь обогреться, не получавшие порой даже горячей пищи.

Перед штурмом крымских укреплений Врангеля М. В. Фрунзе перенес свой полевой штаб в Строгановку, расположенную на северном берегу Сиваша. Не одну ночь просидели командующий фронтом и его помощники над картой Крыма, выбирая лучший вариант штурма. Отвергалось одно предложение за другим.

Сиваш — своеобразный залив Азовского моря, хотя может быть назван и озером. Поверхность его изрезана многочисленными песчаными наносами и отмелями. Из-за мелководья вода в нем сильно прогревается, издает гнилостный запах, отчего Сиваш называют Гнилым морем. Обычно Сиваш непроходим. Но когда дует западный ветер, он гонит воду залива в море. Тогда в ряде мест обнажается серое глинистое дно, которое быстро высыхает. Изменится ветер — и волны Гнилого моря снова плещутся у Перекопа.

В штабе Фрунзе знали о Сиваше больше, чем у Врангеля. Как раз в ту пору подул западный ветер. Вода в заливе стала убывать. Возникла возможность перебросить группу войск на Литовский полуостров, в тыл укрепления Турецкого вала. М. В. Фрунзе приказал найти опытных, надежных проводников, которые хорошо знали Сиваш. Местные жители, от всего сердца помогавшие Красной Армии покончить с ненавистным врагом, указали на Ивана Ивановича Оленчука. И вот Оленчук уже сидел рядом с командующим фронтом; на столе перед ними лежала развернутая карта.

— Просьба к тебе, Иван Иванович, — сказал Фрунзе. — Старожилы рассказывают, что ты исходил Сиваш, хорошо знаешь все броды. Там, за бродами, враг сидит. Его надо уничтожить.

Оленчук подтвердил, что «по ветерку» можно предугадать спад и подъем воды. Не раз он ходил через Сиваш на базар в Армянск, пробираясь между топких, глубоких «чаклаков» только ему известной дорогой. До того берега Сиваша было верст десять.

— Мабуть, будэ так, — подтвердил Оленчук.

Фрунзе взглянул на карту, измерил расстояние — Оленчук говорил правду. По прямой — восемь верст.

— Так что, Иван Иванович, — сказал Фрунзе, — надо провести бойцов через Сиваш.

Оленчук охотно согласился:

— Проведу. Брод знаю. Все зробию, шо надо.

Всего было выявлено три брода. Однако дно Сиваша покрывал слой липкой грязи, в которой глубоко вязли ноги. Чтобы сделать броды проходимыми, дно Сиваша выкладывали лозой, досками, связанным в пучки камышом — всем, что можно было здесь найти. В ночь на 6 ноября Оленчук с группой саперов по дну Сиваша через каждые сто шагов поставили вехи. Когда тронутся через Сиваш войска, около них встанут посты¹.

Разведка установила, что Литовский полуостров укреплен сравнительно слабее, чем Турецкий вал, и обороняется небольшими силами.

И тогда было решено одновременно атаковать Турецкий вал с фронта (чтоб сковать главные силы обороняющихся) и Литовский полуостров — через Сиваш. Главный удар наносился на перекопском направлении. Чонгарское было вспомогательным.

Началась тщательная подготовка к штурму, во время которой учитывался опыт боев Красной Армии с войсками Врангеля на каховском плацдарме.

Сосредоточивалась артиллерия. Был разработан детальный график артиллерийской подготовки. Принимались все меры к своевременному подвозу боеприпасов, что было не так легко, если учесть, что отступавший враг разрушил дороги. Все дорожные сооружения и грузы приходилось доставлять на боевые позиции гужевым транспортом по разбитым проселкам. Спешно восстанавливались разрушенные мосты, наводились новые. Строились плоты для переправы пулеметов и легкой артиллерии, ремонтировались и сосредоточивались в определенных пунктах местные плавсредства. Сооружались

---

¹ При освобождении Крыма в 1944 году от немецко-фашистских захватчиков советское командование учло опыт войск Южного фронта. Советские войска, как и красноармейцы в 1920 году, вброд форсировали Сиваш. Интересно, что их проводником вновь был И. И. Оленчук. Несмотря на преклонный возраст, он повторил свой подвиг. — *Прим. авт.*

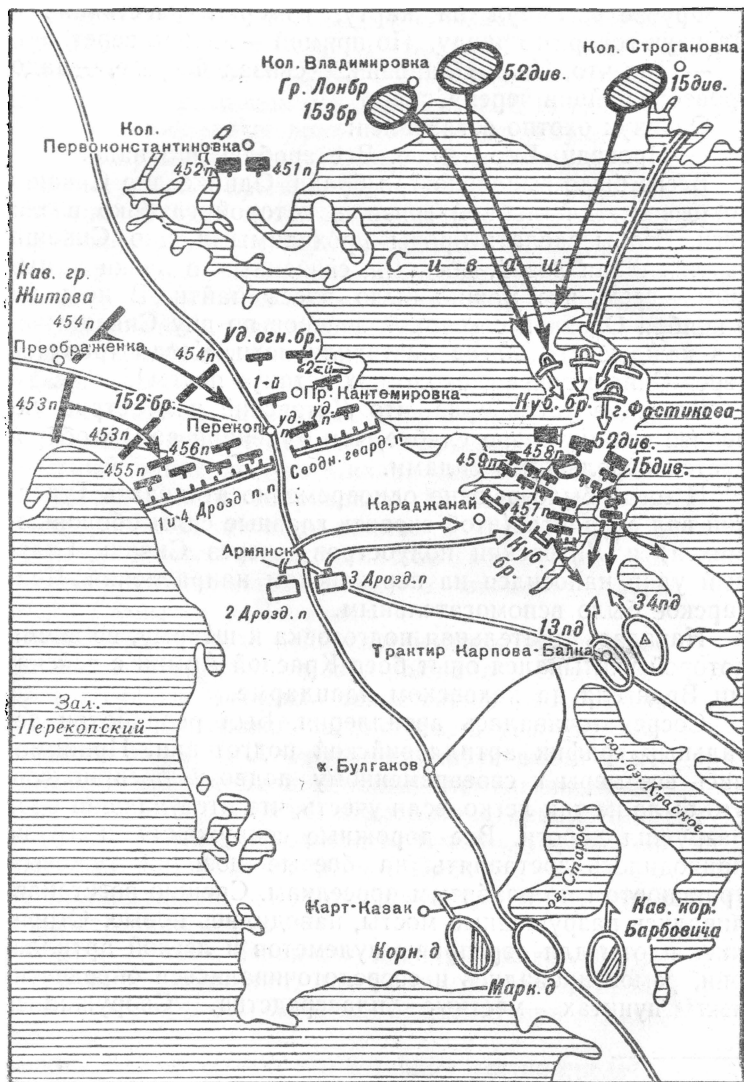

Схема атаки перекопских позиций врангелевцев 7—8 ноября 1920 г.

укрытия для пехоты. На чонгарском направлении части 30-й стрелковой дивизии восстановили Чонгарский мост.

В тылу 51-й дивизии 6-й армии, которой предстояло штурмовать Турецкий вал с фронта, создавались препятствия, аналогичные перекопским. Бойцы тренировались в преодолении этих препятствий.

Напряженную работу в войсках вели политорганы, партийные организации. Все ответственные работники политуправления фронта, политотделов армий находились в частях, на решающих участках. Для выполнения наиболее ответственных задач по указанию М. В. Фрунзе были сформированы три коммунистических ударных батальона.

На Перекопе наступала 6-я армия в составе 15, 51 и 52-й стрелковых дивизий и Латышской стрелковой дивизии. Для помощи армии, для развития ее успеха в район Перекопа подтягивались 2-я Конная армия и части Махно.

На чонгарском направлении действовала усиленная 4-я армия. Ей передали из 13-й армии 9-ю стрелковую дивизию и 3-й конный корпус.

13-я армия оставалась в резерве. Ей поручалась охрана побережья Азовского моря. В случае необходимости ее части могли быть быстро переброшены на любое направление — перекопское или чонгарское.

Первая Конная, составляя главную фронтовую подвижную группу, вводилась в прорыв на перекопско-сивашском направлении. К началу штурма она размещалась за 4-й армией. Ее 4-я кавдивизия находилась в Ново-Михайловке, 6-я — в районе станции Джимбулук, 14-я — в Рождественском, 11-я — в Геническе, Особая бригада и полештарм — в Ново-Троицком.

2

Вечером 7 ноября началось наступление Красной Армии на засевшего в Крыму Врангеля.

К бродам через Сиваш стали подходить части 15-й и 52-й дивизий, 153-й стрелковой и кавалерийской бригад 51-й дивизии. С передовым отрядом шел Оленчук. Не курили, не разговаривали, чтобы не обнаружить себя.

Сквозь висевший над Сивашем туман и тьму ночи еле пробивались лучи неприятельских прожекторов. Несмотря на принятые меры, ноги бойцов тонули в грязи. Грязь

прилипала к колесам орудий. Соленая вода проникала в сапоги, разъедала ноги. Мороз доходил до 15 градусов, и мокрая одежда сразу же покрывалась коркой льда.

Оленчук шел рядом с командиром. Позади осталось уже две трети пути, когда белые обнаружили переправу. Вражеская артиллерия открыла сильный огонь. Снаряды рвались густо, но бойцы с криком «ура» бросились в решительный бой. Вот уже штурмующие достигли берега, выбрались из камышей и с ходу атаковали врага. Первую линию окопов защищали кубанцы генерала Фостикова. Белые отчаянно сопротивлялись, но героический порыв красных бойцов был неудержим, и враг не мог устоять.

Всю ночь продолжались яростные схватки. Наши упорно пробивались вперед. Наконец, уже утром, сопротивление белых было сломлено. Выбитые из окопов, они отступили к хутору Новый Чуваш.

К восьми часам 8 ноября Литовский полуостров был почти весь очищен от врага. Части 15-й и 52-й стрелковых дивизий вышли на Перекопский перешеек и двинулись к юшуньским укреплениям врангелевцев.

Из поступивших за ночь и за день донесений было ясно, писал впоследствии М. В. Фрунзе, как правильно поступали мы, решившись идти на штурм без всяких проволочек и даже не дождавшись прибытия отставшей тяжелой артиллерии. Противник совершенно не ожидал такого быстрого удара с нашей стороны. Уверенный в безопасности, он к моменту нашей атаки производил перегруппировку войск, заменяя на перекопском направлении сильно потрепанные части своих 13-й и 34-й дивизий 2-го армейского корпуса дроздовцами, марковцами и корниловцами из состава своего лучшего 1-го армейского корпуса. В результате часть позиций занималась еще прежними гарнизонами, а часть новыми, еще не успевшими даже ознакомиться с местностью.

Днем 8 ноября 51-я дивизия начала штурм Турецкого вала с фронта. Он продолжался 13 часов. Первые три атаки яростно сопротивлявшийся противник отбил. Дивизия несла большие потери. В некоторых полках они достигали 60 процентов.

В это время осложнилось положение на Литовском полуострове. Собрав силы, противник отчаянными контратаками вытеснил наши части, понесшие большие потери,

с Перекопского перешейка и вышел к южной части полуострова. Неожиданно сменилось направление ветра. Воды Сиваша начали заливать переправу. Нарушилась связь с войсками, находившимися на полуострове. Чтобы восстановить ее, бойцы роты связи сошли в воду и, держа провод в руках, стояли так под огнем врага несколько часов.

М. В. Фрунзе принял самые решительные меры, чтобы не ослабить темпов наступления. По его приказанию в помощь 15-й и 52-й стрелковым дивизиям переправились через Сиваш 7-я кавдивизия 4-й армии, 16-я кавдивизия 2-й Конной и отдельная группа Махно¹. 51-я дивизия Блюхера возобновила атаки с фронта. Правофланговые части дивизии (453-й и 455-й полки) обошли левый фланг укреплений вброд по восточной части Перекопского залива и вышли в тыл врангелевским укреплениям. Рано утром 9 ноября Турецкий вал был полностью захвачен красными героями.

Начались ожесточенные бои за Юшуньские укрепленные позиции.

---

¹ Выше писалось, что Махно, хоть и признал Советскую власть и дал свое согласие участвовать в боях против Врангеля, на деле, однако, поступал не как истинный союзник, а как притаившийся враг. Отдельная группа Махно, о которой идет речь, имела в своем составе 2000 сабель, но махновцы не рвались в бой, они старались идти вслед за штурмующими укрепления врага красными бойцами. Командующий махновцами Каретников, правая рука батки Махно, не подчинялся приказам, он пытался даже возражать М. В. Фрунзе. Об этом свидетельствует сам Михаил Васильевич: «Примерно в 3 часа ночи в Строгановку прибыла 7-я кавалерийская дивизия, которая после осмотра тотчас же была отправлена к боевым линиям. Вода в это время уже сильно испортила брод (речь идет о форсировании западной части Сиваша, где было сильное понижение уровня воды. — С. Б.), но переправа все же была возможна. Часам к 4 явились и махновцы. Вызвав к себе их командующего Каретникова и начальника штаба, фамилию которого сейчас не помню, я изложил им обстановку и потребовал немедленного отправления на тот берег. На переговоры пришлось потратить целый час.

Видимо, махновцы не совсем доверяли мне и страшно не хотели двигаться в поход, опасаясь, быть может, какой-нибудь ловушки. Несколько раз Каретников и начальник штаба то уходили, то вновь приходили ко мне под предлогом получения тех или иных данных. Только под утро, часам к 5, удалось и их переправить к месту боя». (М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. II, стр. 115.)

Тревожной была ночь на 8 ноября. Засыпал на несколько минут и снова просыпался. Привыкнув в течение трех десятков месяцев находиться в самом пекле боя, я не мог сидеть в бездействии в тылу, тогда как совсем рядом, в каких-нибудь тридцати — сорока километрах, развертывался заключительный этап исторического сражения. И хотя понимал, что нельзя бросать конников на штурм укрепленных позиций, сердцем рвался к войскам на передовую, хотелось встать и скакать туда.

Я лежал с открытыми глазами и думал, думал, шаг за шагом мысленно прослеживал действия армий в Северной Таврии, почему не удалось полностью окружить и уничтожить здесь войска Врангеля, что вызывалось объективными условиями, менявшейся обстановкой, где допускались просчеты, ошибки ...Какие потери понесут войска теперь, при штурме хорошо укрепленных позиций? А штурмовать надо, и немедленно, и брать перешейки в короткий срок. Самое страшное — замешкаться, остановиться. Если хоть часть войск поверит в неприступность вражеских позиций — беда. Неизбежен упадок боевого духа. И тогда битва за перешейки превратится в мясорубку, наши силы будут истощаться в бесплодных атаках. Гражданская война затянется, бедствия народа будут продолжаться, и, кто знает, сколько еще времени. Вспомнил посещение полештарма махновцами — наглыми, самоуверенными. В Северной Таврии армия Махно почти не принимала участия в сражениях, плелась в обозе. Допустим, и это выигрыш — хоть не воевала против нас. Но как она поведет себя теперь, в решающий момент сражения?

Многие вопросы волновали меня. Успокаивало лишь то, что во главе фронта стоял Фрунзе, который переживал не меньше нас. Я верил в полководческий талант Михаила Васильевича, знал, что он примет все необходимые меры для нанесения врагу сокрушительного завершающего удара.

Я видел, что не спал и Климент Ефремович. Он то и дело тяжело ворочался на койке, глухо кашлял — простудился.

Поднялись затемно. Вышел на улицу. Холодно, сыро.

Где не проходили войска— у изгородей, в огородах,— белел снег. С хмурого неба падал не то дождь, не то снег.

Завтракали вяло. Перебрасывались незначительными фразами, о бое избегали говорить. С нетерпением ждали донесений с фронта, и вот наконец долгожданная весть: наши форсировали Сиваш и зашли в тыл врагу. Вскоре с порывами ветра стали ясно доноситься звуки канонады, напоминавшие раскаты грома: это 51-я пошла на штурм Перекопа.

Мы повеселели.

— Теперь надо везде жать, на всех участках, — сказал Минин, — особенно на Чонгаре.

— Жать?! — усмехнулся Ворошилов. — Там в тыл не зайдешь, а в лоб попробуй...

Да, Чонгарский перешеек был крепким орешком. Узкая дамба, по которой пролегал железнодорожный путь, была на виду у врага, и врангелевцы вели по ней прицельный артиллерийский огонь. Всюду, на каждом клочке суши, — окопы с густыми рядами проволочных заграждений, блиндажи, лисьи норы, различные укрытия, траншеи, ходы сообщения. Боевые корабли врага защищали Чонгар со стороны Генического пролива.

— А что наши моряки делают, чем занимаются? — заметил Минин. — Есть же у нас флот на Азовском море! Хозяинчают белые на море как хотят.

Мы промолчали. Как-то сложилось так, что взаимодействия войск фронта с Азовской военной флотилией не получилось¹.

---

¹ Можно было вести наступление и войти в Крым в обход основных позиций врага по Арабатской стрелке. Этот вариант М. В. Фрунзе имел в виду, но от него пришлось отказаться. 9-я дивизия 13-й армии сделала попытку наступать на стрелке, однако была остановлена огнем вражеских кораблей. Переход войск по стрелке, защиту их со стороны Азовского моря должна была обеспечивать Азовская военная флотилия. Осенью этого года моряки флотилии оказали большую помощь сухопутным войскам в защите подступов к Донбассу. Безусловно, они и теперь выполнили бы свой долг. Белогвардейцы боялись советских моряков. Врангель признавал, что Красный флот снова стал активен на Азовском море, поэтому владение этим морем сомнительно. Но зима в те годы наступила рано. Северную часть Азовского моря сковало льдом. Корабли флотилии находились в Таганрогском заливе. В их составе не было мощных ледоколов. Они не могли пробиться сквозь лед в Азовское море и в боевых действиях по освобождению Крыма участия не принимали. — *Прим. авт.*

— У нас тяжело на душе, а какво командующему, — сказал Ворошилов, видимо отвечая каким-то своим мыслям. И добавил, вставая: — Поеду в дивизии. Как там конники готовятся к походу в Крым? Надо торопиться. Все-таки, думаю, передышка для Первой Конной будет короткой.

— Дай бог! — отозвался Минин.

Климент Ефремович не напрасно заговорил о Фрунзе. На плечах командующего, на его партийной совести лежала тяжелейшая ответственность за исход сражения.

Какие сомнения одолевали Михаила Васильевича, хорошо видно из его доклада Главкому за первые два дня штурма Перекопа (в копии Владимиру Ильичу) от 10 ноября. Фрунзе писал, что, несмотря на бодрое настроение нашей пехоты, продвижение совершается крайне медленно и в данный момент он, Фрунзе, не может сказать, будет ли армией теперь же выполнена задача по овладению Юшуньскими позициями. В связи с бездействием нашего флота, чрезвычайной трудностью форсирования в лоб чонгарских переправ и ввиду овладения нами Перекопом и Армянском центр тяжести удара командующ перенес на Перекоп. В настоящее время вблизи его сосредоточена вся 2-я Конармия, а на Литовском полуострове уже действует 7-я кавдивизия, туда же получила приказ двигаться 1-я армия, как только мы овладеем Юшунем. Сегодня с рассветом направилась к Перекопу и 46-я дивизия, приданная временно 2-й Конной армии, с задачей ударить на Джанкой. Фрунзе отмечал также, что на подготовке операции крайне тяжело отражается отсутствие железнодорожной связи с тылом.

Части войск, особенно 30, 51, 52 и 15-й дивизий, находятся все время под открытым небом без возможности укрыться и при крайне недостаточном обмундировании. Особенно плохо с обувью, которая за дни быстрых маршей страшно истрепалась.

«В связи со всем изложенным должен сказать, что задача овладения перешейком отнюдь еще не разрешена и может потребовать от нас крайне большого напряжения сил»¹.

Ожесточенные бои на Перекопе продолжались днем и

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 415.

ночью в течение 8, 9, 10 ноября. И та и другая сторона истекали кровью.

Наконец обстановка коренным образом изменилась в нашу пользу. Боевой порыв и мужество красных героев, не жалевших в боях за Советскую Родину, ее великое будущее, за счастье своих детей ни сил, ни самой жизни, принесли желанный успех.

В ночь на 11 ноября 51-я и Латышская стрелковые дивизии, преодолевая упорное сопротивление врага, неся потери от флангового огня неприятельских кораблей, прорвали последнюю линию юшуньской укрепленной полосы противника и вышли на оперативный простор.

В тот день советское радио сообщило:

«Срочно. Всем, всем. Доблестные части 51-й Московской дивизии в 9 часов прорвали последние Юшуньские позиции белых и твердой ногой вступили на чистое поле Крыма. Противник в панике бежит. Захвачено много пленных, артиллерии, морских дальнобойных орудий, пулеметы и прочие трофеи, кои выясняются. Преследование продолжается».

На Чонгаре пошла в наступление славная 30-я Иркутская дивизия. Под яростным огнем врага устремились воины вперед по восстановленному Чонгарскому мосту, переправились на Тюп-Джанкойский полуостров, стремительно атаковали врангелевцев, выбили их из ряда укрепленных линий, заняли деревню Тюп-Джанкой и еще ряд населенных пунктов. Другие подразделения на лодках и плотках переправились на побережье Таганашского полуострова, сломили здесь отчаянное сопротивление врага и заняли станцию Таганаш.

Ночью 11 ноября вся дивизия закончила переправу через Сивашский залив. Путь в Крым и на чонгарском направлении был открыт.

Исход битвы за Крым стал ясен для всех. Продолжать воевать дальше — значило напрасно губить тысячи людей.

11 ноября М. В. Фрунзе предъявил генералу Врангелю ультиматум.

«Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления Ваших войск, грозящего лишь пролитием лишних потоков крови, — писал М. В. Фрунзе, — предлагаю Вам прекратить сопротивление и сдаться со всеми войсками

армии и флота, военными запасами, снаряжением, вооружением и всякого рода военным имуществом.

В случае принятия Вами означенного предложения Революционный Военный совет армий Южного фронта на основании полномочий, предоставленных ему центральной Советской властью, гарантирует сдающимся, включительно до лиц высшего комсостава, полное прощение в отношении всех проступков, связанных с гражданской борьбой. Всем нежелающим остаться и работать в социалистической России будет дана возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти. Ответ ожидаю до 24 часов 11 ноября.

Моральная ответственность за все возможные последствия в случае отклонения делаемого честного предложения падет на Вас»¹.

Вслед за этим Реввоенсовет Южного фронта обратился со специальным радиообращением к офицерам и солдатам врангелевской армии.

«Командование красным Южным фронтом, — говорилось в нем, — сегодня послало радиogramму Врангелю, в которой предлагает ему со всеми подчиненными ему сухопутными и морскими силами сдать советским войскам в 24-часовой срок. При добросовестном исполнении этого всем бойцам Крымской армии гарантируется жизнь и желающим свободный выезд за границу.

Офицеры, солдаты, казаки и матросы белой армии!

Борьба на юге заканчивается полной победой советского оружия. Пали Краснов и Деникин, завтра падет Врангель. Все попытки восстановить в России капиталистический строй с помощью иностранных империалистов кончились позорно. Великая революция победила, великая страна отстояла свою целость.

Белые офицеры, наше предложение возлагает на вас колоссальную ответственность. Если оно будет отвергнуто и борьба будет продолжаться, то вся вина за бессмысленно пролитую русскую кровь ляжет на вас. Красная Армия в потоках вашей крови утопит остатки крымской контрреволюции. Но мы не стремимся к мести. Всякому,

---

¹ Научно-исследовательский кабинет-музей М. В. Фрунзе при Военной академии имени М. В. Фрунзе, д. 55, л. 511.

кто положит оружие, будет дана возможность искупить свою вину перед народом честным трудом. Если Врангель отвергнет наше предложение, вы обязаны положить оружие против его воли. Создавайте революционные комитеты и сдавайтесь. Не забывайте, что дело идет о жизни десятков тысяч вовлеченных вами в борьбу против Советской России людей.

Одновременно с этим нами издается приказ по советским войскам о рыцарском отношении к сдающимся противникам и о беспощадном истреблении всех тех, кто поднимет оружие против Красной Армии».

Приказ, подписанный Реввоенсоветом Южного фронта, гласил:

«Солдаты Красной Армии! Наши доблестные части, прорвав укрепленные позиции врага, ворвались в Крым.

Еще один удар, и от крымской белогвардейщины останутся только скверные воспоминания. Невыразимой доблестью красных войск сломлено сопротивление полчищ барона Врангеля.

Грозная и беспощадная для своих врагов, Красная Армия не стремится к мести. Мы проливали кровь лишь потому, что нас к этому вынуждали наши враги. Мы во время самых ожесточенных боев обращались к нашим врагам с мирными предложениями. Делаем это и теперь.

Революционный Военный совет Южного фронта сегодня послал радио Врангелю, его офицерам и бойцам с предложением сдаться в 24-часовой срок, в котором обеспечивает сдающимся врагам жизнь и желающим — свободный выезд за границу. В случае же отказа вся вина за пролитую кровь возлагается на офицеров белой армии.

Революционный Военный совет Южного фронта приказывает всем бойцам Красной Армии щадить сдающихся и пленных. Красноармеец страшен только для врага. Он рыцарь по отношению к побежденным. Всем командирам, комиссарам и политработникам вменяется в обязанность широко разъяснить красноармейцам смысл настоящего приказа.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, отдельных частях и управлениях»¹.

---

¹ Научно-исследовательский кабинет-музей М. В. Фрунзе при Военной академии имени М. В. Фрунзе, д. 55, лл. 507—508.

Однако белые не приняли гуманного предложения советского командования. Как свидетельствует сам Врангель, он приказал закрыть все радиостанции в армии и на кораблях, за исключением одной, обслуживать которую поставил исключительно офицеров. Поэтому М. В. Фрунзе отдал войскам Южного фронта приказ о продолжении наступления с целью окончательного разгрома врага.

Начался второй этап исторического сражения.

3

К вечеру 11 ноября советские войска преодолели все укрепления врангелевцев в северной части Крыма. Отход противника превратился в беспорядочное бегство.

12 ноября М. В. Фрунзе доложил Ленину:

«Сейчас вернулся из поездки на фронт. Объехал почти все дивизии всех армий. Несмотря на величайшие лишения красноармейцев, связанные с теснотой размещения, недостатком обмундирования, вообще снабжения, что связано с полной оторванностью тылов, не только армейских, но и дивизионных, всюду находил бодрое и уверенное настроение. На этой почве явилось возможным приступить к форсированию перешейков, опираясь не на нашу технику, безнадежно отставшую, а на живую силу бойцов. Получив приказ о наступлении в Крым, полки ринулись неудержимым потоком и мощным ударом овладели рядом чрезвычайно сильно укрепленных позиций противника.

В настоящее время мы прочно занимаем южное побережье Сиваша, и с утра завтрашнего дня наша конница, заканчивающая сегодня свое сосредоточение на указанных ей рубежах, бросается преследовать разбитого укреплений противника...

Свидетельствую о высочайшей доблести, проявленной геройской пехотой при штурмах Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника. Наши потери чрезвычайно тяжелы. Некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава. Общая убыль убитыми и ранеными при штурмах перешейков не менее 10 тысяч человек.

Армии фронта свой долг перед Республикой выполни-

ли. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет советским»¹.

Вся страна, затаив дыхание, следила за исходом великого сражения. В политуправление фронта непрерывным потоком шли патриотические письма с мест, решения собраний, в которых трудящиеся заявляли, что они мыслями вместе с героями Красной Армии и желают им скорой победы. Пришло сообщение, что Московский Совет, выражая горячее пожелание москвичей, учредил Красное знамя, которое будет вручено воинской части, особенно отличившейся в боях за Крым. Через несколько дней Реввоенсовет фронта вручит это знамя славной 51-й дивизии 6-й армии, которой командовал пламенный большевик Василий Константинович Блюхер.

Дивизии за бесстрашие и доблесть ее воинов, проявленные при штурме перекопских укреплений, присвоено наименование Перекопской. Многие ее воины получили высшую военную награду — орден Красного Знамени. В числе других орденом Красного Знамени были награждены начальник дивизии В. К. Блюхер и командир артиллерийского дивизиона Леонид Александрович Говоров, впоследствии Маршал Советского Союза, герой Великой Отечественной войны.

Я хорошо знал Блюхера, не раз встречался с ним и до сих пор вспоминаю о нем с теплотой. Василий Константинович в числе немногих был награжден пятью орденами боевого Красного Знамени.

...Наконец получен долгожданный приказ на выступление: вражеский фронт прорван. По всем улицам Ново-Троицкое, по всем селениям, где стояли красные конники, разнесся сигнал трубы:

— По коням!..

Первая Конная могучим потоком вновь двинулась в поход. Мы шли по израненной, еще дымившейся крымской земле, где совсем недавно велись бои. Поваленные проволочные заграждения, окопы, траншеи, воронки от снарядов и бомб... И вот широкая степь открылась перед нами. Мы пришпорили коней.

В директиве армиям Южного фронта № 0361 от 13 ноября М. В. Фрунзе приказал 2-й Конной по выходе на

---

¹ Научно-исследовательский кабинет-музей М. В. Фрунзе при Военной академии имени М. В. Фрунзе, д. 55, лл. 520—521.

железную дорогу Джанкой — Феодосия в районе Сейтлер стремительно преследовать противника в направлении на Феодосию, Керчь. И ни в коем случае не допустить его посадки на суда в указанных пунктах. Керчью овладеть не позднее 22 ноября.

1-й Конной надлежало форсированным маршем идти на Симферополь, Севастополь с той же задачей.

Командующий фронтом М. В. Фрунзе правильно оценил обстановку. Заняв эти порты, мы отрезали бы врангелевцам пути отхода морем. От Перекопа до Севастополя почти 200 километров. Надо было преодолеть их как можно скорее, добить врага, не дать ему уйти из Крыма.

Наступление развивалось стремительно. Мы шли бок о бок со славной 51-й дивизией, с ее 151, 152, 153-й стрелковыми бригадами.

1-я Конная выступила в поход утром 13 ноября. К этому времени части 6-й и 2-й Конной армий уже перерезали шоссейную дорогу на Симферополь, заняли станции Джанкой, Курман-Кемельчи, где особенно отличилась 2-я бригада 21-й кавдивизии (военком бригады М. А. Экон за этот бой был награжден РВС Республики орденом Красного Знамени). В авангарде нашей армии шла 4-я кавдивизия. Ее полки, преодолев около 100 километров, вместе с передовыми частями 51-й дивизии подошли к Симферополю.

Мы с Климентом Ефремовичем на рассвете поехали в Симферополь. Въезжаем в город, на улицах шпалерами стоят врангелевские солдаты. Все одеты в новенькое английское обмундирование, на груди красные банты. Как говорится, успели перестроиться. Что ж, это неплохо. Многие из белогвардейцев начинали правильно разбираться в том, что происходит, только тогда, когда их крепко били.

Со станции железной дороги связались с Севастопольским ревкомом. Нам сообщили, что сухопутных вражеских частей, не сложивших оружия, в городе нет. Все, кто не успел сесть на суда, сдались ревкому. Пленных что-то около десяти тысяч. Северная и Южная бухты свободны от вражеских судов. В Стрелецкой бухте еще стоят небольшие транспорты, куда грузятся врангелевские офицеры. На рейде стоит крейсер «Генерал Корнилов» и большой транспорт «Херсон». Врангель либо на

крейсере «Генерал Корнилов», либо на французском дредноуте «Вальдек Руссо».

Поступали донесения из дивизий. Все они на марше и большей частью не имеют соприкосновения с противником. Дали приказ 62-му полку 11-й кавдивизии расположиться на ночь в Симферополе.

По праву старшего я вступил в должность начальника гарнизона. Город кишел пленными. Всего их было тысяч пятнадцать, из них половина — офицеры. Я назначил секретаря Реввоенсовета С. Н. Орловского председателем комиссии по регистрации их. Выслушав приказ, Орловский сказал:

— Ох, как бы эти пленные не натворили чего. Ведь здесь теперь мы одни, даже охраны нет.

— Ничего, Сергей Николаевич, скоро конники будут здесь, — успокоил я его.

И тут со мной произошел случай, какими богата жизнь военнослужащих, особенно в боевой обстановке.

Недалеко от станции Зеленский облюбовал для Реввоенсовета двухэтажный особнячок. В час ночи, усталые, мы перебрались сюда. Я и Ворошилов заняли одну комнату на втором этаже, в проходной расположился Зеленский. Климент Ефремович лег и сразу же уснул. Не раздеваясь, лег на деревянный топчан и Зеленский. Мне тоже хотелось спать, но я решил подождать, пока подойдет 62-й полк: он ожидался около двух часов ночи. Я стоял у окна и смотрел в глухую темноту. Где-то время от времени раздавались выстрелы. Сняв бекешу, хотел было прилечь на кровать, как вдруг услышал конский топот. Думаю, прибыл полк. Хотел послать Зеленского проверить, но тот уже крепко спал. Тогда решил сделать это сам. В своем черном френче вышел из комнаты, прихватив парабеллум. На ходу переложил его в карман. Метрах в пятнадцати вижу колонну конников. Позади — тачанка с пулеметом. Подошел ближе, хотел спросить, какой полк. Но конники вдруг окружили меня, и один из них, видимо главный, крикнул:

— Сдавай оружие!

«Кто им сказал, что у меня есть оружие? — подумал я. — И что это за люди?»

Но тут я понял, в чем дело: на мне был пояс с кобурой.

— Ну, что глаза пялишь? — вновь крикнул главный. — Сымай, говорю!

Только теперь понял, что попал в руки белых. Обидно. Неподалеку от домика стоит мой броневик, а крикнуть не могу. Узнают бандиты, что перед ними Буденный, — пощады не жди. Решил проявить выдержку. Молча снял пояс с кобурой. Парабеллум остался в кармане.

Один из бандитов увидел на моих сапогах шпоры.

— Господин капитан, глядите, шпоры, стало быть, это кавалерист! — закричал он.

— Я писарем при штабе 19-го кавалерийского полка. А вообще-то раньше был кавалеристом, — торопливо доложил я.

Полк назвал умышленно: такой, 19-й, был и у нас и у белых. И спросил капитана уже строго:

— Почему вы хватаете людей на улице? Вот тут рядом комендатура. Пойдемте туда.

Подвыпивший капитан важно сидел в седле. В ответ на мое заявление он рявкнул:

— Что? Я тебе покажу! Иди, иди! — и толкнул меня ногой в плечо.

Идем по улице. Решаю узнать, кто эти люди и куда меня ведут. Начал исподволь спрашивать, но так, чтобы не слышал главарь отряда:

— Кто у вас командиром?

— Капитан Орлов.

— Зачем я вам нужен?

— А ты кто такой будешь?

— Я же сказал, писарь.

— Расстреляем тебя. Вот за город выйдем.

Этот тоже был пьяный.

— Что я вам сделал плохого?

— Ничего. А только командир приказал, потому, дескать, красный, ну и все.

Вижу, дело плохо. Стал обдумывать положение. А оно не из важных: в отряде до 60 человек, хорошо вооруженных. У меня всего лишь девятизарядный парабеллум. Как быть?

Было темновато, хотя горели фонари. Тачанка, сопровождавшая отряд, свернула на другую улицу, и вскоре там началась стрельба. Вижу, впереди — овражек, через

него — мостик. Берег сажени полторы вышиной. Решение принял мгновенно. Как выйдем на мостик — брошусь в сторону и прыгну в овраг. А дальше уже не страшно. Пока бандиты спешатся да кинутся в погоню — успею далеко уйти или спрятаться. Долго искать меня белые не станут: в город вот-вот войдут наши конники.

Орлов — впереди. Оглядываясь, время от времени негромко покрикивает:

— Давай, давай, поспешай ножками.

Слышу шум колес. Несколько бандитов по приказанию Орлова отделились от нас и поскакали в переулочек. В это же время один из конвоиров, подозрительно долго поглядывавший на меня, подскочил к Орлову и стал ему что-то шептать. Слышу, произносит мою фамилию.

Ну, думаю, конец. Рука инстинктивно потянулась к правому карману.

Орлов, видимо, усомнился в докладе своего сподручного. Остановив лошадь, он приставил к моему виску наган и спросил:

— Послушай, а ты не Буденный?

— А что?

— Я бы его отпустил, — усмехнулся капитан. — Храбрых не бью. Скажи, ты — Буденный?

«Врешь, если бы ты знал, что я Буденный, мне бы и минуты не жить». И, не теряясь, говорю:

— Эх, капитан. Да зачем Буденный один пойдет в Симферополь. Что он — рядовой разведчик? Писарь я.

Не убирая нагана от моей головы, Орлов крикнул:

— Обыщите его!

Трое бандитов спрыгнули с лошадей — и ко мне. Боясь, что обнаружат револьвер, мигом выхватываю золотые часы, которые мне подарил от имени ВЦИК Михаил Иванович Калинин, и протягиваю Орлову:

— Возьмите! Больше ничего у меня нет.

Отдавая часы, я был уверен, что в темноте Орлов не сразу заметит, что они золотые, а я воспользуюсь паузой и попробую вырваться из рук бандитов. Расчет оправдался. Едва я левой рукой выдернул из кармана за цепочку часы и поднял их вверх, Орлов свободной рукой схватил их. А я правой рукой выхватил револьвер и выстрелил в Орлова в упор. Но, видимо, капитан был опытным воякой. Он успел заметить опасность, мгновенно

прижался к седлу... и выстрелил сам. Я тоже увернулся. Пуля угодила в одного из конвоиров, и тот замертво свалился. В одно мгновение я скользнул под голову лошади капитана, прыгнул в темноту, скатился под откос и очутился у невысокого забора. Вижу, с шашками наголо ко мне бегут четверо бандитов. Занимая выгодную позицию, невидимый в темноте, я поочередно уложил их. Отчетливо помню, как целился в каждого. Вся эта сцена разыгралась быстрее, чем можно о ней рассказать. Потом я побежал вдоль забора. Это было небезопасно: спешившиеся всадники могли легко достать меня. Хотел перемахнуть через забор, но он оказался высоким, с колючей проволокой. Пробежал метров сто. Оглянулся. Бандиты гнались за мной. Раздавались выстрелы. Пули решетили забор. К счастью, стрелявшие целились плохо: все были пьяны. Неожиданно послышались крики:

— Скачи наперерез!

— Уйдет в калитку!

— Гляди, он у забора!

— Я же говорил, это Буденный!

Узнав о калитке, побежал еще быстрее. Думаю, только бы опередить их. Вот и калитка. Добежал до нее, а бандиты уже рядом, метрах в пяти. Проскочить в нее не успел. Прижался к косяку и стреляю почти в упор. Двоих сшиб с коней. Выстрелил в третьего, промахнулся, задел лошадь. Она заржала, рванулась на забор. Всадник не растерялся и сильно рубанул меня шашкой. Удар пришелся по револьверу. Он вылетел из моих рук. Но пока всадник разворачивал лошадь, чтобы снова замахнуться шашкой, я успел проскользнуть в калитку и запер ее на щеколду.

На соседней улице раздались выстрелы. Как позже выяснилось, это вошли в город разведчики из 51-й дивизии. Бандиты, опасаясь их, не стали больше преследовать меня и скрылись в темноте.

Передохнув, выхожу за калитку. Пошарил по земле, но свой парабеллум не нашел. Взял в руки булыжник. Вокруг темно и тихо. Выхожу на тротуар, потом на дорогу, по которой меня совсем недавно вели бандиты, иду в сторону домика, где находились Ворошилов и Зеленский. В душе и смеялся над приключением, и сердился на себя: так легко, почти из-под броневика, схватили меня бандиты.

Но, кажется, все кончилось благополучно. У мостика, где недавно прыгал в овраг, уходя от преследования, увидел справа несколько солдат. Присмотрелся. Красноармейцы. Потом узнал, что это были бойцы «огневой» стрелковой бригады 51-й дивизии. И тут послышался шум — прямо к мосту несутся на галопе трое всадников из банды. Я выскочил на середину дороги, преграждая им путь. Громко крикнул:

— Стой, стрелять буду! — И тут же позвал наших бойцов: — Товарищи огневики, ко мне!

У одного из бойцов выхватил карабин и направил его на врагов:

— Слезай с лошади! Живо! Ну!

Раздался цокот копыт. Подошел эскадрон 62-го полка. Командир полка отдал рапорт. Приказал располагаться на ночлег, выставив усиленное сторожевое охранение. И вдруг вижу — к нам подъезжает... Орлов со своей бандой. Вообразите удивление капитана и других бандитов, когда они увидели меня. Оказывается, Орлова я все-таки ранил в плечо. Он сидел на коне кислый.

Усмехаясь в усы, спрашиваю:

— Ну что, «герой»?

Орлов молча вынул из кармана мои золотые часы и протянул мне:

— Я не хотел вас грабить. Это не в духе белого офицера. Просто был пьян... Решайте мою судьбу... И скорее!

Приказал арестовать Орлова и передать следственным органам.

Вернулся в дом. Ворошилов и Зеленский спали. Умаялись так, что даже не слышали выстрелов на речке. Снял френч, хотел было прилечь, но тут проснулся Ворошилов. Увидев, что я только раздеваюсь, спросил:

— Ты откуда, Семен Михайлович?

— С того света, Климент Ефремович.

— Не шути. — Ворошилов встал с кровати.

— А я не шучу...

Рассказал о ночном эпизоде. Ворошилов с упреком бросил:

— Семен Михайлович, вот всегда так. И какое ты имел право выходить ночью один?

Ворошилов был прав.

15 ноября воины 1-й Конной вместе с героями 51-й Блюхера вступили в Севастополь. 16 ноября взвился красный флаг над Керчью.

Крымский фронт перестал существовать.

В день освобождения Севастополя Фрунзе телеграфировал В. И. Ленину: «Сегодня наши части вступили в Севастополь. Мощными ударами красных полков раздавлена окончательно южнорусская контрреволюция. Измученной стране открывается возможность приступить к залечиванию ран, нанесенных империалистической и гражданской войной. Революционный энтузиазм, проявленный Красной Армией в минувших боях, является порукой того, что и на поприще мирного строительства трудовая Россия одержит не менее блестящие победы. Красные армии Южного фронта шлют свой привет и поздравляют с победой рабочих и крестьян России и всего мира и всех вождей международной революции»¹.

Как мы ни спешили, войска Врангеля успели погрузиться на суда и уйти в море. Белогвардейцы бежали что было сил, бросая технику и вооружение. Врангель учитывал неизбежность эвакуации и заранее все подготовил. В полной боевой готовности находились корабли интервентов. Иностранные миссии, в том числе американский Красный Крест, всячески помогали эвакуации остатков врангелевских войск. «Американский Красный Крест, — писали впоследствии сами белогвардейцы, — принимал живейшее участие в эвакуации Крыма. Миноноски беспрерывно курсировали между Севастополем и Константинополем, успевая вывозить тысячи людей, томившихся на берегу в ожидании посадки на суда. На острове Проти развернут американцами лазарет на 200 раненых и общежития на 800 человек»².

В своих мемуарах Врангель говорил, что ему удалось на 126 судах вывезти 145 693 человека, не считая судовых команд. За исключением погибшего от шторма эскадренного миноносца «Живой», все суда благополучно пришли в Царьград.

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 425.

² Последние дни Крыма. Сборник. Константинополь, 1920, стр. 25.

Врангель приврал. Ведь с ним бежали служащие тыловых учреждений (а их было великое множество), находившиеся в Крыму царские чиновники, капиталисты, собственники крупных имений... Если посчитать, сколько было таких, и вычсть из приведенной Врангелем цифры, то на долю солдат боевых частей останется немного. По нашим данным, Врангелю удалось эвакуировать вместе с беженцами всего 83 000 человек. Подавляющее большинство врангелевских солдат или погибли в бессмысленном бою, когда Врангель отверг ультиматум советского командования, или попали в плен. Только в Феодосии сдались в плен более 30 различных войсковых частей Врангеля во главе с командным составом.

Иностранцы были ошеломлены таким ходом событий. Французское газетное агентство признало тогда, что в военных кругах (Франции) выражают большое удивление по поводу быстроты, с которой произошла катастрофа¹.

Впрочем, с годами наши враги за рубежом, в том числе и белогвардейцы, которым удалось бежать с Врангелем, вынуждены были признать, что удары красных войск в Крыму были настолько сильны, что устоять против них белые никак не могли.

Подводя итоги боям по ликвидации врангелевщины, М. В. Фрунзе в приказе войскам Южного фронта 17 ноября 1920 г. отмечал:

«Чувствуя неизбежный конец, противник сопротивлялся отчаянно. С упорными боями наши доблестные войска настойчиво продвигались вперед, тесня и разбивая врага. Охватываемый со всех сторон, отрезанный с тыла, противник потерял много пленными, большую часть своей артиллерии, все продовольственные и боевые запасы и в беспорядке ушел на полуостров, пытаясь укрыться за естественной преградой Сиваша и в укреплениях Перекопского и Чонгарского перешейков, но никакие преграды и укрепления не могли остановить победного марша наших армий. Обойденный по Сивашу 15-й дивизией, Перекопский вал 11 ноября был взят штурмом геройскими частями 51-й дивизии.

Отчаянное сопротивление противника на юшуньских позициях было сломлено, и части 51-й, 15-й Латышской

---

¹ См. «Правда», 5 декабря 1920 г.

дивизий 12 ноября вышли в Крым. Одновременно с этим, невзирая на мощь обороны Чонгарского перешейка, герои 30-й стрелковой дивизии форсировали сивашские переправы и 12 ноября с боем вышли к Джанкою.

Последние попытки противника под Джанкоем прикрыть отход на Керчь были ликвидированы частями 2-й Конной армии. Ворота в Крым были открыты.

Один за другим пали Симферополь, Феодосия, Севастополь и Керчь. К 16 ноября весь Крым был в наших руках. Победные красные знамена утвердились на берегах Черного моря. Авантюрист барон бежал в Константинополь, бросив свои войска и предоставив каждому устраиваться кто как может...

Боевые товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, ценою ваших героических усилий, ценою дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников — заграничных капиталистов. Отныне красное знамя — знамя борьбы и победы — реет в долинах и на высотах и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях. 50 дней прошло с момента образования Южфронта; за этот короткий срок благодаря вашей стойкости и энергии была ликвидирована угроза врага Донбассейну, очищено все Приднепровье и занят весь Крым.

Честь и слава погибшим в борьбе за свободу, вечная слава творцам Революции и освободителям трудового народа.

Особо отмечаю исключительную доблесть 51-й и 15-й стрелковых дивизий в упорных боях под Юшунем, героическую атаку 30-й стрелковой дивизией чонгарских переправ, лихую работу 1-й и 2-й Конармий, выполнивших задачу вдвое скорее поставленного срока, и всех многих героев, давших новую великую победу нашей Советской Республике»¹.

С разгромом Врангеля в основном завершилась гражданская война, отнявшая у нашего народа много времени, сил, средств, стоившая больших жертв. Попытки интервентов вооруженным путем свергнуть Советскую власть, восстановить в нашей стране капитализм потерпели полный крах. Советский народ, его славная Крас-

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 426—427.

ная Армия отстояли в жестоких боях завоевания Октября. Страна получила возможность вернуться к мирному труду, начать строить первое в мировой истории социалистическое общество.

4

В заключение этой главы — немного истории.

Надо мной нередко подшучивают — вот, мол, Буденный влюблен в лошадей. Да, это так. Не скрываю этого.

С конницей связана вся история нашей Родины. Всадники далекого прошлого, русские былинные богатыри, сыны безбрежных степей Руси... Знаменитая русская конница — гроза врагов, украшение парадов. Лихие рубаки. Гусары, уланы, драгуны, кирасиры с их вековыми традициями. Образ кавалериста запечатлен в произведениях многих русских писателей.

Царская конница в империалистическую войну была многочисленной и сильной, с хорошим солдатским и унтер-офицерским составом. Она насчитывала в своих рядах более 200 тысяч человек. Беда ее заключалась в командном составе, который в подавляющем большинстве состоял из дворян, из титулованных особ — князей, графов, баронов. Их сиятельства оказались неспособными правильно использовать кавалерию на полях сражений в новых условиях при массовом применении войсками автоматического оружия — тяжелых и легких пулеметов, скорострельной артиллерии, возникшей как самостоятельный род войск авиации.

Из этого факта некоторые советские специалисты сделали неправильный вывод, что конница вообще изжила себя, и стали противниками создания крупных конных соединений. Между тем контрреволюционные генералы в первые же дни гражданской войны стали опираться именно на конницу, Дон и Кубань покрылись белогвардейскими конными отрядами. Историческая справедливость требует признать инициативу белого командования в деле создания конных соединений.

Совсем не случайным является развертывание контрреволюционных армий на юге России. Казаки искони являлись лихими, непревзойденными кавалеристами. Казачьи войска были опорой царской реакции. Неограниченные просторы степей, зажиточность казаков и их свое-

образный быт способствовали широкому развитию здесь коневодства. Контрреволюционные генералы не имели времени на подготовку армии. Им нужен был готовый материал, который они и нашли на Дону, демагогическими лозунгами втянув часть казачества в борьбу против Советской власти.

Роль белой конницы как оперативного фактора сразу сказалась на фронте. Но успехи белогвардейцев были кратковременными. На захваченные ими территории возвращались помещики, начинались репрессии по отношению к крестьянам и прочие «прелести» белого режима. И честное казачество отвернулось от контрреволюции. Уже конец рейда Мамонтова знаменуется массовым дезертирством казаков. Они «разошлись по домам».

Советская конница рождалась стихийно, маленькими отрядами. Но красные конники глубоко понимали цели борьбы, тянулись к лучшему будущему, их объединяла одна высокая идея. Как магнитом притягивали они к себе всех честных людей, ненавидевших несправедливость и угнетение. Отрядики стягивались в отряды, отряды — в соединения.

Начало созданию крупных конных соединений, сыгравших исключительно большую роль в гражданской войне, было положено в период борьбы за Царицын.

Красная конница оправдала себя в боях. Ее правильное применение всегда приводило к достижению решающих побед над врагом.

Успех любой операции, какую проводила конница, определялся умелым решением тактических боевых задач. К ним относятся: 1) разведывательная деятельность; 2) действия на флангах и в ближайшем тылу противника; 3) рейд в тыл противника с оперативно-политическими целями; 4) преследование опрокинутого противника; 5) прикрытие отхода своих войск; 6) ликвидация прорыва противником нашего фронта.

Все эти задачи по самой их природе нужно решать исключительно оперативно, с затратой минимума времени. Поэтому от конников требуется всемерное волевое напряжение, решительность до дерзости, умение использовать все наличные средства борьбы для главной цели — нанесения сокрушительного конного удара атакой.

С помощью конницы стало возможным наносить удар внезапно, сосредоточенными силами на решающем на-

правлении, чем всегда достигался крупный успех. Иное применение кавалерии или вообще не приносило успеха, или приводило к половинчатому результату тактического характера.

Вот лишь один печальный пример.

Выдвинувшиеся в июне 1920 года из Крыма корпуса Слащева, Абрамова и Кутепова оттеснили нашу 13-ю армию. Командарм 13 создал две ударные группы. Левая, которую составлял конный корпус Жлобы, получила задачу (пользуясь тем, что корпус Кутепова связан другой группой — около 5 дивизий под командой Федыко) сбить Донской корпус Абрамова, овладеть Мелитополем, выйти в тыл Кутепову. Затем совместно со стрелковыми частями ударом с фронта Северной группы Федыко уничтожить его.

Сосредоточение конницы было произведено довольно искусно и противником не обнаружилось. 29 июня Жлобе удалось прорваться, но белое командование наспех собранными конными, броневыми и авиационными частями вытеснило его обратно. Та же участь постигла и вторую попытку прорыва.

После шестидневных упорных боев Жлоба с большим трудом неглубоко вклинился в позиции вражеских войск. Но с самого момента вклинения действия корпуса характеризовались бессистемностью, разрозненностью, незнанием обстановки. Опасаясь ударов авиации, Жлоба запретил движение в светлое время суток и три дня топтался на месте. Это дало возможность белому командованию подвести свежие части и бросить их против корпуса. Жлоба лишился главного свойства конницы — маневра, и хотя корпус оказывал упорное сопротивление, он, неся потери от авиации, стал отходить.

В неудачах корпуса Жлобы виновно было и армейское командование, которое не обеспечило коннице прорыва и не охраняло ее с воздуха. Обессиленный при прорыве, к тому же обремененный артиллерией и обозами, корпус очутился в тяжелом положении и, не будучи в состоянии быстро и решительно пройти по тылам, не выполнил задачу.

Допускались просчеты в использовании конницы и при ликвидации Врангеля, о чем я уже писал.

Буржуазные военные историки потратили немало усилий, чтобы по-своему истолковать разительные успехи

1-й Конной, как-то доказать, что, с точки зрения военной науки, никаких успехов и нет.

Одни писали, что на польском фронте, например, 1-я Конная не использовалась по своему назначению. Она-де отказалась от конных атак, спешивалась, зарывалась в землю, вообще ничем не отличалась от пехоты.

Это неверно. Внезапность и решительность наступления — вот что нас выручало. Мы стремились всегда и во всех случаях навязать противнику конный бой, наиболее выгодный для нас. И только в исключительных случаях, наткнувшись на мощную инженерную оборону, спешивались. Но завершали задачу опять-таки на коне. Это единственно правильно и верно. И этому мы постоянно учили и начдивов и командиров полков. Пеший бой — подсобное средство. Он лишь создает возможность для кавалериста действовать на коне. Самые блестящие пешие действия, полное использование огневых средств, даже доведение атаки до штыка без завершения боя конным ударом не дадут нужного результата. Противник окончательно разгромлен не будет.

Другие, особенно из числа тех, кого мы били, утверждали, что успехи 1-й Конной объясняются нарушением ею правил войны. 1-я Конная, заявляли они, не регулярные войска, а механическое соединение партизанских отрядов, и воевала она по-партизански, брала внезапностью, налетами. Ее действия далеки-де от военной науки, и ее командование ничего не понимало в военном искусстве. Так заявлял, например, довольно солидный исследователь капитан Рюби. Он посвятил много страниц описанию упорных боев, которые вела 1-я Конная с 13-й пехотной польской дивизией и конницей генерала Карницкого перед прорывом польского фронта.

История боевых действий Конной армии свидетельствует, что Конная армия всегда была в руках высшего командования молотом, тараном, который крушил фронт противника. Во всех ее действиях меньше всего было партизанских приемов. Конная армия не страдала и «рейдоманией». В истории ее действий мы, собственно говоря, можем отметить лишь два рейда как таковых — прорыв на Житомир и от Каховки на Сальково, Геничск, в тыл Врангеля.

Красная конница блестяще выполнила свою историческую миссию в гражданской войне. Крупные конные

соединения широко применялись и в Великой Отечественной войне. Конники участвовали во многих операциях, проведенных Советской Армией, и в значительной мере способствовали успеху этих операций. Конные корпуса Л. Доватора, И. Плиева, М. Кириченко, В. Крюкова, С. Соколова, М. Константинова, П. Белова, В. Гайдуква, С. Горшкова, А. Селиванова, Н. Осликовского, В. Крюченкина вошли в историю Великой Отечественной войны наряду с другими прославленными частями и соединениями Советской Армии.

Теперь о вооружении. Большим подспорьем для нас была пулеметная тачанка. В полку их имелось до 20 штук. Иначе — по одной в каждом взводе. Тачанка нас здорово выручала. Кстати, Врангель также оснастил свою армию пулеметными тачанками, он установил пулеметы даже на автомобили. И нам было очень трудно бороться с ними, ибо автомобиль обладал большой маневренностью.

Реввоенсовет требовал от каждого командира полка, чтобы тачанки у него были всегда в полной боевой готовности: этому мы придавали большое значение. Полкам не раз случалось отбивать атаки втрое больших сил врага, и благодаря пулеметным тачанкам они выходили из боя победителями.

Какова история тачанки?

Мне известно, что в старой русской армии пулеметных тачанок не было. В кавалерии, например, пулеметы перевозили на повозках. Впервые тачанка появилась весной 1918 года на Дону в краснопартизанских отрядах. Возможно, они одновременно применялись в боях с контрреволюцией под Петроградом, на Украине, в Поволжье и Приуралье. В коннице, которой мне довелось командовать, тачанка появилась при следующих обстоятельствах.

Однажды против нашего небольшого партизанского отряда белые бросили несколько полков казачьей конницы. Тучей надвигались белоказаки на высоту, за которой укрылись партизаны. Вот-вот противник раздавит нас своей массой. Отходить поздно. К тому же с отрядом находились раненые и беженцы — старики, женщины, дети. Со страхом и мольбой в глазах смотрели они на меня, ожидая решения. А я и сам не знал, что предпринять. Наконец сообразил: приказал немедленно освободить

одну повозку и поставить на нее наш единственный пулемет. Пулеметчик и ездовой должны были, не обнаруживая себя, переезжать с места на место и давать из-за гребня высоты короткие очереди. Они так и поступили. Белые начали считать «наши пулеметы»: один... три... пять... Потоптались казаки и повернули обратно. Хитрость удалась. Партизаны ликовали. Сразу возникла мысль — оставить пулемет на повозке. Стали закреплять пулеметы на более легких рессорных экипажах-фаэтонах, конфискованных у богачей. Но они быстро приходили в негодность при езде по бездорожью. Тогда мы стали делать в артиллерийских мастерских — когда они появились у нас — свои специальные тачанки с прочными колесами, металлическими осями и более мощными рессорами.

Тяжелый пулемет системы Максима в то время считался грозным оружием. И пока оставался живым пулеметчик, позиция, какую прикрывал он, была недоступной для врага. Эффективность пулеметного огня с подвижной тачанки еще более возросла, стали возможными стремительная смена огневых позиций, внезапность огневого налета, обстрел значительного пространства с различных направлений. Тачанка явилась счастливой находкой, особенно для такого высокоманевренного рода войск, как кавалерия.

Пулеметные расчеты для тачанок (наводчик, помощник наводчика и ездовой) комплектовались из лучших бойцов, в совершенстве владевших пулеметом и искусством управления упряжкой лошадей. В тачанку обычно впрягались три-четыре сильных и резвых коня.

Применение пулеметных тачанок оказало большое влияние на развитие тактики конницы. Они обеспечивали успех атаки кавалеристов путем действий «перекатами», когда часть пулеметов, установленных на тачанках, вела огонь, остальные перемещались на новые позиции. В случае неудачи в атаке тачанки прикрывали отход частей. Превосходно производили тачанки разведку боем. Ураганом врываются они в расположение неприятеля, открывают убийственный огонь, парализовали врага, вносили в его ряды панику и растерянность.

В ходе гражданской войны и после нее пулеметные тачанки совершенствовались. Их стали изготавливать на заводах. В Москве производством тачанок занимался за-

вод «Шестерня», ныне известное всей стране предприятие гидравлических агрегатов. Однажды я присутствовал при испытании прочности тачанок. Решили сбросить одну из них на асфальтированную мостовую с высоты четырехэтажного дома. И ничего — выдержала!

Пулеметные тачанки применялись и в Великой Отечественной войне. Они отлично действовали против гитлеровских захватчиков, в рядах советской конной гвардии прошли славный боевой путь.

Теперь пулеметная тачанка заняла свое место в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

6. ВОЙНА ОКОНЧЕНА. БОИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

1

После разгрома Врангеля, изгнания интервентов и белогвардейцев с советской земли наш народ мог наконец взяться за мирное строительство. Перед страной стояла неотложная задача — восстановив разрушенное войной народное хозяйство, приступить практически к созданию социалистической экономики. Для нас это было особенно важно и потому, что мировая буржуазия, проиграв войну против Советской России, строила планы ее экономического удушения. Каждый из нас, от командарма до рядового красноармейца, понимал, как важно скорее включиться в общий ритм труда, скорее залечить раны, нанесенные нам внешней и внутренней контрреволюцией.

Обстановка в стране после окончания гражданской войны была очень тяжелой. Интервенты и белогвардейцы разорили многие фабрики и заводы, шахты, железнодорожный транспорт. Большой ущерб они нанесли Донбассу, этому важнейшему угольному району страны: затопили шахты и рудники, уничтожили технику. Замер Бакинский нефтяной район...

Продукция крупной промышленности сократилась в 1920 году по сравнению с довоенным временем почти в 7 раз. В стране, например, выплавлялось лишь 116 тысяч тонн чугуна — около 3 процентов довоенного производства. Угля добывалось в 3 раза меньше, чем до войны, нефти — в 2,5 раза; производство хлопчатобумажных тканей сократилось в 20 раз. Десятки заводов и фабрик стояли из-за отсутствия топлива и сырья. Росла безработица.

Не лучше обстояли дела и в сельском хозяйстве — его продукция в 1920 году составляла 65 процентов сельскохозяйственной продукции царской России. Рабочие промышленных городов голодали. Чтобы хоть как-то существовать, часть из них вынуждена была бросать заводы и уходить в деревню. В стране почти вдвое сократилось число рабочих. Рабочий класс расплылся, некоторая его часть деклассировалась. Социальная база диктатуры пролетариата ослаблялась. Все это создавало угрозу самому существованию Советской власти.

Страну захлестывала мелкобуржуазная стихия. Оставался экономически сильным класс эксплуататоров — кулачество, хотя во время гражданской войны его политическая и экономическая сила была подорвана. Следовало учитывать и то, что в ходе революции большое число помещиков и капиталистов бежали за границу, многие из них вели яростную борьбу против Советской власти, их агенты тайно приезжали в нашу страну, организовывали мятежи, провокации, диверсии и убийства. Опорой врагам для антисоветской работы в деревне служило кулачество. Следует отметить, что ряд рабочих, особенно связанных с деревней, поддавалась вражеской агитации. На некоторых предприятиях и заводах даже вспыхивали забастовки.

Говоря о характере контрреволюционных мятежей в стране, В. И. Ленин отмечал, что тут налицо работа эсеров и заграничных белогвардейцев. И вместе с тем — мелкобуржуазная анархическая стихия.

«Эта мелкобуржуазная контрреволюция, — указывал Владимир Ильич, — несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности...»¹

Одной из острых форм классовой борьбы стал бандитизм. Какие только шайки не возникали, какими только лозунгами не прикрывали все эти батьки и атаманы свое антинародное, антисоветское нутро!

«Теперь на Украине каждая банда избирает кличку, одна свободнее другой, одна демократичнее другой, — иронизировал Ильич, — и в каждом уезде — по банде»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 24.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 356.

В. И. Ленин не случайно говорил об Украине — она особенно страдала от бандитизма. И прежде всего правобережная ее часть, преимущественно сельскохозяйственная, с засильем кулачества.

Как нагло действовали здесь многочисленные бандитские шайки, я говорил уже в первой главе. Вот еще факты, свидетельствующие о далеко идущих планах бандитов.

Среди документов, захваченных при разгроме банды Юрко — Тютюника, обращает на себя внимание директива «командующему» 3-й группой атаману Левченко: «Пан главный атаман приказал: ко 2 августа 1921 года закончить все приготовления ко всеобщему восстанию. На порученную вам группу возлагаются задания: 1) с корнем уничтожить железнодорожный путь на линиях: а) Гомель — Бахмач; б) Ямполь — Конотоп; в) Ворожба — Льгов; 2) занять Полтаву. В случае возможности окружить ее главным образом со стороны Харькова и сделать налет на Харьков с целью разрушения всего советского центра на Украине; 3) взорвать железнодорожный мост возле Кременчуга при невозможности локализовать кременчугский железнодорожный узел; 4) прервать всякую связь красноармейских частей как между собой, так и со штабами Киевского и Харьковского военных округов; 5) обеспечить свою собственную связь всеми способами и в особенности для одновременного объявления всеобщего восстания во всем районе нашей группой, пользуясь для этого радио, телефоном, телеграфом, подводами, железными дорогами, самокатами, колоколами по всем селам и зажиганием специальных маяков из смолы или соломы на высоких местах; 6) все захваченные склады и имущество немедленно забирать и уничтожать лишь в крайних случаях, когда будет реальная угроза обратного захвата большевиками».

Широкому развитию бандитизма на Правобережной Украине способствовали также близость контрреволюционных закордонных центров Петлюры и польского фронта, а также недостаток у нас вооруженных сил.

На Левобережье кулачество выдвинуло своим главарем анархиста Махно. Махновщина ярко проходит через весь период гражданской войны на Украине. Из всех бандитов Махно был самым крупным, имел свою

собственную, выработанную на протяжении гражданской войны тактику. И о махновщине следует сказать подробнее.

Махно Нестор Михайлович — маленький щуплый человек, хитрый и жестокий — выходец из местечка Гуляй-Поле, Александровского уезда, Екатеринославской губернии, в Северной Таврии. В 1907 году Махно за ограбление Бердянского казначейства был приговорен к пожизненной каторге. Осенью 1917 года как политического ссыльного, пострадавшего от царизма, его привлекли к участию в работе только что создавшихся органов Советской власти — включили в состав очень важного для деревни волостного земельного комитета.

Весной 1918 года Махно собрал небольшую группу людей, в основном анархистов. Среди них были Белаш, Куриленко, Шусь, Каретников, Михалев-Павленко, Чернописный. Группа напала на немецкий дозор, обезоружила его, захватила несколько винтовок, пулемет. С этого момента и начинается история Махно. Вооружившись, махновцы в районах Гуляй-Поля, Александровска, Пологов начали партизанскую войну с немцами, петлюровцами, гайдамаками.

Отряд Махно пополнялся новыми людьми. Его разделили на несколько групп, во главе которых встали сподвижники «батько». Сложился штаб повстанческих отрядов во главе с «командующим» Махно.

Махновцы вели разгульный образ жизни: возможность пограбить, жить легкой жизнью привлекала в Гуляй-Поле всяких авантюристов и бандитов. Но набегами на немецких интервентов и гайдамаков, демагогическими разглагольствованиями о «свободной» жизни Махно пытался создать вокруг себя ореол «народного героя», борющегося против насилия помещиков и буржуазии.

Борьба махновцев против немецких захватчиков и гетманцев, несомненно, облегчала красным войскам победу над гетманщиной. И по мере того как Красная Армия изгоняла гайдамацкие отряды с Украины, перед Махно все острее вставал вопрос, как относиться к Красной Армии.

Когда в начале 1919 года на Украине была восстановлена Советская власть, Махно занял позицию, резко враждебную диктатуре рабочего класса, стал во

главе контрреволюционного движения кулацких слоев украинского крестьянства, перешел к открытой борьбе с Советской властью. Махновцы начали из-за угла нападать на отдельные отряды красноармейцев, на тыловые части Красной Армии, на воинские железнодорожные составы. Демагогия о безвластии сменилась открытым террором, махновцы стали бороться с комбедами, разгонять Советы, убивать коммунистов, общественных работников, чекистов, срывать продрозверстку. Других врагов, кроме большевиков, у махновцев в это время не было.

К моменту наступления Деникина на Донбасс анархомахновия стала конгломератом кулачества со всякого рода отбросами, уголовными элементами, политическими шарлатанами.

В отдельные периоды Махно менял свое отношение к Советской власти. Вообще вероломство, лавирование было для него и его сподручных делом обычным. В зависимости от складывавшейся военной и политической обстановки, они то выжидали, надеясь, что власть Советов падет в ожесточенной схватке с войсками иностранных интервентов и внутренней контрреволюции, то под давлением нарастающего революционного движения вели против белогвардейских частей партизанскую борьбу. При этом прикидывались раскаявшимися, признавали на словах Советскую власть и даже участвовали в отдельных боевых действиях на стороне Красной Армии, но обычно внезапно изменяли, обнажали фронт или фланги советских войск и заодно с Деникиным, Врангелем и другими ставленниками империалистов воевали против Советской Республики.

Когда началось наступление «добровольческой армии» Деникина, советское командование предложило Махно совместно бороться с белогвардейцами: Махно располагал довольно крупными силами. Наступление Деникина было опасным и для махновцев — белый генерал с одинаковой свирепостью разделялся как с советскими организациями, так и со всякого рода «самостийными». Анархистский центр порекомендовал Махно временно примириться с Советской властью и выступить против Деникина. Махно принял предложение советского командования. Его отряды свели в отдельную бригаду, и она несколько недель дралась с белыми.

Всем организациям Р. К. П.

Белоградцевские банды мятежника генерала Врангеля продолжают держаться на юге России. В самый тяжелый момент борьбы русских и украинских рабочих и крестьян с польской шляхтой генерал Врангель ввел свои войска в самые плодородные уезды Украины и пытается ныне прорваться на Дон. Его дальнейше уже занесло неистовый вред Советской республике. Каждый даже временный и незначительный успех Врангелевских мятежников грозит еще большими бедами. Хлеб, уголь и нефть, предназначенные для спасения рабочих и крестьян России, находятся под угрозой. Донецкий бассейн, Дон и Кубань, кровью лучших сынов трудового народа освобожденные от Денкиных, находятся под ударами Врангеля. В глубоким тылу Красной армии, победоносно продвигавшейся на западном фронте, белоградцевские бандиты производят разрушения и грозят сделать ближайшум выигу не менее тяжелой, чем зима 1919 г.

Победа над Польшей не будет действительно победою, если Врангель не будет разгромлен: наступление Врангеля есть только часть польского наступления.

На Крымском фронте мы теперь расплачиваемся только за то, что зимой не добились остатков денкинских белоградцевцев. Голод, разруха транспорта, нехватка топлива будут длиться дольше потому, что в свое время не было проявлено достаточно энергии, настойчивости и решительности в доведении до конца уничтожения этой контр-революции.

Довсе медлить нельзя! Врангель должен быть уничтожен, как уничтожены были Колчак и Денкины!

Величайшим преступлением каждого коммуниста и каждой рабочей организации будет, если они не употребят всех сил, чтобы немедленно прекратить продвижение Врангеля и уничтожить красное белоградцевское гнездо.

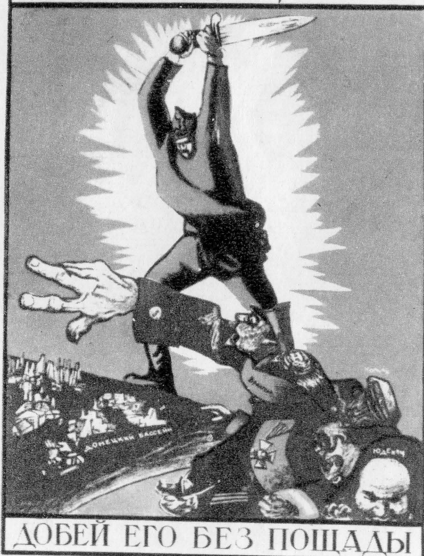
Партия должна понять, что если Врангелю удалось его первое выиги, то только и исключительно потому, что партия не обратила на крымский гнойник достаточно внимания и не сревала его единым и решительным ударом.

Центральный Комитет призывает все партийные организации и всех членов партии, все профессиональные союзы и все вообще рабочие организации поставить на очередь имя и немедленно принять меры к усилению борьбы с Врангелем. В ближайшше для автомашин партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте! Мобилизованные товарищи, добровольцы должны направляться на фр. Каждому рабочему, красноармейцу должно быть разъяснено, что победа над Польшей невозможна без победы над Врангелем. Последний оплот генеральской контр-революции должен быть уничтожен!

Над Крымом должен взвиться красный флаг рабочей революции! К оружию, товарищи!

Обращение ЦК
РКП(б) «Всем
организациям
РКП», «Правда»,
10 июля 1920 г.

ВРАНГЕЛЬ ЕЩЕ ЖИВ

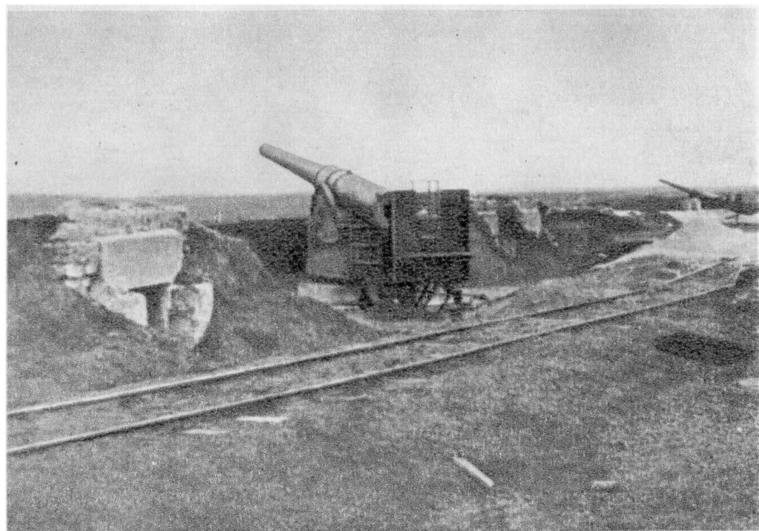

Плакат художника Д. Моора

ДОБЕЙ ЕГО БЕЗ ПОЩАДЫ

На Южный фронт. Полтава, 1920 г.

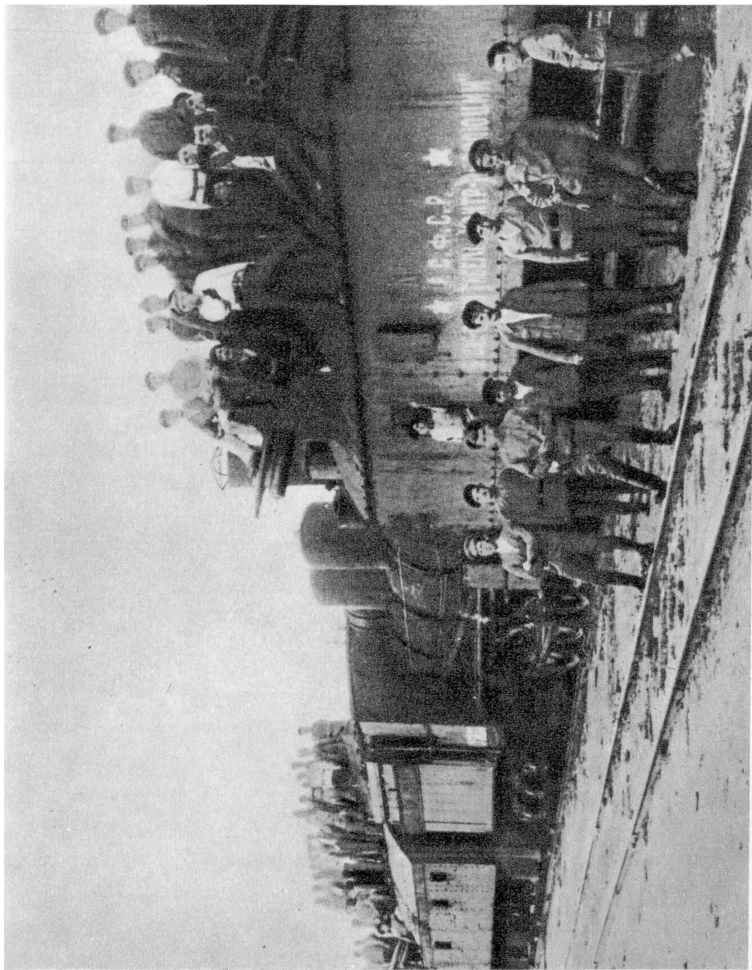

Врангелевские орудия на Перекопе, 1920 г.

Пулеметные тачанки кавбригады Первой Конной армии
в походе, 1920 г.

Бронепоезд
Первой
Конной
армии «Ги-
бель контрреволю-
ции», 1920 г.

**В. С. Лазаревич, командарм
4-й армии**

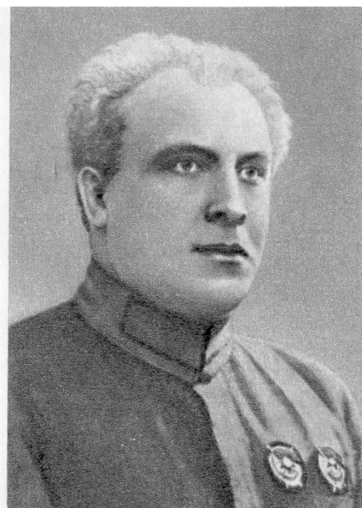
**А. И. Корк, командарм 6-й
армии**

**В. К. Блюхер, начальник 51-й
стрелковой дивизии**

**И. К. Грязнов, начальник 30-й
имени ВЦИК стрелковой
дивизии**

И. И. Раудмец, начальник 15-й
стрелковой дивизии

М. Я. Германович, начальник
52-й стрелковой дивизии

К. Ф. Телегин, комиссар 459-го
стрелкового полка 51-й стрел-
ковой дивизии

Г. А. Трушин, начальник Осо-
бого отдела Первой Конной
армии

ДИРЕКТИВА

всем коммунистам армий Южфронта.

Харьков.

30 Сентября 1920 года.

§ 1. Приближается решительный момент наступления всех армий Южфронта для полной ликвидации Врангеля. Каждый коммунист, командир, комиссар и боец должен знать это и должен быть полон непреклонной воли к победе. Каждый должен быть проникнут твердым решением—уничтожить врага во что бы то ни стало.

В целях политической подготовки к этому наступлению все коммунисты армий под руководством полковников, подивов и комиссаров должны провести ударную, агитационную кампанию—«кампанию победы» применительно к помещенным в § 2 директивы тезисам.

Кампания эта должна начаться немедленно по получении настоящей директивы и продолжаться, все усиливаясь, до момента решительного наступления и во время наступления до полного разгрома противника и занятия Крыма. К моменту наступления ни один боеспособный коммунист не должен оставаться в тылу. Все силы должны быть на фронте. В передовых рядах коммунисты должны воодушевлять красноармейцев своей решимостью, отвагой и примером.

К агитационной кампании по подготовке победного наступления должны быть привлечены все без исключения коммунисты, все честные и сознательные командиры и красноармейцы. Каждому из них должно быть немедленно вручено по 1 экземпляру настоящей директивы. Через эти сознательные передовые кадры Красной армии тезисы и лозунги победы должны быть глубоко внедрены в сознание каждого бойца и должны овладеть массами. Сознание и воля масс дает армиям стальную решимость и делает их победоносными.

Проведение кампании в дивизиях возлагается на начальников дивизий и военных комиссаров дивизий, которые должны использовать полностью все политические силы и политический аппарат дивизии, а также привлечь к участию в проведении кампании команд-

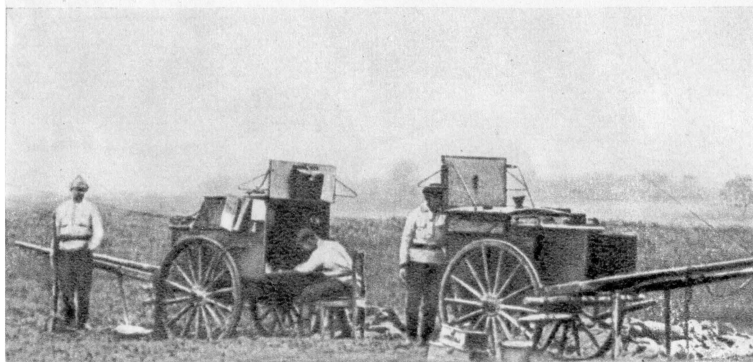
И. В. Янковский, командир
47-го летучего бронеполка
имени В. И. Ленина

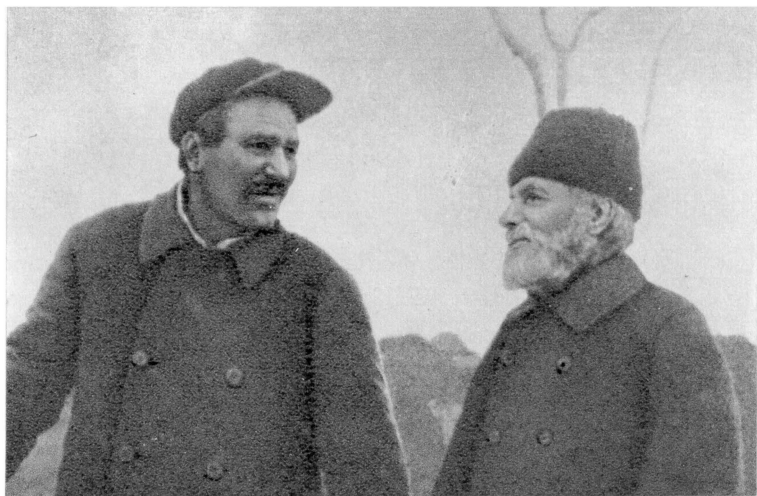
С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов с командованием
14-й кавдивизии, 1920 г.

Командарм Первой Конной армии выступает на митинге в 9-м воздухоотряде в период разгрома Врангеля, ноябрь 1920 г.

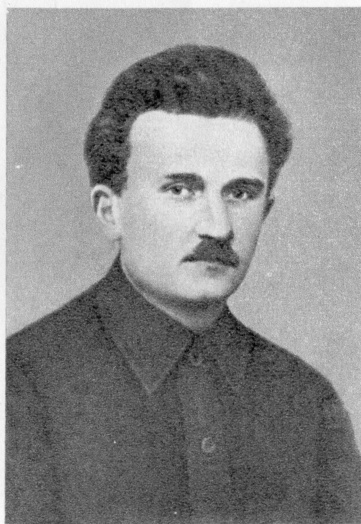
Радиостанции Первой Конной армии, 1920 г.

И. И. Оленчук (слева) и А. Т. Петренко, ноябрь 1920 г.

И. А. Дорошев, 1921 г.

Ф. М. Зявкин, 1928 г.

Эскадрон Первой Конной армии в атаке, 1920 г.

ТЕЛЕГРАММА

№ 0097 и.т.

Каманд. фронт. — (Фрунзе)

Ленин Р. В. Советам —

С. В. Фрунзе

оперативная
на перед.

Милособнаркам т. Ленину. —
 Сегодня нашей конницей захвачен
 Керчь тогда Волжский фронт. шевкин
 рвану тогда сит. Франской №/и.

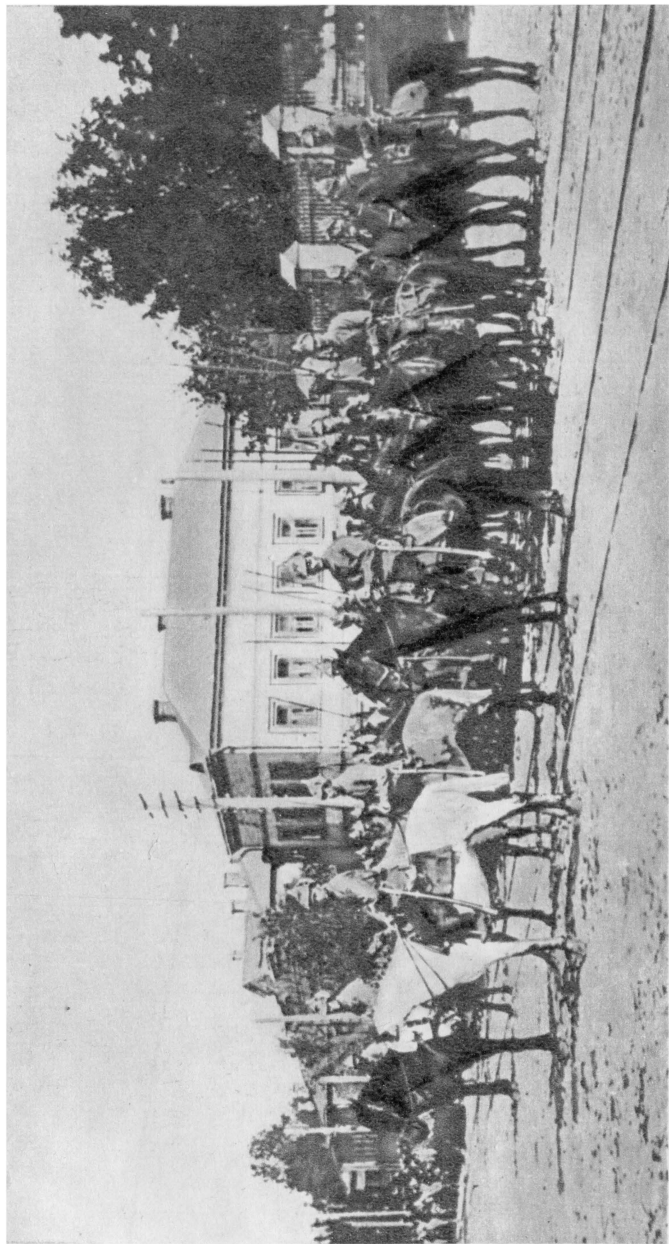
Телеграмма М. В. Фрунзе В. И. Ленину об окончательном разгроме Врангеля в Крыму. 16 ноября 1920 г.

Первая Конная после окончания боев на Южном фронте. На переднем плане справа налево — С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, С. К. Минин и О. И. Городовиков, ноябрь 1920 г.

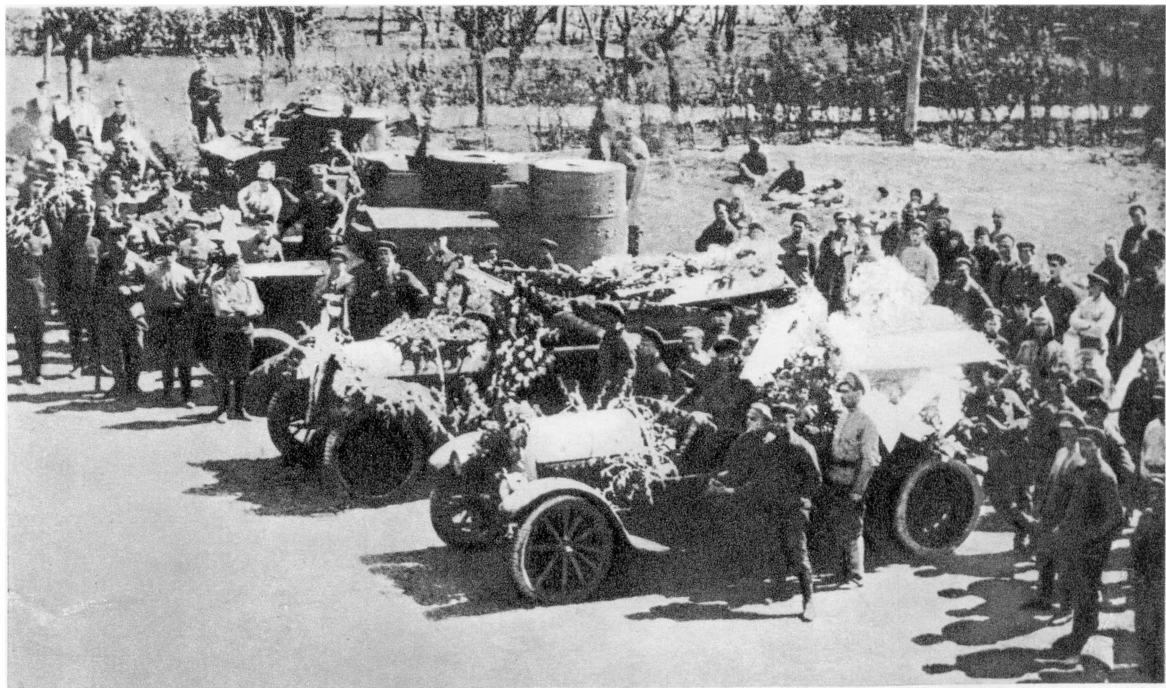

К. Е. Ворошилов, А. С. Бубнов и М. К. Левандовский, 1921 г.

Бойцы Первой Конной армии на параде в городе Ростове-на-Дону, 1920 г.

Похороны бойцов Конармии, погибших в боях с бандами Махно в районе Екатеринослава (Днепропетровска), 1921 г.

А потом Махно неожиданно отвел свои отряды и открыл фронт Деникину. Уход махновцев с фронта показал украинскому народу подлинное лицо махновщины. Ее контрреволюционный бандитский характер выступал теперь во всей своей наготе. Началось брожение среди самих махновцев. Многие случайно оказавшиеся в банде уходили из нее, вступали в Красную Армию.

Прекратив борьбу с белогвардейцами, махновцы вновь выступили против Советской власти. Они производили налеты на поезда, взрывали мосты, нападали на отдельные подразделения советских войск, милицию, на продотряды, совершали погромы, убивали ответственных советских работников.

Махно (чего и следовало ожидать) установил контакт с Деникиным. В штабе Махно стали появляться белые офицеры.

Советское командование объявило Махно вне закона, отдало приказ рассеять и уничтожить его банды. В 1919 году Махно был зажат красными частями в Павлоградском уезде; была уверенность, что удастся захватить его со всем штабом. Однако кулаки укрыли махновцев. А через две недели Махно вновь появился в том же уезде.

Где брал оружие Махно? Я уже писал, что ему щедро помогали наши враги, дезертиры — выходцы из богатых семей. Но был еще один очень важный источник. Как известно, немецкий армейский корпус весной 1918 года занял Ростов (с ним заодно действовал и атаман войска Донского генерал Краснов). Борьбу с немцами вели сильные партизанские отряды, руководимые талантливым красным командиром, которого я хорошо знал, Михаилом Карловичем Левандовским. В боях с ними немецкий армейский корпус потерял (по данным самих немцев) около 20 тысяч убитыми. Вскоре под ударами наших войск кайзеровцы оставили Ростов и стали отступать на Украину. Здесь разложившийся вконец корпус потерял всякую боеспособность. Немцы меняли свое оружие на продукты. За кусок сала и одну-две буханки хлеба отдавали даже пушку. Махновцы этим широко пользовались.

Отступая, враг оставил немало различного оружия и боеприпасов на Украине. Всем этим завладел кулацкие элементы и тоже продавали оружие махновцам.

А ведь еще в ноябре 1919 года В. И. Ленин в написанной им «Резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине» отмечал, что большое количество оружия, имеющегося на Украине в руках сельского населения, неизбежно при неорганизованности бедноты сосредоточивается в руках кулацких и контрреволюционных элементов, что приводит вместо диктатуры трудящихся к фактическому господству бандитского кулачества. Ленин указывал, что первейшей задачей советского строительства на Украине «является извлечение всего оружия и сосредоточение его в руках рабоче-крестьянской Красной Армии»¹.

Очень жаль, что сразу же после изгнания интервентов с Украины местные органы Советской власти не сумели изъять оружие у населения. Не оказали им достаточной помощи в этом и представители командования Красной Армии. Словом, Махно тут всех перехитрил. И не случайно впоследствии он хвастался, что ему удалось надуть сразу и немцев и красных.

В течение четырех месяцев 1920 года Махно, избегая разгрома, колесил по Украине.

В тяжелую минуту, когда Врангель угрожал Донбассу, а с запада на Украину наступали поляки, советское командование вновь предложило Махно действовать совместно, принять участие в борьбе против Врангеля. Боясь Врангеля по той же причине, что и Деникина, Махно согласился, но существенной помощи Красной Армии не оказал. Махно выделил для штурма Крыма всего один отряд под командованием Каретникова, а с основными силами повстанческой армии расположился в районе Гуляй-Поля, оставаясь в стороне от сражений. Вступив в Крым через прорванные уже укрепления, махновцы предались своим обычным занятиям — грабежам, разбою, пьянству.

2

После разгрома армии Врангеля части и соединения Красной Армии получили задачу — нести охрану границ по побережью Черного моря и окончательно очистить лесные и горные массивы Крыма от разбежавшихся при разгроме армии Врангеля белогвардейцев.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 336.

М. В. Фрунзе перед отъездом в Харьков из Симферополя пригласил нас с Ворошиловым к себе. Вместе мы обсудили вопросы, связанные с передислокацией 1-й Конной в районы Екатеринославской губернии. Особое внимание Фрунзе обращал на то, чтобы не ослаблять боеготовность армии. Думать о мирных делах еще рано. Всюду рыщут недобитые бандиты.

— На маршруте проявлять высокую бдительность,— предупреждал Михаил Васильевич.— Меня особенно волнует Махно. Ведет себя в Гуляй-Поле, как князек... Его отряды кое-где уже нападали на красноармейские части... Словом, надо быть готовым ко всему...

И вот еще что,— продолжал Фрунзе,— во время маршрута армии следует оказывать всемерную помощь местному населению. Сами видели, как тепло встречал народ своих освободителей. Надо помочь.

— Чем? — спросил Ворошилов.

— Всем, чем можете,— Михаил Васильевич сделал паузу.— И хлебом, и лошадьми. Да что мне вас учить,— Фрунзе улыбнулся.— Сумели же отправить целый эшелон хлеба рабочим Москвы, Петрограда и Тулы?.. Все продумайте. Красная Армия — детище своего народа и должна трудиться с ним рука об руку.

После обсуждения других вопросов, касающихся 1-й Конной армии, М. В. Фрунзе уехал.

Мы еще несколько суток находились в Симферополе, готовясь к переходу. Надо было все предусмотреть и подготовить к предстоящему маршу дивизий. Погода стояла неустойчивая: то ярко светило солнце; то неожиданно начинал моросить дождь.

Помню, перед самым маршем ко мне зашел начальник полештарма Лецкий.

— Товарищ командарм, получен важный приказ.— И вручил мне текст.

Это был приказ М. В. Фрунзе армиям Южного фронта от 24.11.20. В нем говорилось о том, что 23 ноября 1920 года Реввоенсовет фронта отдал приказ командованию так называемой повстанческой армии. «В связи с окончанием боевых действий против Врангеля,— говорилось в нем,— Революционный Военный совет Юж-фронта считает задачу партизанской Повстанческой армии (то есть армии Махно.— С. Б.) выполненной и предлагает Реввоенсовету Повстанческой армии немедленно

приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения Красной Армии.

Существование Повстанческой армии особой организации более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями Красной Армии отрядов особой организации и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям».

Далее в приказе перечислялись факты бандитских нападений на красноармейцев, ограблений транспортов дивизий, убийств.

Обращаясь к бойцам Южного фронта, М. В. Фрунзе раскрывал классовую сущность и замыслы махновцев — подготовка к борьбе с Красной Армией.

«Наш долг, товарищи, — писал Фрунзе, — в самом корне пресечь эту глупую и вредную затею... Будьте наготове в любой момент раздавить семя подготавливающейся кулацко-анархистской авантюры»¹.

Как и предполагал М. Фрунзе, махновцы отказались выполнить приказ Реввоенсовета Южного фронта. Каретников со своими бандами самовольно двинулся из Крыма в Гуляй-Поле к основным силам Махно. В то же время махновский штаб вновь открыл боевые действия против красных войск. Реввоенсовет фронта был вынужден принять решительные меры.

М. В. Фрунзе 26 ноября подписал новый приказ. Войскам фронта предлагалось считать Махно и все его отряды врагами Советской Республики и революции. Командирам всех частей Красной Армии, имеющих соприкосновение с махновскими отрядами, надлежало таковые разоружить, оказывающих сопротивление — уничтожить. Всю территорию Украины в кратчайший срок надо было очистить от остатков бандитских шайк и тем обеспечить возможность мирного строительства.

Итак, с утра 26 ноября снова начались бои. Теперь уже против Махно.

М. В. Фрунзе решил концентрическим наступлением с северо-запада, севера и востока прижать остатки махновских отрядов к Азовскому морю и беспощадно уничтожить. 1-й Конной предписывалось ликвидировать бандитизм в своем армейском районе на правом берегу

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 429.

Днепра, 4-й кавдивизии и ближайшим к Новомосковскому району другим частям — срочно ликвидировать все повстанческие отряды и банды в Новомосковском и Павлоградском районах.

Казалось, задача не сложная. Что такое шайки Махно по сравнению с фронтом, с силами нескольких регулярных армий? Но, пожалуй, никогда я не был так озабочен состоянием армии, как теперь. Все на фронте и мы в своей армии говорили конникам, что идем в последний, завершающий бой, что с разгромом Врангеля война будет кончена. И теперь среди конармейцев небывало усилились демобилизационные настроения. Страна приступила к мирному строительству. В сельской местности Украины в освобожденных районах шло распределение земли. Скоро весна, начнутся полевые работы, и конармейцы задавали командирам и политработникам один и тот же вопрос: «Когда отпустят нас по домам?» Поддерживать боевой дух в армии, дисциплину и порядок в ней становилось все труднее. Немалые трудности вызывало и снабжение армии. У нас на довольствии состояло 34 385 человек и 34 730 лошадей. Ежедневно нам требовалось около 17 тонн хлеба, 21 тонны овса и около 25 тонн сена. На переходе с польского фронта в район Каховки мы заготавливали продовольствие и фураж на местах, по селам и деревням. Большие запасы имелись у нас в Елисаветграде, и во время ожесточенных боев с Врангелем опродком армии снабжал нас продовольствием и фуражом более или менее сносно. Теперь же запасы подходили к концу. Правда, мы захватили большие трофеи в Крыму после разгрома Врангеля, но хлеб и фураж были у нас на весьма строгом учете: часть продовольствия мы выделили для других армий. Централизованное снабжение сокращалось; обстановка в стране была тяжелой.

3

В течение нескольких дней сидели мы над картами, изучали район расположения банд, знакомились с материалами и разведанными об их составе, вооружении, тактике, о настроении населения в местах базирования махновцев. В соответствии с директивой М. В. Фрунзе от 5 декабря 1920 г. Реввоенсовет армии разработал

план уничтожения банд Махно. Мы решили частью сил замкнуть полукольцо на Левобережье и, сжимая его, прижать Махно к Днепру. На правый берег Днепра, как заслон, направили 6, 11 и 14-ю кавдивизии.

Из Крыма Конармия шла по знакомым местам, где недавно насмерть дралась с врангелевцами. Всюду следы жарких боев: воронки от снарядов, разбитая техника, остовы сгоревших зданий, братские могилы. Наше новое место базирования — Екатеринославская губерния¹, центр махновщины.

На переходе мы оказались по соседству с бандой Каретникова, уходившей на северо-восток в направлении к Пологам и Гуляй-Полю. Согласно данным, которыми мы располагали, банда имела до 1000 сабель, 300 тачанок, немало пулеметов и орудий. Представлялась возможность внезапным ударом уничтожить бандитов. Эту задачу я поручил начдиву 4 С. К. Тимошенко.

Рано утром 27 ноября дивизия приступила к осуществлению операции: события торопили. Накануне мы получили неприятное известие, свидетельствовавшее о нашей беспечности (а может, и хуже) и о силе бандитов. Каретников внезапным налетом занял населенный пункт Тимошевку, взял в плен и разоружил находившийся там стрелковый полк 42-й дивизии.

Ворошилов, прочитав донесение, помрачнел.

— Чуешь, в чем дело? — сказал он. — Какая-то банда взяла в плен полк регулярной армии. Непонятно, как это могло быть!.. Нам тоже глядеть надо в оба!

— А главное — усиливать и усиливать разъяснительную работу. Доходить до каждого бойца, говорить по душам, и не раз, — сказал я. — Нажимай на поарм.

— Нажимаю, — усмехнулся Ворошилов. — Сейчас политработу куда сложнее вести, чем в дни боев с Врангелем. Там враг был очевидный, а здесь незримый, замаскированный, бьет из-за угла...

Впоследствии несколько заседаний Реввоенсовета мы посвятили организации партполитработы в новых условиях. Кропотливо обсуждали, какие вопросы становятся теперь главными, узловыми, на чем надо сосредоточивать внимание политработников. В частях командиры

---

¹ Ныне Днепропетровская область.

и комиссары выступали с докладами, разъясняли бойцам, что такое махновщина, какие цели ставят себе махновцы, на кого опираются, каким образом удастся им получать необходимое довольствие на людской состав и на коней, как пополняют боезапас, где берут и т. д.

Мы наметили созвать I всеармейский съезд. Обсудить вопросы положения страны, перехода к хозяйственному строительству, задачи Красной Армии в новых условиях, рассказать о значении предстоящего VIII Всероссийского съезда Советов. Предсъездовская кампания должна была всколыхнуть всю нашу армию сверху донизу. Мы добивались того, чтобы каждый конармеец, каждый работник армии принял в нем самое живое участие. Утвердили следующую повестку дня общearмейского съезда:

1. Международное и внутреннее положение Советской Республики (докладчик Минин).

2. Основные задачи хозяйственного строительства (докладчик начпоарм Вардин).

3. Очередные задачи Красной Армии (докладчик Ворошилов).

4. Бандитско-кулацкое движение на Украине (петлюровщина, махновщина) и борьба с ним (докладчик Минин).

5. Антисемитизм, шовинизм и борьба с ними (докладчик Вардин).

6. VIII Всероссийский съезд Советов и выборы делегатов (докладчик Орловский).

7. Доклад возвратившейся с Дона и Северного Кавказа делегации.

Когда 1-я Конная армия переходила с польского фронта на врангелевский, бойцы получили много писем от своих родных с Дона, Кубани, Ставрополя, Северного Кавказа. В этих письмах нередко родные сообщали своим сынам и отцам о том, что на местах представители Советской власти забирают у них хлеб, скот, фураж, лошадей. Естественно, это беспокоило бойцов: чем жить родным и как будет дальше? Многие красноармейцы обращались к командирам и комиссарам за разъяснениями, а иные, менее сознательные в политическом отношении, даже роптали. Мы не могли пройти мимо этого, и Реввоенсовет принял решение создать

специальные комиссии и послать их на Дон, Кубань, Терек и Ставрополье, чтобы ознакомиться с обстановкой на месте. В состав комиссий вошли представители этих же краев и областей. Комиссиям передали письма Реввоенсовета для вручения местным партийным органам. В письмах были изложены все те вопросы, которые волновали бойцов. Возглавлял комиссии — все они составили одну делегацию — комиссар 6-й кавдивизии Берлов.

И вот теперь наша делегация возвратилась. Она обстоятельно ознакомилась с положением на местах. Мы заслушали ее отчет на специальном заседании Реввоенсовета. Докладывал Берлов. Делегация побывала в Ростове-на-Дону, Ставрополье, Краснодаре и Моздоке. Многие факты, о которых сообщали родные конармейцев в своих письмах, — плохая забота о семьях красных бойцов, особенно погибших в боях, реквизиция хлеба, фуража и скота сверх установленных норм, закупка лошадей для армии по заниженным ценам и т. д. — подтвердились. По словам Берлова, причина всех бед в том, что некоторые работники местных органов власти на Дону и Северном Кавказе злоупотребляли своим положением, плохо вели среди масс политико-воспитательную работу. Там, где нужно было разъяснить семьям казаков суть политики Советского правительства в отношении заготовок хлеба, применяли административные меры.

Было решено не ограничиваться докладом делегации на общеармейском съезде, а послать в Москву несколько человек из делегации для ознакомления центра с положением дел на Дону и Северном Кавказе; просить ЦК РКП(б) о назначении чрезвычайной комиссии с особыми полномочиями для урегулирования работы на местах на Дону и Северном Кавказе, о том, чтобы в распоряжение Донисполкома послали ответственных работников, в том числе ряд товарищей из 1-й Конной.

Помимо всеармейского съезда было еще одно событие — годовщина нашей армии. Мы рекомендовали начдивам, военкомам и начподивам в празднование вовлечь всю массу бойцов. Вопрос о праздновании обсудить на открытых партийных собраниях с широким участием беспартийных. В день годовщины провести всюду общие собрания конармейцев. Рекомендовали устройство спек-

таклей и митингов-концертов. Для подготовки к празднику в дивизиях создали организационные тройки в составе военкомдива, начштадива и начподива. В Екатеринославе в день празднования решили вместе с городскими организациями провести парад войск, митинги и торжественные собрания. Поарму поручили объявить конкурс на создание конармейского значка. Вот выписка из приказа по армии: «Вознаградить художников, участвовавших в конкурсе по представлению проектов конармейского значка, выдав каждому 2 фунта сахара, а автору премированных работ художнику Страхову (три проекта — 1, 2 и 3-я премии) сапоги».

В частях встречались неграмотные конармейцы. Поарм приступил к организации общеобразовательных школ, к полной ликвидации безграмотности.

Приходилось считаться с тем, что петлюровские и махновские агенты будут проникать в армию и пытаться влиять на бойцов, чтобы разложить наши части. Предупреждение любых признаков разложения Реввоенсовет поставил важнейшей задачей всех командиров и политработников...

Зима в тот год стояла суровая. Все кругом было покрыто снегом. Мы знали, что рано или поздно уцелевшие бандиты должны были куда-то прийти, где-то осесть. Следовало обезопасить свой тыл. Реввоенсовет дал указание дивизиям произвести в местах базирования и ближайших населенных пунктах тщательные обыски, выловить всех махновцев, задерживать подозрительных лиц, отбирать у них оружие, снаряжение и казенное обмундирование.

Нам предстояло умело увязать вооруженную борьбу с бандитами с широкой разъяснительной работой среди населения. Всеми средствами агитации и пропаганды, своим поведением мы должны были в районе нашего расположения, опираясь на бедноту, привлечь на свою сторону середняка, помочь ему разобраться в событиях. Мы дали указание всему командному составу, всем политработникам и членам партии работать на местах, поддерживая постоянную связь с парткомами, Советами и комнезамы. Все важнейшие политические кампании проводить совместно, не допускать никакого противопоставления военных коммунистов гражданским.

В Екатеринославе Реввоенсовет установил тесный

контакт с городской партийной организацией. Коммунисты штаба и управлений встали здесь на партийный учет. Мы помогали местным организациям вести среди населения политмассовую и культурно-просветительную работу. С этой целью возобновили издание газеты «Червона правда» на украинском языке. Газета ставила себе целью разъяснить украинскому трудовому селянину ближайшие задачи Советской власти, комнезамов, программу Коммунистической партии и т. д. Особое внимание обращалось на разоблачение истинных целей бандитизма.

Боевые действия против Махно принимали все более широкий размах.

Рано утром 27 ноября начдив 4-й кавалерийской С. К. Тимошенко двинул свои полки через Гавриловку, М. Белозерку, чтобы встать на пути движения банды Каретникова. Начдив решил окружить бандитов и уничтожить их, освободив из плена упомянутый выше полк. С этой целью 3-ю кавбригаду он оставил в М. Белозерке, а 1-ю и 2-ю двинул в обход Тимошевки к Михайловке. И вот снова начались бои, снова полилась кровь. Красные конники пошли в наступление. Махновцы оказывали ожесточенное сопротивление, стремясь любой ценой удержать за собой Тимошевку — важный в тактическом отношении населенный пункт. При поддержке сильного пулеметного огня бандиты неоднократно переходили в контратаки.

Наконец их упорство было сломлено. Они отошли на южную окраину Михайловки. С запада по ним ударила 3-я кавбригада. Бандиты пришли в замешательство. Каретников, видя, что бой проигран, дал команду отступать. В рядах махновцев началась паника. Они бросились на северо-запад, но здесь их встретили огнем эскадроны 1-й и 2-й кавбригад. Тогда бандиты повернули к югу, но и тут не прошли. Банда была разгромлена. На поле осталось до 600 трупов махновцев. Кавдивизия взяла в плен около 200 человек, захватила все обозы, 4 орудия, пулеметы, тачанки. Только отдельным махновцам удалось бежать.

Пока 4-я кавдивизия уничтожала банду Каретникова, все другие продвигались по своим маршрутам. 6, 11

и 14-я кавдивизии переправились через Днепр. Все пути движения отрядов Махно в западном направлении мы отрезали.

На Левобережье с 4-й дивизией взаимодействовали другие соединения Красной Армии.

На основные бандитские шайки, находившиеся в районе Гуляй-Поля, наступали из района Мелитополь, Ногайск части 4-й армии, из Мариуполя, Бердянска — резервные части, из района Волновахи — 2-я Конная армия и 3-й конный корпус.

Местность в районе Гуляй-Поля сильно пересеченная, со множеством оврагов. Это позволяло бандам Махно скрытно передвигаться, уходить из-под ударов Красной Армии. У махновцев была неплохо организована разведка. Махно и главарям его бандитских шаек активно помогали кулаки, родственники бандитов.

Получив сведения о сосредоточении частей Красной Армии вокруг Гуляй-Поля и Пологов, Махно собрал свои основные силы в кулак и начал быстро продвигаться в район большого населенного пункта Андреевка, что южнее Цареконстантиновки. Казалось, он сам залезал в мешок, попадая в окружение частей Красной Армии. Была полная возможность разделаться с ним. Но опять-таки Махно прорвался на север, посадив пехоту на тачанки. Разгромив по пути обозы 3-го конного корпуса, он быстро устремился на Павлоград. Достигнув района Большого Янисаля, Махно круто повернул на запад, пересек железную дорогу севернее Пологов и, потеснив подразделения 378-го стрелкового полка, занял населенные пункты Рождественское и Воздвиженскую.

4

Ведя боевые действия против бандитских отрядов Махно, мы все острее ощущали необходимость перестройки организации нашей армии. Часть людей надо было демобилизовать, чтобы они могли активно включиться в хозяйственное строительство. В важности этой меры мы еще раз убедились, когда вошли в контакт с местными партийными и советскими органами губернии, которые прилагали все силы к тому, чтобы как можно скорее ликвидировать последствия войны, а главное — хорошо подготовиться к весеннему севу.

Мы часто и подолгу беседовали с Климентом Ефремовичем о положении в стране, о назревшей необходимости бросить все силы на хозяйственное строительство. Здесь, ведя борьбу с бандитизмом, мы со всей очевидностью видели, что политика военного коммунизма изжила себя, приносит большой вред делу установления правильных взаимоотношений со средним крестьянством и ее надо отменить.

В свое время нам прислали стенограмму речи Владимира Ильича, произнесенной им на III Всероссийском съезде профсоюзов 7 апреля 1920 года. Мы внимательно прочитали ее. Жизнь неопровержимо показала, насколько прав был Ильич, как глубоко знал положение дел, как далеко видел вперед.

Владимир Ильич говорил, что крестьяне наполовину труженики, наполовину собственники, и для того, чтобы привлечь их на свою сторону, нужна единая воля, по каждому практическому вопросу нужно, чтобы все действовали, как один. Единая воля не может быть фразой, символом. Ленин требовал, чтобы это было на практике. Единство воли на войне выражалось в том, что, если кто-либо свои собственные интересы, интересы своего села, группы ставил выше общих интересов, его клеймили как шкурника, расстреливали, и этот расстрел был оправдан. Про эти расстрелы, отмечал Ильич, мы открыто говорили, мы говорили, что мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не сможем. Вот в чем выражалось единство воли. И это единство воли на практике осуществлялось в наказании каждого дезертира, в каждом сражении, в походе, когда коммунисты шли впереди, показывая пример. Теперь задача — попробовать применить к промышленности, земледелию это единство воли... Присоединение территорий с крестьянско-кулацким населением также требует нового напряжения пролетарских сил. Мы стоим перед новым соотношением пролетарских и непролетарских масс, социальных и классовых их интересов. Только насилием здесь ничего не сделаешь. «Нужны исключительно организация и моральный авторитет, — говорил Ленин. — Из этого вытекает наше абсолютное убеждение, которое мы на партийном съезде вынесли и которое я считаю своим долгом отстаивать.

Наш основной лозунг — больше и ближе к единоличию, побольше трудовой дисциплины, подтянуться, работать с военной решительностью, твердостью, самопожертвованием, откидывая интересы групп, цехов, все частные интересы принося в жертву! Без этого победить мы не можем. А если мы проведем в жизнь это решение партии, проведем его, как один человек, через три миллиона рабочих, а потом через десятки миллионов крестьян, которые будут чувствовать моральный авторитет, силу людей, жертвовавших собою за победу социализма, мы будем абсолютно и окончательно непобедимы»¹.

Конармейцы с исключительным интересом и вниманием встречали каждое выступление вождя революции В. И. Ленина, каждую его статью. Читали и перечитывали, а потом приходили к военкому и говорили: «Послушай, комиссар, а хлеба-то у нас будет в достатке, сам Ленин пишет. Только вот от нас, мужиков, дисциплину требует. А ну-ка растолкуй, что к чему...»

Мы, разумеется, прилагали все усилия, чтобы призывы вождя доходили до сердца бойцов, чтобы политработники считали это главным в партийно-политической работе, мобилизовали людей на практическое решение стоящих задач.

Партия совершенствовала хозяйственный аппарат, управление промышленностью, сельским хозяйством, предстояли крупные реформы в армии. Нам также следовало подумать, как улучшить структуру 1-й Конной, что оправдало себя в боях, что в новых условиях является лишним, ненужным. Каждую минуту нас могли спросить ЦК партии, Владимир Ильич, как мы относимся к реформам, какова наша точка зрения, каковы предложения по реорганизации армии вообще, нашей Конной в частности.

В долгих беседах с Климентом Ефремовичем мы старались предусмотреть, как будет развиваться дальше военное дело, какое место займут конные массы в общей организации Вооруженных Сил, какую роль отведут им будущие полководцы.

Забота о 1-й Конной, об улучшении ее структуры применительно к войне будущего натолкнула нас на мысль провести специальное заседание Реввоенсовета,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 312—313.

пригласить на него начальников дивизий и управлений и послушать, что скажут они.

Заседание продолжалось два дня. Уже одно это говорит о том, насколько оно было своевременным, насколько перспектива дальнейшего развития Вооруженных Сил волновала всех. Присутствовало на заседании около 60 человек, главным образом ветераны войны.

Председательствовал Ворошилов¹. Вопросы обсуждались такие:

- 1) О назначении Конармии.
- 2) Численность, состав и характер Конармии.
- 3) Сокращение армии и проведение такового.
- 4) О воздухофлоте.
- 5) Об учреждениях и отделах армии и их реорганизации.
- 6) Штадив и штабриги.

Мы долго и во всех деталях обсуждали — какая структура явится лучшей для нашей армии, сколько оставить дивизий, нужно ли объединять их в корпуса; сколько в каждой дивизии должно быть бригад, полков, в полку — эскадронов; численность эскадронов. Нужна ли Особая бригада. Сохранять ли оба штаба — основной и полештарм. Каждое предложение рассматривали со всех сторон. В конце концов, пришли к такому выводу. Корпусное строение не нужно. В армии иметь пять дивизий и одну отдельную кавбригаду. Состав из четырех дивизий крайне неудобен. Приходится бросать в бой все дивизии и часто Особую бригаду. 5-я дивизия необходима как крупный армейский резерв. В дивизии — три бригады, шесть полков, каждый — из пяти эскадронов. В эскадроне — 135 сабель.

Разведкоманды создать при дивизиях, так как для полка это непосильная нагрузка. Раньше они находились при полках лишь потому, что во время боев нельзя было широко поставить обучение при дивизиях. При штабах дивизии ввести штабные эскадроны.

Стремительность действий 1-й Конной, быстрая переброска ее с одного театра военных действий на другой, маневренность — все это заставило нас, по сути дела,

---

¹ К. Е. Ворошилову, как члену ЦК партии и члену ВЦИК, мы с общего согласия предоставили право всегда быть председателем Реввоенсовета армии. — *Прим. авт.*

создать два штаба: основной, со всеми присущими ему функциями, и полевой, для оперативной работы. Когда армии дали полную самостоятельность в вопросах обеспечения конников всем необходимым, основной штаб чрезвычайно разросся и, несмотря на это, его работа не удовлетворяла нас. Часто штаб, как, например, во время операций в Крыму, оставался обезличенным. Находясь в Лубнах, за сотни километров от фронта, да еще при недостатке средств связи, он лишался возможности оперативно выполнять свои функции.

При основном штабе находились отделы: политический, артиллерийский, авиационный, снабженческий, ветеринарный, медицинский, продовольственный, связи, формирования, прокуратура, трибунал, оружейные и ремонтные мастерские. Подобная структура не соответствовала новой обстановке. Следовало ее упростить. Прежде всего надо было отказаться от тяжеловесного заготовительного аппарата. Военное ведомство могло принять нас теперь на централизованное снабжение. Было бы целесообразным передать армию в распоряжение Главкома, сделав ее легкой, свободно оперирующей.

Была еще одна большая проблема. Мы получили приказ Реввоенсовета Республики уволить с военной службы конармейцев допризывного возраста и всех старше 30 лет.

Это означало, что нам предстояло уволить почти 10 тысяч человек! Число увольняемых колебалось от 15—16 процентов в боевых частях до 50 в запасном артдивизионе и службе снабжения. Среди увольняемых было немало опытных командиров. Нужно было подготовить им замену. Конармейцы нередко приходили к нам со своими лошадьми. Как быть в этих случаях? Отпускать в запас конников с лошадьми? Но это ослабило бы армию. Кроме того, у многих лошади погибли. Решили выплатить за лошадей компенсацию.

Увольнение из армии значительного числа конников могло отрицательно сказаться на настроении остающихся, вызвать падение дисциплины. Командиры полков просили Реввоенсовет разрешить краткосрочные отпуска. Ведь многие красноармейцы несколько лет не были в родных краях, не виделись с семьями...

Перенесение центра тяжести с военных вопросов на хозяйственные, особенности борьбы с бандитскими от-

рядами, предстоящее увольнение старослужащих ставили в повестку дня необходимость резкого улучшения партполитработы, изменение ее форм и методов. Характерным было выступление на Реввоенсовете военного комиссара 4-й кавдивизии. Он сказал, что теперь уже нельзя обращаться к конармейцам с одними лозунгами, с голыми призывами — бить врага, наступать, строить и т. д. Бойцы уже не очень охотно слушают митинговые речи, требуют деловых, серьезных разговоров о положении в стране, о путях ее развития, детального ответа на возникающие у них вопросы. Глубокий интерес воинов вызвала, например, появившаяся книга «Азбука коммунизма».

— Бойцы берут за полы военкомов,— сказал комиссар,— и заставляют читать им эту книгу.

— Нужно уничтожить неравенство одних частей перед другими,— затронул очень щекотливый вопрос заместитель начальника политотдела армии Шульга.— Когда приходишь в плохо одетые, а то и просто оборванные эскадроны и пытаешься беседовать с бойцами, призываешь мириться с трудностями, с недостатками в снабжении, они указывают на привилегированное положение эскадронов Реввоенсовета и спрашивают, почему допускается это...

Поступило очередное донесение от Тимошенко. Он продолжал преследовать махновцев. Однако без ощутимых результатов. Приходилось с досадой отмечать, что ни 4-я дивизия, ни другие части, несмотря на ряд строгих предупреждений, не избавились от настроений благодушия. Командиры частей продолжали считать махновцев несерьезным противником. Когда поступали сведения, что где-то появились бандиты, туда высылались отдельный отряд — эскадрон, рота. Махновцам не стоило большого труда ускользнуть от них.

В первых числах декабря мы получили приказ Революционного Военного Совета Республики № 2660/532¹, из которого узнали, что для объединения в одних руках всех вооруженных сил, находящихся и действующих на территории Украинской Советской Республики, Революционный Военный Совет Республики постановил учредить должность командующего всеми вооруженными

---

¹ См. М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 434.

силами на Украине и назначил им командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе с оставлением его в ныне занимаемой должности. Отныне Фрунзе подчинялись все полевые войска, управления и учреждения, находящиеся и действующие на территории Украины, Харьковский и Киевский военные округа, запасная армия, войска Трудовой армии, войска ВНУС и военные учреждения, расположенные на территории этих округов. Фрунзе в качестве уполномоченного Реввоенсовета Республики с правом решающего голоса был введен в состав Совнаркома Украинской Советской Республики. Приказ был подписан заместителем председателя РВСР Склянским, Главкомом Каменевым и членом РВСР Дашишевским.

— Правильное решение,— произнес Ворошилов, прочитав приказ.— Теперь больше порядка будет. Когда в одних руках сосредоточивается вся полнота власти, легче командовать войсками.

11 декабря Михаил Васильевич прислал нам директиву № 0505, в которой, в частности, указывал:

«Несмотря на ранее отданные распоряжения и указания, в операциях 4-й кавдивизии усматриваю действия отдельных мелких групп. Приказываю подготовить общий удар, имея целью окружение и полное уничтожение банд, отнюдь не допуская сгучивания последних высылкой отдельных эскадронов»¹.

Спустя четыре дня, 15 декабря, мы получили новый приказ Фрунзе войскам Южного фронта № 0529. В нем командующий войсками Украины отмечал, что загнанный в деревню Андреевку и окруженный здесь нашими войсками Махно вечером 14 декабря, воспользовавшись преступной небрежностью сторожевого охранения некоторых частей, прорвался на север. Успела уйти вся масса его конницы и, по-видимому, на тачанках большая часть пехоты. Около полуночи 14 декабря прорвавшаяся группа достигла пункта Конские Раздоры.

В числе других армий Реввоенсовету Конармии Фрунзе приказывал, продолжая ликвидацию бандитов в Новомосковском и Константиноградском уездах отдельной кавбригадой Новотного, не позднее 17 декабря выдвинуть сильную конную группу (4-я кавдивизия и

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I, стр. 439.

Особая кавбригада) в район Ново-Воскресенка, Ново-Николаевка, Григорьевка (к юго-западу от Чаплино). Задача группы — не дать махновцам уйти на северо-запад и при первом же появлении уничтожить их.

16 декабря части Красной Армии настигли Махно в районе Федоровка, Акимовка. Бой длился несколько часов. Бандиты оказывали упорное сопротивление. Конные отряды махновцев предпринимали одну атаку за другой. Наконец сопротивление бандитов было сломлено. Спешенные отряды Махно частью были уничтожены, частью рассеялись. Но и в этот раз Махно удалось вырваться из окружения. С конницей в 400—500 сабель он бежал, оставив 8 орудий, много пулеметов, оружия и большие обозы. А части Заволжской бригады захватили даже черное знамя Махно.

7. ПОЕЗДКА В МОСКВУ

1

В Москве открывался VIII Всероссийский съезд Советов. Мы с Климентом Ефремовичем были избраны делегатами съезда. Перед отъездом собрали командный состав, обсудили первые итоги борьбы с махновщиной.

Особенных достижений пока, к сожалению, не было. Махно, разделившись на несколько отрядов, по-прежнему ускользал от частей Красной Армии. В соответствии с последним приказом М. В. Фрунзе мы потребовали от командиров вести боевые действия против Махно так, чтобы не терять с ним соприкосновения ни на одну минуту. Обнаружив банды, немедленно и стремительно атаковать, не ожидая никаких указаний, не считаясь ни с какими разграничительными линиями. Больше и смелее действовать по ночам. Пассивное стояние бригад и полков на месте в ожидании каких-то указаний будем считать преступлением. Напомнили, что командюж потребовал от 1-й Конной к 16 декабря закончить ликвидацию бандитов в районах Новомосковска и Константинограда, наметили ряд практических мер для повышения мобильности частей.

Врио командарма 1-й Конной оставался начальник штаба Л. Л. Клюев, поэтому у нас с ним был особый, долгий разговор.

Утром 17 декабря мы поездом отправились в Москву. Радовались, что снова увидим Владимира Ильича, горячо обсуждали, о чем нужно в первую очередь доложить ему, какие вопросы поставить перед ЦК и правительством. Приехали в Москву под вечер. В столице было снежно и морозно. На Киевском вокзале нас встре-

тил военный комендант города Москвы. Он сказал, что нам забронированы места в гостинице «Националь».

— Прошу, товарищи, в машину, я вас отвезу, — предложил комендант.

— А что, Семен Михайлович, давай прокатимся на машине, а то все на лошадях, — улыбнулся Ворошилов.

И вот мы уже едем по тихим улицам Москвы. Темно вокруг, лишь кое-где тускло горят фонари.

В гостинице мы с Ворошиловым расположились в одном номере. Поужинав, ознакомились с обстановкой. Узнали, что в этой гостинице находятся делегаты из Петрограда, Ростова, с Кубани. Были здесь Фрунзе, Бела Кун, Орджоникидзе. В эти дни мы втроем сфотографировались — Ворошилов, Фрунзе и я; фотография у меня сохранилась.

Было это так. К нам в номер зашел Орджоникидзе. Последний раз мы с ним виделись в Ростове, в марте. Обнялись, как старые друзья. Серго показался мне уставшим. Но вот он улыбнулся и сказал:

— А я вам тут подарок привез от бакинских рабочих. — Григорий Константинович достал из чемодана два кавказских кинжала и два пояса к ним с набором орнамента. — Это — в знак уважения бакинского пролетариата к 1-й Конной армии.

Нас тронул подарок Серго.

Мы горячо поблагодарили его, рассказали о делах армии.

— А вы с Фрунзе еще не виделись? — спросил Орджоникидзе. И, не дождавшись ответа, добавил: — Он сейчас в номере.

Так появилась фотография, о которой я только что упомянул.

На другой день мы решили связаться со Сталиным. Было три человека, которые, на наш взгляд, больше других заботились о 1-й Конной армии, — Ленин, Калинин и Сталин. Мы всегда ощущали их помощь. Позвонили Сталину на квартиру — жил он в Кремле. Слышу в трубке его голос:

— Товарищ Буденный? Знаю о вашем приезде. Приходите, жду. И Ворошилов с вами? Жду обоих.

Сталин тепло принял нас и сразу забросал вопросы: как идет борьба с бандитизмом на Украине, как разворачивается посевная кампания, налажена ли связь

с местными партийными и советскими органами, чем живут конармейцы, обсудил ли Реввоенсовет армии вопросы дальнейшего состояния 1-й Конной... Когда мы закончили доклад, он сказал:

— Красная Армия не только верный страж народа, но и верный помощник в труде. Когда пахарь-крестьянин и боец работают на одном поле, работают дружно, рука об руку, тогда крепнет союз армии и труда.

— И я так понимаю, Иосиф Виссарионович.

— Владимир Ильич очень обеспокоен положением дел на Украине. Бандитские отряды Махно надо во что бы то ни стало разбить до весны, дать трудовым селянам Украины возможность организованно и в срок провести сев. У меня был разговор со Склянским. Говорят, что отряды Махно ускользают от 1-й Конной. Так ли?

Я объяснил обстановку.

Сталин, попыхивая трубкой, подошел ближе, положил руку на мое плечо.

— Семен Михайлович, Владимир Ильич очень вас ценит, и то, что Врангель был успешно разбит,— большая заслуга и вашей Конной армии. Уверен, что с махновцами быстро справитесь. Только никому не говорите, что вас хвалим, а то еще сглазим,— шутливо добавил он.

22 декабря мы раньше других поспешили в Большой театр, где проходил съезд. Все мы были в приподнятом настроении, радовались, что являемся участниками столь важного съезда, что будем иметь возможность видеть и слышать Ильича. И только одна мысль несколько тревожила меня. В среде военных уж очень много говорилось о том, что предстоит большое сокращение армии, что после съезда ассигнования на армию снизятся до минимума и все силы и средства будут брошены на восстановление и развитие народного хозяйства.

«Как поступят с Первой Конной? — думал я. — Недругов у нее хватает. При сокращении армии, а оно безусловно будет, ее расформируют в первую очередь. С таким трудом создавали ее, а распустить можно одним росчерком пера. Только время ли?..»

Вошли в Большой театр, и здесь я увидел Владимира Ильича. Прошло девять месяцев с тех пор, как я встречался с Ильичем,— это было в апреле, когда мы с Ворошиловым приезжали в Москву к Главкому

С. С. Каменеву для решения вопроса о способе переброски Конармии на польский фронт. В тот раз Ленин был задумчив, выглядел очень усталым. Да, тогда обстановка в стране была особенно тяжелой. Сейчас Ленин словно помолодел. Пожимая мне руку, он с улыбкой спросил:

— А что, Врангель и впрямь оказался крепким орешком?

— Раскололи этот орешек, Владимир Ильич. Крест поставили на «черном бароне».

Владимир Ильич отметил, что красные бойцы храбро сражались за свою родную Советскую власть. Они сознательно шли на жертвы во имя революции. И победили. Судя по докладу Фрунзе, Первая Конная справилась со своей задачей. И в победе над Врангелем большая доля ратного труда конармейцев.

Речь зашла о Махно.

— Махно поддерживают кулаки, Владимир Ильич,— заметил Ворошилов.— Они его опора. К тому же на Украине не все крестьяне охотно идут за Советами.

— Зажиточные крестьяне во многом помогают Махно,— уточнил я.

Владимир Ильич ответил, что это временное явление. Крестьянство пойдет за нами! Но мы должны не на словах, а на деле показать крестьянам и мелкобуржуазным элементам, что коммунистический строй может быть создан пролетариатом, победившим в войне...

Ленин подчеркнул, что нужно как можно скорее ликвидировать все банды, дать возможность крестьянам спокойно трудиться, подготовиться к весеннему севу.

Владимир Ильич поинтересовался, о чем говорят и думают красноармейцы.

Мы ответили, что у бойцов тяга к мирному труду, что всем надоела война.

Ленин сказал, что теперь можно с гораздо большей уверенностью и твердостью взяться за дело хозяйственного строительства. Но нам следует по-прежнему быть начеку. Мы нанесли империализму сильные удары. Но, не полагаясь на это, свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить и усилить ее боевую готовность... Хотя армию мы будем сокращать...

— А не скажется ли именно это на боевой готовности? — осторожно спросил я.

— Нет, — ответил Владимир Ильич. — Можно рассчитывать на громадный опыт, который за время войны приобрела Красная Армия.

— Убедили, Владимир Ильич.

Ленин с усмешкой сказал, что, по мнению некоторых товарищей, в польской кампании мы допустили ошибку — перешли границу. И в будущей войне, избави бог, наступать не будем, а только обороняться, сидеть в окопах. Стало быть, конница больше не требуется.

— Кто так говорит? — довольно грубо выпалил я.

— Вы что — не согласны?

— Владимир Ильич!..

— Вот-вот, я так и думал. Сказать Буденному, что конницу придется распустить. Каково? — И Ленин весело рассмеялся. — Ну ладно, уже собрались делегаты. Пора начинать. Еще встретимся.

2

Съезд открыл М. И. Калинин. Он предложил делегатам почтить память тех, кто погиб в гражданскую войну, защищая Советскую власть. Все встали и замерли в глубокой скорби.

Международное и внутреннее положение страны определило и повестку дня съезда. Она предварительно обсуждалась на тысячах собраний рабочих, крестьян и красноармейцев, проходивших в ноябре — декабре 1920 года.

Делегатам предстояло обсудить такие вопросы: 1) доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике; 2) об электрификации России; 3) восстановление промышленности; 4) восстановление транспорта; 5) развитие сельскохозяйственного производства и помощь крестьянскому хозяйству; 6) об улучшении деятельности советских органов в центре и на местах и борьба с бюрократизмом; 7) выборы ВЦИК.

Для всестороннего и глубокого обсуждения основных вопросов съезд образовал три секции: 1) промышленности; 2) развития сельскохозяйственного производства и помощи крестьянскому хозяйству; 3) деятельности государственного аппарата.

В основу работы VIII съезда Советов легли решения, выработанные IX съездом Коммунистической партии, на котором мне тоже довелось присутствовать. Главные вопросы повестки дня съезда предварительно обсуждала фракция РКП(б) — она регулярно собиралась на протяжении всей его работы. Деловой тон работе фракции задавал Ленин. На первом заседании фракции 21 декабря В. И. Ленин сделал доклад о концессиях; 22 декабря Владимир Ильич произнес речь по вопросам внешней и внутренней политики; 24 и 27 декабря он выступал на заседаниях фракции, посвященных обсуждению законопроекта Совнаркома о мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства...

Перед началом работы съезд приветствовали представители других республик.

Я сидел в президиуме неподалеку от Ленина. Зал был забит народом. Делегаты стояли в проходах, у стен. Почти все они в верхней одежде, так как Большой театр в то время не отапливался. Владимир Ильич внимательно слушал делегатов.

Вот приветствует съезд представитель венгерского пролетариата член РВС Южного фронта тов. Бела Кун:

— Красная Армия завоевала Крым и очистила его от остатков белогвардейцев. Перед Советской Россией встают во весь рост величайшие хозяйственные задачи, но я надеюсь, что вы при этом не забудете своей доблестной Красной Армии — армии международной революции. Забота о Красной Армии — это самая большая, самая важная задача. И если, товарищи, сейчас среди нас найдутся такие люди, которые проповедуют пацифизм и говорят о том, что теперь можно не опасаться войны, они глубоко заблуждаются. Международный империализм не оставит нас в покое, не даст нам долгой передышки...

Слово для доклада по первому вопросу повестки дня предоставляется Ленину. Гром аплодисментов. Там и здесь раздаются возгласы:

— Да здравствует товарищ Ленин!

— Да здравствует Советское правительство!

Весь президиум съезда встал и тоже аплодировал.

Ленин снял пальто, повесил его на спинку стула и, когда наступила тишина, сказал:

— Товарищи, мне предстоит сделать доклад о внеш-

ней и внутренней политике правительства. Я понимаю задачу своего доклада не так, чтобы дать вам перечень хотя бы крупнейших или важнейших законопроектов и мероприятий рабоче-крестьянской власти. Я думаю, что вас не интересовал бы также и не представлял бы существенного значения рассказ о событиях за это время. Мне думается, что надо попытаться обобщить главные уроки, которые мы получили за этот год...

С затаенным дыханием мы слушали Ленина. Говорил он просто и понятно. Особенно воодушевляли нас, военных, его слова о героизме бойцов Красной Армии.

— Вы знаете, конечно, какой необыкновенный героизм проявила Красная Армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем. Таким образом, война, навязанная нам белогвардейцами и империалистами, оказалась ликвидированной...

Подводя итоги гражданской войны, Владимир Ильич стал говорить о том, какие политические и хозяйственные задачи стоят перед страной. Главная — восстановить хозяйство, прочно поставить его на ноги, выработать и проводить в жизнь план создания экономического фундамента социализма. Ленин отметил, что задача развития хозяйства ставится в массовом масштабе впервые, и предупредил, что война на хозяйственном фронте будет более трудная и более длительная.

Победив на фронтах гражданской войны, Страна Советов направила все силы на мирное строительство, на восстановление народного хозяйства. Под непосредственным руководством Владимира Ильича Ленина был разработан первый перспективный план развития экономики страны — знаменитый план ГОЭЛРО. В докладе на VIII Всероссийском съезде Советов Владимир Ильич назвал этот план второй программой партии, он дал известную всему миру формулу: *«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны»*¹.

В перерывах между заседаниями Ленин подолгу бе-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 159.

седовал с делегатами. С большим вниманием слушал он выступающих.

Мне особо запомнился такой эпизод из работы съезда. На трибуну поднялся бородатый мужичок в новой рубашке, новых лаптях, в чистеньких, аккуратно переплетенных оборами онучах.

— Вот товарищ Ленин тут говорил об экономике и политике Советской власти,— сказал крестьянин.— Оно, конечно, правильно — политика будет хорошая, ежели экономика ничего. И я вам, Владимир Ильич, скажу так: земля и хлеб тоже политика. Вон сидит буржуй в ложе, говорит, нас признал, но на земельку нашу зарится. А вот тебе земелька! — И крестьянин, резко повернувшись в сторону дипломатической ложи, совсем недипломатично показал представителю буржуазного государства кукиш. — Она теперь, земелька-то — наша. Никому не отдадим ее. Но опять же, товарищ Ленин, скажу: лошаденка у нас отошала и соху не тянет. Надо овсеца, а где взять? Земельку-то скребем, как собака лапой, а она нам, земелька, оттель кукиш и сует... Вот худобу подкормим да ежели еще рабочие дадут какую ни на есть машину — тогда дело пойдет...

Владимир Ильич, наблюдая, как крестьянин в ответственные моменты подкреплял речь выразительными жестами, от души смеялся. Потом встал и начал аплодировать. Вслед за ним поднялись все делегаты, и в зале загремели бурные аплодисменты.

На втором заседании доклад делал член ЦК партии делегат съезда Г. М. Кржижановский. Свой доклад он сопровождал демонстрацией исторической карты электрификации России.

— Здесь отмечены,— говорил он,— те двадцать семь основных районных электрических станций, сооружение которых в течение ближайшего десятилетия мы считаем совершенно необходимым для проведения плана электрификации страны. Все наши ответственные работники, занимавшиеся разработкой электрификации отдельных районов страны, пришли к выводу, что для полной электрификации тех восьми районов, границы которых отмечены на карте, было бы необходимо не менее ста станций. Но, переходя от частного хозяйства районов к хозяйству общегосударственному и учитывая наши реальные возможности, мы должны были выделить для

европейской части РСФСР тот крайний минимум опорных пунктов электрификации, без которого мы не можем обойтись. Несомненно, что для широкой электрификации необходимы соответствующие предпосылки. Предварительно придется подумать о подъеме добывающей промышленности, о развитии металлургии, машино- и электростроения, а также о тех первых шагах широкой помощи нашему земледелию, которая не терпит ни малейшей отсрочки. Успешность наших работ в области электрификации будет зависеть и от международных отношений, учесть которые в настоящее время не представляется возможным.

Если практика покажет, что наши предположения являются излишне осторожными, то в программах работ электрификации районов мы найдем готовый план более широкой электрификации.— Кржижановский указал рукой на Донбасс.— Наша программа-минимум— это прежде всего Донецкий бассейн, наиболее важный экономический район всей страны, решающий судьбы нашего топливоснабжения и нашей металлургии. Район этот по преимуществу антрацитовый... Антрацитовое дело нам придется особенно усиленно развивать. Около местечка Штеровка намечается в первую очередь сооружение районной электростанции № 1, первоначальная мощность которой будет всего в 10 тысяч киловатт— эту мощность придется постепенно развивать до 100 тысяч, а радиус действия районной станции постепенно расширится на площадь с радиусом в 200 верст. Вот видите, как вспыхнула лампочка, отмечающая пункт расположения этой станции?..

Доклад Г. М. Кржижановского произвел большое впечатление. Наверно, не только перед моими глазами вставала картина недалекого будущего страны. Того будущего, за которое мы проливали кровь...

Но были на съезде и другие выступления. Остатки соглашательских партий пытались чернить работу ЦК партии, правительства, В. И. Ленина, возводили на коммунистов клеветнические обвинения.

Владимир Ильич Ленин дал им резкую отповедь в заключительной речи. Съезд слушал его с громадным вниманием. Ленин говорил со всем народом. И мне казалось, что он обращается прежде всего к воинам Красной Армии, призывает нас быть бдительными, не сни-

жать, а повышать боеготовность и боеспособность частей, надежно охранять безопасность народа, бить врага, если он вновь посмеет напасть на Советскую страну, всюду.

Пламенные слова Владимира Ильича запали в мою душу на всю жизнь, стали для меня руководством к действию на все годы.

«Меня упрекали, например, в том,— говорил Владимир Ильич,— что я выдвинул новую теорию о предстоящей новой полосе войн. Мне не нужно заходить далеко в историю, чтобы показать, на чем основаны были мои слова. Мы только что покончили с Врангелем, но войска Врангеля существуют где-то, не очень далеко от границ нашей республики, и чего-то ждут»¹.

«Да, — думал я, — за Врангелем надо глядеть и глядеть». И мне хотелось сказать дорогому Ильичу, что воины Первой Конной крепко держат оружие в руках, готовы выполнить свой долг в любое время, в любой обстановке, пойдут в бой на врага по первому зову партии и правительства.

Ленин говорил о том, что нам, военным, надо не забывать о постоянно грозящей нам опасности, которая не прекратится, пока существует мировой империализм, и, если кто забудет об этом, тот забудет о нашей трудовой республике.

«...Говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож, когда, вопреки сотням наших предложений и при неслыханных уступках, на которые мы идем,— до сих пор ни одна из крупных держав с нами мира не заключила,— говорить это нам — значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок, как нам это предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками»².

Потом я долго раздумывал над тем, что услышал от Владимира Ильича в его заключительной речи. Великий

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 172—173.

² Там же, стр. 173.

вождь давал завет партии, говорил о том, какой должна быть советская военная доктрина, в каком направлении вести воспитание воинов Советских Вооруженных Сил.

Во время перерывов в работе съезда мы, военные, горячо обсуждали многие вопросы, но неизменно вновь и вновь обращались к нашей Красной Армии, высказывали свои соображения, как нам укрепить ее, что сделать для поддержания высокой боевой готовности.

После заключительной речи В. И. Ленина объявили перерыв. Ко мне подошел Сталин. Он держал в руке незажженную трубку.

— Как, товарищ Буденный, все ясно? — спросил он, улыбаясь в усы.

— Все, — ответил я. — Владимир Ильич хорошо сказал... И нам, Первой Конной армии, есть о чем подумать.

— Да, думайте, — подтвердил Сталин.

Потом мы еще не раз встречались и беседовали со Сталиным, Калининым и другими деятелями нашей партии и государства. В памяти осталось немало волнующих эпизодов. Помню, как по предложению делегата Сибири тов. Полюды съезд принял приветствие доблестной Красной Армии и Красному Флоту. Его зачитал Михаил Иванович Калинин:

«...VIII Всероссийский съезд Советов от имени всего трудящегося населения народов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики шлет свой восторженный братский привет революционной Красной Армии за ее невиданные в мире храбрость, упорство и волю к победе, за великие жертвы. В сердцах трудящихся всего мира останется вечная, славная, светлая память погибшим за дело освобождения всего человечества от ига капитала. Слава красным бойцам-победителям, своею беззаветной храбростью раздавившим гидру внутренней контрреволюции, уничтожившим все генерало-баронские банды. Эти славные победы Красной Армии и Красного Флота дают, наконец, возможность облегчить страдания рабочих и крестьян за их великие жертвы на алтарь Октябрьской революции, — за завоевание права на хозяйственное строительство. Намечая новые пути и способы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства, VIII Всероссийский съезд Советов призывает всех рабочих, крестьян,

трудовое казачество и красноармейцев на дружную, не менее героическую, совместную борьбу всех на трудовом фронте по организации новой победы над разрухой и голодом»¹.

Позднее, когда мы были в Кремле, я оказался рядом с комнатой, в которой записывалось на граммофонную пластинку выступление Владимира Ильича. Не зная об этом, я заглянул в дверь и увидел Ленина. Он стоя говорил в какой-то рупор. Увидев меня, Владимир Ильич, не прекращая говорить, жестом пригласил войти.

— Удивительная вещь эта машина,— сказал он, закончив выступление,— записывает и воспроизводит голос человека. Может быть, вы что-нибудь скажете?

— Простите, Владимир Ильич, что помешал вам,— извинился я.— А речи хорошо говорить не умею...

— Как это, красный генерал — и говорить не умеете! — улыбнувшись, воскликнул Ленин.

И Владимир Ильич рассказал мне, как после разгрома Мамонтова и Шкуро белые распустили слухи и даже печатали в газетах, что конницей красных командует генерал, чуть ли не сподвижник известного генерала Скобелева.

— Пришлось, батенька, опровергать, что Буденный не генерал, а всего лишь вахмистр.

Я в шутку поблагодарил Владимира Ильича за производство меня в вахмистры.

— А разве вы не были в этом звании?

— Как же, временно исполнял обязанности вахмистра, будучи старшим унтер-офицером.

— Ну, не беда,— сказал Ильич.— Главное, люди из простого народа, выросшие в революции, умело побеждают буржуазных генералов и офицеров на поле сражения. Пусть чувствуют это империалисты. Вы и другие наши командиры преподнесли им хороший урок.

Увидев фотографа, Ленин предложил сфотографироваться. Я рад был этому случаю, выбежал в коридор, сбросил папаху и бекешу, поправил черкеску. Фотограф снял нас. К великому сожалению, этот снимок я так и не видел.

---

¹ Съезды Советов в документах. 1917—1936. Т. 1. М., Госюриздат, 1959, стр. 153.

До Нового года мы с Ворошиловым оставались в Москве — нас пригласили на новогодний вечер, который проводился в Кремле. Там были многие делегаты съезда. Однако на душе у нас было беспокойно. Из армии поступали неприятные вести. Предпринятое в декабре частями 2-й Конной и 4-й армий и Харьковского военного округа окружение Махно в Гуляй-Польском районе полного успеха не принесло — сам Махно вышел из этого окружения.

Преследуемый на Левобережье Особой бригадой и двумя бригадами 6-й кавдивизии, Махно, не принимая боя, уходил на запад, к Днепру. Особая кавбригада настигла Махно у Софиевки, выбила его из деревни, но преследовать не могла из-за крайней переутомленности лошадей — в этот день бригада сделала переход в 70 верст. 4-я кавдивизия преследовала махновцев без отдыха 300 верст до Днепра, но нагнать бандитов также не смогла. Махно удалось переправиться на правый берег. Действующие на Правобережье части нашей армии форсированным маршем устремились к месту переправы, но опоздали, лишь 34-й кавполк столкнулся с Махно у селения Широчанское. Но тот не принял боя и ушел на Покровское.

Клюев доносил, что он приказал 11-й и 14-й кавдивизиям ускорить марш в назначенные районы, что и было выполнено. У Петрово Махно был задержан 2-й бригадой 14-й дивизии и затем 2-й бригадой 11-й дивизии. Прямо после большого перехода обе бригады пошли в атаку, но сбить противника не могли и, потеряв убитыми командира 81-го полка и командира второй батареи 11-й дивизии, вынуждены были отойти от Петрово. Махно ушел на Кампанеевку, сделав до вечера 80-верстный марш. Здесь был вновь настигнут частями 11-й дивизии, принял арьергардный бой, сделал еще 35 верст и заночевал в Ровно. С утра 28 декабря Махно продолжал поспешно уходить, уклоняясь от боя, неотвязно преследуемый частями 11-й и 14-й кавдивизий и частями Упроформа. Махно по-прежнему избегал боя и, ловко маневрируя, уходил от преследования, меняя лошадей у населения.

Со стороны начдивов принимались необходимые ме-

ры к уничтожению бандитов, но неуспех операции объяснялся общими условиями обстановки — район борьбы удален от Екатеринослава, плохо была налажена связь. Ключев принял решение объединить операции 11-й и 14-й дивизий и частей Упроформа под командованием энергичного начальника Упроформа т. Богенгарда, имея 6-ю дивизию в резерве в районе Александрии на случай возможного движения Махно на восток к Кременчугу. Мы одобрили это.

Через два дня Ключев донес, что, по полученным неопровержимым данным, Новомосковский уезд охвачен хорошо организованной подготовкой восстания. Положение создается серьезное. Необходимо предоставить широкие полномочия особому отделу.

— Н-да,— проговорил Климент Ефремович, внимательно глядя на меня.— Надо нам скорее выезжать в армию. Видимо, рановато еще мы с тобой о мирных делах думать начали, а?

— Да, обстановка там тяжелая...— согласился я с Ворошиловым.

После закрытия съезда мы пошли к Главкому, чтобы доложить соображения Реввоенсовета по увольнению в запас старших возрастов, а также обсудить все вопросы, касающиеся дальнейшего пребывания Конармии в Екатеринославской губернии.

Главкома не было, и нас принял заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянский. Я уже встречался с ним раньше, но решать какие-либо вопросы не приходилось. Эфраим Маркович был родом с Украины. Родился в 1892 году в Фастове, в семье мещанина. По профессии — врач, окончил медицинский факультет Киевского университета. В 1916 году служил солдатом в запасном батальоне, а потом врачом в пехотном Черноморском полку. Входил в состав Двинского комитета РСДРП(б), участвовал в создании военной организации большевиков в 5-й армии. В дни Октябрьской революции Склянский являлся членом Петроградского военно-революционного комитета. Затем он был комиссаром Главного штаба, комиссаром Ставки, некоторое время работал председателем военно-хозяйственного совета, заместителем народного комиссара по военным делам. В октябре 1918 года Совет Народных Комиссаров назначил Склянского заместителем предсе-

дателя Реввоенсовета Республики. С тех пор он и был на этом посту. После организации Совета Обороны вошел в его состав. Мы с Ворошиловым знали также, что за месяц до нашего приезда на VIII Всероссийский съезд Советов, 10 ноября, пленум ЦК РКП(б) создал специальную комиссию под председательством Ф. Э. Дзержинского, в состав которой включили и Э. М. Склянского. На эту комиссию возложили задачу в короткий срок рассмотреть некоторые вопросы демобилизации бойцов Красной Армии (старших возрастов).

О Склянском я много слышал от С. С. Каменева, П. П. Лебедева, М. В. Фрунзе и других военных деятелей. Он не имел специальной военной подготовки, и ему приходилось немало учиться у военных деятелей, чтобы правильно и оперативно решать военные вопросы. И надо сказать, Склянский, за некоторым исключением, справлялся со своими обязанностями. История сохранила для поколений немало документов В. И. Ленина — телеграмм, записок, адресованных Склянскому. Ленин высоко ценил его, но нередко строго отчитывал, если какой-либо вопрос не был им продуман до конца и решался наспех или по непроверенным данным.

Со Склянским последний раз я встретился в 1924 году, когда ЦК партии по просьбе председателя ВСНХ Ф. Э. Дзержинского назначил его на работу в народное хозяйство. Позже он уехал за границу для выполнения важного задания по вопросам торговли. Эфраим Маркович трагически погиб в Америке в августе 1925 года.

Но вернемся к событиям 1920 года.

Склянский встретил нас, как старых, давних друзей. Усадив за стол, стал задавать вопросы: каково состояние 1-й Конной, как ведут себя бойцы, командиры, не разладилась ли дисциплина.

— Сейчас мы берем курс на сокращение армии,— сказал Склянский,— но армию мы обязаны сохранить, сделать все, чтобы она была высокобоеспособной, готовой ответить решительным ударом на любую провокацию. Вы были на съезде и знаете об этом не хуже меня.— И спросил:— Сколько у вас подлежит увольнению бойцов старше тридцати лет?

Я доложил.

— Многовато.— Склянский постучал карандашом по столу.— А как обстоят дела с командирами?

— Многие опытные командиры также подлежат увольнению,— ответил Ворошилов.

Склянский сказал, что командиров не надо увольнять до тех пор, пока каждый не подготовит себе достойную замену. Слово «достойную» он повторил дважды.

— Да, другого выхода мы не видим, — заметил я.— Но многие бойцы долго не были дома, и мы просили бы Реввоенсовет Республики учесть наше мнение... — Я не договорил.

— Какое? — Склянский глянул сначала на Ворошилова, потом на меня.

— Разрешить краткосрочные отпуска конармейцам. На месяц, а то и на полтора, смотря куда ехать. Конармия третий год ведет непрерывные бои, и в отпусках нуждаются все. Количество такое — десять человек от сотни.

Склянский пообещал положительно решить этот вопрос. Потом заговорил о бандитизме.

— Владимир Ильич очень озабочен положением дел на Украине. Бандитизм мешает налаживать мирную жизнь — надо с ним быстрее кончать, считать теперь борьбу с бандитизмом важнейшей задачей войск Южного фронта.

Беседа наша продолжалась долго. Мы доложили Склянскому о недавнем заседании Реввоенсовета армии, о выводах, к каким пришел Реввоенсовет. Склянский одобрил наши рекомендации, чему, конечно, мы были очень рады. На просьбу обеспечить Конармию достаточным количеством фуража Склянский лишь развел руками.

— Что не могу, то не могу. Плохо с продуктами и фуражом. Все запасы исчерпаны. Но постараемся помочь. Первой Конной надо помочь, она это заслужила.

4

Вернувшись из Москвы, мы с Ворошиловым рассказали командирам и военкомам о решениях VIII съезда Советов, поставили задачу повседневно разъяснять эти решения конармейцам, в разъяснительной работе под-

черкивать, какое исключительно важное, первостепенное значение имеет быстрейшая ликвидация бандитизма, какие требования предъявляют к нам народ, партия, Владимир Ильич Ленин.

Уже почти месяц гонялись мы за Махно, а существенных результатов не достигли. Состояние крайней раздраженности охватывало меня. В течение десяти дней войска фронта разгромили многотысячную регулярную армию Врангеля с мощным вооружением, а здесь те же части фронта не могут справиться с какой-то бандитской шайкой. Нам было стыдно смотреть друг на друга, с трудом подходил я к аппарату, когда вызывал командующий.

Казалось, вот-вот Махно удастся поймать, но вместо победного рапорта поступали новые неприятные донесения.

28 декабря под видом частей Красной Армии махновцы вошли в Ново-Украинку. Махно приказал военному обеспечить его подводами. Затем, окружив казармы 90-го стрелкового полка Красной Армии, махновцы открыли по нему пулеметный огонь. Полк был захвачен врасплох и не смог оказать организованного отпора. Разогнав органы местной власти, Махно ушел в Песчаный Брод, где и расположился на отдых.

Командование 2-й бригады 14-й кавдивизии решило окружить банду в Песчаном Броде, несмотря на то, что усталость бойцов и лошадей была безмерной. Махно знал, что против него действуют сильно утомленные длительными переходами части, и принял бой, но вел его недолго. После короткой перестрелки банды ушли в направлении Лысой Горы. В ходе движения Махно произвел реорганизацию своих сил, разделил их на три группы. В первой 300 сабель, 200 штыков при 40 пулеметах. Командовал ею Черный Ворон; командир второй — Удовиченко. Численность этой группы не удалось установить. Третья, Шуся, — арьергардная, прикрывала отход всей банды. Численность этой группы также не была установлена. Разведка донесла, что в третьей группе находится раненый Махно. Махновцы снова сумели оторваться и уйти в неизвестном направлении. Как потом выяснилось, они спешили в звенигородские леса.

В чем же была основная причина наших неудач? Об этом мы говорили на специальном заседании Рев-

военсовета с участием начдивов и командиров бригад и полков. «Неуловимость» махновцев объяснялась не какой-то особенной талантливостью их предводителя и его штаба. Все обстояло гораздо проще. Любая операция, а преследование бандитов тем более, требовала хорошо организованной разведки, особой бдительности, внимательного изучения и учета конкретной обстановки. Нам же порой давали сведения на основании показаний местных жителей и случайных разъездов. Как ни странно, мы часто узнавали, где Махно, лишь тогда, когда он сам нападал. Простое уклонение Махно от боя принимали за окончательный его разгром. Части спокойно возвращались в походное положение. Отсутствовало нужное взаимодействие. Когда какая-либо часть атаковывала Махно, соседи ничего не знали об этом, иногда продолжали выполнять уже устаревшее распоряжение.

Справедливости ради отметим, что и бдительность среди конармейцев порой была не на высоте, такое наблюдалось даже и со стороны командного состава. Кое-где халатно неслась сторожевая служба, что позволяло Махно атаковать внезапно и уходить незаметно.

Меня особенно возмутил такой случай. 2-я бригада 11-й кавдивизии встретила банду Махно. Шедший в авангарде эскадрон 63-го кавполка вплотную столкнулся с разъездом бандитов. Беспечность конников была так велика, что они вступили в переговоры с разъездом, стали выяснять, кто перед ними. Махновцы предприняли внезапную атаку. Бригада не успела принять боевого порядка, пришла в замешательство и вынуждена была отступить, потеряв почти всю свою артиллерию, обоз.

Пришлось строго наказать виновных. Комбригу 2, военкому и командирам 63-го и 64-го кавполков объявили строгие выговоры. Начдивам 4, 6, 11, 14 и 2-й Туркестанской кавдивизий и комбригу Особой предложили обратить самое серьезное внимание на организацию разведки и службы сторожевого охранения в походе и на стоянках.

Исследователи махновщины нередко выпускают из своего поля зрения такой серьезный и бесспорно важный вопрос, как внутреннее состояние самой Красной Армии, уставшей от изнурительной тяжелой гражданской войны, ведшей борьбу с Махно, с Антоновым в условиях демобилизации и перехода на мирные рельсы —

в условиях, которые сами по себе достаточно болезненны.

Приходилось сталкиваться с фактами (об этом мы с Климентом Ефремовичем говорили с тревогой), когда не все начальники стремились выполнить задачу по разгрому Махно во что бы то ни стало и как можно быстрее. Не без основания опасались мы и за отдельные подразделения 1-й Конной.

До нас доходили вести, что за границей внимательно следят за ходом ликвидации Красной Армией бандитских шаяк и злорадствуют по поводу наших неудач. Польские и французские буржуазные газеты писали, что, мол, наконец появилась та сила, которая новыми методами войны подточит Советскую власть.

Больнее всего было сознавать, что мы оказались не в состоянии выполнить свое обещание, какое дали в Москве ЦК партии, Реввоенсовету, лично Владимиру Ильичу, — в короткий срок покончить с махновщиной. А Ленина продолжала беспокоить задержка ликвидации бандитизма. Его тревога за положение в стране росла. Он не раз говорил по этому вопросу с Главкомом С. С. Каменевым, не раз давал необходимые поручения через Э. М. Склянского.

В начале 1921 года, проанализировав действия бандитов, особенно на Украине, Ленин написал Э. М. Склянскому:

«Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (и бить и драть) Главкома и Фрунзе, чтобы *добили и поймали* Антонова и Махно»¹.

Спустя месяц, 6 февраля, Владимир Ильич вновь обратил внимание военного руководства на действия Махно:

«т. Склянский!

Прилагаю еще одно «предупреждение».

Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать), и теперь еще более позорно проваливается, не умея раздавить горсток бандитов.

Закажите мне *краткий* доклад Главкома (с краткой схемой размещения банд и войск) о том, что делается.

Как используется вполне надежная конница?

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 42.

— бронепоезда? (Рационально ли они размещены? Не курсируют ли зря, отнимая хлеб?)

— броневики?

— аэропланы?

Как и сколько их используется?

И хлеб и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию. Надо подтянуть Главкома из всех сил.

Ленин»¹.

Об этих записках В. И. Ленина мы узнали от М. В. Фрунзе. Михаил Васильевич потребовал от нас более решительных действий по преследованию Махно. Надо уничтожить его банды с полным напряжением сил. М. В. Фрунзе подчеркнул, что всякое промедление в преследовании Махно будет считаться государственным преступлением.

Реввоенсовет Конармии принял ряд срочных мер. К району, где находились банды Махно, подтягивались наша 11-я кавдивизия. А. Я. Пархоменко приказал бригадам не дать банде Махно уйти на восток, к Днепру и в северном направлении, в леса Киевщины. С запада махновцам отрезала пути 8-я кавдивизия червоного казачества. Банда плотно окружалась, и мы были уверены в скором и полном ее уничтожении.

— Ну, кажется, теперь-то Махно не уйдет, — сказал мне Климент Ефремович. — На Пархоменко я надеюсь. Кто-кто, а уж он этого волка не выпустит.

— Давно пора посадить Махно в клетку, — согласился я. — Непростительно затянулась операция. Не один месяц гоняемся за бандитами. Стыд и срам. Не зря нас Главком журил. Но Пархоменко... Эх, понимаешь, горячий он, как бы удадь не подвела его.

Не знал я тогда, что мое предчувствие сбудется, что никогда больше не увижу Александра Яковлевича, славного боевого друга.

Погиб Пархоменко 3 января. Случилось это так. Узнав, что отряды Махно находятся в районе Лукашовки, Пархоменко отдал своим частям приказ: в 9 часов утра 3 января наступать в район Шуляк, к вечеру достигнуть села Юшковцы, чтобы отрезать Махно пути отступления на север. Сам Пархоменко находился при

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 67.

полештадиве близ села Вороное. А рано утром он, командующий группой А. А. Богенгард, военком Г. Ф. Беляков, военкомдив Д. А. Сушкин, начальник штаба В. К. Мурзин и начальник связи дивизии Сергеев на двух тачанках выехали в направлении села Бузовка.

— Там жители подскажут, в каком направлении ушли банды, — сказал начдив. — Сам Махно наверняка все еще в Лукашовке.

Никто не возразил Пархоменко, хотя от разведчиков сведений о нахождении Махно в соседнем селе не поступило. И, как позже выяснилось, начдив со штабом оторвался от своих основных сил, что и привело его к гибели.

Село было совсем рядом. Чуть в стороне, метрах в трехстах, чернел лес. Вдруг из леса выехали всадники. Они быстро окружили тачанки.

— Кто такие? — спросил Богенгард, сидевший в тачанке рядом с Пархоменко.

— Свои, — громко ответил усатый всадник, что ближе других стоял к тачанке.

— Из каких частей?

— Из восьмой кавдивизии товарища Примакова.

Действительно, 8-я кавдивизия червонного казачества в то время располагалась в этих местах, и сообщению поверили.

— А вы кто такие? — спросил усач.

— Я начальник группы по борьбе с махновскими бандами, — сказал Богенгард.

И тогда всадники — это были бандиты из отрядов Махно — набросились на тачанки. Горстка красных конников приняла бой. Но слишком неравны были силы. Упал, сраженный пулей, Богенгард, погибли комиссар Беляков, начштаба Мурзин... Пархоменко еще продолжал стрелять из маузера. Когда кончились патроны, он выхватил из ножен саблю.

Одному лишь ездовому удалось спастись. Он-то и рассказал подробности гибели А. Я. Пархоменко и его боевых друзей.

Весть о гибели отважного начдива болью отозвалась в сердцах конармейцев. Кавалеристы 2-й бригады, уточнив место основной бандитской шайки, стремительно атаковали ее и прижали к речке Горный Тикач; 3-я бригада, взаимодействуя с дивизионом бригады

Упроформа, быстро заняла высоты от села Зеленый Рог до озера, отрезав Махно возможность отступления к югу. Банда оказалась в полном окружении. В ожесточенной схватке конники истребили немало бандитов. Лишь небольшой группе во главе с Махно удалось прорваться в направлении к Харькову.

...В Екатеринославском театре состоялось траурное заседание. Сюда пришли представители партийных, советских, профсоюзных организаций города, многие бойцы и командиры 1-й Конной. Климент Ефремович рассказал о жизни начдива, о его боевом пути, о том, как много сделал он для защиты Советской власти от ее врагов. В заключение своей речи Ворошилов сказал:

— Перечислять все подвиги, говорить о героизме товарища Пархоменко — значит рассказать две трети истории организации и деятельности славной Красной Армии. Жизнь Пархоменко, как прекрасная сказка, символ величия пролетарского духа.

Климент Ефремович выразил чувства и мысли всех бойцов и командиров Конармии. Вся жизнь Пархоменко — яркий пример беззаветного служения революции, мужества и героизма, пример великой преданности идеям Коммунистической партии.

5

Вырвавшись из очередного окружения, Махно вновь сумел в короткий срок пополнить свои отряды. 9 января он оказался в районе Оржица. Через день появился в 45 километрах южнее Лубны. В районе М. Борков к Махно присоединилась крупная бандитская шайка Крестовского. Теперь у Махно было более двух тысяч сабель.

Тимошенко наконец достиг Махно. Одновременно подошли 11-я кавдивизия, 3-й Сибирский полк и батальон ВНУС. Атаку наших сил поддерживали четыре бронепоезда. В результате ожесточенного боя банда понесла крупные потери. Уцелевшие махновцы перешли железную дорогу северо-восточнее Веселого Подола и, преследуемые нашими войсками, бежали в восточном направлении, бросив все свои тачанки и пулеметы. Для окончательного уничтожения махновцев начдивы 11-й и

14-й выделили по полку с достаточным количеством пулеметов на лучших лошадях.

Однако Махно не думал сдаваться. Еще достаточно сильной была та социальная среда, которая его питала. Не только украинские кулаки поддерживали его. К сожалению, своих сторонников Махно нашел и в рядах 1-й Конной, и мне больно писать об этом.

Утром 9 февраля я получил донесение из штаба 4-й дивизии. Читаю и глазам не верю: «Комбриг Маслаков перешел на сторону врага...» Не ошибка ли? Нет, не ошибка. Выяснились подробности. Оказывается, комбриг Г. С. Маслаков от имени начдива издал по дивизии приказ, в котором предлагал 1-й кавбригаде выступить на Дон якобы для борьбы с «противниками Советской власти». К походу подготовились 1, 3 и 5-й эскадроны, а также пулеметная команда 19-го кавполка. Многие заподозрили неладное и отказались выполнять приказ, поскольку отдал его не сам начдив.

Я приказал 2-й бригаде 14-й кавдивизии догнать Маслакова и арестовать его.

С тревогой ожидал сообщений. Не укладывалось в сознании — наш командир и вдруг... Нет, тут что-то не так. Перебираю в памяти все, что связано с этой личностью. Кто такой Маслаков? Знал его давно. Житель Сальского округа Донской области, выходец из Полтавской губернии. Бедняк. До революции служил объездчиком у коннозаводчика Королькова. В начале февраля 1918 года в Сальском округе начали формироваться краснопартизанские отряды для борьбы с контрреволюцией на Дону, Маслаков вступил в один из этих отрядов. С конца 1918 года, когда была создана сводная кавалерийская дивизия, стал командиром 1-й кавбригады и все время командовал ею. Он был храбр и бесстрашен в бою, обладал большой физической силой. В старой армии служил вахмистром в конной артиллерии. Кавалерийскую службу знал хорошо. Но примечали за ним приверженность к старым казачьим порядкам и к партизанщине. Дисциплину порой поддерживал по-своему — «воспитывал» плеткой. Любил выпить, покуражиться.

Враг воспользовался этими слабостями Маслакова. В последнее время, как потом выяснилось, стали приходить к нему провокационные письма с Дона. Появились

подозрительные собутыльники. Все это настораживало и комиссара бригады и других товарищей. Собирались предпринять решительные меры. Но не успели... Случилось непоправимое: комбриг Маслаков соединился с бандой Бровы.

Вот печальная история о Маслакове, жизнь которого после столь блестящего взлета закончилась так позорно. Случившееся стало для нас суровым уроком.

6

По мере накопления опыта мы совершенствовали методы борьбы с бандитами. Были созданы маневренные отряды конницы силой от эскадрона до полка, подчиненные непосредственно Реввоенсовету армии. При командирах этих отрядов создавали постоянные совещания с представителями местных органов власти, на которых обсуждались самые различные вопросы. Это не было какой-то надуманной формой работы. Местные власти хорошо знали своих людей, знали, кто из них и на что способен, какое дело ему поручить. Не раз случалось, что именно местные жители сообщали нам сведения о передвижении банд Махно, выявляли кулаков, различные уголовные элементы. Нередко на совещаниях мы обсуждали и вопросы ведения боевых действий с врагом, участие в них жителей того или иного района. Тесный контакт с местными партийными органами держал особый отдел 1-й Конной, возглавляемый Георгием Андреевичем Трушиным. Забегая вперед, скажу, что нам удалось своевременно обезвредить в Екатеринославе большой контрреволюционный заговор, во главе которого стояли белогвардейские офицеры. Заговорщики ставили целью поднять в Екатеринославе мятеж, арестовать и уничтожить большевиков — руководителей города...

Резкая записка Ленина, адресованная Складанскому, доставила М. В. Фрунзе немало неприятных минут. Он и сам понимал, насколько важно быстрее покончить с бандитизмом.

Наступала весна. Морозы на Украине стояли крепкие, хотя все чаще сквозь черные тучи проглядывало солнце. Выпадали и такие дни, когда было совсем тепло. Снег на крышах таял. На носу — весенний сев. Его

надо провести в самые сжатые сроки, засеять как можно больше земли. Стране нужен хлеб.

Старший адъютант Фрунзе Сергей Аркадьевич Сиротинский, бесценно находившийся вместе с ним на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах, впоследствии в своей книге «Путь Арсения» рассказывал, как много сил и энергии отдал в тот период М. В. Фрунзе борьбе с Махно. Фрунзе сравнивал махновцев с туркестанскими басмачами. Внешне действия тех и других казались схожими. И махновцы и басмачи нападали неожиданно, уходя от столкновения с крупными частями. И те и другие обладали высокой подвижностью. Но махновцы были лучшими боевиками, более изворотливыми и решительными, чем басмачи. Организация махновцев была совершенней.

Как я уже говорил, обычная тактика — действовать крупными силами — в борьбе с Махно оказалась непригодной. Фрунзе пришел к выводу: надо бороться с Махно методами самого Махно. Против небольших подвижных отрядов махновцев действовать такими же небольшими подвижными отрядами. И Фрунзе создал «летучий корпус». Он состоял из нескольких десятков отрядов. Началась планомерная и упорная «малая война».

После первых же стычек Махно почувствовал твердую руку Фрунзе. Банды махновцев начали метаться из одного района в другой. Отдельные отряды Махно засылал в отдаленные районы, чтобы неожиданным появлением спутать планы красного командования и оттянуть отряды «летучего корпуса» от основных районов, занятых махновцами. Но провести Фрунзе было не так просто. Он спокойно стягивал кольцо вокруг «вольного отечества анархии», как Махно называл район, где находились его главные силы. Не всегда и не во всех случаях план Фрунзе осуществлялся точно и безошибочно. Бывали у красных командиров отдельные промахи. Махно пользовался этим исключительно ловко и ускользал от преследования. В ответ на это Михаил Васильевич усилил разведку.

— Разведка сейчас — самое сильное оружие против Махно, — говорил он командирам. — Окружите его своими разведчиками, и вы всегда будете знать, где он и что он делает.

Однажды Михаил Васильевич сам чуть не попал в

руки бандитов. Ему доложили, что махновцы, отступая, прорываются к Полтаве. Фрунзе решил выехать в Полтавский район и принять на себя руководство боевыми операциями. Прибыли на станцию Решетилловка. Михаил Васильевич с группой ординарцев направился верхом к соседнему селу, куда должен был подойти отряд «летучего корпуса». Наступил вечер. Вдали на дороге показалась воинская часть. Фрунзе прищипорил коня и поскакал вперед. В сумерках трудно было разглядеть приближавшихся. Михаил Васильевич придержал коня и крикнул:

— Командир, выезжайте вперед и доложите!

Отряд остановился. Но приказание Фрунзе не выполнялось. Видно было, как всадники собираются группами и что-то обсуждают. Это становилось подозрительным. Один из ординарцев Фрунзе вырвался вперед, подскочил к неизвестному отряду и требовательно крикнул:

— Командующий вооруженными силами Украины товарищ Фрунзе приказа...

Последнее слово ординарец не успел договорить и упал, сраженный пульей. Встреченная часть оказалась бандой махновцев. Раздались выстрелы. Михаил Васильевич приказал своим спутникам рассыпаться, а сам, прищипорив коня, резко свернул с дороги в поле. Несколько бандитов устремились за ним. Вдруг конь под Фрунзе осекся, присел на задние ноги. Михаил Васильевич быстро снял с плеча карабин и метким выстрелом уложил одного преследователя. Еще два бандита свалились с лошадей. Но преследователей было слишком много, они начали окружать Фрунзе. Михаилу Васильевичу удалось поднять упавшего коня. Тот быстро вскочил — рана оказалась легкой. Михаил Васильевич поскакал дальше.

То, что Фрунзе оказался вновь на коне, смутило махновцев. Они остановились и открыли стрельбу. Пули свистели вокруг, одна задела Михаила Васильевича, ранив в бок навывлет. Верный конь вынес Фрунзе к узенькой речке. Махновцы, потеряв Михаила Васильевича из виду, прекратили погоню.

Меня и Ворошилова избрали делегатами на предстоящий X съезд РКП(б). Как я уже говорил, мы испы-

тывали большие трудности с продовольствием и фуражом. На мои запросы из Центра отвечали: «Обходитесь своими ресурсами, изыскивайте фураж и продовольствие на местах». Вот почему я очень обрадовался, что буду снова в Москве — доложу Главкому о создавшейся обстановке, а если Каменев не сможет решить наш вопрос, непременно постараюсь попасть на прием к Ленину. Ворошилов был такого же мнения.

Однако моим планам не суждено было сбыться. Уже в пути я получил извещение, что меня вызывает М. В. Фрунзе на станцию Синельниково.

«Странно, зачем я ему вдруг понадобился?» — недоумевал я. Спросил Ворошилова, но тот лишь пожал плечами.

— Откуда мне знать? Ты командарм, Семен Михайлович, потому, вероятно, и потребовался. По-моему, кому-то из нас придется остаться здесь. Ведь Махно все еще колесит по Украине.

Встретил Михаил Васильевич меня тепло. Мы по-братски обнялись, расцеловались. С тех пор как 1-я Конная ушла из Симферополя, прошло четыре месяца. Фрунзе, как показалось мне, немного похудел — видимо, решил я, сказывалась болезнь: его давно беспокоил желудок. Мне известно было, что болезнь временами остро давала о себе знать еще во время боев в Крыму, но Михаил Васильевич старался и виду не подавать: был он терпелив, никогда не жаловался, хотя сам постоянно интересовался самочувствием друзей и подчиненных. Вот и сейчас спросил:

— Как здоровье, Семен Михайлович?

Мы уселись в вагоне и долго беседовали. Я доложил Фрунзе все, что касалось боев с махновцами, не умолчал и о том, что все острее становится недостаток продуктов и фуража. Участились случаи падежа лошадей.

— Что касается Махно, то в его шайках еще немало бандитов. По-прежнему ночью нападают на жителей, убивают всех, кто сочувствует Советской власти.

— Да, это меня особенно волнует, — задумчиво сказал Фрунзе. Потом он сообщил, что Владимир Ильич Ленин считает крайне необходимым уничтожить махновские банды к весне, чтобы дать возможность крестьянам спокойно провести весенний сев. — Я принял решение оставить вас здесь, Семен Михайлович, кончать с банда-

ми, а на съезд поедет Ворошилов. Не обижаетесь? — И Фрунзе улыбнулся, взглянув мне прямо в глаза.

Я ответил, что обижаться нечего — приказ есть приказ и его надо выполнять. А уж если говорить откровенно, то и мне хочется побывать на съезде — ведь на нем будут решаться важные вопросы.

— Что поделаешь, — вздохнул Фрунзе, разводя руками, — так надо.

Попрощавшись с Фрунзе и Ворошиловым, я вернулся в Екатеринослав. Увидев меня, начштаба удивился:

— Вернулись?

Вместо ответа я приказал ему собрать командиров и комиссаров, чтобы довести до их сведения приказ Фрунзе, а также просьбу Владимира Ильича.

7

Суровая зима прошла. С безоблачного неба светило яркое весеннее солнце. Снег растаял. Поля, набухшие влагой, раскисли. Ступишь в черную вязкую массу — и останешься без сапог. Тропки, проселочные дороги стали непроезжими. Всадники с трудом проходили по ним даже налегке. На тачанках, с пулеметами, орудиями можно было передвигаться лишь по шоссейным дорогам да по железнодорожным путям.

Наступление весны влияло и на бойцов. В большинстве своем крестьяне, они тосковали по мирному труду и на чем свет стоит кляли Махно и его банду.

К концу марта Махно оказался в районе Попасное, где к нему присоединились банды Фомы и Забудько. Отсюда Махно, преследуемый по пятам частями Красной Армии, начал новый рейд и до середины апреля перекочевывал из района в район, изрядно потрепанный. Из всех его когда-то крупных сил остались всего две группы: одна — в 400 сабель, другая — в 250.

Затравленный зверь лютовал, чуя близкую неизбежную гибель.

Постепенно Украина очищалась от бандитских шаяк. Колоссальное значение имели решения X съезда партии о введении новой экономической политики, замене продразверстки продналогом. Упорядочивалось землевладение. Советское правительство издало закон: земля, которой владел крестьянин, закреплялась за ним на три се-

вооборота, то есть не меньше чем на девять лет. Наконец, объявлялась амнистия тем, кто находился в бандитских шайках, но потом порвал с ними. Все это было с одобрением встречено крестьянами, содействовало укреплению Советской власти на местах, установлению порядка. Война, разруха осточертели народу. Вполне естественно, что и бандитизм, в том числе махновский, пошел заметно на убыль. Многие из бандитских атаманов сдались Советской власти. Всего за короткое время сдалось 30 человек начсостава и 2443 рядовых. Пришел к нам и махновский вестовой. Он показал, что Махно тяжело ранен, ездит на тачанке с группой в 120 сабель при 7 пулеметах.

Преследование Махно вела лишь небольшая часть личного состава 1-й Конной. Остальные занимались боевой подготовкой и... работой. Поставленная VIII съездом Советов и X съездом партии задача экономического возрождения страны требовала, чтобы прежде всего крестьянство успешно провело весеннюю посевную кампанию, засеяло как можно больше земли. Между тем у крестьян, в том числе и в районах, где мы базировались, сплошь и рядом не хватало тягловой силы. И Реввоенсовет 1-й Конной с согласия Реввоенсовета Республики переключил часть сил армии на трудовой фронт, что было встречено конниками с восторгом. Надо было видеть, с какой радостью они брались за плуги. Мы помогали в первую очередь незаможным селянам и семьям красноармейцев.

Вопрос помощи крестьянству приобретал для нас, военных, особое значение. Как известно, победоносная, но тяжелая борьба рабочих и крестьян с российскими и иноземными захватчиками, помещиками, кулаками и капиталистами потребовала великих жертв от крестьян. Их разоряли белогвардейцы, они страдали от мобилизации лошадей. Кстати, для нужд 1-й Конной мы только на Украине за один 1920 год закупили у крестьян более двадцати тысяч лошадей. Часто вместо денег выдавали им справки, которые потом, после войны, погашались государством — их владельцы получали деньги. Долго еще мы рассчитывались с теми, у кого брали лошадей.

Вспоминается такой случай. В 1929 году, когда я уже был в Москве, приехал из Днепропетровской области крестьянин и попросил его принять. Вошел в кабинет, снял шапку и, улыбаясь в усы, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Буденный.

— Здравствуйте, — отвечаю. — Чем могу быть полезен?

— А вот тут у меня справочка... — И он, волнуясь, протянул листок. — Деньги мне причитаются, если возможно, товарищ Буденный...

Я привел этот эпизод для того, чтобы показать: все, что мы брали у крестьян в годы гражданской войны, было потом возвращено им. Советское государство не осталось в долгу.

Реввоенсовет 1-й Конной следил за ходом сельскохозяйственных работ, требовал от командиров всех степеней аккуратно присылать сводки. Командиры и комиссары на полевых работах руководили своими подразделениями, как в бою. Некоторые сводки сохранились в архивах. Вот, к примеру, 6-я Чонгарская сообщала:

«За 21 и 22 марта артдивизионом вспахано 163 десятины земли, 2-я кавбригада вспахала и засеяла 22 марта 38 десятин земли и перевезла на поле 480 пудов зерна. Настроение бойцов бодрое».

25 марта Ока Иванович Городовиков докладывал:

«День в расположении дивизии прошел спокойно. Части расположены по прежним местам. За 24 марта 31-м Белореченским кавполком обработано 128 десятин земли и 5 огородов, артдивизионом — 104 десятины. Настроение бойцов бодрое, отношение населения к Красной Армии удовлетворительное».

Подобные сводки поступали и от других кавдивизий. Помощь Красной Армии трудовому населению повышала ее авторитет.

8. НА ДОНУ И КУБАНИ

1

Из Москвы вернулся Ворошилов, делегат X съезда партии. Лишь только немного отдохнул с дороги — созвали расширенное заседание Реввоенсовета и в течение нескольких часов жадно слушали его рассказ о работе съезда.

Важность решений, которые принимала партия, необходимость коренных изменений по ряду узловых моментов, в том числе по отношению к среднему крестьянству, мы особенно ощущали здесь, находясь в гуще крестьянских масс, постоянно соприкасаясь с ними. Что Советская власть даст народу, позволит ли крестьянам самостоятельно хозяйствовать: пахать землю, разводить скот, позволит ли продавать излишки сельскохозяйственной продукции — эти и другие вопросы нам задавали каждый день, где бы мы ни появлялись.

X съезд партии принял историческое решение о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике.

Экономическая связь деревни с городом в течение веков выражалась в обмене продуктов сельского хозяйства на промышленные товары. Обмен происходил на рынке при помощи денег, через куплю-продажу. И в переходный период от капитализма к социализму, при наличии массы мелкотоварных крестьянских хозяйств, это являлось объективной необходимостью. Торговля была единственно правильной формой экономической связи города с деревней. Ею и стала пользоваться Советская власть сразу же после Октябрьской революции. Гражданская война вынудила временно закрыть рыночный

обмен. Пришлось вместо купли-продажи ввести продовольственную разверстку.

Но вот кончилась война. И оставить в новых условиях продрозверстку грозило разрывом союза рабочего класса с крестьянством. Ведь строить социализм рабочий класс должен был обязательно вместе с трудовым крестьянством, составлявшим громадное большинство населения страны. Если помещиков и капиталистов революция экспроприровала и прогнала, то мелких производителей, какими являлись трудящиеся крестьяне, *«нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»*¹. Трудовому крестьянству надо было помочь сначала восстановить свое хозяйство, а затем постепенно переходить от раздробленного мелкого индивидуального хозяйства к крупному обобществленному машинному земледелию. Это была сложная и трудная задача, особенно для России. Но ее предстояло решить во что бы то ни стало, иначе социализм построить нельзя.

В мирных условиях следовало вести такую политику, которая стимулировала бы развитие сельского хозяйства и производительных сил страны. Без восстановления крайне разоренного войной сельского хозяйства нельзя было восстановить и развивать промышленность, особенно тяжелую, составляющую основу социалистической экономики.

Все это нашло глубокое и всестороннее освещение в политическом отчете ЦК и в докладе о замене разверстки натуральным налогом. В. И. Ленин подчеркивал, что нет иного способа вовлечения многомиллионного крестьянства в строительство социализма, как только при помощи новой экономической политики, предусматривающей введение продналога. В форме продналога брались у крестьянина не все излишки продовольствия, а только часть их. Остальным продовольствием крестьянин мог распоряжаться, как хотел. Ему разрешалось свободно продавать его на рынке. Это побуждало крестьянина развивать хозяйство, улучшать его, повышать урожайность и продуктивность скота. В конечном итоге вело к быстрому подъему сельского хозяйства страны в целом,

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 27.

способствовало подъему промышленности, обеспечивало ее сельскохозяйственным сырьем, а рабочих — хлебом.

Новая экономическая политика неизбежно вызывала некоторое оживление капитализма, рост кулачества, открытие частных мелких предприятий, разрешение частной торговли. В известной степени это грозило опасностью для Советской власти. Однако эта опасность была не страшна, так как в руках государства находились командные высоты народного хозяйства: промышленность, банки, железнодорожный и водный транспорт, внешняя торговля, земля. Рост кулачества ограничивался государственными мерами сверху. Над частным капиталом, который оживлялся в условиях нэпа, устанавливался государственный контроль, и развитие его допускалось лишь в известных пределах.

Переход к новой экономической политике был крутым поворотом в жизни партии. И съезд обязал коммунистов быстрее сориентироваться в новой обстановке, изменить методы своей работы применительно к нэпу, научиться хозяйствовать новыми методами, научиться культурно торговать. Для многих это представляло огромную трудность, ибо в подполье и тюрьмах никто не учил коммунистов руководить производством, хозяйствовать и торговать. Собственного опыта в этой области не было, и нигде было его заимствовать, так как Советская Россия первой в истории человечества начала строить социализм. Между тем введение новой экономической политики нельзя было откладывать ни на один час.

Климент Ефремович рассказывал нам, о чем говорили делегаты съезда, что видел сам во время подавления кронштадтского мятежа.

Международная буржуазия назвала мятеж в Кронштадте «народной революцией». Она послала туда своих агентов с заданием превратить Кронштадт во всероссийский центр восстания. Подогревало надежды контрреволюции географическое расположение крепости. Кронштадт — мощная военно-морская крепость в Финском заливе недалеко от Петрограда — располагал сильным вооружением. Все подступы к крепости — открытые, они находились под прицельным огнем батарей. Знатоки фортификации считали крепость неприступной...

Для подавления восстания пришлось вызвать воинские части, вести штурм крепости. Красноармейцы, участ-

вовавшие в подавлении мятежа, защищая святое дело революции, проявили большое мужество и храбрость. Не боясь смерти, они шли к крепости по тонкому льду Финского залива под ураганным огнем фортов. Ничто не могло их остановить. Во главе наступавших шли коммунисты, в том числе и делегаты X съезда партии. Они проявляли исключительное бесстрашие, примером личной отваги увлекали красноармейцев за собой.

Бойцам 1-й Конной было особенно приятно узнать, что на съезде по предложению члена РВС Конармии К. Е. Ворошилова была сформирована из делегатов съезда специальная группа для участия в подавлении мятежа. Возглавил ее наш неустрашимый Климент Ефремович.

Климент Ефремович рассказал, как разнузданно вели себя на съезде троцкисты и представители различных оппозиций, какая шла борьба между ленинским большинством съезда и оппозиционерами. Мы все горячо приветствовали решение съезда раз и навсегда покончить с фракционностью: запретить фракции и группы в партии, хранить как зеницу ока единство партии, очистить ее от некоммунистических элементов.

Мы переглянулись, когда Ворошилов заговорил о необходимости оживить и развить внутрипартийную демократию.

— Основными теперь должны стать, — говорил Климент Ефремович, — методы широких обсуждений всех важнейших вопросов, если надо — и дискутировать по ним. Общепартийные решения надлежит выработать коллективно. Так и записано в резолюции съезда по вопросам партийного строительства.

— А как в условиях армии? — спросил я.

— Нам следует подумать. Меня приглашал на беседу Склянский. Сказал, что мы, армейские политработники, должны подсказать партии правильное решение. Развитие внутрипартийной демократии в армии должно не ослаблять, а укреплять воинскую дисциплину.

— Новая забота вам, товарищ Вардин, — сказал я, обращаясь к начальнику политотдела армии.

Съезд обсудил доклад И. В. Сталина об очередных задачах партии в национальном вопросе и принял важное решение. Как велико было значение этих решений, мы убеждались еще не раз, когда 1-я Конная перешла на Северный Кавказ, когда мне довелось быть в Средней Азии.

Конармия продолжала оставаться на Украине, в Екатеринославской губернии. Положение ее катастрофически ухудшалось. Из дивизий поступали сводки одна хуже другой. От недоедания гибли люди, скот (1921 год был голодным и для Украины). Мы скармливали коням солому с крыш. К тому же у лошадей начался сап. Мы потеряли тысячи лошадей, и это отрицательно сказывалось на настроении бойцов. Поддерживать дисциплину становилось все труднее. Боеспособность армии падала.

Кое-кто у нас считал, что, раз белогвардейцы разгромлены, об армии можно меньше заботиться, надо ее сокращать, а бойцов распустить по домам, пусть, мол, занимаются мирным трудом. Такие демобилизационные настроения были крайне опасны. Ведь обстановка оставалась напряженной. В любой момент империалисты могли начать новый поход против Советской Республики. Мы располагали сведениями, что империалисты приняли бежавших из Крыма врангелевцев на полное снабжение, сохраняют их как войсковую организацию. Врангелевскими агентами кишели Крым и Кубань. Они поддерживали регулярную связь с белогвардейским подпольем. В Крыму и на Кубани ждали врангелевского десанта. Все могло случиться, если бы мы притупили бдительность, перестали заботиться о боеспособности красных войск.

Обо всем этом я поставил в известность Реввоенсовет Республики, просил передислоцировать армию на Северный Кавказ, где больше хлеба и кормов, но все мои представления и ходатайства Троцкий оставлял без внимания. Хуже того, 5 апреля РВСР приказал оставить 1-ю Конную армию на Украине, сократить ее на одну треть и рекомендовал нам расположить полки в более обеспеченных районах Кременчугской и Николаевской губерний. А одну кавалерийскую дивизию даже перебросить в Тамбовскую губернию. Было ясно, что наши доводы Реввоенсовет Республики почему-то не берет во внимание, а его решение фактически грозило 1-й Конной армии ликвидацией.

Тогда мы обратились с этими же вопросами к командующему войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе, который со своим штабом находился в Харькове. Михаил

Васильевич нас поддержал, и все трое — Фрунзе, Ворошилов и я — 12 апреля обратились в РВС Республики и ЦК РКП(б) с письмом. Мы категорически заявляли, что «оставление Конармии на Украине будет гибелью для нее, а уничтожение хорошо слаженного армейского аппарата и прекрасно организованных крепких политически и технически дивизий — представит незаменимую утрату для Республики».

Мы ждали ответа с нетерпением, но приказ РВСР от 5 апреля выполнили. В частности, перевели в Кременчугскую губернию 4-ю и 11-ю кавдивизии. Но здесь положение с фуражом было еще более губительным. Что делать?

— Давайте, Семен Михайлович, пошлем телеграмму в Реввоенсовет Республики, — предложил Ворошилов. — Ведь армия пропадает.

Телеграмму мы отправили. В ней были и такие слова: «Мы считаем по долгу нашей совести и службы довести до вашего сведения, что опасаемся, как бы к моменту разрешения вопроса о переводе армии в район возможного питания наша армия (конский состав) не ликвидировалась бы на месте...».

Я надеялся, что наконец-то вопрос будет решен, но ответа не поступало. Поэтому, когда Ворошилов вернулся из Москвы, прежде всего спросил его, как Главком решил вопрос о 1-й Конной, где она будет находиться. Если решено оставить нас тут до осени, то дадут ли фураж, и как вообще быть нам дальше.

Климент Ефремович ответил, что ни Главком Каменев, ни Склянский не сказали ему ничего определенного.

— Троцкий вообще отрицательно относится к переброске армии на Дон и Кубань.

Я задумался, как же быть, ведь через месяц совершенно нечем будет кормить лошадей.

— Надо было пойти к Ленину, — сказал я Ворошилову.

— Не удалось мне это сделать, — признался он. — Сам понимаешь, уехал я в Петроград подавлять контрреволюционный мятеж.

Тогда я решил обратиться к Ленину с письмом. Доставить письмо поручил секретарю Реввоенсовета С. Н. Орловскому, которого командировали в Москву.

Я написал Ильичу всю правду о том, в каком тяжё-

лом положении находится армия. В своем письме просил разрешения перебросить 1-ю Конную на Дон, Кубань, Ставрополье, где большие степи и где есть возможность прокормить армию.

«Бойцы совместно с крестьянами будут работать так, — писал я, — чтобы обеспечить себя на круглый год всем. Там же на местах проводить усиленную политработу, один раз в неделю — строевые занятия. Это единственный выход, и другого нет...

Взяв на себя смелость сообщить Вам всю мою боль за любимую армию, — писал я далее Владимиру Ильичу, — прошу Вашей помощи о сохранении конницы. Что-бы, когда нашей Республике будет кто-либо угрожать, мы могли бы, как и раньше, пойти в бой...»

С волнением ожидал результата. Вскоре Москва вызвала меня к прямому проводу. У аппарата был Ленин. Я очень хорошо запомнил наш разговор и могу передать его почти дословно:

— Здравствуйте, товарищ Буденный. Я получил ваше письмо. Как дела у вас теперь?

— Здравствуйте, Владимир Ильич. Положение у нас страшно тяжелое, армия день ото дня тает. Пало несколько тысяч лошадей.

— Хорошо понимаю ваши трудности и согласен, что на Дону и Кубани нам прокормить и сохранить армию было бы легче. Но Дон, Кубань, Ставрополье мы сильно встревожили продразверсткой, затронули в том числе и хозяйства ваших бойцов. Для спасения Республики от голода мы вынуждены были забрать у крестьян и казаков все излишки хлеба, оставив им зерно лишь для питания и посева. Такая чрезвычайная мера, которой мы не могли избежать, вызвала недовольство известной части населения. Уверены ли вы, что ваша армия в таких архинапряженных условиях останется крепкой духом, организованной и дисциплинированной?

— За это я ручаюсь своей головой, Владимир Ильич.

— Да что ваша одна голова, дорогой товарищ Буденный, если целая армия будет недовольна Советской властью. Повторяю, на Северном Кавказе достаточно спички, чтобы вспыхнул контрреволюционный пожар на манер кронштадтского. Вы должны глубоко это осознать.

— Товарищ Ленин, я знаю своих бойцов, не подведут.

Здесь же мы рискуем потерять армию, которая еще будет нужна Республике.

— Хорошо. А как товарищи Ворошилов и Минин? Они с вами?

К аппарату подошел Ворошилов и сообщил, что он полностью поддерживает меня.

— Ну что ж, — сказал Ленин, — тогда не возражаю. У вас все? Желая успешного перехода. Подробности уточняйте с Главкомом.

Позже я узнал, что Троцкий упорно не давал согласия на передислокацию Конармии. И только решительное вмешательство ЦК РКП(б), лично В. И. Ленина спасло Конармию от гибели. 20 апреля Политбюро ЦК приняло специальное постановление о 1-й Конной армии. Политбюро поручило Реввоенсовету Республики и Реввоенсовету Конармии сократить в короткий срок армию до размера двух дивизий, сохранив весь армейский аппарат. Сокращенную армию перевести в район Маныча...

РВСР принял решение перевести Конармию на Северный Кавказ и образовать Северо-Кавказский военный округ (СКВО), положив в основу его штаба штаб Конармии. 30 апреля был издан приказ РВС Республики № 924/163 о формировании Северо-Кавказского военного округа в составе Донской, Терской, Кубано-Черноморской областей и Ставропольской губернии с центром в Ростове.

Мы стали готовиться к переходу. Однако боевые действия с бандами Махно продолжались.

...По данным разведки, Махно находился в районе села Васильевка, юго-западнее станции Чаплинка. Выделили эскадрон штабного кавалерийского полка, два броневика и несколько грузовиков с пулеметами. Отряд возглавил я сам. Штабной кавалерийский полк мы только что сформировали, бойцы его еще ни разу не участвовали в сражениях, и я хотел проверить, как они поведут себя в бою. И вот случай представился.

Недалеко от станции находился женский монастырь. Мы остановились у колодца напоить коней и пополнить водой радиаторы бронемашин. Неподалеку дом. Вхожу в него, вижу крестьянина и его жену. Она хлопотала по хозяйству. Стал расспрашивать хозяина, не проезжал ли здесь Махно, не знает ли, где он находится. Хозяин начал мяться, вилять, отвечал расплывчато, туманно.

Я сразу понял, что банда была здесь и где она сейчас — хозяин знает. Но как выудить у него эти сведения? Помогла женщина. Она подошла к нам и сказала мужу сердито:

— Да хватит тебе юлить! Долго еще будем мучиться?

— А, ладно, — махнул рукой крестьянин. — По мне, что Махно, что Буденный — один черт: сеять пора, земля сохнет. Вчера Махно в монастыре ночевал, а сегодня, наверно, в хуторе.

Хутор, который назвал крестьянин, располагался неподалеку, на местности, тактически очень выгодной для нас. С двух сторон — пруды. С третьей — общая плотина. Я решил направить броневики и бойцов автоотряда в обход прудов на плотину, а ударить — с фронта. Но автоотряд замешкался и не подоспел к плотине вовремя. Нас же заметил крестьянин, пахавший около хутора землю. Как оказалось, это был махновский дозорный. Он бросил плуг, быстро выпряг лошадь, вскочил на нее и стремглав поскакал к хутору. Через некоторое время оттуда вылетел отряд махновцев.

Завязался бой. Новобранцы дрались великолепно, но махновцы сопротивлялись отчаянно, тем более что перевес в численности был на их стороне. Сам Махно стоял на холме в окружении свиты — я увидел его — и наблюдал за ходом боя.

Я находился в своем автомобиле. Вижу, группа махновцев, человек тридцать, развернула лошадей и поскакала ко мне. Шофер стал спешно разворачивать машину. Съехали с дороги в поле и завязли там. Меня сопровождал Зеленский, предусмотрительно захвативший с собой пулемет. Он выкатил его из машины и открыл огонь. Я же схватил гранаты. Но повоевать мне на этот раз не пришлось. Зеленский отогнал махновцев. Они ускакали. В это время, правда слишком поздно, появился автоотряд.

С Махно в конце концов было покончено. После долгих лет смуты Украина зажила мирной жизнью. Затихла орудийная канонада, пулеметная и ружейная трескотня. Всюду укреплялась Советская власть. Местные советские органы получили возможность взяться по-настоящему за строительство новой жизни. Введение новой

экономической политики нашло живой отклик в крестьянских массах, вызвало их неподдельный интерес к мероприятиям Советской власти. Работать местным партийным организациям стало значительно легче.

Реввоенсовет 1-й Конной, политработники дивизий, полков широко разъясняли конармейцам, особенно уходящим в запас, решения X съезда партии. Мы учитывали, что демобилизованные конники будут первыми агитаторами в своем селе, поэтому снабжали их для этого необходимым материалом. Реввоенсовет утвердил обращение к красноармейцам, уезжающим в бессрочный отпуск. В обращении разъяснялось, что интересы города и деревни тесно между собою связаны, что только нерушимый союз рабочих и крестьян поможет удержать навсегда великие завоевания революции, поможет рабочим наладить промышленность, а крестьянам поднять свое хозяйство. Только крепкий союз рабочих и крестьян поможет отстоять землю и волю от натиска собственных помещиков и капиталистов и от натиска хищных иностранных государств — разбойничьей иностранной буржуазии.

Несмотря на катастрофическое положение с кормами, 1-я Конная продолжала оказывать помощь населению в обработке земли. К моменту перехода на Северный Кавказ, к 1 мая 1921 года, бойцы 1-й Конной обработали до 40 тысяч десятин земли. В полевых работах участвовало около 11 тысяч бойцов и 17 тысяч лошадей. Бойцы оказали помощь крестьянам в организации 124 кузниц, своими силами отремонтировали 434 плуга, 121 борону, 24 сеялки и 59 повозок.

Иной читатель может усмехнуться: вот, мол, невидаль какая! Да, сейчас, когда в колхозах и совхозах страны сотни первоклассных тракторов, машин и другой сельскохозяйственной техники, цифры, которые я привел, кажутся смешными. Но тогда каждый плуг, каждая сеялка были на особом счету, очень высоко ценились, и бойцы считали для себя делом чести помочь трудовым крестьянам. Среди бойцов развернулось соревнование — кто больше и лучше отремонтирует сельскохозяйственного инвентаря. Словом, конармейцы в одной руке держали винтовку, а в другой — плуг. Так надо было, этого требовала обстановка.

От населения мы получили массу благодарственных

писем. Двум полкам и артдивизиону крестьяне преподнесли красные знамена и благодарственный адрес.

3

Ворошилова вызвали в Москву. Я тревожился: как там в Центре, решены ли все вопросы, связанные с переброской Конармии. Боялся, а вдруг что-нибудь перерешат...

Прошло несколько дней. И вдруг 1 мая в семь часов вечера Москва вызвала к прямому проводу. У меня как раз находился Минин, и вдвоем мы поспешили к аппарату.

Ворошилов. Здравствуйте, дорогие друзья. Поздравляю с праздником и крепко обнимаю. Теперь о деле. 1) Завтра вечером состоится пленум ЦК, меня обязали остаться на пленуме. Утром будет совещание политработников, в котором также придется участвовать. Выезд завтра ночью. 2) Везу с собой приказ об образовании Северо-Кавказского округа с преимущественными задачами организации и ремонта конницы. Командующим войсками округа назначен я, членом Реввоенсовета и командующим Конной армией остается товарищ Буденный. Товарищ Минин назначен помощником по политической части командующего всеми вооруженными силами Украины. Третьим членом Реввоенсовета Северо-Кавказского округа назначен товарищ Бубнов. 3) Приказано: части 1-й Конной дислоцировать по Манычу и Егорлыку возможно сжатым образом. О районе более удобного распределения частей в отношении фуражирования необходимо договориться с Фрумкиным. 4) Сегодня тт. Раковский и Фрунзе заявили мне, что положение на фронте так складывается, что мы не можем немедленно сняться всей армией и перейти на Дон. По их мнению, мы должны сделать переход постепенно, снимая не больше одной дивизии, и не раньше чем через две-три недели. Я протестую и требую немедленного разрешения снимать части... Боюсь, как бы вообще снова не затормозили на долгое время с этим делом. О всех подробностях — при свидании. Если есть острые вопросы и срочные, задавайте — отвечу.

Буденный и Минин. Здравия желаем, Климент Ефремович.

1) Медленная переброска обречет нас на верную гибель — здесь и там. Весь смысл переброски — заготовка там фуража. 2) Настаивайте категорически на немедленной переброске. 3) Согласно вашей телеграмме, где вы указываете, что можно приступить к передвижению армии, я уже подготовил приказ о продвижении и маршрут. Хотел отдать по частям, но дивизии при всем желании в связи с увольнениями в бессрочный отпуск смогут двинуться только 3-го. 4) Скажите, какую дивизию оставим здесь и куда она будет переброшена, на запад или на северо-восток. Если на запад — то Александрийская, если на север — то Павлоградская. Таково мое мнение. 5) Новый начальник Опродкомгуба и Упродарма собирается заготовительные органы оставить здесь. Таким образом, армия на новом месте останется без заготовительных органов. Необходимо об этом переговорить с Фрунзе и Владимировым. 6) Скажите, о каком фронте беспокоятся?

Ворошилов. 1) Относительно немедленной переброски армии я уже настаиваю, но не знаю, чем закончится мое домогание. 2) Дивизию придется оставить Александрийскую — она пойдет на Западный фронт. 3) О продорганах для армии переговорю с Фрунзе. 4) Я полагаю, что одну дивизию, пожалуй самую близкую — Павлоградскую, можно будет двинуть не позже 3-го и ей поручить заняться подготовительными работами по сенозаготовкам. Было бы, конечно, самое лучшее одновременно двинуть армию, но боюсь, что это вам не удастся сделать. 5) Фронт, о котором идет речь, весьма своеобразен, и о нем я сообщу только лично. Что еще хотите знать?

Буденный и Минин. Просим во что бы то ни стало настоять на всем, нами сказанном. В армии вообще все обстоит благополучно. Пока, всего хорошего.

Ворошилов. Хорошо, буду делать все, от меня зависящее. Сегодня здесь был прекрасный парад войск, в котором принимал участие и я. Настроение великолепное, погода прекрасная, только сухая. Крепко жму руку.

5 мая вечером в Реввоенсовет прибыла телеграмма Владимира Ильича Ленина на имя К. Е. Ворошилова за № 108/ш (Климент Ефремович к этому времени уже вернулся в Екатеринослав).

«Прошу Вас, — писал Ленин, — дать распоряжение

комсоставу Конармии и проверить специально, чтобы во время перехода Конармии оказывалось всемерное содействие местным продорганам ввиду необходимости экстренной и быстрой помощи Москве хлебом»¹.

Ворошилов дважды прочел телеграмму Ильича, потом передал ее мне со словами:

— Задача, Семен Михайлович, для нас не из легких.

— Если уж сам Владимир Ильич просит, то, видно, с продовольствием в Москве совсем худо, — сказал я.

Телеграмму В. И. Ленина мы довели до всего личного состава армии. Обсудили ее с командирами и получили много ценных предложений, которые способствовали успешному выполнению задания Ильича. Например, один из комиссаров предложил выделить от каждой дивизии группу наиболее авторитетных бойцов, во главе их поставить комиссаров. На эти группы возложить всю работу по заготовке хлеба в тех населенных пунктах, где данная дивизия будет проходить.

Реввоенсовет наметил и другие мероприятия.

Когда все командиры разошлись, Ворошилов спросил:

— Как думаете, Семен Михайлович, дадим Ильичу ответную телеграмму?

— Обязательно, Климент Ефремович. У нас такого еще не бывало, чтобы не отвечать.

Ворошилов улыбнулся и, достав из планшета свернутый вдвое листок бумаги, протянул мне:

— Вот, прочтите...

«Вашу № 108/ш получил. Все необходимые распоряжения сделаны. Будет прослежено за точным выполнением возложенного Вами на нас задания».

— По-моему, хорошо.— Я вернул Ворошилову листок.

Утром 6 мая телеграмму отправили.

Задание Ильича было выполнено с честью. Позже из своих ресурсов мы также отправили в Москву несколько сот пудов хлеба.

Мы тщательно готовились к передислокации 1-й Конной армии на Северный Кавказ. Хотелось все сделать так, чтобы в точности выполнить указания Владимира

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 177.

Ильича, чтобы на переходе не допустить потери бойцов и лошадей. Но тут случилось такое, о чем следует рассказать подробнее.

Вскоре после разговора с В. И. Лениным Реввоенсовет Конармии получил телеграмму от Главкома необычного содержания. Мы с Ворошиловым перечитали ее несколько раз. Были и обрадованы неожиданным предложением и озабочены. Главком требовал от нас выделить и в конце мая командировать в Москву сводный полк четырехэскадронного состава с пулеметной командой при хоре трубачей для участия в праздновании в честь III конгресса Коммунистического Интернационала. Как известно, конгресс заседал в Москве в июне — июле. На нем присутствовали представители 52 коммунистических и социалистических партий.

— Видимо, состоится парад, — сказал Ворошилов. Потом добавил: — Почетнейшее задание. Международный пролетариат в лице своих представителей — коммунистов будет смотреть первую в мире Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Ну, Семен Михайлович, не ударим лицом в грязь, а?

— Да, есть над чем подумать...

Задание почетнейшее, и надо его выполнить с честью, хотя нелегко оторвать от армии целый полк, когда на счету каждый боец и предстояло такое важное дело, как передислокация армии на Северный Кавказ. В тот же вечер мы — я, Климент Ефремович, Минин, врио начальника штаба Щелоков — засели за составление приказа по армии. Надо было предусмотреть все до мельчайших подробностей. Решили: эскадроны выделить по одному от каждой дивизии. Подобрать лучших конармейцев обязательно из строевых частей и лучший комсостав.

— Начдивам лично проверить, — сказал Ворошилов, — чтобы люди все были однообразно, красиво и строго по форме одеты, оружие ладно пригнано.

— Лошадей отобрать самых лучших, — добавил я, — подобрать одномастных — гнедой масти. Разбить лошадей повзводно по отметинам.

— Запишите: оружие, как холодное, так и огнестрельное, проверить и содержать в полном порядке, — приказал Климент Ефремович Щелокову.

— Хор трубачей можно взять из 11-й кавдивизии

от расформированной 56-й кавбригады, — предложил Щелоков.

— И на своих серых лошадях, — добавил Минин. С ними согласились. Начальникам санитарной и ветеринарной частей приказали назначить в штаб сводного полка врача, лекпома и ветфельдшера. И по одному лекпому и ветфельдшеру — на эскадрон.

Дали указание службам тыла заблаговременно оборудовать вагоны как для людей, так и для лошадей, каждый эшелон снабдить дровами для варки пищи.

Тщательно обсудили, каков должен быть численный состав полка и его служб. Всего получилось: людей — 523, лошадей строевых — 450, обозных — 52.

— Как только будут сформированы сводные эскадроны, дайте указание их командирам сообщить в штаб армии, сколько в эскадроне награжденных орденом Красного Знамени, кто именно и за какой подвиг награжден, — предложил Климент Ефремович.

— Правильно, — согласился я.

Большая работа предстояла политотделу армии, военкомам дивизий и бригад. В ходе формирования полка они переговорили с каждым выделенным в него конармейцем. Взяли на учет всех коммунистов, провели в эскадронах партийные собрания. Политработники, коммунисты призывали конармейцев достойно представлять перед всемирным форумом коммунистов героическую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию.

Командиром сводного кавполка мы назначили Мурзина Дмитрия Константиновича, который был у нас инспектором кавалерии армии. Я знал его лично длительное время и со спокойной совестью доверил ему столь важное и ответственное дело. Военным комиссаром полка назначили состоявшего при мне для поручений тов. Михайловского.

В частях быстро узнали о приказе Главкома. Реакция на него была самой положительной.

Щелоков, усмехаясь в усы, докладывал мне:

— Начдивы доносят, что в полках творится что-то необычное. Словно вся армия к параду готовится. Конармейцы подтянулись. Бреются чуть не два раза в день. Чинят обмундирование, сбрую. Лошадей чистят и моют — хоть сейчас выводи на смотр. В наряд отбоя нет от добровольцев...

— Что же удивительного, — ответил я. — Конармейцев можно понять. Побывать в Москве, увидеть Ленина мечтает каждый из них. И для того, кто удостоится такой чести, это будет самой лучшей наградой за все труды, за все лишения, что вынес он в боях за годы войны...

Вскоре мы телеграфировали Главкому, что его приказ о формировании сводного полка от 1-й Конной выполнен.

4

— Итак, Семен Михайлович, я ухожу из 1-й Конной, — сказал мне на другой день Ворошилов. — Приказано принять командование Северо-Кавказским военным округом. Жаль уходить. Впрочем, мы ведь будем рядом.

— Да, конечно рядом, — грустно улыбнулся я в ответ.

После разгрома белогвардейщины перемены в нашей жизни были неизбежны. Я ждал их, готовился к ним и все-таки сообщение об уходе от нас Ворошилова воспринял с грустью. Да и не только я — все конармейцы тоже. От души мы желали нашему дорогому Клименту Ефремовичу успехов в новой должности. Мы знали, верили, что его ждет большое будущее.

Боевая дружба связывала меня с Климентом Ефремовичем на протяжении всей жизни.

Трудно дать исчерпывающую характеристику этому человеку, хотя мы вместе рука об руку работали не один десяток лет. Рядовой боец партии и армии, политработник, талантливый полководец, крупный государственный деятель, Климент Ефремович был многогранен. Сколько раз я сталкивался с ним и всегда открывал в нем новые, порой неожиданные черты.

Ворошилов был горячим сторонником создания 1-й Конной. С первого дня ее организации он состоял бессменным членом и председателем Реввоенсовета армии, являлся одной из центральных фигур руководства операциями конармейцев на всех фронтах гражданской войны: Южном, польском, врангелевском — и особенно руководства партийно-политической работой в этом весьма сложном и специфическом по своему составу боевом организме.

В Рабоче-Крестьянской Красной Армии командармы, члены реввоенсоветов, командиры и военкомы всех степеней были в то же время первыми бойцами, готовыми в любой момент стать в передовые шеренги воинов и встретить врага лицом к лицу. История гражданской войны хранит многочисленные случаи личных подвигов ответственных военных деятелей и полководцев. Стоит только вспомнить, каким бесстрашием обладал, как вел себя в бою М. В. Фрунзе. Подобное явление характерно для Красной Армии, как армии нового типа, и свидетельствует о полном военно-политическом единстве ее воинов независимо от их служебного положения. Климент Ефремович был не только командармом, опытным военно-политическим руководителем, но и отличнейшим передовым бойцом.

Не было ни одного более или менее серьезного боя 1-й Конной, где бы Ворошилов лично не участвовал. Он ясно видел (я это могу подтвердить на основе собственного опыта), что в управлении кавалерийскими массами личное общение членов Реввоенсовета с конниками в боевой обстановке имеет колоссальное значение.

— Что это вы, дорогой, тут топчетесь? Перед вами несколько сот каких-то паршивцев, а вы канитель разводите. Мы-то с командармом думали, что к шапочному разбору приедем, а вы и звонить еще как следует не начинали, — бросит, бывало, укоризненно Климент Ефремович комдиву или комбригу.

— Да мы, товарищ член Реввоенсовета, уже собирались, сейчас начнем, — торопливо скажет тот.

— Собирались, собирались... Не собираться, а бить нужно. После собираться будете. Вон 11-я уже в обход пошла, мы сейчас только от нее. Она и соберет все, а вы сильнейшая. Посмотрите на себя — море целое. Дунуть — ничего не останется от противника.

И после таких «вразумлений» словно ветерок пройдет по рядам. Все оживятся. А тут снова Ворошилов бросит:

— Ну, здесь пока нечего делать. Едем, Семен Михайлович.

И — вперед, туда, где винтовочный треск и стрекот пулеметов рисуют линию фронта.

Смотришь — справа, слева уже зашевелились спешенные цепи, вытянулись конные колонны, дружно захула артиллерия, а там и развязка боя...

Должен признаться, что мне, имеющему за плечами достаточный боевой опыт, редко приходилось видеть людей, обладающих таким бесстрашием и исключительной личной храбростью, как Ворошилов, причем эти качества у него всегда выявлялись без какой-либо рисовки, позы, а как естественное состояние.

В силу этих качеств у Ворошилова создавалось и соответствующее отношение к людям в боевой обстановке: он не только не терпел, а просто презирал тех, у кого обнаруживались «заячьи повадки», хотя человек, может быть, и обладал иными полезными способностями. И наоборот, Ворошилов проявлял большую любовь к бойцам, которые держали себя в бою отважно.

Не всякий рисковал попасть на глаза Ворошилову, если сознавал, что вызовет его гнев. Крут и горяч бывал Климент Ефремович в таких случаях, рубил, что называется, сплеча. Но и быстро отходил, здраво оценивал поступок провинившегося. Если в заключение следовало прощение, то провинившийся уходил потом возрожденным, как после неожиданного, холодного, но здорового душа, с твердым намерением больше «не грешить».

В нашей совместной длительной работе не все было гладко. Вспыхивали порой горячие споры, длительные дискуссии. Но разногласия и жаркие схватки не заходили у нас дальше рубежа, где кончается дело и начинается личная «амбиция». Как бы спор ни разворачивался жарко, он заканчивался всегда общим единым и обязательным решением. И это решение РВС дружно и совместно проводилось в жизнь.

Тут я должен отметить еще одну важную черту характера Ворошилова — если уж он сознавал свою ошибку, неправильность какого-либо решения или вывода, то никогда не пытался уклониться, славировать, а сейчас же прямо и откровенно признавал свою неправоту, принимал все меры к скорейшему ее исправлению. Прямота и даже внешняя резкость характера Ворошилова тесно переплетались в нем с большой чуткостью и сильно развитым чувством товарищества.

В Клименте Ефремовиче поражала его исключительная любовь к простым бойцам и командирам, любовь без какой-либо «снисходительности». Эта любовь являлась результатом единого классового происхождения, единых классовых интересов. Приход в шторм командиров — за-

дубленных зноем и ветрами, запыленных, пропахших порохом — для Климента Ефремовича был подлинным праздником.

В методах нашего командования при возникновении каких-либо сложных обстоятельств оперативного или политического порядка мы часто практиковали совместные совещания с командным составом частей, и это давало положительные результаты. Если позволяла обстановка — разрешали себе отдых. Старым бойцам всегда найдется о чем поговорить. За скромным ужином или чаем шла непринужденная, оживленная беседа, пересыпаемая безыскусным юмором. А потом, глядишь, кто-то взял гармонию, кто-то пустился в пляс. Лихие рубаки-командиры и тут были первыми. Климент Ефремович чувствовал себя и здесь отлично.

С Ворошиловым мне довелось пройти тяжелый путь борьбы и побед, и все то, что связано с ним, для меня дорого.

Велики заслуги Климента Ефремовича Ворошилова перед партией и народом, но сам он скромно их оценивал. В своих воспоминаниях Ворошилов писал, что судьбы людей не похожи одна на другую, как не схожи и сами люди: у каждого свое лицо, свой характер, свои наклонности и привычки, свое призвание. «Но в жизни революционеров-единомышленников, составляющих нашу партию, — а в ее рядах я имею честь состоять вот уже более шестидесяти лет — много общего: все мы бескорыстно служим интересам народа и неустанно боремся за улучшение его жизни. Поэтому те трудности и испытания, которые выпали на долю каждого из нас, неотделимы от нашей общей борьбы за торжество коммунизма...

Я не верю в предопределение, но я благодарен своей судьбе за то, что мне выпал именно тот путь, который мне довелось пройти. Нет выше доли рабочего человека и солдата революции! И я счастлив тем, что получил свою первую рабочую закалку в среде донбасских пролетариев, участвовал в трех революциях, видел и слышал великого Ленина, был лично знаком с ним и выполнял его поручения, защищал нашу Родину от белогвардейщины и иностранной интервенции в начальный период Советской власти, от гитлеровского нашествия в суровые годы Великой Отечественной войны, был и являюсь

участником бурного социалистического, коммунистического строительства»¹.

К этим словам трудно что-либо добавить.

5

Итак, в мае 1921 года 1-я Конная начала новый марш. В поход выступили все дивизии, кроме 11-й (начдив Ф. У. Лобачев). Ее по приказанию Главкома передали в распоряжение командующего Западным фронтом. Ей предстояло перейти из района Александрии по Украине в район Гомеля в Белоруссии. Провожая 11-ю кавалерийскую дивизию, Реввоенсовет 1-й Конной именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики объявил братское спасибо командирам, комиссарам и бойцам дивизии за их отличную и беззаветную службу Родине.

В специальном приказе Реввоенсовет отмечал революционную доблесть и непоколебимую стойкость бойцов и командиров 11-й кавдивизии в борьбе с врагами рабоче-крестьянской Республики, неиссякаемую энергию в борьбе с хозяйственной разрухой на трудовом фронте, а также по укреплению Советской власти, сознательное коммунистическое отношение к своему долгу и выражал надежду, что дивизия продолжит славную революционную деятельность, прибавит к перечню заслуг перед Советской Республикой много новых славных дел, своей стальной революционной дисциплиной, неутомимостью будет служить примером всем частям Красной Армии.

Штаб армии переехал в Ростов и разместился на Таганрогском проспекте в бывшей гостинице «Палас Отель».

Итак, мы снова вернулись в те места, где возник кавалерийский краснопартизанский отряд — предшественник 1-й Конной.

Северный Кавказ — важный экономический район нашей Родины. На юге граница его проходит по Главному Кавказскому хребту, на западе выходит к Черному морю в районе Сочи (река Псел), на востоке к Каспию. В Северный Кавказ входят (современное административ-

---

¹ К. Е. Ворошилов. Рассказы о жизни. М., Политиздат, 1971, стр. 3—4.

ное деление) Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края, Кабардино-Балкарская, Чечено-Ингушская, Северо-Осетинская и Дагестанская АССР. Более 800 километров с севера на юг, более 900 — с запада на восток — такова территория края.

До революции основу экономики Северного Кавказа составляло сельское хозяйство; промышленность тогда была развита слабо. Такая экономика края определяла и классовый состав населения. Основные сельскохозяйственные районы занимали донские, кубанские, терские казаки. Царское правительство, когда-то поселившее здесь казаков, использовало их как свое надежное оружие, всячески заигрывало с ними, предоставило ряд льгот, разрешило самоуправление, щедро наделило землей. Обширные земельные владения в сочетании с высоким качеством земли и мягким климатом способствовали интенсификации сельского хозяйства, его высокой товарности. Подавляющее большинство казачества жило зажиточно, было верной опорой царизма. Не случайно именно Северный Кавказ стал базой белогвардейщины. Здесь формировались и стояли «на довольствии» воинские части Деникина, Краснова, Алексева, Мамонтова и прочих белогвардейцев.

При характеристике края следует учитывать имевшее место правовое неравенство. Это вызывало вражду между разными слоями населения. Естественно поэтому, что вскоре после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Донская область стала ареной жестокой борьбы.

Когда немцы вступили в Ростов, рабочие города, крестьянство Ростовского округа, Батайска, Койсуга, Азова и Ейского отдела образовали целый фронт против оккупантов. Базой формирования отрядов было главным образом крестьянство Кубанской области, из которого впоследствии и образовалась 11-я Таманская армия.

Другие отряды — Никифорова (станция Платовская), Алехина (Великокняжеская), Белоборода (Куберле), Сиденко (Зимовники), Сытникова (Мартыновская), Ковалева (Больше-Орловский) — вели борьбу с Мамонтовым, заставили изрядно потрепанные отряды царского генерала бежать у станицы Романовской на правый берег Дона. После этого генералы стали умалчивать об идее равенства и повели другую агитацию: принялись натрав-

ливать казаков на крестьян — мол, крестьяне хотят отобрать у вас, казаков, землю, надо ее защищать.

В ходе борьбы с белогвардейцами Донская область дала много славных бойцов: 37-ю и 39-ю стрелковые дивизии, 4-ю кавалерийскую дивизию. Ставропольская губерния — 32-ю стрелковую и 6-ю кавалерийскую дивизии и т. д. Боевые действия этих соединений вошли в историю славными страницами.

Сложная обстановка была и сейчас. Вот как характеризовал положение на Дону и Кубани М. И. Калинин за восемь месяцев до нашего вступления в пределы Северного Кавказа.

«Посещая станицы Донской и Кубанской областей, — писал Михаил Иванович в газете «Беднота» в сентябре 1920 года, — можно наблюдать, что огромное большинство населения стоит за Советскую власть. Но это большинство малоактивно, оно как бы не верит своей силе и не решается себя открыто выявить, в то время как меньшинство, состоящее из противников Советской власти, проявляет огромную активность и инициативу. Это делается понятным, если вспомнить, что к этому меньшинству принадлежат офицеры, чиновники, попы, кулаки и т. п. Это именно те, которые привыкли навязывать свою волю трудовому казачеству.

При таких условиях работы — теперь, в момент еще не прекращающейся борьбы, — можно быть удовлетворенным произведенной огромной работой по «советизации» казачества в Донской и Кубанской областях.

Во всех станицах без исключения, даже в самых реакционных, имеются коммунистические ячейки. Ядром их послужили пришедшие с Красной Армией казаки. Большинство из них пережило жестокую драму гражданской войны: у одного расстреляны братья, у другого — родители, у третьего — запороты жена и дети; много военных инвалидов, оставленных армией на советской работе, как негодных к фронту. Наша армия прошла Кубань очень великодушно; казаки сами говорят, что они ожидали от возвратившихся на Кубань красных казаков жестокой расправы, в действительности же актов мщения совершенно не было.

Председатель станицы Кавказской мне говорил: «Если бы Кубанью проходили впереди кубанские части, то без расправы не обошлось бы, ибо они в момент прохо-

да не удержались бы от расправы со своими палачами, но военное командование как раз направило стрелковые части великороссов, которым неизвестны были персонально истязатели красных казаков. А теперь уже отболело: пусть видят благородство Советской власти. У меня самого застрелили двоих ребятишек, а жену заporоли. Она до самой смерти говорила, что надеется, что муж, ушедший с Красной Армией, отомстит за ее мальчиков и за нее...»

О Донской области можно более или менее уверенно говорить, что донское казачество признало Советскую власть. От гражданской войны оно пострадало жестоко, во многих станицах население убавилось на целую треть. Такие встречаются станицы, где две с половиной тысячи расстреляны Деникиным; молодежь и старики отступили в Крым, женщин много подобрал при господстве белых тиф.

О землеустройстве. Пашут, сколько каждый хочет и может.

Мобилизация прошла хорошо, процент дезертиров небывало мал, партизанщины нет, остатки после разгрома Назарова выловлены самим казачеством дочиста. Наконец, заключительным благоприятным аккордом был ответ на призыв к борьбе с поляками. Он дал в Донской области довольно большое количество добровольцев. Например, верхнедонской Вешенский округ дал целый полк добровольцев (между тем в прошлом это был самый контрреволюционный округ).

Отряд добровольцев был назван именем казненного Калединым казака Ф. Г. Подтелкова... Интересно, что в этом отряде находился один из братьев знаменитого в империалистическую войну Кузьмы Крючкова. Я встречал станицы, где на митинге присутствовало по 30—70 человек, уже записавшихся добровольцами.

Можно отметить как почти постоянный факт, что в тех местах, где власть — местная — пользуется авторитетом и доверием, там она крепка, там много добровольцев и там если не казаки, то сочувствующие казачки всегда предупредят местную власть о грозящей опасности или появлении в их станице белого.

Что касается Кубани, то там Советскую власть знают еще слабо; старая власть еще не утратила всех корней. Причина, вероятно, та, что Кубань несравненно

меньше пострадала, чем Донская область, в ее камышах еще скрывается много остатков от деникинской армии.

...Но и на Кубани происходит роковой для белогвардейцев процесс «советизации». С одной стороны, уменьшаются надежды на возвращение белых, чем уменьшается активность непосредственных врагов Советской власти, а с другой — с каждым днем увеличивается смелость, растет активность у приверженцев Советской власти. Они энергичнее толкают аполитичные массы на свою сторону.

Опыт, проделанный на Дону, не прошел даром. На Кубани предпринимается целый ряд предупредительных мер, и кажется, есть надежда там вполне избежать повторения Дона.

В заключение можно сказать, что и на Дону и на Кубани идет сравнительно быстрое строительство Советской власти. Конечно, есть недочеты, ошибки, но их несравненно меньше, чем это было у нас в 1917—1918 годах.

...Мы еще должны уничтожить бродячие банды, оставшиеся в горах от Деникина. С ними ведется беспощадная борьба.

В общем, при всех трудностях идея Советской власти назло врагам все больше, все крепче внедряется в сознание трудящихся масс казачьего и иногороднего населения».

Характерной особенностью Северного Кавказа являлся его исключительно пестрый национальный состав и своеобразное географическое размещение малых наций. Нигде, пожалуй, на земном шаре на таком маленьком клочке не было подобного скопления народностей и племен, как здесь. И у каждого свои обычаи, свой язык. Население тогда — почти сплошь неграмотное, в силу этого фанатично религиозное, опутанное множеством предрассудков. Сохранялась родовая месть, похищение женщин, истребление иноверцев и т. д. Подчас племена враждовали между собой. Пути сообщения — горные тропы. Отсюда разобщенность людей. Рабочая прослойка ничтожная. На сознание многих из горцев оказывали сильное влияние вековые реакционные традиции. Местная знать умело пользовалась этим, и нередко одурманенное население считало побратимом того, кто на самом деле был ярым врагом, выступало против тех, кто

боролся за освобождение трудового люда от классового и национального гнета, за его светлое будущее.

К описываемому времени по ту сторону Кавказского хребта, в Закавказье, всюду победила Советская власть. Местный пролетариат и Красная Армия вышвырнули вон как белогвардейцев, так и их приспешников — меньшевиков, дашнаков и т. п. По эту сторону хребта на Северном Кавказе формально тоже существовала Советская власть. Но для ее полной победы предстояла еще колоссальная борьба.

9. РАНО ВКЛАДЫВАТЬ КЛИНОК В НОЖНЫ

1

Помнится, какое тягостное впечатление произвел на нас Ростов, едва мы въехали в его пределы. Город был захламлен неимоверно. Жители выбрасывали отбросы прямо на улицы. Канализация вышла из строя, в городе появились случаи заболевания холерой. По реке плыло много тухлой рыбы. Замаскировавшиеся белогвардейцы-казаки пойманную рыбу специально недосаливали, баржами отправляли в верховья Дона и Кубани, а там ее выбрасывали в воду. Она плыла по течению, отравляя все вокруг в прибрежных селах и станицах.

И снова партия и правительство поручили нам нелегкую миссию — борьбу с бандитизмом уже в Северо-Кавказском округе.

Бандитов было здесь не меньше, чем на Украине, а обстановка — сложнее. В моем архиве сохранился интересный документ. Председатель Горской чрезвычайной комиссии Хускивадзе доносил начальнику административно-организационного отдела ВЧК Юго-Востока России Андрееву:

«В Грозненском районе, а именно в Чеченском округе, последние 1—1,5 месяца наблюдается усиленная контрреволюционная работа разных темных дельцов. Большинство из них агенты, бьющие на слабые струны темного чеченца, а именно — на его фанатическую религиозность... Еще до сих пор есть целые районы Чечни, где буквально не ступала советская нога. В результате эти районы, свято чтившие законы гостеприимства, оказывали приют и убежище всякой контрреволюционной сволочи, которая, укрываясь в горах, была совершенно

неуязвима и вела против нас яростную агитацию, провоцируя Советскую власть на каждом шагу...»

Реввоенсовету предстояло продумать ряд мероприятий, чтобы с первых же дней пребывания Конармии в этих местах сковать деятельность бандитских элементов. Нас особенно беспокоил тот факт, что, по сведениям агентурной разведки, на Дону и Кубани находилось около семи тысяч бандитов, в их числе — немало бывших офицеров из армии Деникина и Врангеля. Это были не просто разбойники с большой дороги, а матерые враги, которым уже приходилось вести борьбу с Советской властью. Хуже того, эти бандиты имели большие связи на местах. Умело конспирируясь, они составили широкую сеть контрреволюционных элементов.

Как скорее обезвредить этих людей, руки которых обгажены кровью коммунистов, представителей Советской власти в станицах, селах и аулах, как лишить их возможности вести контрреволюционную работу среди малограмотных в политическом отношении, но честных людей труда, как выловить, арестовать главарей банд?

На совещании, где об этом шел серьезный разговор, высказывались самые различные предложения. При этом подчеркивалось, что политический бандитизм своими корнями уходит в те семейства зажиточных казаков, которые до сих пор не смирились с существованием Советской власти и поэтому всячески стараются насолить нам. Правда, контрреволюционные элементы уже боялись открыто вести работу, они действовали тайно, но это было еще опаснее. Все выступавшие указывали, что в своей деятельности по уничтожению банд мы должны опираться на местные партийные и советские органы Дона и Кубани, на честных граждан и тружеников.

Начальнику особого отдела Конармии Трушину было поручено как можно скорее войти в контакт с Дончека и совместно выявить главарей банд. Трушин сообщил, что связь с Дончека уже установлена и что вскоре должен приехать председатель Дончека Федор Михайлович Зявкин.

— Зявкин?.. Приедет — немедленно пригласите его ко мне, — сказал я Трушину.

Федора Михайловича Зявкина я хорошо знал. Он был председателем Темерницкого подпольного комитета большевиков и командиром вооруженного отряда рабо-

чих Главных железнодорожных мастерских, а потом начальником Ростовской красной гвардии. В гражданской войне еще ярче проявился талант Ф. М. Зявкина как организатора масс и пламенного агитатора. Назначенный в 1920 году председателем Донской и Терской ЧК, Зявкин беспощадно боролся с контрреволюцией. Во время суда над бандой Савинкова Федор Михайлович — председатель выездной сессии ревтрибунала — был ранен бандитами, пытавшимися сорвать суд. Чекисты отбили этот налет. За мужество и отвагу Ф. М. Зявкин был награжден орденом Красного Знамени. Ф. Э. Дзержинский лично вручил ему нагрудный знак почетного чекиста и именное оружие¹.

Действительно, Федор Михайлович не заставил ждать себя, и вместе с Трушиным прибыли как раз к обеду. Среднего роста, худощавый, он носил сапоги и гимнастерку, подпоясанную тонким кожаным кавказским поясом. У него были темные, очень живые и выразительные глаза, открытая улыбка, освещающая все его энергичное, подвижное лицо.

Мы с Федором Михайловичем обнялись, как старые друзья.

— Ну, рассказывай, что тут у вас в Ростове делается. — Я усадил гостя рядом с собой.

Федор Михайлович покрутил усы.

— Дела серьезные, и работа предстоит сложная. Дончека располагает сведениями, что в городе есть тайные склады оружия, сотни белых офицеров скрываются под чужими именами.

Я пригласил к столу штабистов, других работников, и Зявкин подробно рассказал нам о бандитизме на Дону и Кубани. Мы долго беседовали. А когда остались одни и настало время прощаться, Зявкин сказал вполголоса:

— Поскольку товарища Ворошилова нет, сообщаю вам одно секретнейшее дело, Семен Михайлович. Пока

---

¹ Недавно дочь Федора Михайловича Зявкина, Любовь Федоровна Маланова, показала мне уникальную вещь, принадлежавшую ее отцу, — звезду из чистого золота с платиновым серпом и молотом. «Ф. Зявкину от шахтрабочих Дона» выгравировано на ней. Эту звезду в знак особого уважения и любви к своему герою отлили специально для Ф. М. Зявкина шахтеры Дона в далекие боевые годы. — *Прим. авт.*

о нем будем знать лишь вы да я. Есть некто Ухтомский. Слышали о нем?

— Да, и не только слышал. Знаю, что он в прошлом князь, генерал царской армии. А что?

— Ухтомский изменил Советской власти и является руководителем крупной контрреволюционной организации на Северном Кавказе, так называемой «Второй повстанческой волны юга России».

Я опешил от такого сообщения: время тревожное и такой человек, как Ухтомский, мог многое натворить.

Зявкин сказал, что вначале сомневался, враг ли Ухтомский, но после одного случая все сомнения рассеялись.

— А что это за случай? — спросил я.

— Один из сотрудников Дончека пробрался в окружение Ухтомского и скопировал некоторые документы. Они у нас, эти документы, могу вам их показать...

От Зявкина я узнал, что контрреволюционную организацию возглавляли трое: бывший царский и деникинский генерал-лейтенант князь К. Э. Ухтомский, бывший протоиерей, профессор церковного права и настоятель Ростовского кафедрального собора П. В. Верховский, бывший офицер царской и белой армии Д. И. Беленьков. Разработан план контрреволюционного восстания в Ростове, захвата власти, изоляции и уничтожения партийно-советского актива. Заведен алфавитный учет с указанием адресов известных коммунистов.

— Как видите, дело серьезное, — заключил свой рассказ Зявкин.

— Когда намечено выступление?

— В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое июня. Необходимо срочно принимать меры. У нас очень мало времени.

— Ухтомского надо арестовать?

Зявкин попросил подождать еще два-три дня, чтобы чекисты успели выяснить как можно больше сообщников Ухтомского из числа бывших белых офицеров.

— Хорошо, — согласился я, — только как бы нам не упустить главаря.

Зявкин заверил, что примет все меры, и попросил выделить ему в помощь людей из особого отдела 1-й Конной.

Я вызвал Трушина и отдал ему необходимые распоряжения.

Поздно вечером, когда я собрался уходить на квартиру, дежурный по штабу доложил:

— К вам прибыл товарищ Зявкин.

Федор Михайлович был чем-то встревожен, это я сразу заметил по его лицу. И не ошибся — Зявкин сообщил, что Ухтомский и его подручный, бывший полковник царской армии Назаров, по сведениям разведки, завтра хотят встретиться.

— Речь, по-видимому, будет идти о мятеже. Да, наверняка о мятеже.

Далее Зявкин доложил, что часть законспирированных белых офицеров получила оружие и приведена в боевую готовность.

— Да, обстановка осложняется, — сказал я. — Надо принимать срочные меры.

Обсудив все детали, приняли решение арестовать Ухтомского (командующего округом К. Е. Ворошилова и члена РВС А. С. Бубнова в Ростове не было, и все вопросы пришлось решать мне одному).

— Возьму с собой двух-трех человек и арестую его прямо на квартире, — сказал Трушин.

Я не был уверен, что все пройдет гладко, и боялся рисковать. Кто знает, как обернется дело — еще скроется Ухтомский. И твердо сказал:

— Если идти, то — мне. Не станет же он сразу стрелять?!

Со мной согласились все присутствовавшие. Утром поехали втроем: я, Трушин и Зявкин.

Приехали. Нас встретил высокий, подтянутый, очень стройный человек лет пятидесяти, хорошо вышколенный и знающий себе цену.

— Чем могу быть полезен? — с улыбкой спросил Ухтомский.

— По делу к вам, — сказал я уклончиво.

Некоторое время мирно беседовали. Потом я моргнул Трушину: мол, пора.

— Вы арестованы, господин Ухтомский! — громко сказал Трушин.

Ухтомский вздрогнул, чуть привстал со стула, но тут

же сел. Лицо его вмиг сделалось белым как полотно. Он кашлянул, достал из кармана платок и вытер влажный лоб.

— Тут какое-то недоразумение, — сказал он, но сказал как-то неуверенно, растерянно, глядя то на меня, то на Зявкина.

— Не надо таких слов, господин генерал, — спокойно сказал Федор Михайлович. — Донской Чека давно все о вас известно. Карта ваша бита, я лишь хочу дать один совет: не прикидывайтесь невинным ягненком...

Я добавил, что от действий Ухтомского и помощи в аресте всех заговорщиков зависит его дальнейшая судьба.

В тот же день был арестован и Назаров. Когда его ввели в мой кабинет, он отрывисто бросил:

— Можете меня расстрелять!

Я усмехнулся.

— Зачем же так сразу?.. Мы еще съездим к повстанцам, поговорим с теми, кто заблуждается и кого вы с Ухтомским обманули. А потом суд решит, как с вами поступить...

Мы предложили Ухтомскому и Назарову написать обращение к повстанцам. В нем указать, что надо обойтись без кровопролития и все спорные вопросы решить мирно, например, на съезде, который следует созвать немедленно.

Под обращением поставили три подписи: Ухтомский, Назаров, Буденный. А место для съезда определили в станице Елизаветинской, недалеко от Ростова.

Ухтомского и Назарова пришлось пока держать под арестом. Мы думали о том, как лучше провести операцию. Мне не хотелось втягивать в это дело секретаря Темерницкого райкома РКП(б) Ростова-на-Дону Ивана Антоновича Дорошева, но без него мы так и не смогли обойтись.

Я хорошо знал семью большевиков Дорошевых. Старый революционер Антон Евграфович Дорошев и его сыновья — Ипполит Антонович, Александр Антонович и Иван Антонович — широко известны на Дону. Все они являлись активными участниками Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, много сделали в период установления и укрепления Советской власти на Дону и Северном Кавказе.

Самый младший из сыновей А. Е. Дорошева — Иван Антонович — начал свою революционную и партийную деятельность в 1919 году. Сражался в рядах Красной Армии. После гражданской войны заведовал отделом Донского обкома РКП(б), был секретарем Темерницкого райкома РКП(б). Сейчас Иван Антонович работает в Москве. На протяжении многих лет он ведет большую партийную, научную и педагогическую работу. Был ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС. В годы Великой Отечественной войны Иван Антонович удостоился Государственной премии 1-й степени за научную работу, связанную с мобилизацией ресурсов Урала на нужды обороны.

Итак, Дорошева мне пришлось пригласить. Поговорили о текущих делах. Потом я сказал:

— Есть для вас, Иван Антонович, одно важное поручение. Вы уже знаете, что мы арестовали Ухтомского и Назарова?

— Зявкин мне сказал.

— Теперь мы должны разоружить тех, кто готовился к мятежу. Нужно поехать в станицу Елизаветинскую к казакам и поговорить с ними по душам... Вас многие знают.

— Готов, Семен Михайлович, — согласился Дорошев.

— Тогда идите в соседнюю комнату и переодевайтесь в казачью форму. Там все приготовлено.

Вскоре Дорошев и с ним один человек из особого отдела уехали. С нетерпением я ждал вестей. На вторые сутки, где-то в половине дня, ко мне зашел Трушин и доложил, что Дорошев благополучно прибыл в Елизаветинскую.

— Вроде все идет хорошо. Но надо быть настороже, особенно вам, Семен Михайлович, — добавил Трушин.

— Пули меня не кусают, — отшутился я.

В назначенный день я, Трушин и Петр Зеленский отправились в Елизаветинскую. Несколько раньше нас к заранее условленному месту встречи вышел эскадрон ЧК, который послал Зявкин. Но когда мы прибыли в назначенный пункт, чекистов там не оказалось: как выяснилось потом, они заблудились в степи. Ждать их не стали, поехали без них. Приехали, а в станице не 60 делегатов, как ожидалось, а тысяч семь казаков, казачек,

стариков и детей: с делегатами явились их семьи, соседи, друзья и знакомые — предстоящий съезд вызвал огромный интерес. Положение пиковое... Ну, думаю, надо занять поудобней позиции. На мне и двух моих спутниках плащи, под плащами — гранаты и револьверы.

Ко мне подошел Дорошев.

— Пока все смирно, — доложил он.

Смотрю — невдалеке курган. Махнув казакам, сказал:

— Я въеду на машине на курган, а вы собирайтесь вокруг.

Машину поставили на самой вершине кургана.

Казаки все прибывали, а я стоял на кургане, смотрел на людское море и думал, с чего начать речь. «А что, если сообщу о своем разговоре с Лениным? Да, только с этого и надо начинать».

Мне не раз приходилось быть свидетелем того, с каким интересом казаки воспринимали любую весть о вожде пролетарской революции, с каким неподдельным чувством уважения они вслушивались в каждое слово об этом человеке. Даже те из станичников, которые по своей политической безграмотности оказались в стане наших врагов, прозревали, узнав о том, что сам Ленин призывает казаков верой и правдой служить Советской власти.

Трушин подошел ко мне.

— Можно начинать, товарищ командарм.

Толпа глухо шумела. Но когда я поднял руку, все притихли.

— Братья казаки! — начал я, но почувствовал, что если буду громко говорить, то сорву голос. И уже тише повторил: — Братья казаки! Я к вам от товарища Ленина!..

Словно ветер пронесся по полю. Казаки сгрудились плотнее.

Я продолжал:

— Наша Конная армия уже на подходе к Ростову. Мы прибыли сюда по распоряжению Владимира Ильича, который приказал ни одной капли трудовой крови не проливать... Но среди вас, братья казаки, оказались предатели интересов трудового казачества...

Я сказал далее, что военные руководители намечавшегося восстания арестованы. Кто они? Князь и вранге-

лёвёй. Казаки обмануты людьми, с которыми не имеют ничего общего...

— Контрреволюционеры хотят задушить республику, — продолжал я. — Вы поддались на их провокации и, вместо того чтобы крепить вашу, народную власть, выступаете против нее, против государства, которое еще молодо, ведете экономическую борьбу, умножаете разруху, взваливаете на Советскую власть те грехи, в которых повинны сами...

Трушин подал мне инструкцию, которой агенты генерала Ухтомского снабдили повстанцев, и я прочел ее. Люди узнали правду о том, как враги Советской власти на Дону стремятся во всем вредить нам: отравляют продукты, тормозят на транспорте работу, срывают графики движения поездов, провоцируют забастовки и т. д.

— И все это, братья казаки, делается во вред всем вам, — вновь заговорил я. — Князь Ухтомский и его сподручные травят Советскую власть. Думаете, они заботятся о вас? Нет, товарищи! Князь да денкинские агенты из числа бывших помещиков не хотят, чтобы вы, простые казаки, жили в радости и достатке. Они обманывают вас. Только партия большевиков, только Советская власть способны дать все необходимое. Так разве вы можете идти с оружием против родной нам Советской власти?!

Реакция на мою речь была самой неожиданной. Послышался плач. Он усиливался, переходил в рыдания. Рыдали женщины, утирали слезы мужчины, ничего не понимая, ревели дети. Шум стоял невообразимый.

Не знаю, что послужило причиной слез. То ли душевное облегчение, какое испытывает человек, долго носивший в себе какую-то вину и наконец признавшийся в ней, то ли потому, что руки казаков истосковались по труду, по земле, то ли сознание, что можно начать жизнь сначала, прощенными, ничего и ни от кого не скрывая.

Когда все успокоилось, я предложил избрать председателя съезда.

— Буденного! — кричат. — Буденного!

— Нужен, — говорю, — секретарь.

— А вон рядом с тобой сидит, небось грамотный?

И Трушин стал секретарем.

Необычный съезд принял такую резолюцию: 1) каждый из участников «Второй повстанческой волны» рас-

писывается в списках против своей фамилии и получает справку о роспуске организации; 2) повстанцы должны сдать все имеющееся у них оружие.

Второй пункт резолюции был выполнен необычайно точно и быстро: казаки сдали не только хранившееся у них оружие, но и подобрали на полях и передали советским властям все оставшиеся от боев патроны и даже пустые цинковые коробки.

Так окончилась «Вторая повстанческая волна юга России».

Что же касается Ухтомского и его сообщников, то их судил Верховный трибунал под председательством Ульриха. На скамье подсудимых сидели бывший князь Ухтомский, бывшие белые офицеры Назаров и Беленьков и бывший настоятель кафедрального собора в Ростове-на-Дону Верховский.

На процессе вскрылись такие факты.

Князь Ухтомский, окончивший академию генерального штаба в 1897-м, участвовал в русско-японской войне. В первую мировую войну был на фронте. С 1916 по 1919 год находился на излечении в Киеве, а перед оккупацией города немцами Ухтомского перевели в Ростов-на-Дону. Он лежал в 14-м военном госпитале. В начале 1920 г. Красная Армия освободила Ростов-на-Дону от белогвардейских войск. Администрация госпиталя скрыла настоящую его фамилию и социальное положение и, таким образом, бывший князь и генерал-лейтенант белой армии Ухтомский остался незамеченным представителями Красной Армии, проверявшими после занятия Ростова состав больных из числа белых солдат и офицеров. Вылечившись, Ухтомский перешел на нелегальное положение. Он подчинил себе банду полковника царской армии Назарова в две тысячи человек, а самого Назарова назначил командующим «Южной группой войск». Потом установил связь с другими офицерами, одни из которых были на легальном, а другие на нелегальном положении, а также связался с настоятелем кафедрального собора в Ростове-на-Дону Верховским. Через бывшего офицера Черепова, руководившего офицерами-нелегалами, а также князя Долгорукова, который пристроился к церковнослужителям и ведал их денежными средствами, и с помощью бывшего полковника фон Фогеля Ухтомский систематически получал и посылал информацию бело-

гвардейцам о политическом, военном и экономическом положении краев и областей, которые охватывал Северо-Кавказский фронт, а потом военный округ.

Ухтомского информировали, что в Донской области белыми оставлены для подпольной работы 212 офицеров, что в прилегающих к Ростову станицах имеются значительные контрреволюционные партизанские отряды, что подпольная военная организация белых собирает силы для восстания, направленного к свержению Советской власти на Дону и Кубани. На одном из совещаний белых офицеров ему было предложено возглавить местное восстание. Контрреволюционная организация, между прочим, имела в своем составе особую группу, производившую учет членов РКП(б) и беспартийных ответственных советских работников, с тем чтобы при перевороте ликвидировать их. Списки этих работников были известны и Ухтомскому.

В мае 1921 года на Дону возникли банды Лапутина-Назарова и Говорухина. Лапутин-Назаров имел свидание с Ухтомским, организация которого к этому периоду получила название «Армия спасения России». Было решено, что Лапутин-Назаров целиком подчинится Ухтомскому.

23 июня 1921 года Ухтомский подписал приказ о формировании частей «Армии спасения России», о порядке выступления отрядов.

Деятельным членом этой контрреволюционной организации являлся и подсудимый Беленьков, связанный с самим Ухтомским. В портфеле Беленькова было обнаружено значительное количество бланков различных учреждений с печатями. Впоследствии выяснилось, что эти бланки служили для снабжения фиктивными документами скрывавшихся на Дону белых офицеров и представителей буржуазии. Беленьков являлся представителем информационного отдела белой контрразведки и был оставлен в Ростове для подпольной работы. Он имел агентов во многих советских военных учреждениях, получал копии секретной переписки Кавказского фронта. При активнейшем участии Беленькова в Ростове была организована материальная помощь скрывавшимся офицерам и другим контрреволюционным элементам, в том числе тринадцати священникам во главе с епископом Филиппом, арестованным за враждебную деятельность.

Контрреволюционная организация, к которой принадлежали подсудимые, учитывала свое идейное родство с духовенством и стремилась использовать его влияние на отсталые элементы казачества против Советской власти. Ярким представителем контрреволюционного духовенства являлся третий обвиняемый по этому делу — настоятель Ростовского кафедрального собора Верховский, профессор церковного права при Варшавском, а впоследствии при Донском университете, красноречивый проповедник, пользовавшийся популярностью в религиозных кругах.

Деятели «Армии спасения России» в мечтах своих видели свержение Советской власти на Дону и уже заблаговременно наметили кандидатуру Верховского для служения молебна на Соборной площади после переворота. Верховский в беседах с Ухтомским доказывал, что «дальнейшее народное движение в России возможно при деятельном участии духовенства», и высказывал пожелание, «чтобы всякое воздействие на народ политических организаций производилось с помощью духовенства и на почве православия и национализма». Деятельность Верховского в организации главным образом сводилась к материальной помощи контрреволюционерам, гнездившимся в Ростове. По его инициативе при соборе, настоятелем которого он состоял, была устроена столовая «для притча и служащих» — столовая, в которой кормились тридцать белых офицеров. Верховский предназначал часть тарелочного сбора для оказания помощи тем же контрреволюционным элементам. Им была отпущена из собора парча для изготовления знамени организации.

Подсудимые, однако, отрицали свое фактическое участие в контрреволюционной организации, стремившейся свергнуть Советскую власть на Дону и Кубани.

Ухтомский признавал себя виновным только в том, что за несколько дней до ареста, по настоянию своих друзей и по слабоволюю, подписал приказ о формировании «Армии спасения России» — формировании, которого, по словам обвиняемого, фактически не было.

Беленьков отрицал принадлежность к контрреволюционной организации, возглавлявшейся Ухтомским, и признавал себя виновным только в предъявлении при аресте подложных документов и в оказании помощи

упомянутой выше группе контрреволюционных священников, находившихся под арестом.

Верховский тоже отрицал свою принадлежность к контрреволюции, утверждая, что узнал о самом существовании этой организации за несколько дней до ареста, и признавал себя виновным только в «недоносительстве».

Рассказывая свою биографию, Ухтомский особо подчеркнул, что он окончил академию генерального штаба и в царской армии занимал исключительно командные должности, до мировой войны командовал бригадой, участвовал в боях под Варшавой, был тяжело ранен и по этой причине выбыл из строя. Февральская революция застала его в Киеве, откуда он в 1919 году был эвакуирован генералом Драгомировым, его личным другом, в Ростов. В Ростове он встретил свою семью: жену и двух сыновей (впоследствии расстрелянных за контрреволюционную деятельность). Деяния, которые ему инкриминируются, по словам генерала, относятся к периоду после его выздоровления в Ростове. В каждом из своих ответов на многочисленные вопросы, задаваемые председательствующим Ульрихом и прокурором Васильевым, подсудимый старался представить контрреволюционную организацию, им возглавлявшуюся, как «бу-тафорию», как «беспредметные разговоры молодых людей и истеричек, одержимых какими-то надеждами». Эти молодые люди и истерички, уверял подсудимый, призывая трибунал верить его честному слову «не офицера, а человека», окружили его исключительным вниманием и лаской и стали доказывать, что именно он должен стать во главе «Армии спасения России», что именно ему выпала эта миссия. Ухтомский, по его словам, не придавал значения этим затеям, не думал, что они могут привести к серьезным последствиям. С другой стороны, он считал себя морально обязанным тем «дамам» и «друзьям», которые окружили его нежным вниманием в период его болезни, и поэтому не мог отказать их настойчивой просьбе стать вождем организации. Вот чем объясняется то обстоятельство, что он подписал приказ о формировании «Армии спасения России».

— Передо мной стояли на коленях женщины, и я подписал приказ, — заявил Ухтомский и прибавил: — Пусть это не покажется рисовкой.

Свою связь с Назаровым подсудимый объяснил таким

же «мирным» образом. Когда он узнал, что Лапутин-Назаров готовит налет на Ростов, то якобы испугался предстоящих кровавых событий, грозящих арестами и разрушением его личного семейного благополучия. Он собирался уехать и увезти семью в Румынию, а события могли помешать этому. Связавшись с Назаровым и «бутафорски» подчинив его себе, он надеялся таким путем отдалить выступление и благополучно вывезти семью за границу.

Назначение, которое он дал Назарову, Ухтомский назвал «клоунской погрешкой». Князь отрицал, что подсудимый Беленьков, организовавший на Дону широкую сеть шпионов, информировал его как руководителя «Армии спасения России». Если он и расспрашивал Беленькова о положении дел в пограничной полосе, то эти сведения интересовали Ухтомского исключительно с точки зрения переселения за границу. Не смущали его и вопросы трибунала о том, зачем «бутафорская организация» разрабатывала план взятия Ростова, создавала особую группу, ведущую учет коммунистов и ответственных советских работников. Ухтомский уверял, что никакого плана взятия Ростова не было — было лишь «расписание постов», а список коммунистов и ответственных работников Ухтомский вел на свой страх и риск. Чувствуя неубедительность своих объяснений, явное противоречие их с обильным следственным материалом, Ухтомский прибавлял к своим объяснениям: «Мне будет очень тяжело, если вы подумаете, что я виляю»¹.

Заговорщики были разоблачены и понесли суровое наказание.

2

В первой половине июня дивизии Конармии достигли назначенных для них районов. Так, 6-я Чонгарская дивизия расположилась в станице Брюховецкой, 4-я кавдивизия и ее штаб — в станице Лабинской, 1-я кавбригада — в станице Ярославской, 2-я кавбригада — в станицах Курганной и Михайловской, 3-я — в станице Вознесенской. В Краснодаре находились штаб и части 22-й стрелковой дивизии (начдив И. Шарков).

---

¹ Газета «Советский юг», 4 января 1923 г.

Лето 1921 года и для Северного Кавказа было неблагоприятным, и наши надежды на широкие степные просторы, богатые сенокосными угодьями, не оправдались. Засуха, свирепствовавшая в Поволжье, захватила и Северный Кавказ. С весны не выпало ни единого дождя. С Каспийского моря непрерывно дул знойный ветер. Он сжигал всю растительность, выдувал почву, поднимал в воздух тучи пыли.

Угроза голода надвигалась и на Северный Кавказ. Население охватывала тревога. Положение усугублялось тем, что в районы Дона, Кубани, Ставрополя хлынули тысячи голодающих Поволжья, рассчитывая достать здесь хотя бы кусок хлеба, избежать голодной смерти. На местные органы Советской власти ложилась забота о размещении прибывших, особенно детей, приходилось изыскивать для них из каких-то фондов продовольствие, одежду, обеспечивать медицинским обслуживанием.

От благородного дела спасения голодающих не могла стоять в стороне и 1-я Конная. Ее бойцы и командиры от своих скудных по тому времени пайков делали отчисления в пользу голодающих, брали на иждивение детей. Только одна 14-я кавдивизия содержала 350 детей. Политработники 1-й Конной выступали на предприятиях с докладами о положении в стране, о борьбе с голодом. Я с таким докладом выступил на заводе «Аксай». Рабочие вынесли решение отчислить в фонд помощи голодающим четверть недельного заработка, а в дальнейшем, в течение всего года, ежемесячно отчислять в этот фонд однодневный заработок. Для спасения конского состава Конной армии от гибели здесь, как и на Украине, пришлось прибегнуть к крайним мерам: раскрывать крестьянские сараи, снимать с них солому, подчас полугнилую, делать из нее мелкую сечку, парить горячей водой и кормить лошадей.

Тяжелая обстановка была на руку контрреволюционным элементам. Приходилось считаться с возможностью усиления бандитизма. Требовалось принять самые решительные меры, чтобы не допустить этого.

Еще в сентябре 1920 года Владимир Ильич в телеграмме члену Реввоенсовета Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе писал:

«Быстрейшая и полная ликвидация всех банд и остатков белогвардейщины на Кавказе и Кубани — дело

абсолютной общегосударственной важности»¹. Он требовал осведомлять его чаще и точнее, что предпринимается для ликвидации бандитизма.

Тем бóльшая ответственность ложилась на нас теперь. Борьба с бандитизмом, наведение твердого порядка, обеспечение безопасности граждан, охрана их мирного труда становились важнейшим и неотложным делом как воинов Красной Армии, так и местных партийных и советских органов.

Для согласования действий военных и гражданских властей Реввоенсовет округа создал краевое совещание по борьбе с бандитизмом при штабе округа под председательством командующего или его заместителя. По этому же принципу были созданы совещания в областях и районах.

Краевое военное совещание разработало положение и инструкцию по борьбе с бандитизмом. В этих исключительно важных документах, сыгравших свою роль, были, например, такие пункты: если бандит явится добровольно и сдаст Советской власти оружие, он восстанавливается в правах гражданства. Его возьмут на особый учет, вручат удостоверение по определенной форме и отдадут родственникам на поруки. Если же он снова уйдет в банду или будет держать с ней связь, имущество родственников или семьи бандита будет полностью конфисковано. Всем трудовым казакам и крестьянам, которых вовлекли в бандитские отряды обманным путем, объявлялась амнистия.

Она распространялась и на тех главарей банд, кто сдается со своим отрядом, оружием и имуществом. Все сдавшиеся должны были зарегистрироваться в ближайшем военкомате и там получить документы на право жительства в пределах Советской Республики и особые охранные листы для ограждения их от ареста после добровольной сдачи.

Указывался определенный срок добровольной явки — 1 сентября 1921 года. Бандиты предупреждались, что по истечении этого срока к оставшимся в отрядах будут применяться суровые репрессии. Их хозяйства — скот, постройки, земля — будут конфискованы и переданы переселенцам.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 277.

Все эти меры сыграли свою роль. Многие бандиты явились с повинной и с оружием, давали сведения о численном составе бандитских отрядов, о районах их действий, сообщали фамилии главарей. По донесению начальника оперативного управления Северо-Кавказского военного округа в штаб РККА, число бандитов за месяц уменьшилось на 3005 человек. Однако большинство банд, возглавляемых бывшими царскими генералами и офицерами, продолжало свою подлую деятельность и после амнистии.

Так, в ночь на 4 сентября 1921 года одна из банд численностью в 100 сабель произвела налет на пассажирский поезд у одного из разъездов на линии Кисловодск — Ессентуки. Для ликвидации банды командование 16-й кавдивизии выделило три отряда: один — из дивизионной школы, два — от 48-й кавбригады. Одним из отрядов командовал сам комбриг Орлов. Отряд дившколы должен был преследовать противника, отряды кавбригады — отрезать бандам путь отхода. Бандиты ночью сумели оторваться от преследователей, но в районе аула Кумсколовский наскочили на отряд Орлова. В отряде было всего 50 сабель и пулемет. Завязался бой. Возможно, он не окончился бы столь трагически, несмотря на численное превосходство врага. Но в это время в тылу нашего отряда появилась новая банда. Красных бойцов окружили, и они вырывались мелкими группами, отходили по горным тропинкам, ущельям. Одна группа во главе с Орловым в ожесточенном бою почти вся погибла. Погиб и сам Орлов.

Бандиты не могли не видеть, что время работает на Советскую власть, трудовое население все более убеждается в правильности ее лозунгов, приветствует новые законы и все решительнее рвет с контрреволюцией. И тогда главари некоторых бандитских отрядов решили перейти в открытое наступление. Это был жест отчаяния. Главари банд, видимо, рассчитывали на помощь извне, верили обещаниям Врангеля, лазутчики которого проникали сюда.

Так возникла Кубанская повстанческая армия во главе с генералом Пржевальским (он же Марченко, Афроимов).

Мы узнали об этом. 30 августа по войскам Северо-Кавказского военного округа был отдан приказ за

№ 16/оп. В этом приказе предлагалось перейти к беспощадному истреблению и искоренению бандитизма во всех его проявлениях. Воинские части выделяли так называемые «летучие» отряды в составе не более ста человек в каждом, верховых или на подводах, с испытанным и энергичным командным и комиссарским составом. Ближайшая задача отрядов: 1) окружить банды с запада, юга и востока и уничтожить на месте; 2) предупредить нападение банд на Краснодар и предотвратить возможность прорыва их из кольца на юг через Кубань, в леса Краснодарского и Майкопского отделов.

Красные части приступили к выполнению возложенных на них задач. Противник оказывал сильное противодействие. 20 сентября батальон 195-го полка у станции Динской завязал бой с бандой численностью до тысячи сабель и штыков при шести — восьми пулеметах. Под давлением превосходящих сил противника батальон понес значительные потери и отошел к разъезду Дорис, что в 12 верстах северо-восточнее Краснодара по железной дороге Краснодар — Тихорецкая. В районе Динской сосредоточивались и другие части. Но они находились в движении и принять участие в бое с бандитами не смогли.

Противник занял станцию, пополнил свои ряды как насильно мобилизованными, так и за счет добровольцев из окрестных станиц, враждебно настроенных к Советской власти.

Реввоенсовет округа принял решение как можно быстрее покончить с Кубанской повстанческой армией. Общее руководство боевыми действиями поручили мне.

19 сентября я выехал в Краснодар. Меня сопровождали начальник политического управления округа О. У. Сааков, Г. А. Трушин и П. П. Зеленский.

20 сентября я получил приказ за № 1590/оп. В нем говорилось, что в целях лучшей согласованности действий наших частей для полного уничтожения банд РВС СКВО приказывает члену РВС СКВО и командарму 1-й Конной т. Буденному вступить в командование всеми войсками, расположенными на Кубани и Черноморье.

Еще до нашего приезда в Краснодар командир 22-й стрелковой дивизии И. Шарсков предпринял меры к обеспечению боевой готовности гарнизона Краснодара. К Динской подходила 3-я кавбригада нашей 6-й Чон-

гарской дивизии, переданная в оперативное подчинение командиру 22-й стрелковой дивизии. О том, что Динская занята противником, командир бригады П. Л. Рудчук не знал. В 13 часов походная застава кавбригады внезапно подверглась обстрелу ружейным и пулеметным огнем, после чего бандиты перешли в атаку.

Бригада вступила в бой. Он длился около трех часов. Превосходство в силах было на стороне врага, и части кавбригады отошли в станицу Старо-Мышастовскую. Рудчук запросил штаб дивизии, почему в Динской вместо наших частей оказался противник. Начальник штаба дивизии ответил, что находившийся в Динской наш батальон разбит противником и небольшие остатки его отходят на разъезд Дорис, куда выехал Буденный.

В это время я действительно на бронепоезде направлялся туда, чтобы взять на себя непосредственное руководство боем. Однако подъехать к Динской не удалось: железнодорожный путь был загроможден потерпевшим крушение товарным поездом. Там же мы встретили группу красноармейцев из разгромленного противником стрелкового батальона. Они рассказали, что батальон почти целиком погиб и что белых очень много.

Пришлось вернуться в Краснодар. Встретились с секретарем Краснодарского обкома тов. Эпштейном и членом кубанского военного совещания по борьбе с бандитизмом, председателем Краснодарского областного исполнительного комитета тов. Полуяном. Начдив 22-й доложил нам, что, по данным разведки, части Кубанской армии намереваются уйти в старые места — предгорья Кавказского хребта. В 18 часов 21 сентября они начали переправляться на южный берег Кубани в районе станицы Воронежской и сосредоточиваться у переправ реки Белой.

Чтобы не дать противнику возможности переправиться через Белую, я приказал начдиву срочно занять частями дивизии все переправы и броды по западному берегу реки, начиная от ее устья и до станицы Белореченской включительно, а 3-й кавбригаде — форсированным маршем перейти в станицу Васюринскую, где переправиться на южный берег Кубани и сосредоточиться в районе Адамия, ведя усиленную разведку в направлении села Белое.

И начдив и командир кавбригады умело выполнили

приказание. Противник оказался в тупике: с севера — Кубань и Тшитское водохранилище, с запада — река Белая, с востока — река Лаба. Оставалось закрыть тупик с юга и окончательно разгромить пресловутую Кубанскую белогвардейскую армию. Закрыть тупик могла быстрее всех 2-я кавбригада нашей 4-й кавдивизии, расположенная в станице Курганной, хотя для этого ей пришлось бы сделать переход в 75 километров.

Но связи ни с бригадой, ни со штабом 4-й кавдивизии не было. Единственная возможность передать приказ — сбросить пакет с самолета. Однако, как назло, погода была нелетная. К тому же находившиеся у нас двухместные английские «хэвиленды», как говорили тогда, держались на «веревочках».

Еще не выветрился из памяти случай, который произошел в апреле 1921 года на полевом аэродроме в районе Екатеринослава. Подниматься в воздух я тогда собирался впервые и особого удовольствия не испытывал. Однако надо же было когда-то принять воздушное крещение. Когда самолет был готов, вместе с начальником штаба армии и адъютантом я выехал на аэродром.

Самолет стоял с заведенным мотором. Около него — группа летчиков, в том числе и командир отряда Ингаунис и его начальник штаба. Командир отряда доложил, что самолет к полету готов. Зеленский не знал, для кого подготовлена машина, и, когда увидел, что собираюсь лететь я, стал категорически возражать. Пришлось заметить ему, чтобы он не вмешивался не в свои дела. Тогда он заявил, что мотор самолета неисправен, работает с перебоями и что надо сначала опробовать его в воздухе. Зеленский вообще не имел никакого понятия о моторах и старался лишь выиграть время. Я уже хотел было садиться в самолет, но командир отряда, обращаясь ко мне, сказал, что, раз сделано такое заявление, надо все проверить. Летчик поднял машину в воздух, сделал несколько виражей и... разбился. Мотор действительно от- казал.

И вот теперь вызвался лететь Зеленский. Я долго не давал согласия, мы как будто поменялись ролями. Хоть бы самолет был другого типа и погода летная, а то ведь тот же. Однако Зеленского я вынужден был все же послать.

В приказе начдиву 4-й предписывалось самым спеш-

ным образом сосредоточить 2-ю кавбригаду Е. И. Горячева в селе Белом и уничтожить находившиеся в районе Николаевка, Преображенская белогвардейские части. Движение совершать с мерами походного охранения и крупными разведывательными отрядами с пулеметами на тачанках. О принятых мерах доложить мне в штаб 22-й стрелковой дивизии в Краснодар, используя все возможные средства связи.

Рано утром 22 сентября мы выехали на краснодарский аэродром. Самолет готов к полету. Пилотировать его назначен летчик Иванов. Командир авиационного отряда, фамилию которого не помню, доложил, что для полета в станицу Курганную и обратно в Краснодар потребуется не больше часа. Видимость хорошая, но полету мешает сильный порывистый ветер. Зеленский сел в самолет, прикрепился ремнем к сиденью. Я стоял неподалеку и никак не мог справиться с охватившим меня волнением. С нетерпением ожидал взлета. Когда наконец самолет поднялся в воздух и лег на заданный курс, я облегченно вздохнул. Но стоял и смотрел в небо до тех пор, пока самолет не скрылся.

После завтрака мы вновь собрались в штабе дивизии. На станции Пластуновской стоял бронепоезд № 82, который командующий СКВО К. Е. Ворошилов направил туда из Торговой. Мы решили сегодня же перебросить его на участок станицы Воронежской, где противник мог переправиться на южный берег Кубани. Прикрыть бронепоездом эти переправы было необходимо на тот случай, если бы перехваченный кавбригадой в районе села Белое противник попытался уйти не на юг, а на восток.

Прошел час. Самолету время возвратиться. Однако доклад об этом не поступал. Я начал тревожиться. Остаться в штабе уже не мог, вызвал машину и вновь поехал на аэродром. Командир авиаотряда доложил, что пока нет оснований беспокоиться. Самолет с открытой кабиной. Очень легкий. Его сносит с курса. Командир авиаотряда был прав. Через некоторое время в небе показалась черная точка, послышался шум мотора. Я невольно улыбнулся: самолет летел так, словно его качали морские волны, а когда подлетел к аэродрому, никак не мог совершить посадку. Только сбавит скорость, его относит в сторону. Так продолжалось несколько раз. Наконец самолет сел. Вышел Зеленский и доложил, что задание

выполнено. Прежде чем сбросить приказ, как было условлено, самолет снизился и сделал круг над станицей.

Дальнейшие события разворачивались очень быстро.

Противник ночью 22 сентября двинулся из станицы Преображенской на село Белое, чтобы переправиться здесь через реку и уйти в горы. Как потом выяснилось, выход сюда кавбригады не был известен противнику. Около 23 часов 22 сентября колонна бандитов подошла к селу. Наши бойцы встретили ее сильным огнем пулеметных тачанок. Банда потеряла свыше двухсот человек убитыми, 110 человек было взято в плен. В числе убитых — начальник штаба армии полковник Алексеев. Генералу Пржевальскому с личной охраной удалось бежать.

После разгрома под Белой остатки повстанческой армии начали разлагаться. Казаки расходились по домам. Генерал Пржевальский с конвойной сотней ушел на побережье Черного моря, видимо отказавшись от идеи «автономной Кубани». Впоследствии разошлась по домам и конвойная сотня, а сам генерал с немногими приверженцами, в том числе сотниками Захарченко и Лукьяненко (он же генерал Степной), присоединился к банде Ющенко.

Разгром банды Пржевальского частями 1-й Конной повлиял на общее настроение казачества, которое совершенно потеряло веру в контрреволюционных вожakov и стало оставлять их. Участники шаек разбегались по станицам или сдавались на милость победителя. Но борьба с бандитизмом на этом еще не закончилась. После разгрома Кубанской повстанческой армии продолжалась ликвидация отдельных самостоятельно действовавших отрядов. Их насчитывалось около 60 общей численностью 940 штыков и 2350 сабель при 49 пулеметах.

Наиболее опасным среди организованных банд был отряд полковника Трубачева. Его преследовали части 1-й Конной. Операция приняла затяжной характер. Но после того как полковник Трубачев был убит, отряд распался на отдельные банды. Две из них — Турчина и князя Джентимирова — сдались.

С переходом 2-й кавдивизии в район Моздока начались операции против банды Сычева. Части дивизии изрядно потрепали банду и загнали ее в кизлярские буруны. Вскоре ввиду явной бесперспективности и неотврати-

мой угрозы истребления в банде началось брожение. В апреле Сычев и еще несколько главарей были убиты своими же.

В Ейском отделе наиболее крупной была операция против банды Дубины. Для ликвидации ее были выделены части 22-й дивизии, 3-й кавполк Особой кавбригады. Однако преследование банд войсковыми частями, оперативное окружение не давали положительных результатов. Разбиваясь на маленькие отрядики, пользуясь балками, находя приют у кулаков, бандиты ускользали. Ейское чрезвычайное военное совещание приняло ряд других мер. Местные партийные и советские органы усилили разъяснительную работу, чтобы расслоить население, приблизить к Советской власти все здоровые, трудовые элементы.

Определенную роль в этом сыграли и выездные сессии ревтрибунала округа. Ведь открытые заседания трибунала не только демонстрировали энергичную, твердую и решительную политику по отношению к бандитам и тем, кто им активно способствует. Они широко разъясняли населению голую, неприкрытую сущность бандитизма. Наглядно, неоспоримыми фактами показывали, о чьих интересах пекутся бандиты, и определенную часть населения, стоящую за Советскую власть, психологически вооружали против бандитизма. Кроме того, деятельность выездных сессий благотворно сказалась и на работе местных партийных, советских органов.

Немалую помощь в ликвидации бандитизма оказали части ГПУ и ЧОН. Они умело выслеживали бандитов и вели с ними борьбу как самостоятельно, так и совместно с войсковыми частями. Немало было среди них смелых бойцов, храбрых и умелых командиров. Один из них, Хуцистов Николай Петрович, особо отличился в боях с бандитами, за что и был награжден серебряными часами от Дончека и от ВЧК Юго-Востока России — золотыми часами.

Биография Хуцистова похожа на тысячи других. Родился в крестьянской семье в одном из сел Северо-Осетинской АССР. Молодым парнем включился в борьбу за Советскую власть на Северном Кавказе. Сначала был сотрудником особого отдела Терской чрезвычайной комиссии, а затем его назначили командиром кавалерийского эскадрона особого отдела ВЧК 10-й армии, а поз-

же — 8-й армии. Хуцистов зарекомендовал себя смелым командиром, которому дороги завоевания Октября. В 1921 году, когда Конармия пришла в Ростов, Хуцистов служил командиром кавалерийского эскадрона Дончека. Для выполнения ответственных заданий по ликвидации бандитизма кавэскадрон был переформирован в 6-й отдельный дивизион войск ВЧК. Позже дивизион под командованием Хуцистова был передан в распоряжение пограничных войск Украинского округа для охраны границы. После демобилизации Николай Петрович Хуцистов долгое время работал в административном отделе Донисполкома в Ростове-на-Дону. С 1942 года живет в Москве.

В ликвидации бандитизма большую помощь оказал нам отряд Логинова. О нем следует рассказать подробнее.

В. Г. Логинов — бывший шахтер Парамоновских шахт. Участвовал в боях за Новочеркасск и Ростов, когда там были белогвардейцы. Мне не раз приходилось встречаться с ним. Был Логинов с виду неказистый: невысокого роста, раскосый. Любил острую шутку и отличался исключительной храбростью. К моменту прихода Конармии на Северный Кавказ Логинов служил в 16-й кавалерийской дивизии в должности командира полка. Когда я узнал, что Логинов ушел в горы и, по существу, оказался в одном стане с бандитами, удивился и даже вначале не поверил.

«Как мог бывший шахтер пойти к бандитам? — размышлял я. — Нет, тут что-то другое».

Не раз пытался хоть как-нибудь связаться с Логиновым, даже в горы посылал своих людей, но тщетно — Логинова никто не видел, хотя разведка доносила, что он где-то в горах.

И вот однажды ко мне приехал военком Терской губернии А. Беленкович, который очень хорошо знал Логинова и в свое время дружил с ним. Поздоровались.

— Какие вести привез?

Беленкович молча достал из кармана письмо и протянул мне.

— Василий Логинов написал и просил передать вам.

— А где он сам? — спросил я, беря письмо.

— Там... — И Беленкович качнул головой в сторону гор.

— Понятно...

Письмо было коротким. Логинов убедительно просил, чтобы я встретился с ним. Утверждал, что никогда не был врагом Советской власти. И если сейчас, мол, оказался среди бандитов, то не по своей воле.

Спрашиваю Беленковича, как попало к нему письмо. Он ответил, что привез ординарец Логинова.

— Так... Ну, а что вы думаете по этому случаю?

— Я верю всему, что написал Логинов, — сказал Беленкович. — Просил бы вас назначить ему встречу. Находясь в горах, Логинов может помочь нам в уничтожении ярых врагов Советской власти.

— Да, пожалуй, вы правы.

Через несколько дней я встретился с Логиновым. Это было на горе Чилик-два, что находится среди скал, неподалеку от Теберды. Мы поехали на встречу втроем — я, Беленкович и мой ординарец Гуров. Логинов встретил меня у подножия горы. С ним было человек двадцать вооруженных людей.

Гуров невольно потянулся к оружию. Я это заметил и хотел было сказать, чтобы не вынимал наган, но меня опередил Беленкович:

— У нас с ним уговор — за оружие не братьяся.

Гуров глянул на меня, но я качнул головой, и он убрал руку.

Логинов подъехал ко мне верхом на лошади и представился:

— Василий Логинов, командир полка шестнадцатой кавдивизии!

Я усмехнулся:

— Были в дивизии, а сейчас числитесь в бандитах.

Логинов качнулся, как от удара, но быстро взял себя в руки и громко ответил:

— Был и есть красный командир!

Я спросил, зачем он хотел видеть меня.

Логинов кивнул на вершину горы.

— Поедемте, там и поговорим. — Помолчал с минуту, потом добавил: — Я верил, что вы, товарищ Буденный, не побоитесь сюда приехать.

— А чего бояться? Вы же сами говорите, что не бандит, а красный командир.

Поднимались долго, наконец взобрались на вершину.

Здесь стояли огромные стога сена. У одного из них остановились.

Логинов слез с коня.

— Тут мы и поговорим...

Логинов опустился на зеленую траву. Присел и я. К нам подошли Беленкович и Гуров.

— Так я слушаю вас, Логинов.

— Я ведь не бандит, товарищ Буденный, — заговорил он. — Мой полк тоже в свое время ходил в горы. Но тогда мне не повезло: куда ни пойдём, бандитов уже нет — то ли им кто доносил о нас, то ли разведка что-то путала. Словом, вернулся я с операции, доложил начальству, мол, так и так. А начальство не поверило: «Что-то от вас, Логинов, уходят бандиты. Странная штукавина». И даже кое-кто в штабе дивизии намекнул: а не связался ли я сам с бандитами. Слух пошел, будто я уже и не красный командир. А ночью как-то меня разбудил боец и сказал, что нас хотят арестовать. Я мигом собрал людей и — в горы...

Я верил Логинову и не верил. Долго молчал, потом сказал, что зря он старается выгородить себя. Даже если он не грабил и не убивал, Советская власть не может простить дезертирство. За это Логинов будет нести ответ по всей строгости революционного закона. Однако, добавил я, еще не мало банд скрывается в горах, и, если Логинов поможет их уничтожить, этим искупит свою вину.

— Я так и сделаю, товарищ Буденный, — горячо и искренне сказал Логинов. — Теперь только понял, какую большую ошибку совершил.

— Вы оставайтесь пока здесь, в горах, присматривайтесь к бандитам, а потом дайте знать, и мы совместными усилиями будем громить их, — сказал я Логинову.

Логинов выполнил обещание. За время с 5 по 8 ноября 1921 года с его помощью было уничтожено пять банд — есаулов Богрова и Сапрунова, подполковников Юдина и Кривоносова и сотника Рендскова. 22 декабря Логинов сам уничтожил банду Конарева и Овчинникова, а позже и весьма активную банду Кожевникова. Всего Логиновым было разбито до 15 мелких и крупных банд.

...В конце ноября 1921 года усталый и прозябший я вернулся из очередной командировки — ездил несколько дней по Северо-Кавказскому военному округу. Решил прямо с поезда идти на доклад к командующему округом К. Е. Ворошилову. Однако в штабе его не застал.

Поздно вечером неожиданно раздался телефонный звонок члена Реввоенсовета округа А. С. Бубнова. Он сообщил мне, что надо ехать в Нальчик, где открылся I Учредительный съезд Советов Кабардинской автономной области.

— На съезд, — сказал Бубнов, — приглашены командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, член ЦК РКП(б) и ВЦИК К. Е. Ворошилов, вы и я. Москва считает нашу поездку в Кабарду, — добавил он, — обязательной, и мы задержались, только ожидая вас.

Предстоящее посещение Нальчика привлекало меня возможностью провести в Кабарде работу по пресечению вылазок контрреволюции и встретиться на съезде с передовыми людьми мужественного кабардинского народа. В памяти у меня были еще свежи первые встречи с горцами в дни, когда Конармия добивала на Северном Кавказе деникинские войска. Хлебом и солью, с открытым сердцем встречали горцы бойцов Красной Армии. О них мне много рассказывал и Г. К. Орджоникидзе — человек большого сердца и светлого ума, великий поборник братского единства горских народов, вложивший много сил и труда в укрепление нерушимого союза трудящихся Кавказа с русскими рабочими и крестьянами.

Утром 26 ноября мы отправились в вагоне Реввоенсовета округа в Нальчик. Наш железнодорожный транспорт в то время еще находился в тяжелом состоянии. Некоторые участки железнодорожного полотна только восстанавливались, многие мосты ремонтировались, станции в большинстве своем были разрушены. Но главное — не хватало топлива, воды и квалифицированных паровозных бригад. Поэтому ехали мы медленно, подолгу стояли, особенно на разъездах. Дорога нас подвела, и на съезд мы запоздали. Однако эта неприятность была значительно сглажена теплой встречей с населением Нальчика и делегатами съезда.

К. Е. Ворошилов и я 28 ноября выступали на очередном заседании съезда. От имени Центрального Комитета Коммунистической партии и ВЦИК РСФСР Ворошилов

приветствовал делегатов и в их лице весь свободный кабардинский народ. Климент Ефремович отметил, что Великая Октябрьская социалистическая революция принесла всем народам, входившим в Российскую империю, не только социальное освобождение, но и национальное раскрепощение. Он остановился на политике Коммунистической партии в национальном вопросе и сказал, что эта политика обеспечивает великое единство всех народов Российской Федерации в борьбе за светлое будущее, за экономический и культурный прогресс трудящихся.

К. Е. Ворошилов рассказал делегатам съезда о трудностях, переживаемых тогда нашей страной после разрушительных первой мировой и гражданской войн, и указал на задачи, которые предстоит решить, чтобы преодолеть голод и разруху, восстановить и вновь построить фабрики и заводы, больницы и учебные заведения, наладить производство сельскохозяйственных продуктов. Он выразил уверенность в том, что I Учредительный съезд Кабардинской автономной области будет способствовать решению этих неотложных задач.

Затем слово предоставили мне. Я приветствовал делегатов съезда от имени Революционного Военного совета Северо-Кавказского военного округа. Заранее написанной речи у меня не было. Я разговаривал с делегатами съезда так, как часто говорил с конармейцами.

Существо моего разговора сводилось прежде всего к оценке нашей великой победы в Октябрьской революции и гражданской войне. Я говорил, что эта победа досталась нам ценою большой крови, за нее мы заплатили сотнями жизней наших лучших товарищей, что трудящиеся нашей страны победили под руководством Коммунистической партии и при поддержке международного рабочего движения. Однако, подчеркнул я, надо еще удержать завоеванную власть, так как мировая буржуазия вместе с выброшенными за пределы России русскими помещиками и капиталистами не согласилась с нашим строем, зорко следят за нами и всегда готовы к нападению.

Победив буржуазию политически и на военном фронте, мы должны победить и экономически, т. е. ликвидировать разруху и восстановить народное хозяйство. Если мы успешно решим эту злободневную задачу, сказал я делегатам съезда, то никакие враги нам не будут

страшны. В заключение своего выступления я призвал трудящихся области к бдительности, к борьбе против бандитизма и скрытой контрреволюции — агентов империализма, мешающих строить нам новую жизнь.

После окончания вечернего заседания съезда мы с К. Е. Ворошиловым и А. С. Бубновым в сопровождении большой группы делегатов отправились на отведенную нам квартиру. Проходя по центральной улице, я заметил, что она называется Воронцовой.

— Это не годится, — сказал я рядом шагавшему со мной Б. Э. Калмыкову¹. — Теперь на Кавказе нет царских наместников, каким был князь Воронцов. Кавказ принадлежит ныне народу, а город Нальчик — трудящимся. Вот и надо назвать эту улицу по-новому, например, Кабардинской.

Все одобрили мое предложение, а на следующий день, направляясь на очередное заседание съезда, мы заметили на многих домах свежевystруганные дощечки, на которых чернилами либо химическим карандашом было написано: «Ул. Кабардинская».

29 ноября около полуночи, когда К. Е. Ворошилов и А. С. Бубнов уже отдыхали, в дверь моей комнаты постучали. Вошел Б. Э. Калмыков. Он извинился за беспокойство и попросил уделить ему несколько минут.

— Днем, во время работы съезда, некогда было поговорить по душам, — смущенно сказал он и продолжал: — Посоветоваться надо, Семен Михайлович, вот и осмелился потревожить, заметив у вас огонек.

Калмыков опустил на предложенный мною стул и взволнованно проговорил:

— Дело-то какое начинаем! Шутка ли сказать: автономия Кабарды, своя государственность! Справимся ли мы, Семен Михайлович, как нужно?

— Да, Бетал Эдыкович, дело мы все начали большое. Смотрите, наш русский простой народ в союзе с угнетенными народами всего Российского государства совершил великую революцию и разгромил всех ее могущественных врагов. Разве можем мы сомневаться, что не сумеем управлять страной? Ленин верит в силы и способности рабочих и крестьян. Значит, и у нас не должно быть сомнений.

---

¹ Руководитель кабардино-балкарских большевиков. — *Прим. авт.*

— Сомнений, конечно, больших нет. Но все новое кадров мало, опыт отсутствует, — сказал Калмыков.

— Трудно будет поначалу — русские братья помогут, партия в беде не оставит. Люди-то у нас хорошие. Освобожденные от гнета национальных и иноземных эксплуататоров, они будут с энтузиазмом строить новую жизнь.

— О, народ у нас замечательный и Советской власти преданный.

Бетал Эдыкович начал рассказывать о борьбе кабардинцев и балкарцев против деникинцев, говорил долго и воодушевленно.

— Бедняки наши не просто ждали своих освободителей — бойцов Красной Армии. Они шли в повстанческие отряды и боролись против белогвардейцев. У нас нет условий для действий контрреволюционных банд.

Я вспомнил, как так же горячо, с искренней радостью весной 1920 года рассказывал мне об отношении горцев к Красной Армии и Советской власти Г. К. Орджоникидзе:

— Горцы с приближением частей Красной Армии повсеместно свергают белогвардейских правителей и ждут представителей центральной Советской власти. Я сообщил об этом В. И. Ленину, — говорил Григорий Константинович, — и знаю, что Ильич будет рад этим вестям.

Это я слышал от Орджоникидзе в конце марта 1920 года, проезжая через Ростов в Москву. Это же теперь я слышал от Бетала Калмыкова — выдающегося сына кабардинского народа. Он мне определенно нравился. Прежде всего нельзя было не заметить природного ума Калмыкова, его способности говорить просто и убежденно, ему нельзя было не верить. Калмыков свободно разбирался в сложных политических вопросах, прямо, большевистски говорил о недостатках, видел великие перспективы нашего роста и поэтому так горячо брался за строительство новой жизни. Позже я убедился, что Бетал Эдыкович не только достойно проявил себя как политический деятель, но и как прекрасный организатор, хороший хозяйственник, в общем, человек, обладающий разносторонними способностями и неутомимой энергией. Но что мне особенно понравилось — это безграничная любовь Калмыкова к своему народу, к простым людям, его страстное стремление посвятить всего себя без остат-

ка благородному делу борьбы за счастье трудящихся Кабарды.

В те ночные часы я узнал от Бетала об истории Кабарды, о кабардинском народе, его жизни и обычаях столько, сколько бы не почерпнул ни из одной книги. Наблюдая, как он, сильный, плотно сбитый, мягкими пружинящими шагами прохаживался по комнате, то вспыхивая от возмущения подлостью эксплуататоров, то бурно радуясь победам народа, я испытывал к нему чувство уважения и вместе с тем заражался желанием всеми путями содействовать трудящимся советской Кабарды в строительстве новой жизни.

Б. Э. Калмыков просил меня посоветовать ему, как практически претворить в жизнь ряд решений, принятых съездом Советов. Среди них, я помню, он пожелал выслушать мое мнение по территориальному вопросу о распределении земельных угодий, об укреплении местных органов власти и оказании материальной помощи населению, пострадавшему от войны. Говорили мы и о возможности воссоединения в единой автономной области кабардинцев и балкарцев и были едины в том, что это возможно только при проявлении желания к братскому союзу обоих народов. Для укрепления местных советских органов я советовал привлекать в них активных участников борьбы против белогвардейщины, особенно служивших в частях Красной Армии и партизанских отрядах.

Мы прощались с Калмыковым, как хорошие друзья. Я обещал интересующие его вопросы поставить на заседании Реввоенсовета округа. Утром такое заседание состоялось с участием Бетала Эдыковича. Наши советы, а затем практическая помощь Кабарде через ЦК партии, Совнарком РСФСР и ВЦИК были полезными. И после, когда Б. Э. Калмыков приезжал в Москву, он всегда заходил к нам, получая поддержку в различных вопросах строительства Кабардино-Балкарии.

30 ноября было последним днем работы съезда. Делегаты съезда избрали первый исполнительный комитет Кабардинской автономной области во главе с верным сыном кабардинского народа Б. Э. Калмыковым. В состав облисполкома были также избраны Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и я.

Бандитизм на Северном Кавказе явно шел на убыль, однако мы не могли еще доложить в Москву, что он ликвидирован полностью. Борьба с бандитами отвлекала много сил у Реввоенсовета округа, а также у местных партийных и советских организаций. Бандитизм мешал хозяйственному возрождению края. Продолжали поступать сведения, что бандиты держат связь с иностранными эмигрантскими кругами и в отрядах скрываются эмиссары Врангеля. Мы вынуждены были считаться с возможностью высадки вражеского десанта с моря. Тогда бандитизм вспыхнул бы с новой силой. Об этом 9 сентября 1921 года мы специально докладывали Главному.

Вероятней всего, десант мог высадиться в районе Анапа, Джобская. В связи с этим 22-й дивизии была поставлена задача удерживать (в случае невозможности сбросить десант в море) до подхода подкрепления Новороссийск и перевалы на путях к Краснодару с линии Анапа, Тенгинская и запретить при содействии курсантов перевал Гойтх.

Две дивизии 1-й Конной и Особую бригаду предполагалось сосредоточивать в районе Краснодар, Васюринская. При первом известии о высадке десанта в район Новотитаровской по железной дороге перебрасывались одна-две бригады 2-й Донской стрелковой дивизии.

Задача 1-й Конной в случае десанта — быстрым движением небольших (в соответствии с местными условиями) частей с пулеметами закупорить перевалы Тубинский, Белореченский, Марух, Клухорский, Нахарский, дабы не дать противнику выйти с побережья в Майкопский, Лабинский, Баталпашинский отделы.

Мы явно видели несомненную зависимость бандитского движения от общего положения Республики. Малейший неуспех Советской власти в масштабе страны, осложнение на ее границах — и деятельность контрреволюционеров оживлялась. Нам приходилось все время быть предельно настороженными, ни на секунду не ослаблять бдительность.

Вот о чем доносили мы в Москву 2 ноября 1922 года: «К настоящему времени обстановка в округе представляется в следующем виде: около 55 процентов состава

ва войск ведет непрерывную борьбу с бандитизмом в окружном масштабе... К началу ноября силы повстанцев вновь увеличились. Сейчас насчитывается 95 бандитских организаций силою примерно в 4500 сабель и около 1000 штыков при 60—70 пулеметах.

...Основной и главнейшей целью повстанцев остается стремление свергнуть Советскую власть, почему всякое осложнение обстановки в масштабе Республики, будь то в Закавказье или на западной границе, в разной мере, но отзовется немедленно в СКВО в смысле открытых восстаний, каковые неизбежно прикуют части СКВО к округу...

...Остальные части округа — до 45 процентов состава — заняты выполнением различных тыловых нарядов: охрана железнодорожной сети, караульная служба, подработки всякого рода и т. п. Все меры командования к уменьшению нарядов реальных результатов не дали...»

Много времени и сил отнимало обеспечение 1-й Конной продовольствием и фуражом. Каких-либо надежд на снабжающие органы мы не питали и заботились о себе сами. В течение лета конармейцы заготовили, то есть скопили, убрали, свезли в дивизии, 350 тысяч пудов сена. Эта цифра дает ясное представление, каких усилий при отсутствии всякой техники нам это стоило.

Войска округа оказали большую помощь населению в проведении сельскохозяйственных работ.

Засуха, постигшая Республику, и в особенности Юго-Восточный край, вынуждала нас напрячь все усилия к тому, чтобы успешно произвести уборку урожая и засеять озимых хлебов и этим смягчить продовольственный кризис.

В целях оказания помощи крестьянству со стороны войск СКВО в предстоящих работах К. Е. Ворошилов приказывал:

Все части войск СКВО по возможности привлечь по месту расположения к сельскохозяйственным работам по соглашению между посевами и продорганами, с одной стороны, и командованием частей — с другой. При посылке частей на работы выделять из обоза свободное количество лошадей и инвентаря.

Политотделам, комиссарам и комячейкам приложить усилия к наиболее рациональному использованию красноармейских частей.

Посылка красноармейских частей на сельскохозяйственные работы производится в следующем порядке: в первую очередь обрабатываются огороды и земли семей красноармейцев; крестьянской бедноты; совхозы; земли остальных трудовых крестьян.

Обработка земли семейств красноармейцев производится через комиссию помощи семьям красноармейцев, куда вводятся представители части.

Все технические войска по соглашению с земельными продовольственными органами должны широко организовать ремонт сельскохозяйственных машин.

На работы назначаются все строевые и нестроевые части и учреждения, не имеющие оперативных заданий.

Каждая часть отпускается на работы на срок не менее двух недель и в любой момент может быть опять снята для выполнения боевых операций.

Всем комиссарам и командирам частей производить учет работы и сведения, засвидетельствованные посевами, передавать по команде.

Установить связь с местными земельными и продовольственными органами.

По далеко не полным данным, воинами 1-й Конной было обработано свыше 50 тысяч десятин пахотной земли, запахан 161 огород и 60 десятин огородной земли, очищено 14 садов, работало 10 744 красноармейца и 17 152 лошади. Организованы 124 кузницы, в которых отремонтировано 434 плуга, 121 борона, 24 сеялки и 59 повозок. Перевезено 16 424 пуда посевного материала, провеяно 2140 пудов зерна, перевезено 1500 пудов угля для упосевкома. Привлечено для ремонта земледельческих орудий и инвентаря 2 механических завода полностью, 3 — частично и 25 мастерских технических училищ.

В 4-й дивизии в период сенокосной кампании работало 1346 человек, 1881 лошадь, 84 косилки. Всего накошено 156 тысяч пудов сена. На субботах выгружено 4 вагона продуктов и обмундирования. Производилась работа по устройству детского дома, очистке дворов, улиц. Запахано и засеяно 329 десятин земли.

В Чонгарской дивизии в субботах участвовало 869 человек, 214 подвод. Выполото 6 десятин бахчи, вывезено 200 возов земли, погружено 2900 пудов зерна, про-

изводилась погрузка продуктов Поволжью. Запахано, засеяно 29 десятин.

14-я дивизия скосила 530 десятин сена, работало 396 красноармейцев, 395 лошадей, 22 сенокосилки. Убрано 8 десятин хлеба. В ходе субботников оборудован театр, отремонтировано несколько мостов, ссыпных пунктов, очищались дворы, улицы.

Особая кавбригада при Реввоенсовете кроме выполненных ею полевых работ отремонтировала мост через Дон и несколько школ.

Нас радовало, что конармейцы с большой охотой помогали крестьянам, ибо знали, что Советская власть на местах, в родных краях, проявляет заботу об их семьях. Если раньше родные бойцов жаловались в письмах на местные органы Советской власти, которые порой не интересовались условиями их жизни, то теперь таких писем почти не поступало. Основную роль в этом сыграли решения ЦК нашей партии об оказании помощи семьям красноармейцев.

Уместно будет привести такую справку. 29 ноября 1919 года, когда над Советской Республикой нависла серьезная угроза со стороны империалистов, вопрос об оказании помощи семьям бойцов был обсужден на пленуме ЦК РКП(б), который потребовал от местных партийных и советских организаций принять действенные меры.

Советское правительство увеличило денежные пособия семьям красноармейцев в два раза. Специальным постановлением Совета Народных Комиссаров было разрешено выдавать им ссуду на поддержание хозяйств. 2 октября 1919 года Совнарком принял декрет о льготах для лиц командного состава Красной Армии и их семейств. Только за первую половину сентября 1919 года Советское правительство выдало семьям красноармейцев полмиллиона пайков на сумму 30 миллионов рублей и ссуду десяти тысячам красноармейских семейств. Особую заботу о бойцах проявлял В. И. Ленин. По его указанию было послано циркулярное письмо ЦК РКП(б) отделам социального обеспечения об упорядочении работы по оказанию помощи семьям красноармейцев.

«Из всех частей армии, — говорилось в этом письме, — в политотдел поступают многочисленные жалобы товарищей красноармейцев, сражающихся на фронтах, о

том, что находящиеся на родине их семьи голодают, не получая никакой помощи. Центральные органы приняли меры к тому, чтобы облегчить условия работы на местах. Инструкция о порядке обеспечения семейств красноармейцев Народного комиссариата социального обеспечения от 21 июня с. г. и правила выдачи ссуд семьям красноармейцев и добровольцев на поддержание их хозяйств Совнаркома от 25 июня («Известия ВЦИК» № 133 и 136) упрощают все дело выдачи пайков и значительно уменьшают хлопоты семей красноармейцев.

Так как работа по оказанию помощи семьям красноармейцев возложена на отделы социального обеспечения, необходимо обратить на них самое серьезное внимание. Немедленно же выделить для работы в них энергичных, хороших работников. Работу в отделах социального обеспечения приравняйте к работе военной. Мобилизуйте для работы в них лучших товарищей, обяжите их почаще отчитываться перед нами, следите за их работой и своевременно направляйте. Немедленно же дайте свои указания уездным комитетам. Последние должны повести широкую кампанию по ячейкам, привлечь коммуны и использовать советские хозяйства для своевременной помощи семьям красноармейцев по уборке урожая.

ЦК ждет от вас срочных и энергичных мер к упорядочению и постановке на должную высоту дела помощи семьям красноармейцев»¹.

Теперь обстановка резко улучшилась в пользу Советской власти, и мы испытывали чувство законной гордости, зная, что партия, Советское правительство и лично Владимир Ильич проявляют постоянную заботу о нас, военных, и старались, чтобы наша Конная армия, прошедшая немало огненных дорог войны, была всегда на чеку.

4

Снова и снова жизнь заставляла нас думать о том, какой должна быть предстоящая военная реформа. Гражданская война закончилась. Страна получила возможность приступить к мирному труду, к практическому

---

¹ Из истории гражданской войны в СССР. Т. 2. М., изд-во «Советская Россия», 1961, стр. 797.

строительству новой жизни. Вместе с тем Ленин, партия призывали народ не притуплять бдительность, ни на минуту не забывать о грозящей нам опасности и беречь, совершенствовать Вооруженные Силы Республики Советов.

«Мы кончили одну полосу войн, — говорил В. И. Ленин, — мы должны готовиться ко второй; но когда она придет, мы не знаем, и нужно сделать так, чтобы тогда, когда она придет, мы могли быть на высоте»¹.

Красная Армия, ее отдельные части и соединения, армии, фронты, в целом Реввоенсовет Республики накопили за годы войны громадный опыт. Надо было в этом опыте разобраться, обобщить его, все положительное закрепить в соответствующих документах, вооружить ими академии, училища, школы, довести до всего командного и политического состава.

Предстоял перевод армии на штаты мирного времени. Как это лучше сделать? Какие виды Вооруженных Сил и рода войск сохранить, какие реорганизовать? Какие новые создать? Какими должны быть военная доктрина, военное искусство, тактика Красной Армии? Неотложная задача — разрабатывать новые уставы, общие для армии, для отдельных родов войск. Старые все были временными. Как разрабатывать? Что развивать, что отвергать?.. Тысячи вопросов требовали немедленного ответа.

Мы говорили о них в частных беседах, обсуждали на Реввоенсовете. Нас, конечно, глубоко интересовало, что думают по поводу этого другие военачальники, каково мнение Фрунзе, какова точка зрения ЦК партии, В. И. Ленина.

В газетах и журналах печаталось немало статей, авторы которых затрагивали вопросы военной теории, в какой-то степени пытались систематизировать учение об армии пролетарского государства. В обсуждение вопросов военно-теоретической мысли включились и видные военачальники. М. В. Фрунзе и С. И. Гусев опубликовали тезисы, предложенные ими X съезду РКП(б) в качестве проекта резолюции по военному вопросу. М. В. Фрунзе, в частности, писал, что одним из основных условий обеспечения максимальной мощи Красной Армии является превращение ее в единый организм, спаянный сверху

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 143—144.

донизу не только общностью политической идеологии, но и единством взглядов на характер стоящих перед Республикой военных задач, способов их разрешения и методов боевой подготовки войск. Это единство является прочным основанием плана боевой подготовки страны, управления войсками и их вождения. Свое конкретное выражение оно должно найти во всех военных наставлениях, уставах и руководствах.

Как-то перед совещанием начдивов ко мне зашел Климент Ефремович Ворошилов.

— Добрый день, Семен Михайлович, — весело сказал он, протягивая руку. — Как вы тут без меня, не скучаете?

— Думаю вот подать в отставку с поста командарма Первой Конной...

— Что случилось?

— Замучила неопределенность. Сотни вопросов надо решать, а как? Питаемся разными слухами, и никто не может сказать определенно, какой должна быть Красная Армия и что ждет кавалерию.

— Только-то! А я-то подумал бог весть что... Кончается неопределенность, Семен Михайлович. Вот! — Ворошилов достал из планшета журнал «Армия и революция» и подал мне. — Здесь напечатана статья Михаила Васильевича Фрунзе о единой военной доктрине. Помнишь, еще в прошлом году, когда мы на X съезд партии собирались, он говорил, что работает над этим вопросом?

— Как же, помню.

— Прочитай. Очень важная статья. Кстати, мне передавали, что на очередном съезде партии вопросы военной доктрины, военного строительства, военной реформы будут обсуждаться военными руководителями, и нам надо тщательно подготовиться...

Статья захватила меня. Каждую страницу, каждый абзац прочитывал несколько раз, вдумывался в каждое положение, бесконечно радовался, когда мысли М. В. Фрунзе совпадали с моими. Чувствовал, как у меня прибавлялось сил.

Михаил Васильевич писал, что учение о «единой военной доктрине» имеет огромное практическое значение для Республики. Оно должно прежде всего учитывать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают.

Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду последние? В зависимости от решения этого вопроса определяются и характер строительства вооруженных сил, и система подготовки одиночных бойцов и крупных войсковых соединений, и военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны.

Фрунзе давал в статье четкий ответ на вопрос, что такое единая военная доктрина.

«Единая военная доктрина», — писал он, — есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их решения, вытекающие из классового существования государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны» (разрядка моя. — С. Б.)¹.

Формулировка эта, со свойственной ему скромностью предупреждал Михаил Васильевич, отнюдь не претендует на конструктивную законченность и полную логическую безупречность. В конце концов, вопрос совершенно не в этом. Важно основное содержание понятия; что же касается окончательной кристаллизации его, то это дело дальнейшей практической и теоретической разработки вопроса.

Очень убедительно, на мой взгляд, М. В. Фрунзе показал в своей статье роль военной доктрины, какую играет она в главных капиталистических государствах, каким целям служит.

А какова же была военная доктрина русской армии времен царизма? И на этот вопрос в статье Фрунзе я нашел исчерпывающий и убедительный ответ. Кое-кто из военных в то время задавал себе вопрос: а была ли вообще своя военная доктрина у царской армии? Фрунзе отвечает: да, была. Доктрина хотя и неоформленная, но все-таки была, и, хотя она ничего положительного собой не представляла, все же и на этом отрицательном при-

---

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. II, стр. 8.

мере можно показать теснейшую связь ее с общим укладом жизни.

Политическая сторона этой доктрины сводилась к триединой идее — православие, самодержавие, народность, вбивавшейся в головы молодых солдат на уроках печально знаменитой словесности. Что же касается военно-технической части ее, то она являлась простым заимствованием у иностранных оригиналов, лишь в ухудшенном издании. Но и в этом своем виде доктрина являлась мертворожденным детищем наших немногочисленных военных теоретиков, оставаясь чуждой не только всей массе рядового командного состава, но и ее высшим руководителям. Здесь ярко сказалось все беспримерное убожество, вся внутренняя гнилость и дряблость царской России последних времен...

В заключение этого раздела статьи Фрунзе делает некоторые общие выводы.

Первый из них — военное дело данного государства, взятое в его совокупности, не является самодовлеющей величиной и целиком определяется общими условиями жизни этого государства.

Второй — характер военной доктрины, принятой в армии данного государства, определяется характером общей политической линии господствующего класса.

Третий — основное условие жизненности военной доктрины заключается в ее строгом соответствии общим целям государства и тем материальным и духовным ресурсам, которые находятся в его распоряжении.

Четвертый — доктрины, способной быть жизненным организующим моментом для армии, изобрести нельзя. Все основные элементы ее уже даны в окружающей среде, и работа теоретической мысли заключается в отыскании этих элементов, в сведении их в систему и в приведении в соответствие с основными положениями военной науки и требованиями военного искусства.

Следовательно, основной теоретической задачей работников Рабоче-Крестьянской Красной Армии должно явиться: изучение характера окружающей нас общественной среды; определение характера и существа военных задач, вытекающих из существа самого государства; изучение условий, обеспечивающих их выполнение как в отношении материальных, так и духовных предпосылок; изучение особенностей строительства Красной Армии и

применявшихся в ней методов борьбы; согласование с требованиями военной науки и искусства всех тех особенностей, которые объективно и неразрывно связаны с характером нашего пролетарского государства и переживаемой нами революционной эпохи¹.

«Правильно! — думал я. — Именно этим и нужно нам, военным, заниматься. Этому подчинять, с этим согласовывать всю нашу деятельность, готовя реформу Красной Армии...»

Мы еще раз встретились с Ворошиловым в конце этого дня.

— Ну как, прочитал? — спросил он меня. — Каково впечатление?

— Все правильно! — ответил я.

— Тогда берись за дело. Начинай.

— Сознаю и это. Только с чего начинать? За что браться в первую очередь?

— А за конницу, — снова усмехнулся Ворошилов. — Обобщай опыт Первой Конной, готовь проекты наставлений. Скоро правительство официально поручит нам это...

Я пожал плечами, немного смущенный. Легко сказать — обобщай опыт. Не раз уж убеждался, что обобщать его куда труднее, чем создавать, воевать.

Статья Фрунзе вызвала оживленные отклики. Ее горячо обсуждали всюду в воинских частях. Дискуссия по военному вопросу развернулась потом на XI съезде партии.

---

¹ См. М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. II, стр. 13.

10. НА СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

1

27 марта 1922 года в Москве, в Свердловском зале Кремля, открылся XI съезд нашей партии. Мы с Ворошиловым были избраны делегатами съезда. Я — от Донской парторганизации, Климент Ефремович — от коммунистов Северо-Кавказского военного округа.

Как всегда, собираясь в Москву, мы мысленно отчитывались перед партией, перед Владимиром Ильичем: все ли сделали, что нам поручила партия, что можно было сделать быстрее, лучше... С тревогой думали, увидим ли вновь Ильича, будет ли он на съезде. Мы знали, что он тяжело болен, работает с предельным напряжением сил. Вот не смог быть даже на Пленуме ЦК, заседавшем перед съездом, сообщив в ЦК, что присутствия и на Пленуме и на съезде не выдержит. Как хотелось сказать Ильичу, чтобы он берег себя, свои силы. Ведь он был еще молод — чуть-чуть больше пятидесяти лет...

Устроившись в гостинице, мы с Ворошиловым встретились с М. В. Фрунзе, И. В. Сталиным, Г. К. Орджоникидзе и другими товарищами. Говорили о том, чем жил весь наш народ в те дни, — настала мирная передышка, и теперь все силы партия направляла на социалистическое строительство. Михаил Васильевич Фрунзе забросал нас вопросами о положении дел на Дону и Северном Кавказе. Михаил Васильевич, помнится, был весел, шутил. Я спросил, будет ли он выступать на съезде по вопросам Красной Армии.

— Вашу статью в журнале мы прочли с большим интересом, очень нужная статья, — заметил я.

— Правильно вы написали о единой военной доктрине, — добавил Ворошилов.

Фрунзе нахмурился:

— Да, вопрос о единой военной доктрине чрезвычайно важен для нас, и я был уверен, что мои тезисы на украинском совещании командного состава все поймут. Но нет... — И Михаил Васильевич с ожесточением добавил: — И кто против? Троцкий!

— А что он предлагает? — спросил Ворошилов.

— Оборончество. Мы, военные, не должны, мол, говорить своим бойцам, что при известных условиях пойдем в наступление за пределы нашей земли. А я говорю: должны! Комсостав должен это знать. Нельзя, недопустимо воспитание бойцов вести в духе оборончества...

К нам подошел Сталин. Я давно заметил, что Иосиф Виссарионович всегда считал для себя важным встретиться с военными, поговорить с ними. И в этот раз Сталин почти час беседовал с нами, и мы выкладывали ему все, что волновало нас.

Я спросил его о здоровье Владимира Ильича, будет ли он на съезде. Иосиф Виссарионович ответил, что Ленин выступит с политическим отчетом Центрального Комитета партии.

И вот настал волнующий день. Съезд открыл Владимир Ильич. Был он, как всегда, подвижен, стремителен. Делегаты приветствовали его бурной овацией. Забегая вперед, скажу, что в дни съезда Ленин беседовал со многими, в том числе и со мной, спрашивал, как на Дону укрепляется Советская власть, о чем говорят крестьяне и рабочие, как они переносят голод и т. д. И конечно же, Ленин интересовался положением дел в Красной Армии, в войсках Северо-Кавказского округа. Для меня было большой честью слушать вождя мировой революции, отвечать на его вопросы. Ленин еще и еще раз наказывал нам повышать боеготовность армии, укреплять в ее рядах дисциплину, организованность.

Открыв по поручению ЦК партии XI съезд РКП(б), Владимир Ильич сказал:

— Товарищи! Мы собрались на этот съезд впервые после целого года, в течение которого интервенция и нашествия капиталистических государств, по крайней мере в наиболее прямой их форме, не тревожат нас. Первый год мы имеем возможность посвятить свои силы настоя-

щим, главным, основным задачам социалистического строительства.

В этом отношении мы сделали, несомненно, только первые шаги. Но я уверен, что если мы сделанное нами оценим с надлежащей трезвостью и не побоимся глядеть прямо в глаза действительности, не всегда приятной, а иногда и совсем неприятной, то все трудности, которые только теперь вырисовываются перед нами во всем раз-мере, все эти трудности мы, несомненно, преодолеем...

После краткой вступительной речи Владимира Ильича был избран президиум. В него вошли Ленин, Сталин, Петровский, Чубарь, Фрунзе, Орджоникидзе, Ярославский, Ворошилов и другие. М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов председательствовали на ряде заседаний. Потом, при выборах, оба вошли в состав нового Центрального Комитета.

Съезд собрался в трудный для Родины момент. К последствиям войны прибавилась засуха 1921 года, охватившая районы, которые были житницей России. Голодали миллионы людей. Трудно было с финансами. Не хватало сырья, топлива. «Бедствия, которые обрушились на нас в этом году, — говорил Владимир Ильич, открывая съезд, — были едва ли еще не более тяжелыми, чем в предыдущие годы.

Точно все последствия войны империалистической и той войны, которую нам навязали капиталисты, точно все они собрались вместе и обрушились на нас голодом и самым отчаянным разорением. Эти бедствия сейчас далеко еще не преодолены. И никто из нас не рассчитывает, что их можно одолеть быстро»¹.

И все-таки восстановление хозяйства шло относительно высокими темпами. Сама жизнь показывала, что генеральная линия партии верна, что нэп приносит первые плоды. Оживление мелкой промышленности создавало предпосылки для возрождения крупной. По сравнению с 1920 годом выпуск продукции в конце 1921 года увеличился на 42 процента. Донецкие шахтеры дали стране 350 миллионов пудов угля вместо 272 в 1920 году. Росла добыча нефти. Продолжалось строительство первенцев ГОЭЛРО. Все это укрепляло уверенность народа в со-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 67.

циалистическом строительстве, в преимуществах советской системы хозяйства.

Было много трудностей, много недостатков в работе центрального аппарата и на местах, мы порой очень плохо хозяйничали — и об этом говорилось на съезде. В отчетном докладе ЦК В. И. Ленин обрисовал положение — и международное и в стране — таким, каким оно было на деле.

Он говорил со съездом, со всей партией, а каждому казалось, что Ленин беседует лично с ним, разъясняет обстановку, учит, как следует работать дальше, как надо вести социалистическое строительство в данных условиях.

В. И. Ленин подвел итоги первого года новой экономической политики. Прошедший год подтвердил правильность этой политики. На новой экономической основе укреплялся союз рабочих и крестьян. Партия добилась перелома на хозяйственном фронте. И пусть пока еще очень медленный, но верный хозяйственный подъем начался! Всесторонне оценив обстановку, В. И. Ленин с полным основанием заявил с трибуны съезда:

«Мы год отступали. Мы должны теперь сказать от имени партии: достаточно! Та цель, которая отступлением преследовалась, достигнута. Этот период кончается или кончился. Теперь цель выдвигается другая — перегруппировка сил»¹.

Говоря о перегруппировке, Ленин имел в виду подготовку наступления на частнохозяйственный капитал. Для победы в этом наступлении есть все объективные условия. Но надо уметь ими воспользоваться, надо повести за собой массу. Надо укрепить смычку между социалистической промышленностью и крестьянской экономикой. Основным звеном, центральной задачей партии сейчас является развитие торговли между городом и деревней, подбор и расстановка кадров.

А как остро, непримиримо Ильич вскрывал и критиковал наши недостатки!..

— За этот год мы доказали с полной ясностью, что хозяйничать не умеем, — бросал в притихший зал Владимир Ильич. Больно было слышать такие слова, да что поделаешь, когда в них горькая правда.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 87.

— Это основной урок. Либо в ближайший год мы докажем обратное, либо Советская власть существовать не может. И самая большая опасность — что не все это знают... — И далее Ленин говорил: — Нет, извините, не в том дело, что крестьянин, беспартийный рабочий не учились коммунизму, а в том дело, что миновали времена, когда нужно было развить программу и призвать народ к выполнению этой великой программы. Это время прошло, теперь нужно доказать, что умеете практически помочь хозяйству рабочего и мужика...

Я поднял голову. В зале стояла напряженная тишина. Делегаты жадно смотрели на Ленина. А Владимир Ильич призывал их не успокаиваться на том, что везде в государственных трестах и смешанных обществах ответственные и лучшие коммунисты. Толку от этого нет никакого, если они не умеют хозяйничать. В этом смысле они хуже рядового капиталистического приказчика, прошедшего школу крупной фирмы. А мы не сознаем этого. Не хотим учиться. Это, подчеркивал Владимир Ильич, есть коммунистическое чванство! Вопрос в том, что ответственный коммунист — и лучший, и заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, — он должен учиться хозяйничать, торговать. Учиться даже от вчерашнего рядового приказчика, который это дело знает. Владимир Ильич призывал учиться с азов, подчеркивал, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать с начала несколько раз: начали, уперлись в тупик — начинай снова — и так десять раз переделывай, но добейся своего! Если ты ответственный коммунист, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно!..

То, о чем говорил Ленин, касалось всех нас, в том числе и военных.

«Какое дело знаю помимо военного? — размышлял я. — Теперь — курс на мирное строительство, и если раньше только воевал, то сейчас надо активно помогать тем, кто строит, кто ликвидирует последствия войны. Беречь Родину — это не только воевать, но в мирное время укреплять ее могущество».

Да, Красная Армия в тяжелой неравной борьбе с силами реакции спасла социалистическую революцию. Красные бойцы, перенеся неслыханные тяготы, разутые, раздетые, разбили многотысячные армии империалистов

и белогвардейцев... Но враг еще действовал, давали о себе знать и остатки белогвардейского охвостья. Враги всех мастей срывали мероприятия партии по хозяйственному возрождению важнейших районов страны. Мы не все, что могли, сделали в свое время в борьбе с бандитами, вели эту борьбу порой без должного напряжения.

А все ли мы делаем теперь на Северном Кавказе? Разъяснили ли комсоставу, коммунистам, всем бойцам, какая возложена на нас ответственнейшая обязанность — всемерно укреплять Советскую власть на Дону и Северном Кавказе, в самые сжатые сроки ликвидировать бандитизм, дать возможность населению — рабочим, крестьянам — мирно трудиться, залечивать раны войны, строить новое общество? Многое зависит от нас. Мы тоже отвечаем за положение в округе, за все те бедствия, какие терпит население из-за хозяйственного хаоса и произвола бандитов.

Вернусь в округ, решил я, подниму на ноги всех командиров, весь политаппарат, будем работать по-новому, так, как учит Владимир Ильич, с полным напряжением сил, с полной мерой ответственности за порученное дело, с оценкой работы по достигнутым практическим результатам!..

У некоторых делегатов, в том числе и у меня, невольно возник вопрос: а надо ли так вот прямо, так открыто говорить о наших недостатках? Ведь мировая буржуазия все это узнает, использует против нас... Видимо, этот «беспокойный» вопрос не был новым для В. И. Ленина. Он дал на него прямой и ясный ответ: пролетариат не боится признать, что в революции у него то-то вышло великолепно, а то-то не вышло. Все революционные партии, которые до сих пор гибли, гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях. А мы не погибнем, потому что не боимся говорить о своих слабостях и научимся преодолевать слабости.

Весь гвоздь теперь в том, отмечал Владимир Ильич, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное умение. Весь гвоздь в том, чтобы двигаться теперь вперед несравненно более широкой и мощной массой, не иначе как вместе с крестьянством, доказывая ему делом, практикой,

опытом, что мы учимся и научимся ему помогать, его вести вперед. Такую задачу при данном международном положении, при данном состоянии производительных сил России можно решить, лишь решая ее очень медленно, осторожно, деловито, тысячу раз проверяя практически каждый свой шаг.

Ночью после первого заседания я долго не мог уснуть. Лежал с открытыми глазами и думал. Совсем недавно мы звали народ свергнуть капитализм, бороться за социалистическую революцию, за коммунизм. Сейчас пришло время практически начинать строительство социализма.

Как? С чего начинать? Теперь эти вопросы ясны — учиться делать самые будничные вещи. Налаживать производство, поднимать сельское хозяйство. Расширять, поновому строить народное образование, открывать столовые, рестораны, бани, больницы, родильные дома — все, что нужно для человека сейчас и что будет нужно всегда и при коммунизме. И делать так, чтобы любое наше предприятие было лучше, чем у капиталиста. Сюда сейчас переносится фронт борьбы с капитализмом...

Но нам, военным прежде всего, нельзя при этом забывать об опасности новой военной интервенции.

Международная буржуазия, подчеркивал В. И. Ленин в докладе на съезде, ищет повода, чтобы задушить рабоче-крестьянскую Республику. В этом ей помогают ее агенты — меньшевики и эсеры. Надо быть начеку, крепить Красную Армию, идя при этом на известные жертвы.

В числе других съезд рассматривал вопросы и сельского хозяйства. В. И. Ленин встречался с членами секции по работе в деревне, советовал больше вдумываться в практические дела. Некоторые товарищи пытались изобретать различные рецепты для быстреего, по их мнению, подъема сельскохозяйственного производства. Владимир Ильич решительно отверг эти скороспелые рецепты. В письме к члену секции заместителю наркома земледелия Н. Осинскому 1 апреля 1922 года Ленин писал, что всего насущнее теперь не связывать себе рук какими-либо предписаниями, директивами или правилами, пока мы недостаточно собрали фактов хозяйственной

жизни на местах, пока мы недостаточно изучили действительные условия и потребности теперешнего крестьянского хозяйства. По мнению Ленина, резолюция партсъезда, основанная на выводах работы сельскохозяйственной секции, могла быть примерно такой:

«1. Партсъезд, заслушав сообщение о работах сельскохозяйственной секции, принимает его к сведению; констатирует недостаточность собранного материала об опыте работы на местах и ставит первоочередной задачей как партии, так и комфракций во всех совучреждениях тщательный сбор и внимательнейшее изучение местного практического опыта.

2. Съезд считает ошибочными меры разгона (или поспешной переделки?) учреждений сельскохозяйственной кооперации, рекомендуя наибольшую осторожность в этом отношении.

3. По вопросу об условиях применения наемного труда в сельском хозяйстве и аренды земли партсъезд рекомендует всем работникам в данной области не стесняться излишними формальностями ни того, ни другого явления и ограничиться проведением решения последнего съезда Советов, а также изучением того, какими именно практическими мерами было бы целесообразно ограничивать крайности и вредные преувеличения в указанных отношениях.

4. Первоочередной и главнейшей целью всей парторботы в крестьянстве съезд признает практическую помощь делу немедленного расширения засевов, увеличению запашки, увеличению количества сельскохозяйственных продуктов, уменьшению тяжелой нужды крестьянства; при этом надо всеми силами и средствами поддерживать и поощрять помощь беднейшей части крестьянства, добываясь упорным трудом выработки мер, которые на практике показывают себя пригодными в этом отношении даже при современных трудных условиях»¹.

Письмо Владимира Ильича съезд положил в основу резолюции о подъеме сельского хозяйства. Съезд указал сельским коммунистам, что работа партии в деревне должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно-просветительную взамен предлагавшегося ранее административно-прину-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 132, 134.

дительного и политико-агитационного подхода. Участие коммунистов в сельскохозяйственных кооперативах и коллективах своего района или области безусловно обязательно. Равным образом обязательен для них почин создания этих организаций, если таковых не имеется.

Съезд предписал партийным организациям в течение года добиться того, чтобы все деревенские коммунисты были пропущены хотя бы через краткосрочные курсы по сельскому хозяйству и сельскохозяйственной кооперации.

Эта резолюция съезда оказала нам большую помощь в работе с крестьянами на Дону и Северном Кавказе, о чем я расскажу ниже.

Перед XI съездом партия провела чистку своих рядов. Сложная задача борьбы на экономическом фронте за социализм, решение вопроса «кто кого» потребовали удалить из партии всех примазавшихся, карьеристов, неспособных, чурающихся черновой работы, чтобы сделать партию еще более монолитной, единой, боеспособной. Съезд установил новый порядок приема в партию.

2

Большое внимание съезд уделил Красной Армии. Как известно, после окончания гражданской войны Советское правительство приступило к сокращению Красной Армии. В отдельные периоды ее численность доходила до 5 миллионов человек. К марту 1922 года осталось 1 640 тысяч, примерно столько, сколько было в армии дореволюционной России. Флот же сократился во много раз.

Вопросы военного строительства, военной политики партии по важности стояли в одном ряду с хозяйственными вопросами.

После утреннего пленарного заседания съезда 1 апреля делегаты работали по секциям. Мы, военные, обсуждали вопросы военного строительства, готовили по ним предложения на обсуждение съезда. Наша работа вошла в историю партии как военное совещание делегатов XI съезда. Фактически совещание вылилось в дискуссию о советской военной науке, о единой военной доктрине Советского государства, его Вооруженных Сил.

В предыдущей главе я писал о статье Михаила Васильевича Фрунзе в журнале «Армия и революция». Не

только Фрунзе, но и многие военачальники решительно выступали против антимарксистских, антипартийных установок Троцкого в военных вопросах, против его вульгарного эмпиризма в строительстве Красной Армии. Уже в 1921—1922 годах в тезисах к X съезду РКП(б), в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия», в докладе «Военное и политическое воспитание Красной Армии» на совещании командного состава войск Украины и Крыма в марте 1922 года и в других своих выступлениях Михаил Васильевич Фрунзе настоятельно и решительно ставил вопрос о строительстве Вооруженных Сил Республики Советов по единому централизованному плану, с учетом опыта последних войн, и прежде всего гражданской войны, которая еще недавно бушевала в России.

Наиболее четко все положения Фрунзе были изложены в его тезисах о советской военной доктрине на совещании командного состава войск Украины. Эти тезисы и легли в основу дискуссии на совещании военных делегатов XI съезда партии. Именно против них яро ополчился Троцкий.

Мы с Ворошиловым полностью одобряли тезисы М. В. Фрунзе. Можно спорить по отдельным формулировкам, уточнять некоторые слова, но в целом тезисы были написаны с принципиальных, партийных позиций, на основе марксизма. Нас радовало, что это сделал именно Михаил Васильевич, под командованием которого два года назад мы громили войска Врангеля, что он так блестяще отстаивает политику партии в строительстве Советских Вооруженных Сил, в укреплении могущества Красной Армии. Надо сказать, что Фрунзе не сразу пришел к тем серьезным выводам, которые изложил теперь в своих тезисах. Михаил Васильевич очень много размышлял, изучал труды и военные операции многих полководцев буржуазных армий. А главное — Фрунзе обобщил опыт боевых действий советских войск на полях гражданской войны.

Хорошо помню, как в октябре 1920 года Фрунзе проводил совещание с нами, командирами армий и соединений, перед решающим наступлением на Врангеля. После официальной части, когда уже был утвержден план выступления и боевых действий для каждой армии, Михаил Васильевич в задушевной беседе рассказал о том, что

работает над вопросами дальнейшего строительства Красной Армии.

— Мы понесли тяжелые потери в боях против вражеских сил, — говорил Фрунзе. — Теперь у нас один враг — Врангель. Мы разобьем «черного барона» в короткий срок, в этом я ничуть не сомневаюсь. Ну, а потом? Потом нам надо подумать, как строить и укреплять нашу армию дальше. Вот тут-то и пригодится опыт наших талантливых военачальников. Победа на фронте военном потребовала от нас много крови. Тысячи лучших сынов рабочего класса и крестьянства отдали свои жизни за свободную Россию, и мы, оставшиеся в живых, в ответе за мирный труд...

Перед началом совещания я подошел к Михаилу Васильевичу:

— Слышал, что вы сделаете сегодня доклад.

Михаил Васильевич улыбнулся.

— У меня содоклад, Семен Михайлович. Кстати, будете выступать?

Я ответил, что выступлю, что Ворошилов тоже возьмет слово. Далее я сказал Михаилу Васильевичу, что его мнение единственно верное и что буду горячо поддерживать его.

— Спасибо, Семен Михайлович, спасибо, дорогой...

В числе участников совещания я увидел С. К. Минина — бывшего члена Реввоенсовета 1-й Конной. Мы тепло поздоровались.

— Как настроение, конармеец? — пошутил я.

— Боевое, — в тон мне ответил Минин. — Но борьба будет ой-ой! Троцкий против тезисов...

Когда все собрались, слово взял Троцкий. Скрипя сапогами, он медленно подошел к трибуне, снял пенсне, достал платок, стал протирать стекла. Минин нагнулся ко мне и шепнул:

— Видите... Ох и любит позу! Стоит и ждет, когда все на него намотаются.

Свое выступление Троцкий построил в форме разбора каждого тезиса М. В. Фрунзе. Мы привыкли к строгим, чеканным, предельно ясным формулировкам Владимира Ильича. Слушать же Троцкого было чрезвычайно тяжело. Он как будто умышленно обволакивал свои мысли плотной словесной мишурой, маскировал трескучими фразами. Подойдет к вопросу, но тут же снова сделает

скачок от него, возвратится и опять уйдет, снова и снова петляет. Казалось, Троцкий боялся говорить о том, что думал. Да и не удивительно. Его взгляды на военный вопрос были прямо противоположны взглядам Фрунзе. Все мы были буквально поражены: то, что он утверждал, противоречило марксизму, принципам пролетарского строительства Красной Армии.

«О чем он говорит? — недоумевал я. — Или ничего не понимает в военном деле, или умышленно запутывает предельно ясный вопрос».

Троцкий заявлял, что марксизм, мол, вообще к военному делу неприменим, что война — это ремесло, совокупность практических навыков и потому не может быть науки о войне. Он обливал грязью весь боевой опыт Красной Армии в гражданской войне, говоря, что нет там ничего поучительного.

Характерно, что в течение всей речи Троцкий ни разу не сослался на Ленина. Он обходил тот общеизвестный факт, что Владимир Ильич — создатель учения о войнах справедливых и несправедливых, создатель Красной Армии, что он руководил обороной Советской Республики, призывал советский народ крепить оборону Родины, ставил задачи воинам Красной Армии, разрабатывал основы советской военной науки. А ведь, отмечая в тезисах необходимость решительных наступательных действий и воспитания воинов в духе высокой боевой активности, Фрунзе опирался именно на труды В. И. Ленина, в частности руководствовался его речью на VIII съезде Советов.

Выходило, что не Фрунзе «опровергал» Троцкий, а Ленина!

Я уже писал, что Троцкий чурался повседневной черновой работы. Да только ли чурался! В военном деле он был недалек, но старательно скрывал это от окружающих. Теперь, когда пришло время, засучив рукава, практически строить социализм, бороться за его окончательную победу, укреплять оборону страны, создавать военную промышленность, вооружать армию революционной советской военной наукой, давать армии и всему народу перспективу в вопросах защиты Родины, Троцкий продолжал произносить пышные и громкие фразы о революции и по-прежнему всячески избегал решения практических вопросов.

А его иронические замечания о маневрах и рейдах явно были камешком в мой огород, очередным выпадом против кавалерии. Да и чего можно было ждать от него? Кавалерию он просто ненавидел. Она не подходила к его теории обороны.

— Готов к выступлению? — спросил меня Ворошилов в перерыве. — Смотри: Троцкий под шумок о сокращении армии может всю конницу ликвидировать¹. Поневоле засядем в окопах...

— Всем надо выступать, — сказал я. — И не обороняться, а наступать на него.

— По всем правилам советской военной науки! — поддержал Ворошилов.

Содоклад сделал М. В. Фрунзе. Он же произнес заключительное слово. Михаил Васильевич показал полную несостоятельность выводов Троцкого, вред его взглядов на военное дело и боевой опыт Красной Армии.

В прениях выступили Муралов, Кузьмин, Тухачевский, я, Михаленок, Минин, Каширин, Петровский, Ворошилов.

Все выступавшие по основным вопросам, кроме Михаленка и Петровского, резко критиковали позицию «оборончества», говорили, что воинов Красной Армии надо воспитывать в боевом наступательном духе, в духе пролетарской солидарности, верности интернациональному долгу.

Хорошо сказал о необходимости единой советской военной доктрины и об особенностях стратегии Красной Армии Михаил Николаевич Тухачевский:

— Я думаю, товарищи, что в войнах армий пролетарского государства будет все-таки немало отличного от того, что мы видели в прошлом. Если кое в чем и будут общие места, может быть даже и значительные, то, во всяком случае, марксистский метод исследования показывает, что в вопросах комплектования, в вопросах организации тыла (в широком смысле) будет очень существенная разница. А эта разница уже меняет в значительной степени и характер стратегии, которой мы будем придерживаться.

---

¹ К. Е. Ворошилов оказался прав: Троцкий действительно намеревался ликвидировать кавалерию. Мне пришлось тогда лично обращаться к В. И. Ленину, и кавалерия осталась. Об этом я подробно рассказал в книге «Встречи с Ильичем». — *Прим. авт.*

Тухачевский высказал свое резкое несогласие с тем, что главной задачей в воспитательной работе является подготовка младшего командного состава. Конечно, это тоже надо делать, но, заметил Тухачевский, надо усилить наше внимание к подготовке высшего командного состава, которому надлежало решать очень важные и серьезные вопросы стратегии и тактики, а не только обучать и воспитывать личный состав.

— Теперь относительно того, — продолжал Тухачевский, — была ли у нас маневренность в прошлой гражданской войне и какая это была маневренность... Она была, и такая хорошая, которая войдет, вероятно, в историю. И не у белых мы учились этой маневренности. В восемнадцатом и девятнадцатом годах, когда белые не проявляли образцовости нигде, кроме Южного фронта, у нас все-таки умело действовали, значит, учились мы в своей собственной среде.

Я хорошо знал Тухачевского. Он был еще молод — в 1922 году ему исполнилось всего 28 лет, — но уже показал себя талантливым военачальником. В годы гражданской войны ему поручались ответственные посты, и Тухачевский оправдывал доверие партии.

Я полностью соглашался с ним, что маневренность была свойством Красной Армии, вытекала из ее революционного духа. Нужна ли конница теперь? Говорят, что техника превосходит ее, что сейчас есть аэропланы. Но нужно изменить применение конницы, приспособить ее к новейшей технике. Мы можем и должны избегать всякой позиционной войны. Конечно, не в том смысле, чтобы вообще не занимать позиции, а просто маневрировать, переходить без цели туда и сюда. Наоборот, занимать позиции там, где начинаются операции, а когда намечается ее исход, действовать маневрами, чтобы добиться успеха в кратчайшее время. Об этом я и сказал в своем выступлении.

Замечательной была речь С. К. Минина.

— Если вы присмотритесь к тому, как ведется политическое воспитание в разных дивизиях и корпусах, — сказал он, — вы увидите самые разнообразные оттенки: одни — в духе пассивной обороны, другие — в духе активной обороны, третьи — в ярко наступательном направлении, четвертые — без всякого направления. Вот почему так необходима единая, общая основная мысль воспи-

тания. А основная мысль — это воспитание в духе пролетарской революции...

Но мы должны не на одном съезде, не по поводу тех или иных «уколов» и «стрел» противника так говорить, а воспитывать постоянно и регулярно громадную толщу крестьянства в армии в духе наступления, в духе начавшейся пролетарской революции, разумеется, поскольку мы все признаем, что пролетарская революция началась и что она развернется до конца. При этом, конечно, никто, кажется, не предлагает отбросить заботу о сапогах, о стеклах в казармах и т. д., о чем говорит Троцкий. То и другое не противоречит друг другу, а, наоборот, совпадает и усиливает одно другое. Это ясно не только мне, Минину, а и другим. Если мы займемся только повседневностью, то погрязнем в мелочах, потеряем перспективу, заслоним перед красноармейцем цель борьбы. И останется только скелет, а Красной Армии не будет...

...Наконец, о революции и военном деле. Если каждый режим создает свой особый «военный слепок», как говорит Энгельс, то, очевидно, такой слепок должен быть и у нас, он должен проявиться в процессе пролетарской революции. На самом деле так оно и есть. Например, та особая роль, которую играла у нас кавалерия по сравнению с империалистической царской войной, особые формы организации кавалерии — создание целых конных армий, особые действия нашей кавалерии... или в другой области — политотделы, их роль и значение в воспитании и руководстве армией классом-диктатором — пролетариатом, это и есть характерные черты «военного слепка» нашей революции. Много и другого характерного для нашей революции найдется в военной области. Нужно только это все новое выявить, объединить и двинуть дальше, чтобы нам не оказаться безоружными в будущих столкновениях. Кстати, наши враги уже давно заметили то новое, что внесла у нас революция в военную область, и не только заметили, тщательно изучают эти особенности и подражают нашим достижениям. А мы пока все еще спорим о том, создали ли мы что-то особенное в военной области или нет и нужно ли нам изучать эти особенности или это не стоит труда.

— Нельзя оборонять Россию, сидя у себя, — метко сказал Ворошилов, делаясь со мной своими мыслями. — Мы должны воспитывать красноармейцев на том, на чем

воспитывается весь международный пролетариат. Помнишь, когда наша конница подошла к польской границе, то некоторые конармейцы, не знавшие ранее трусости, заявили, что дальше не пойдут. Вот результат «оборончества». Сколько нам тогда пришлось потратить усилий, чтобы такое настроение, абсолютно вредное, чреватое тяжелыми последствиями, переломить...

То, что Климент Ефремович говорил мне, он развил в своем выступлении.

Последующие события, особенно Великая Отечественная война, со всей очевидностью показали, какую колоссальную роль в наших победах над врагами сыграла подготовка страны к обороне, проводившаяся в строгом соответствии с положениями ленинской военной науки.

Об итогах военного совещания по поручению его участников съезду доложил М. В. Фрунзе на вечернем заседании 2 апреля. Съезд принял решение, в котором, в частности, отмечалось, что, несмотря на трудные хозяйственные условия страны, армия усилиями всех своих сознательных элементов повысилась за истекший год в качественном отношении. Ее преданность рабоче-крестьянской Республике несокрушима. Всякое покушение на власть трудящихся по-прежнему встретит со стороны армии победоносный отпор.

Съезд потребовал и дальше всесторонне повышать боеспособность армии, определил конкретную программу военного строительства, обратив особое внимание на усиление партийного влияния в армии и на флоте.

Дискуссия о единой военной доктрине для меня была очень важной в связи с тем, что позже мне довелось принимать активное участие в разработке воинских уставов. В частности, я был председателем Уставной подкомиссии по разработке Боевого устава кавалерии. Попутно замечу, что в разработку воинских уставов и наставлений, на которых строилась вся жизнь и деятельность Красной Армии, большой вклад внес М. В. Фрунзе, с которым после моего переезда на службу в Москву мне довелось не раз обсуждать важные вопросы строительства и укрепления Советских Вооруженных Сил.

Закрывая съезд, В. И. Ленин говорил о партии, о ее сплоченности и единстве, о роли партии как авангарде масс, руководящей силе Советского государства. И под-

черкнул, что теперь никакая сила в мире не может взять назад основных завоеваний нашей революции, «ибо это уже теперь не «наши», а всемирно-исторические завоевания»¹.

3

Сразу же после съезда, 3 апреля, состоялся Пленум ЦК партии, на котором И. В. Сталин был избран Генеральным секретарем Центрального Комитета РКП(б). Это я узнал от М. В. Фрунзе.

— Пленум правильно поступил, — задумчиво произнес Фрунзе. — Давно нужно было разгрузить Ленина, предельно разгрузить. Наша вина — затанули мы это. Сталин — достойный кандидат. До последнего вздоха верен партии, делу рабочего класса. По-ленински непримирим к врагам партии, к бездельникам с партбилетом...

Еще на съезде, когда Сталин беседовал с военными, он сказал, что хотел бы после съезда подробно поговорить со мной о кавалерии, о развитии в нашей стране коневодства и о других, как он сказал, «неотложных вопросах».

Желание Сталина побеседовать со мной было как нельзя кстати: судьба кавалерии, судьба коневодства в стране меня глубоко волновали. Я был рад предложению Иосифа Виссарионовича и сказал, что в любое время могу зайти в ЦК.

— Зачем в ЦК, — улыбнулся Сталин. — Помните декабрь 1919 года, когда я приезжал в Велико-Михайловку и мы проводили первое заседание Реввоенсовета Конной армии?

— Помню, Иосиф Виссарионович.

— Вы тогда меня очень тепло встретили... А почему я должен вас обижать? Приходите ко мне домой.

— Хорошо, Иосиф Виссарионович.

Я долго не решался звонить Сталину. Теперь, после избрания его на пост Генерального секретаря, он был, конечно, страшно загружен. Не время сейчас говорить о кавалерии да коневодстве. Есть более важные вопросы. Лучше отложить нашу беседу на другое время. Возможно, я так и уехал бы. Но о моем разговоре со Сталиным узнал М. В. Фрунзе. Он сказал:

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 137.

— Обязательно позвоните, настоятельно рекомендую. Сталин очень интересуется кавалерией. А теперь ему и по долгу службы надо заниматься вопросами строительства и укрепления Красной Армии.

Собравшись с духом, я позвонил Сталину. Ответ был коротким:

— Приходите. Жду.

Когда я пришел, Сталин не сразу заговорил, давая мне возможность собраться с мыслями.

— Ну, как дискуссия? — спросил он. — Троцкий и его сторонники против военной доктрины. Старая песня... — Он помолчал, задумчиво раскуривая папиросу. — Владимир Ильич серьезно заболел, а обстановка в стране тяжелая. Переход на мирное строительство, ликвидация последствий войны — дело сложное, потребует от коммунистов больших знаний, практических навыков, умения организовать массы, возглавить массы и опереться на массы, и больше внимания мелочам, именно мелочам. Все великое строится из малого.

Сталин заговорил о взглядах Фрунзе на единую военную доктрину. Он сказал, что полностью разделяет точку зрения Михаила Васильевича.

— Красную Армию мы будем укреплять, поднимать ее боеготовность из года в год. И кавалерия нам еще крайне необходима, — продолжал Сталин. — Что нужно сделать для ее развития как стратегического рода войск? В этом вопросе вы человек более компетентный, чем кто-либо другой.

Я сказал, что конница находится сейчас в тяжелом положении и, чтобы видеть это, не надо быть большим теоретиком. Проводимая реорганизация кавалерийских соединений сводится, по сути дела, лишь к их сокращению, другие вопросы пока не затрагиваются.

— Какие же это вопросы? — спросил Сталин.

О них мы не раз сообщали Главкому и РВС Республики, в частности, давно шла речь об увеличении числа орудий для кавалерийских частей, да и для всей армии, но все остается без изменения. В полку отдельной кавалерийской дивизии лишь два орудия, в полку отдельной кавбригады — одно.

— А у Пилсудского, как мне помнится, было шесть орудий? — спросил Сталин.

— Пять, Иосиф Виссарионович.

— Еще что вас тревожит?

При современных средствах наблюдения и поражения, говорил я Сталину, конница становится все более уязвимой с земли и воздуха. Важнейшее условие успеха ее атак — внезапность. Только при этом она наносит большой урон противнику. Стремительная атака конных масс наводит ужас на врага, подавляет волю к сопротивлению. Но условия для успешной атаки конница обязана подготовить сама. Она должна уметь вести пеший бой, а также комбинированный (смешанный). Для этого ей нужно обладать достаточной огневой мощью, чтобы перед атакой расстроить, деморализовать противника. Ей надо придать авиацию и бронечасты. Усилить средства связи, ввести в штаты специалистов по химической обороне. Учитывая специфику службы, конницу надо комплектовать грамотной молодежью с хорошей допризывной подготовкой.

Структура и организация частей кавалерии также оставляет желать лучшего. В одних дивизиях по четыре полка, в других — по шесть. В полках — где четыре эскадрона, где — три. Надо для всей кавалерии иметь единый штат. Разногласия в этом деле только на руку нашим противникам.

Всех нас волновало то, что почти половина личного состава кавалерии нуждалась в замене по разным причинам. Был большой некомплект лошадей. Требовалось новое, современное оружие, а у бойцов еще преобладала старая изношенная винтовка, легких пулеметов было лишь 25 процентов; не хватало также пулеметных тачанок.

Опыт 1-й Конной убеждал в том, что в Красной Армии необходимо сохранить стратегическую конницу, действующую самостоятельно. Кроме того, конные части следовало придавать стрелковым дивизиям, корпусам. Реорганизация проводилась без достаточного учета опыта гражданской войны. Все это поставило конницу в очень тяжелое положение...

Сталин слушал меня не перебивая.

— Да, вижу, с кавалерией совсем худо, — сказал он. — Вам бы следовало вместе с Климентом Ефремовичем представить по этому вопросу специальное письмо. Но будем считать ваше сообщение за мнение Реввоенсовета 1-й Конной.

Я сказал, что, если надо, через неделю такое письмо представим. Сталин махнул рукой.

— Не будем терять времени. Лучше подумайте, как успешнее подготовить Боевой устав кавалерии. Дело это очень нужное.

Затем разговор зашел о коневодстве и коннозаводстве. Признаться, я не ожидал, что Сталин сведущ в этом деле. Он знал, сколько было в стране лошадей, сколько осталось после революции.

— Будем брать курс на полную механизацию народного хозяйства, в том числе земледелия, — сказал Сталин, — но пока построим заводы, пока научимся делать машины, придется выезжать на лошади. Ныне она — главное средство производства. Поэтому развитие коневодства — сейчас важнейшая задача...

Я сказал Сталину, что, если не будут приняты чрезвычайные меры, мы обречем наше коневодство на страшный упадок. Помимо восстановления конского поголовья надо особое внимание обратить на улучшение качества лошадей, выделить для деревни достаточное количество племенных, кровных. Этим мы заинтересуем самих крестьян, которые охотно помогут нам, и тогда сможем закупать хороших лошадей для армии.

Сталин заметил, что, на его взгляд, необходимо разработать единый государственный план использования племенного материала и расходования спецкредита.

— Но прошу учесть, — предупредил Сталин, — что нужно максимально использовать резервы на местах. А то у нас есть немало фактов, когда на местах с лошадью обращаются безобразно. Кстати, Семен Михайлович, тут в РВС Республики поступила жалоба. — И он многозначительно глянул на меня.

— Какая жалоба? — спрашиваю.

— На вас, Семен Михайлович. Говорят, что вы самоуправством занимаетесь. Что там у вас в Ростове приключилось?

И тут я вспомнил. Однажды утром направляюсь в штаб округа. Вижу: на полном галопе скачет по тротуару кавалерист. Люди шарахаются от него в стороны. Крикнул кавалеристу, чтобы остановился и подъехал ко мне.

— Откуда? — спрашиваю.

Он назвал кавалерийскую часть и доложил, что ездил в штаб округа с донесением, а сейчас спешит в часть.

Приказал кавалеристу слезть с лошади.

— Это что? — Я показал на окровавленные копыта лошади. Она была не подкована, а конник гнал ее по камням.

Да, я был крут и суров к тем, кто по-варварски относился к лошадям. Поэтому тот случай не оставил без внимания. Приказал забрать у бойца лошадь, а самого арестовать на десять суток. Вот он и написал на меня жалобу: дескать, поступает Буденный на манер царского офицера.

Уже когда я собрался уходить, Сталин сказал:

— Есть предложение, Семен Михайлович. Мы тут посоветовались в Реввоенсовете Республики и решили учредить должность помощника Главкома по кавалерии¹. Как вы на это смотрите?

— Я — за. Мера важная и нужная. Уверен, что это принесет большую пользу нашему общему делу — укреплению Красной Армии.

— Да, конечно, польза будет, но при одном условии — если на эту должность подберем знающего человека. — Он в упор посмотрел на меня. И вдруг сказал: — Вас рекомендую, Семен Михайлович.

Я опешил и не сразу нашелся, что сказать. Предложение было по душе. Я смог бы вплотную заняться вопросами дальнейшего укрепления красной кавалерии. И в то же время вполне отчетливо сознавал и как командир, и как коммунист, что много еще незавершенных дел осталось на Северном Кавказе.

Сталин, конечно, заметил мое смущение.

— Вы не решаетесь принять эту должность?

— Иосиф Виссарионович, спасибо за доверие, но разрешите мне еще побыть командармом и членом Реввоенсовета округа. — И я рассказал Сталину, почему считал это необходимым.

— Ну что ж, — сказал Сталин, — понимаю вас. Основания для такой просьбы с вашей стороны вполне убедительны. Давайте отложим все на год.

---

¹ Эта должность была учреждена в сентябре 1923 г. Ранее инспектором кавалерии РККА был Алексей Алексеевич Брусилов. — *Прим. авт.*

Весной 1922 года ЦК РКП(б) направил Анастаса Ивановича Микояна на партийную работу к нам, в Ростов-на-Дону, где он сначала был секретарем Юго-Восточного бюро ЦК, а затем до 1926 года работал секретарем Северо-Кавказского крайкома партии.

Мы с Ворошиловым хорошо знали Анастаса Ивановича и были рады его назначению в Ростов-на-Дону. Микоян еще в 1915 году вступил в партию большевиков, был на партийной работе в Баку, где с особой силой проявился его талант революционера-организатора. Осенью 1918 года, в период обороны Баку от войск германо-турецких империалистов, Анастас Иванович был комиссаром бригады Красной Армии и вместе с командовавшим революционными войсками Г. Н. Коргановым руководил боевыми операциями на фронте. Когда в августе 1918 года в Баку временно пала Советская власть, Микоян возглавил группу большевиков, которая, оставшись в занятом английскими интервентами городе, вела подпольную работу. В те дни английские интервенты зверски расстреляли 26 бакинских комиссаров. Микояну и некоторым другим большевикам удалось избежать расстрела, хотя они и находились в тюрьме. В феврале 1919 года по требованию бакинских рабочих английские оккупанты вынуждены были освободить и выслать этапом Анастаса Ивановича и его товарищей по борьбе.

В. И. Ленин хорошо знал Микояна как закаленного большевика-революционера и не случайно, когда встал вопрос о назначении Анастаса Ивановича секретарем Юго-Восточного бюро ЦК, Владимир Ильич поддержал его кандидатуру.

Прибыв в Ростов-на-Дону, Микоян с большой энергией взялся за работу. Мы, члены Реввоенсовета Северо-Кавказского округа, сразу ощутили это на себе. Анастас Иванович бывал почти на всех заседаниях РВС, делился своими мыслями о том, как скорее ликвидировать бандитизм на Дону и Северном Кавказе, как наладить работу промышленных предприятий и т. д. Работать с Микояном было интересно. По складу характера Анастас Иванович отличался большой выдержкой, тактом, умел поправлять ошибки партийных работников и не боялся признать свои. Импонировала нам его личная храбрость. Как-то

вскоре после приезда Микояна в Ростов-на-Дону мне стало известно, что он, секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП (б), ходит без охраны. А ведь в то время в Ростове было небезопасно: под видом рабочих скрывалось еще немало белогвардейских офицеров-деникинцев, всякого рода бандитов, которые покушались на ответственных партийных работников. При встрече с Микояном я сказал ему об этом. Анастас Иванович усмехнулся:

— А вы сами, Семен Михайлович, тоже ходите без охраны.

Позже и Ворошилов то же самое сказал Микояну, но Анастас Иванович в ответ лишь улыбнулся.

Положение на Северном Кавказе и в 1922 году оставалось тяжелым. Недоставало самого необходимого, что вызывало недовольство населения и даже рабочих.

В июле и августе 1922 года я был в станице Динской, под Краснодаром. Там получил телеграмму Микояна, в которой он просил связаться с местными партийными органами и оказать им помощь людьми и транспортом в заготовке хлеба. Хлеб предназначался для голодающей Москвы и Ростова-на-Дону. В короткий срок мы снарядили несколько эшелонов, хотя для этого пришлось преодолеть большие трудности.

Прибыл я с первым эшелоном в Ростов-на-Дону утром. И сразу — к Микояну на квартиру. Встретил он меня приветливо. Веселый такой, ходит по комнате, потирает руки. А потом остановился около меня и сказал:

— А у меня, Семен Михайлович, радость большая — сын родился. Степаном назвал, в честь Шаумяна. Вот иди сюда, посмотри...

Анастас Иванович провел меня в другую комнату, приоткрыл на кровати марлевою простыню.

— Значит, нашего полку прибыло! — пошутил я и от души поздравил Микояна и его жену с рождением сына.

Я сообщил Анастасу Ивановичу, что привел эшелоны с хлебом. Микоян обрадовался:

— Владимир Ильич очень просил прислать в Москву хоть несколько вагонов хлеба. Тяжело в столице. Да и здесь дела неважные... — Он сделал паузу. — Итак, хлеб есть. Я сейчас поручу товарищам распределить его: третью часть — Ростову-на-Дону, а две трети — Москве. И сегодня же отправим хлеб.

Я рассказал Анастасу Ивановичу об обстановке в тех краях, где части Конармии ликвидировали последние отряды бандитов. Когда собрался уходить, Микоян попросил меня выступить на фабрике «Дукат», в железнодорожных мастерских и на заводе «Аксай».

— Там были срывы в работе из-за недостатка хлеба. Надо поговорить с рабочими по душам. Я прошу, Семен Михайлович, найти для этого время. Люди знают вас, и я уверен, что поймут наши трудности.

Моя встреча с рабочими фабрики прошла хорошо, а вот в железнодорожных мастерских некоторые рабочие настороженно встретили меня. Я рассказал, что все бандитские отряды в камышах и горах уничтожены частями Конармии, если кто и сбежал, то недолго ему бродить, как волку. Сейчас у нас перебои с хлебом. Вся Россия голодает. Товарищ Ленин тоже на пайке, как и все мы. А кто в этом виноват? Виноваты наши враги да война, которую только что закончили. Советская власть принимает все меры, чтобы скорее выйти из тяжелого положения. На Кубани заготовлено для вас несколько эшелонов. Они прибыли. Прошу вас помочь разгрузить.

Наступила напряженная тишина, кое-кто стал перешептываться.

— В странах капитала, — продолжал я, — где у власти стоит буржуазия, там рабочие бастуют потому, что буржуи сосут из них кровь, эксплуатируют их труд, а барыши кладут себе в карман. А у нас власть-то наша. Работаем на себя. И товарищ Ленин призывает нас не покладая рук трудиться во имя Республики. От вас, товарищи, зависит многое. Если каждый будет честно работать, то мы скорее ликвидируем голод и разруху. А тех, кто будет идти против нас, наше советское правосудие будет карать.

— Правильно! — раздались голоса. — Надо делаться с подстрекателями.

Зачинщиками срыва работы оказались меньшевики и эсеры. При обыске у каждого из них были найдены большие запасы муки и зерна.

5

В декабре 1922 года нам с Ворошиловым вновь довелось побывать в Москве — делегатами I Всесоюзного съезда Советов.

Задолго до начала работы съезда у Главкома С. С. Каменева состоялось совещание командующих и членов реввоенсоветов округов. Главком сообщил тогда нам, что ему поручено выступить на I Всесоюзном съезде Советов от имени личного состава Вооруженных Сил Республики.

С. С. Каменев очень заботливо относился к делам и нуждам войск Северо-Кавказского военного округа, куда входила и 1-я Конная армия. Он часто звонил нам в Ростов, интересовался состоянием дел в войсках, нередко лично оказывал Реввоенсовету округа практическую помощь. И в этот раз С. С. Каменев выслушал нас с большим вниманием. К. Е. Ворошилов обстоятельно доложил Главкому обстановку в округе. Прошел всего год, как был организован наш округ. Трудности ощущались во всем. Но, несмотря на это, войска округа настойчиво выполняли задачи, поставленные командованием Красной Армии. Как известно, численность войск была сокращена, однако требовалось не снижать их боевой мощи.

— Самое трудное для нас, — докладывал Ворошилов Главкому, — это неграмотность. Одна треть бойцов округа не умела ни читать, ни писать. Реввоенсовет округа обязал командиров и политработников обучить бойцов грамоте. В окружной газете ведется специальный раздел... Словом, приняли все меры. Однако и сейчас в частях еще много неграмотных.

Главком заметил, что Реввоенсовет округа делает очень нужное дело.

— Когда боец умеет писать и читать, ему легче разобраться в политике, легче усваивать военное дело. Тут уж, товарищи, старайтесь.

Были обсуждены также насущные вопросы обучения войск, строительства для них казарм и т. д.

— Это не дело, когда бойцы размещены на частных квартирах, — сказал С. С. Каменев. — Бойцы должны жить в казармах, тогда легче крепить в войсках дисциплину, легче обучать их.

На совещании были затронуты и вопросы военной реформы, которая уже стояла на повестке дня.

А 30 декабря все спешили в Большой театр на съезд Советов, которому предстояло принять решение и соответствующие документы об образовании СССР. Зал и прилегающие помещения быстро заполнились. В состав рос-

сийской делегации входили К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, А. С. Бубнов, А. И. Микоян, Таштемир Эльдерханов. М. В. Фрунзе был делегатом от Украинской ССР. Много было и других знакомых и сослуживцев. У всех приподнятое настроение. Среди делегатов — закаленные в невзгодах революционеры, побывавшие в тюрьмах и в ссылках, активные участники Октябрьской революции и гражданской войны. Они вынесли на своих плечах всю тяжесть создания новой армии и организации отпора врагу. Было о чем поговорить во время встреч, что вспомнить в такой торжественный день.

Я давно уже не виделся с Серго Орджоникидзе, и вот — встреча. Серго очень много сделал для укрепления Советской власти на Дону и Северном Кавказе. Когда 1-я Конная армия в марте — апреле 1920 года направлялась на польский фронт, Серго Орджоникидзе был назначен председателем вновь образованного Северо-Кавказского ревкома, который первое время был руководящим органом Советской власти в крае. Вместе с С. М. Кировым, входившим тогда в Реввоенсовет 11-й армии, которая освободила Ставрополь, он побывал во многих станциях и городах Северного Кавказа. Позже, работая в Азербайджане, Г. К. Орджоникидзе не забывал и Северный Кавказ. Он не раз выезжал из Баку в Ростов, на Ставрополье, Терек, в Дагестан. На I Всесоюзный съезд Советов Серго Орджоникидзе приехал из Закавказья. Его роль в разработке и проведении в жизнь мероприятий, связанных с государственным устройством Закавказской Федерации и вхождением республик Закавказья в состав СССР, была огромной, и мы все это знали.

Серго пожурил меня, что засел я, как он выразился, в Ростове и до сих пор не приехал в Закавказье.

— Я помогал вам, Семен Михайлович, на Северном Кавказе, а вы, дружок, ко мне еще ни разу не приехали. Негоже так. Вот возьму и пожалуюсь в ЦК, — шутливо добавил Серго.

— В округе у нас столько дел, что мы с Ворошиловым и дома-то редко бываем!..

— Это правда, Григорий Константинович, — подтвердил Климент Ефремович.

День образования Союза Советских Социалистических Республик стал большим праздником нашего наро-

да. Потоком шли к Большому театру трудящиеся Москвы, демонстрируя свое единение с партией, приветствуя делегатов.

На съезд прибыло 2215 делегатов. Почетным председателем съезда делегаты избрали В. И. Ленина. Под бурные аплодисменты было оглашено и принято приветствие почетному председателю съезда, вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину. Председателем съезда избрали М. И. Калинина. М. В. Фрунзе вошел в состав президиума съезда.

Владимир Ильич из-за болезни не присутствовал на съезде, но подготовка съезда, разработка исторических государственных документов велись под его непосредственным руководством.

В ряде своих работ Владимир Ильич подчеркивал насущную необходимость для всех наций и народностей бывшей России объединиться в единое демократическое централизованное Советское государство, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого. Эта тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме¹.

После того как была победоносно завершена гражданская война и страна вплотную приступила к подъему экономики, на повестку дня встал вопрос о дальнейших взаимоотношениях между четырьмя суверенными советскими республиками — РСФСР, УССР, БССР и Закавказской Федерацией. Этот вопрос выносился на Пленум ЦК РКП(б). Была создана комиссия из представителей всех республик. Первый разработанный проект объеди-

---

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 164.

нения республик имел в виду вступление их в РСФСР на началах автономии.

Проект резолюции и все другие материалы были направлены Владимиру Ильичу в Горки. Ленин подверг резкой критике это предложение и выдвинул идею полного равноправия республик, идею создания нового государственного образования — Союза Советских Социалистических Республик. 6 октября 1922 года Пленум ЦК РКП(б) принял проект резолюции, исправленный с учетом предложений Ленина, и создал комиссию, которой поручалось подготовить материалы для оформления Союзного Договора.

Решение октябрьского Пленума ЦК РКП(б) было одобрено центральными комитетами республиканских компартий, обсуждалось местными партийными органами, пропагандировалось и разъяснялось в печати.

В декабре во всех республиках состоялись съезды Советов: VII Всеукраинский, I Закавказский, IV Всебелорусский и X Всероссийский. Делегаты съездов единодушно одобрили ленинские принципы создания союзного государства, приняли резолюции об образовании СССР, избрали полномочные делегации на I Всесоюзный съезд Советов.

Съезд тщательно готовился. Владимир Ильич, несмотря на болезнь, лично следил за тем, чтобы ни в коем случае и ни в чем не нарушались суверенные права республик, входящих в Союз. Подготовленные для съезда документы вручили делегатам заранее. 29 декабря в Большом Кремлевском дворце состоялась конференция полномочных представителей делегаций республик, рассмотревшая повестку дня съезда, проекты Декларации и Договора об образовании СССР.

Съезд прошел исключительно по-деловому. Доклад (очень короткий) о создании Союза Советских Социалистических Республик сделал И. В. Сталин.

— В истории Советской власти, — сказал он, — сегодняшний день является переломным. Он кладет вехи между старым, уже пройденным периодом, когда советские республики хотя и действовали вместе, но шли врозь, занятые прежде всего вопросом своего существования, и между новым, уже открывшимся периодом, когда республики объединяются в единое союзное государство для успешной борьбы с хозяйственной разрухой,

когда Советская власть думает уже не только о существовании, но и о том, чтобы развиться в серьезную международную силу, могущую воздействовать на международную обстановку, могущую изменять ее в интересах трудящихся...¹

И. В. Сталин огласил Декларацию и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик.

Председательствующий предоставил слово М. В. Фрунзе. Михаил Васильевич внес предложение утвердить в основном Декларацию и Договор и ввиду исключительной важности документов, а также с целью выслушать окончательные мнения республик передать Декларацию и Договор на дополнительное рассмотрение ЦИК союзных республик. Полученные от них отзывы должна была рассмотреть очередная сессия ЦИК СССР и немедленно ввести в действие текст Декларации и Союзного Договора...

Делегаты единогласно приняли это предложение.

От имени Красной Армии выступил Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики С. С. Каменев. Его появление на трибуне было встречено бурными продолжительными аплодисментами. Раздавались крики: «Да здравствует Красная Армия!»

— Красная Армия омолаживает себя, — сказал С. С. Каменев. — Сильные боевые кадры непобедимых бойцов Красной Армии периода гражданской войны уходят и сменяются молодежью, но эта молодежь прекрасно знает заветы и традиции непобедимой Красной Армии и заверяет съезд, что задачу охраны границ, охраны советских республик она с честью выполнит.

И снова гремели аплодисменты...

На заключительном заседании председательствовал М. В. Фрунзе.

Делегаты избрали высший орган — Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик (371 член и 138 кандидатов), куда вошли Владимир Ильич Ленин, Иосиф Виссарионович Сталин, Михаил Иванович Калинин, Григорий Константинович Орджоникидзе, Климент Ефремович Ворошилов,

---

¹ См. I съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. Стенографический отчет. М., изд. ВЦИК, 1922, стр. 5.

Сергей Сергеевич Каменев, Анастас Иванович Микоян, Таштемир Эльдерханов, Михаил Васильевич Фрунзе, Сергей Миронович Киров.

С громадным вниманием слушали мы заключительную речь председателя съезда М. И. Калинина. Михаил Иванович выражал то, что чувствовал, о чем думал каждый делегат. Открывалась новая яркая страница в истории человечества.

— И то, что сегодня — при сравнительно скромной обстановке — происходит, является событием мировой важности. Может быть, сейчас, в данный момент, важность этого события не вполне сознается, но оно с каждым днем будет иметь все большее и большее значение на политическом горизонте. В этом нет никакого сомнения. Во-первых, этот объединительный съезд даст нам возможность усилить наши материальные ресурсы в противовес враждебному нам буржуазному миру. Во-вторых, объединение советских республик и в политическом отношении в огромной степени усиливает реальное значение советских республик перед всем буржуазным миром. И наконец, в-третьих, мы здесь закладываем первый камень действительного братского общежития.

На первой сессии ЦИК Союза ССР в соответствии со статьей 10-й Союзного Договора мы избрали президиум ЦИК и из состава президиума — четырех председателей: М. И. Калинина, Г. И. Петровского, А. Г. Червякова и Н. Н. Нариманова.

После заседания мы горячо поздравили народных президентов. Михаил Иванович, когда я крепко пожал ему руку, в свою очередь поздравил меня с избранием членом ЦИК.

— Вот плоды революции, — сказал он. — Кто пять лет назад знал Буденного? Никому не известный человек, бедняк-крестьянин, рядовой солдат, а сегодня полководец, государственный деятель. Право, я вам даже завидую. Слышали, — обратился Михаил Иванович ко всем, кто окружал нас, — песни о нем поют: «Веди ж смелее нас, Буденный, в бой...» А обо мне вот не поют...

И Калинин так произнес эти слова, так развел руками, что все вокруг рассмеялись. Михаил Иванович ведь пользовался громадным авторитетом в народе!

Позднее, на второй сессии ЦИК, был образован

Совет Народных Комиссаров СССР и назначены народные комиссары союзных комиссариатов — по иностранным делам, по военным и морским, внешней торговле, путей сообщения, почты и телеграфа, рабоче-крестьянской инспекции, труда, продовольствия, финансов.

Председателем Совета Народных Комиссаров СССР утвердили Владимира Ильича Ленина.

6

В январе 1923 года Анастас Иванович Микоян пригласил к себе Ворошилова и меня.

— Подписан декрет ВЦИК, — сказал он, когда мы вошли в его кабинет. — Чечня объявляется автономной советской областью. Надо сообщить об этом чеченцам. Создана делегация. В нее входят вы оба, Левандовский и еще ряд товарищей. Возглавляю делегацию я. Завтра выезжаем в Грозный. Проведем митинг, созовем съезд, выберем ревком.

— Придется быть в аулах? — поинтересовался я.

— Конечно, — кивнул Микоян.

— Какие будут указания насчет охраны? В Чечню ехать небезопасно. Кое-где еще действуют бандиты, особенно в горах.

Микоян пожал плечами.

— Охраны никакой брать нельзя. Что подумает о нас народ? Скажут: бояться большевики.

Я внимательно посмотрел на Ворошилова и предложил:

— Оркестр возьмем?

— Обязательно, — усмехнулся он. — Два возьмем. Пусть играют попеременно. Чеченцы любят музыку.

— Правильно, два оркестра, — согласился я.

— Оркестры берите, не возражаю, — сказал Микоян.

Предоставление Чечне автономии было очень важным событием.

На Северном Кавказе в числе других административных единиц была и Терская область. Вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции был созван в Моздоке в январе 1918 года I съезд народов Терской области. Второй съезд, состоявшийся в феврале — марте 1918 года в Пятигорске, признал Советскую власть, официально объявил Терскую область

Автономной Советской Республикой. На съезде присутствовал делегат Чечни Асланбек Шерипов.

После этого в ауле Гойты состоялся съезд чеченского народа. Съезд признал Советскую власть и выбрал руководящий орган— Гойтинский народный совет. В него вошли коммунист чеченец Таштемир Эльдерханов, Асланбек Шерипов и другие.

В последующие месяцы Северный Кавказ стал ареной ожесточенной борьбы. Один за другим вспыхивали контрреволюционные мятежи. Вскоре район оккупировали белогвардейские части Деникина.

В марте 1920 года после разгрома Деникина Советская власть в районах Северного Кавказа была восстановлена. 13 ноября состоялся съезд народов Дагестана. От имени Советского правительства И. В. Сталин провозгласил автономию Дагестана. 17 ноября во Владикавказе состоялся очередной съезд народов Терской области, который принял решение образовать на территории Терской области Горскую АССР, вошедшую в состав РСФСР. Декретом ВЦИК от 20 января 1921 года Горская АССР была создана. Она объединяла осетин, ингушей, чеченцев, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев и другие народности.

Национальное размежевание продолжалось. Позднее от Горской АССР отделились, образовав автономные области, Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия. Затем — Чечня, Ингушетия, Осетия. Горская АССР была упразднена. Ныне на Северном Кавказе как равноправные члены братской семьи народов великого Советского Союза находятся четыре автономные республики, входящие в СССР,— Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская. И две автономные области: Адыгейская (в составе Краснодарского края) и Карачаево-Черкесская (Ставрополье).

Но вернемся к нашему повествованию.

Мы стали готовиться к отъезду в Грозный.

— Одевайся по всей форме,— сказал Ворошилов и предложил заменить обычную боевую шашку подарком Фрунзе — шашкой эмира бухарского. Одел мне красную ленту через плечо. Потом отступил и несколько секунд осматривал. Со свойственным ему мягким юмором Климент Ефремович произнес:

— Хорош! И усы как нельзя кстати. Пусть чеченцы

посмотрят, как выглядит Буденный — гроза белогвардейцев.

Я начинал сердиться.

— Ну-ну, потерпи, — шутил Ворошилов, — чеченцы любят красивую форму. Веди себя, как подобает красному генералу: с достоинством, но по-пролетарски.

— Что же я должен делать «по-пролетарски»?

— Увидим по обстановке.

В назначенное время Микоян, Ворошилов, Левандовский, Таштемир Эльдерханов, я и другие специальным поездом выехали в Грозный. На вокзале нас встретили представители партийных и советских организаций города. В Грозном созвали короткое совещание с участием местных руководящих товарищей. Решили объявить об автономии Чечни в торжественной обстановке, на митинге, где должны были собраться наиболее влиятельные жители всех чеченских аулов. Стали думать, где созвать митинг. Грозный отпал с первых же минут обсуждения. Местные бандиты часто нападали на предместья города, грабили склады, поджигали промышленные предприятия. Опасаясь возмездия, чеченцы в город не придут. Все пришли к единому мнению — провести митинг в самом большом селении Чечни. Таким был Урус-Мартан, расположенный примерно в 30 километрах от Грозного. Конечно, бандиты могли запросто напасть на нас. Но, как говорится, волков бояться — в лес не ходить. К опасности мы привыкли. К тому же перед отъездом в Грозный хорошо вооружили сопровождавших делегацию музыкантов; они одновременно являлись и нашей охраной. Товарищи из Грозного выделили связных.

И вот мы едем в Урус-Мартан. Впереди на конях два наших оркестра со знаменами. На пиках — красные флажки. Едва отъехали несколько километров, со всех сторон к нашему кортежу стали примыкать верховые чеченцы. Все вооружены кто чем: револьверами, кинжалами, шашками, винтовками.

— Ну, как самочувствие? — спросил меня Ворошилов, кивнув головой в сторону чеченцев, которых набралось уже немало.

— А ничего, — ответил я. — Не в таких переделках бывали.

Чеченцы вели себя мирно. Они видели, что нас немного и едем мы с добрыми намерениями.

— Надо поговорить с народом, рассказать, кто мы, куда и зачем направляемся,— обратился Ворошилов к Микояну.

Наша группа остановилась. Оркестр — тоже. Ворошилов привстал на стременах и громко крикнул:

— Товарищи!

Чеченцы подъехали ближе.

— Мы приехали сюда, — сказал Климент Ефремович, — чтобы сообщить вам радостную весть. Советское правительство выделяет Чечню в автономную область. Вы начнете новую, культурную жизнь в новых условиях. Да здравствуют горные орлы революционной Чечни!

Многие из чеченцев хорошо знали русский язык и переводили слова Ворошилова тем, кто не понимал порусски. Когда Климент Ефремович закончил, всюду загремело «ура». По нашему знаку оркестр исполнил «Интернационал».

— Начало хорошее, — сказал Левандовский.

С нами был фотограф. Ему пришлось изрядно потрудиться. Отбоя не было от желающих сфотографироваться.

На нашем пути — исторический аул Гойты. Видны красные флаги, установленные на крышах домов чеченцев.

— Хорошо встречают, — удовлетворенно сказал Ворошилов.

Все население Гойты, начиная от ребятишек и кончая стариками, вышло на широкое свободное поле. Они приветствовали нас громкими возгласами.

Чеченцы пережили все ужасы белогвардейщины. Когда летом 1918 года в Терской области вспыхнул контрреволюционный мятеж, для защиты Советской власти в Чечне, как и в других местах, стали создаваться отряды Красной Армии. Красноармейцами Чечни командовал Асланбек Шерипов. Восстание было подавлено. Но в феврале 1919 года в пределы Чечни вступили регулярные белогвардейские части Деникина. В ряде районов, в том числе в Гойты, развернулись ожесточенные бои. В одном из них в сентябре 1919 года отважный сын чеченского народа Асланбек Шерипов погиб. Около

Гойты — кладбище. Здесь погребены красноармейцы, павшие в боях с белогвардейцами.

Мы остановились у кладбища почтить память героев. Все обнажили головы. Климент Ефремович произнес краткую речь. Оркестр исполнил похоронный марш. Проявление с нашей стороны такого уважения к погибшим произвело сильное впечатление на чеченцев.

По мере приближения к Урус-Мартану число сопровождавших нас всадников все увеличивалось — их было уже несколько сот. Иные из всадников вырывались вперед и старались ближе подъехать ко мне. Часто я ловил на себе их любопытные взгляды. Доносились отдельные слова:

— Красный генерал! Красный генерал!

— Это о вас,— перевел Эльдерханов, обращаясь ко мне.

— Народ уже собрался,— сказал Климент Ефремович.— Приедем на место и сразу начнем.

Вот и аул. Остановились на широкой поляне. Местные товарищи быстро соорудили трибуну, и в четыре часа Климент Ефремович открыл митинг.

Передаю его речь, как она была изложена в газетном отчете.

— Товарищи трудовые чеченцы! — сказал Ворошилов.— Мы прибыли сюда по поручению высшего органа Советской власти — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, с тем чтобы объявить вам волю правительства Советской трудовой Республики о создании автономной Чеченской красной самостоятельной области.

Товарищи! Горные орлы недоступных гор Кавказа! Далеко за грозненские нефтяные вышки пронесся клич о даровании автономии трудовому чеченскому народу. Приветствуя вас на вашей родной земле, я выражаю уверенность в том, что вновь создаваемая семья трудовых чеченцев будет бороться честно и доблестно за те интересы, за которые неустанно и самоотверженно бились ваши лучшие сыны в упорной схватке с прихлебателями и наймитами внутренней и внешней буржуазии, пытавшейся поработить трудовой народ.

Область чеченского народа есть дополнение к великому, мощному советскому организму, простирающемуся от Кавказских гор до Тихого океана.

Здесь, на вашей трудовой земле, вы будете строить нашу мощную крепкую Советскую Республику, строго охраняя интересы трудящихся.

Прошлое вашего народа дает нам полное право судить о том, что чеченский народ сегодня или завтра явится лучшей опорой Советской власти на Северном Кавказе. История ваших предков — дедов и отцов — полна героизма в мировой схватке со всеми насильниками, пытавшимися поработить и закабалить трудящихся. Ваш народ был вольным, свободным — вы не были и не желали быть рабами и прихлебателями.

Жизнь и условия борьбы выковали из вас стойких борцов за торжество всемирной революции. И это дало вам право на сегодняшнее торжество. Несмотря на то что на Советскую власть в течение четырех лет нападали со всех сторон капиталисты и прихвостни всех мастей, она выходила из всех схваток победительницей.

Советская власть — самая сильная и мощная во всем мире, потому что у нее есть верный страж — Красная Армия.

Выделение в автономные области Кабарды, Карачая имеет реальные результаты, а именно уничтожение бандитских шаяк, налаживание мирного хозяйства. Кроме того, народ, освобожденный от существующей между отдельными народностями вражды, приступает к мирному труду.

Именем Республики вашему народу предоставлено право полного самостоятельного управления в целях улучшения вашего положения, как экономического, так и культурного, и приведения в мирное состояние земли, занимаемой вами.

30 ноября ВЦИК постановил: выделить Чечню из состава Горской Республики в автономную область с резиденцией в Грозном. Границы определяются административной комиссией ВЦИК. В состав ревкома входят 13 человек. Это и есть воля нашего и вашего правительственного органа.

Свобода самостоятельного управления дарована вам не царем и князем, а самими же трудящимися. Это дает нам широкое право надеяться, что различным бандитским и разбойничьим выступлениям не будет больше места в красной свободной Чечне. Отныне в Чечне на-

ступит порядок, и трудовой народ построит свою трудовую, новую жизнь.

Да здравствуют красные орлы недоступных гор Кавказа!

Да здравствует новая красная Чеченская область!

Да здравствуют свободные воины — красные чеченцы!

Свою речь Климент Ефремович закончил под громкие крики «ура». Оркестр исполнил «Интернационал».

Затем слово предоставили мне. Я рассказал о Красной Армии, о победах, одержанных над Деникиным, Колчаком, Врангелем, белополяками, о том, как создавалась 1-я Конная, о подвигах конармейцев. Наша Советская Родина так сильна в военном отношении, сделал я вывод, что никому из врагов не удастся отнять у нас завоевания Октября.

Приветствуя народ свободной Чечни, я высказал уверенность, что теперь чеченский народ наведет у себя твердый революционный порядок и на чеченской земле не будет места тем, кто покушается на права и жизнь трудящихся.

Выступил Эльдерханов. Он говорил о нуждах чеченского народа: нет школ, нет больниц; дороги и мосты находятся в плохом состоянии. Бандиты нападают на железные дороги, нефтепромыслы, совершают грабежи. Действия бандитов позорят чеченский народ, мешают укреплению его дружбы с русскими, дагестанцами, осетинами, ингушами. Надо навести в области твердый советский порядок.

После него произнесли речи Микоян и Левандовский. Затем слово взял мулла Ут-Гаджиев. Он сказал, что наемники Антанты распространяют слухи, будто большевики уничтожают мечети, вырезают всех мулл.

— А я был в Москве, — заявил Гаджиев, — зашел там в мечеть. Несмотря на то что в центре России проживает весьма малое количество горских народов, все мечети находятся в полном порядке.

Мы собирались после митинга вернуться в Грозный. Но нас пригласили в гости. Делать нечего, пришлось остаться, иначе чеченцы сочли бы нас трусами. Разместили нас в двух комнатах большого дома. Никакой мебели нет. Расселись на подушках, на коврах. Эльдер-

ханов разъяснил нам, каковы обычаи чеченцев, что и как мы должны есть, как себя вести. Пока мы угощались, у дома собралась молодежь. Послышалась музыка. Начались своеобразные горские танцы, стремительные, шумные. Мы вышли к молодежи, вместе с хозяевами стали аплодировать танцорам. Число танцующих все увеличивалось. Не выдержал и пустился в пляс гармонист. Одновременно он плясал и играл. Загорелась кровь и у меня. Вспомнил наказ Ворошилова — вести себя с достоинством, но по-пролетарски — и посмотрел на него. Он понял меня, улыбнулся и кивнул головой. Я вошел в круг и принялся плясать, да с таким азартом, как будто сам жил в горах, лихо отплясывал лезгинку. Чеченцы были в восторге. Круг зрителей рос. Десятки людей в такт хлопали в ладоши и громко кричали: «Асса! Асса!»

Поздно ночью закончилось веселье. Мы уже собрались лечь, когда нам доложили, что в ауле находится вожак одной из бандитских шаяк Али Митаев. Остались в селе и другие главари вооруженных отрядов, присутствовавшие на митинге.

Не один раз приходилось нам проводить разъяснительную работу среди врагов, ожидая каждую секунду, что вот-вот пойдет в ход оружие. Почему же не воспользоваться случаем и теперь? И мы поручили Эльдерханову пригласить Митаева в дом для беседы.

И вот распахнулась дверь. В сопровождении двух охранников в комнату вошел стройный средних лет мужчина в национальной чеченской одежде, на поясе — кинжал, револьвер, сбоку — шашка. Это был Али Митаев. Мы пригласили его сесть. По его знаку охранники вышли.

Беседовали через переводчика. Мы спросили, почему он борется против Советской власти, которая стоит за народ и которая дает право народу. Он ответил, что борется с русскими угнетателями. В свое время царское правительство арестовало и отправило в тюрьму его отца, где тот умер. Такая судьба ждет и его, Али Митаева, и других.

Мы заявили, что Советская власть за действия царского правительства не отвечает, а против него, Али Митаева, мы ничего не имеем и готовы гарантировать ему и всем его товарищам полную свободу, если, конечно, он прекратит борьбу с Советской властью.

Али Митаев долго и подробно расспрашивал нас, что означает автономия на деле, как теперь будет управляться область, по каким законам жить. Наконец, сказал, что сложит оружие, если русские введут его в состав местной власти. Мы приняли его предложение. А. И. Микоян доложил о нем в Москву. И вскоре Али Митаев был введен в состав ревкома Чеченской автономной области.

19 января 1923 года в Грозном состоялся первый областной съезд трудящихся чеченцев. Съезд избрал революционный комитет автономной области. Его председателем стал Таштемир Эльдерханов.

11. В РЕВВОЕНСОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ

I

Постепенно жизнь края входила в нормальное русло. Уже в конце прошлого года мы могли доложить в ЦК, что с политическим бандитизмом в крае покончено. С укреплением органов милиции, суда и прокуратуры уменьшились уголовные преступления. Возрождалась экономика.

Наиболее пострадало от гражданской войны и бандитизма сельское хозяйство. Посевная площадь сократилась в три раза. Количество крупного рогатого скота и лошадей уменьшилось в два раза, свиней — в десять раз. Состояние виноградарства и садоводства было катастрофическим. Табаководство уничтожено начисто. И, как назло, край постигли одно за другим стихийные бедствия: засуха, нападения саранчи, грызунов. В 1922 году борьба с саранчой велась на площади, превышающей 200 тысяч гектаров. В 1923 году помимо саранчи урожаю угрожали мыши. Они расплодились на площади более чем в миллион гектаров.

Партия и правительство делали все возможное для быстрого подъема сельского хозяйства края. Осенью 1921 года было роздано населению свыше миллиона пудов семян озимых хлебов, а в 1922 году — свыше трех миллионов пудов яровых и озимых. На посев в 1923 году выделили 1 700 тысяч пудов. Отпускались денежные кредиты на приобретение сельскохозяйственных орудий и рабочего скота. Создавалась сеть агро- и ветучастков, ликвидировалась агротехническая неграмотность населения. Проводилось землеустройство. Уничтожались дальнеземелье и чересполосица. Наделялись землей без-

земельные и «иногородние». Начинались крупные мелиоративные работы.

Один за другим вступали в строй заводы, главным образом перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию.

18 марта 1923 года открылась вторая партийная конференция Северо-Кавказского военного округа. На повестке дня стояли вопросы международного и внутреннего положения и задачи Красной Армии, милиционная система в Красной Армии, налоговая политика в деревне, материальное состояние войск округа, задачи партработы, работа с комсоставом и молодым пополнением и другие.

С докладом по первому вопросу выступил К. Е. Ворошилов.

Делегаты всесторонне обсуждали вопросы милиционной системы Красной Армии. Помощник командующего войсками округа Левандовский, выступивший с докладом, отметил, что наша Красная Армия имеет смешанный характер: в ее составе есть постоянные части и части милиционные. По этому поводу еще немало идет споров, но одно бесспорно: нам нужна кадровая армия, и если мы сократили Красную Армию, то исходили при этом из того, чтобы сохранить как можно большее число основных воинских соединений, а также проверить пригодность в наших условиях милиционных методов формирования и обучения бойцов, особенно призывной молодежи.

— У нас в округе также есть воинские части, переведенные на милиционную систему,— сказал Левандовский,— но у них не все блестяще. Опыта тут крайне недостаточно, и мне трудно утверждать, что милиционная система формирования и обучения войск оправдала себя...

По этому важному вопросу выступали многие делегаты. Пришлось и мне взять слово. Я напомнил собравшимся резолюцию VIII съезда РКП(б) по военному вопросу, в которой, в частности, отмечалось, что самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и крестьян в условиях, близких к их повседневному труду. Общее оздоровление промышленности, повышение производительности сельскохозяйственного труда, коллективизация создали

бы самую здоровую основу для армии. Все это, разумеется, бесспорная истина, но кое-кто из командиров с переходом частей на милиционную систему ослабил обучение личного состава и политическую работу среди бойцов, оправдывая эти упущения тем, что, мол, теперь надо теснее крепить связь с местным населением, в контакте с рабочими и крестьянами осуществлять строительные и земельные работы и т. д.

— Для нас, военных, нет важнее задачи, — говорил я, — чем задача дальнейшего укрепления боеготовности частей и подразделений округа. Народ, партия возложили на свою Красную Армию защиту священных рубежей молодой Советской Республики, и выполнить свои обязанности до конца — долг всех командиров и бойцов.

Партийная конференция прошла успешно. Бойцы и командиры правильно понимали свои задачи, решали их настойчиво и целеустремленно, хотя давалось это нелегко.

Дополнительной нелегкой задачей стала, в частности, борьба с уголовщиной. В Ростове мы провели месячник по борьбе с уголовным бандитизмом, обсудили итоги на заседании Ростово-Нахичеванского горсовета. Выявилась такая картина — уголовным розыском только за февраль было выловлено 120 опасных преступников, произведено 20 крупных облав, взято под наблюдение до 250 притонов. Была разоблачена и ликвидирована банда «степных дьяволов», которая орудовала в Ростове и округе.

Явными пособниками контрреволюции были самогонщики. Из зерна, сахара и других продуктов, в которых население Дона испытывало острую нужду, они варили самогон. Самогонщики зарабатывали бешеные деньги. Свою продукцию они сбывали в таких местах, где не было милиции и где они чувствовали себя в безопасности. В дело борьбы с самогонщиками, говорили мы на заседании горсовета, необходимо втянуть широкие массы. Без участия самого населения ликвидация самогонщиков будет весьма затруднительной. Мы предложили развернуть среди рабочих широкую культурно-просветительную работу, укомплектовать надежными силами угрозыск.

Плохо обстояло дело с санитарным состоянием в Ростове, Нахичевани и в других городах Дона. Участи-

лись случаи заболевания тифом и холерой. Нам пришлось создать Чекахол — Чрезвычайную комиссию по борьбе с холерой и другими эпидемиями. Меня назначили ее председателем. Ряд срочно принятых мер принес положительные результаты. Если в 1922 году в Ростове только в феврале было более 100 случаев заболевания холерой, то в 1923 году не зарегистрировано ни одного случая. В январе в Ростове насчитывалось более 250 больных сыпным тифом и 450 тифом возвратным, через полгода — ни одного больного. Иначе обстояло дело с малярией, которая была объявлена общегосударственным бедствием, так как число заболеваний все увеличивалось. Увеличивались также по сравнению с прошлым годом и инфекционные заболевания среди детей.

Ростов никак не мог выйти из полосы то одних, то других эпидемий из-за антисанитарного состояния города. Реввоенсовет округа вместе с работниками отдела здравоохранения обсудил вопрос об усилении борьбы с эпидемиями. Решили срочно провести ряд неотложных мер. К ним относились: ремонт водопровода, организация бесплатной бани с дезинфекционной камерой, ликвидация свалок, разгрузка школ и другое.

25 марта 1923 года в Ростове состоялась первая краевая партийная конференция. Она обсудила международное и внутреннее положение Советской России, отчет Юго-Восточного бюро ЦК и вопросы экономического строительства края с содокладами о состоянии промышленности и сельского хозяйства. До нас доходили слухи о резком ухудшении здоровья Владимира Ильича. Каждая такая весть больно отзывалась в сердце. Неудивительно, что делегаты засыпали президиум конференции вопросами о состоянии здоровья товарища Ленина. Конференция под бурные аплодисменты постановила послать приветствие Владимиру Ильичу и пожелать ему скорейшего и полного выздоровления.

9 мая после совещания командиров ко мне пришел Ворошилов и сказал:

— Вечером через Ростов едет Председатель ЦИК Михаил Иванович Калинин. Поедем встречать.

К моменту прибытия поезда вдоль перрона растянулись многочисленные делегации от воинских частей,

рабочих железнодорожных мастерских, фабрик и заводов, представителей краевых учреждений. Секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) Анастас Иванович Микоян то и дело поглядывал в темноту. Наконец вдаль показались огни паровоза.

М. И. Калинин, выйдя из вагона, расцеловался с Микояном, Ворошиловым, потом подошел ко мне. Мы тепло обнялись.

— Ну, как Конармия? Буду производить смотр полков. Где лучше?

— Можно в Ростове,— ответил я Михаилу Ивановичу.

— Нет,— возразил он.— Давайте произведем смотр в Лабинской.

В ходе оживленной беседы М. И. Калинин сообщил о цели своей поездки на юг.

— ЦИК и Центральный Комитет партии, — сказал Калинин,— поручили мне объехать автономные республики и области, ознакомиться с их положением. Предполагаю вначале побывать в Пятигорске, затем — в Чечне, Кабарде, пробыть дня два в Дагестане, где буду присутствовать на открытии канала имени Октябрьской революции. Оттуда — в Лабинскую, на смотр 1-й Конной. В двадцатых числах мая вернусь в Ростов. Здесь постараюсь ознакомиться с положением в Донской области...

2

Спустя несколько дней М. И. Калинин в станице Лабинской смотрел кавалерийские полки 4-й кавдивизии. Калинин подробно ознакомился с боевой учебой конармейцев, их бытом, спрашивал, как питаются, всем ли обеспечены и т. д. Это была очень теплая, душевная встреча. Беседуя с бойцами, Михаил Иванович не раз подчеркивал, что свято беречь Советскую Республику от нападения любого врага — значит изо дня в день работать над укреплением дисциплины в частях и подразделениях, учиться с напряжением сил. Одной храбрости в бою недостаточно, говорил Калинин, надо еще отлично знать свое оружие, умело владеть им.

После смотра частей мы пригласили Калинина на обед.

— А что, с удовольствием,— улыбнулся Михаил Иванович.

Пока обедали, к дому, где мы разместились, пришла группа стариков. Один из них, коренастый бородач в сапогах, сказал:

— Можно нам поговорить с Калининым?

— Есть дело?

— Очень важное!

— Подождите здесь, доложу товарищу Калинину.

Выслушав меня, Калинин спросил:

— Кто эти старики?

— Зажиточные. Наверное, будут жаловаться.

— Ну что ж, пойдете.

Тот самый, в сапогах, старик, приглаживая руками холеную бороду, первым задал Калинину вопрос:

— Как нам теперь жить? У меня было пять коров и до ста пудов хлеба, и все это забрали коммунисты.

— А кто нажил вам все это добро? — вопросом на вопрос ответил Калинин.

— Я и...— замялся старик.

— Нет, не вы, а простые, бедные крестьяне. Вы жалуетесь, что у вас забрали коров и зерно. А для кого? Советская власть отдала все это тем же крестьянам, которые работали раньше на вас, да рабочим, которые теперь создают новое общество, и мы не хотим, чтобы они голодали...

Во время пребывания М. И. Калинина в частях Кон-армии мы увольняли в запас очередную группу бойцов, и я попросил Михаила Ивановича сказать им напутственное слово.

— Для них очень важно услышать Председателя ЦИК.

— Хорошо. Я это сделаю.

Бойцы внимательно слушали Калинина. А он говорил образно, взволнованно. В заключение Михаил Иванович сказал:

— Вы хорошо били врагов, товарищи, и Советская власть вам очень благодарна, она не забудет ваших заслуг. А теперь вы уходите на мирный труд. Дома, в ваших краях, не все хорошо. Трудности у нас на каждом шагу, смело преодолевайте их, ведите за собой других. Будьте крепкими, сплоченными. Метла метет

потому, что в ней масса мелких стебельков, но один стебелек ничего не делает.

Пожелав уходящим в запас бойцам успехов на ниве мирного строительства, Калинин сказал:

— Я верю, что каждый из вас с честью будет носить звание война-буденновца. Верно я говорю, комиссар? — обратился Михаил Иванович к комиссару 24-го полка П. К. Случевскому.

— Так точно, товарищ Калинин.

Это была волнующая встреча М. И. Калинина с конармейцами. Они гордились, что к ним пришел сам президент страны. Михаил Иванович похвалил бойцов 24-го полка.

— Комиссар у них деловой, потому и бойцы все как на подбор — веселые, жизнерадостные, верят в победу народного дела, — сказал Калинин.

Михаил Иванович не ошибся. Комиссар Случевский был в Конармии одним из лучших политработников. Петра Кирилловича я знал давно. Отец его, Кирилл Евграфович, был одним из организаторов военно-революционного комитета в Сальском округе в 1917—1918 годах, принимал активное участие в борьбе с белогвардейцами. Во время боев под Царицыном был начальником ремонтно-восстановительного поезда. Люди, руководимые им, немало восстановили железнодорожных мостов на линии Царицын — Арчада в 1919 году, когда наш конный корпус действовал в этих местах. Мне довелось встречаться с рабочим-революционером, беседовать с ним. Три его сына — Иван, Александр и Петр — служили в моей армии. В боях отличались храбростью. Особенно лихим пулеметчиком на тачанках был Александр. Не отставал от своих братьев и Петр. Не сразу он попал ко мне в армию. При формировании регулярных частей Красной Армии его определили в отряд Г. Г. Колпакова. На базе этого отряда вскоре была сформирована 39-я Доно-Ставропольская дивизия. В ней в январе 1919 года Петр вступил в ряды Коммунистической партии. Был командиром роты, затем помощником военкома бригады.

Вскоре Петра Случевского послали на курсы коммунистического университета имени Я. М. Свердлова в Москву. Ему посчастливилось не раз видеть и слышать В. И. Ленина. После окончания курсов Случевского сно-

ва направили к нам в армию. Мы назначили его старшим инструктором поарма. Вместе с бойцами 4-й кавдивизии Случевский прошел немало фронтовых дорог. Работал умело. Получил повышение — стал начподивом 14-й кавдивизии. С ней начподив совершил переход на польский фронт. Был на врангелевском фронте. Участвовал в разгроме Махно и банд на Дону. В Конармии Петр стал одним из самых уважаемых политработников. Я не раз слышал, как на привале бойцы, окружив его, говорили:

— Комиссар, а комиссар, так правда ты видел Ленина? Ну-ка еще расскажи нам, о чем он говорит рабочим да крестьянам.

И начиналась задушевная беседа.

В 1923 году вместе с Особой кавбригадой Случевский прибыл в Москву. В составе сводного эскадрона, где он стал военкомом, в январе 1924 года встречал гроб В. И. Ленина у Павелецкого вокзала, стоял в карауле у гроба Ильича в Колонном зале Дома Союзов и на Красной площади. С первых дней Великой Отечественной войны Случевский находился на фронте. Сейчас он генерал-майор в отставке, председатель совета военно-исторического общества при Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

М. И. Калинин, приехав в Ростов, пробыл в городе три дня. Он встречался с партийными и советскими работниками Дона, с рабочими заводов и везде был желанным гостем. Его встречали с радушием и теплотой. По поручению ЦК и ЦИК Калинин решал на месте многие важные партийные и хозяйственные вопросы.

Память хранит такой эпизод. Утром 21 мая личный секретарь Председателя ЦИК по его поручению посетил Ростовские трудовой и переходный исправительные дома, где подробно знакомился с положением заключенных. Состояние переходного исправительного дома произвело на секретаря самое благоприятное впечатление. А днем, после осмотра исправительных домов и мастерских, где работали заключенные, состоялось расширенное заседание представителей местной прокуратуры и суда, на котором рассматривались дела осужденных в целях амнистирования их. Здесь были также

Зявкин, представитель Донкома Ковалев, начальник уголовного розыска Художников и другие. После детального обсуждения совещание наметило освободить досрочно довольно значительное число заключенных. Список амнистируемых был представлен М. И. Калинину.

— А что, эти люди совсем исправились? — спросил Михаил Иванович Зявкина.

Начальник Донского ГПУ ответил, что лица, поименованные в списке, главным образом из рабочих и служащих, — все они уже осознали свои ошибки.

Калинин ответил, что он не возражает против освобождения их. Утвердив список, Михаил Иванович сказал:

— Советская власть очень гуманная, она прощает тех, кто действительно осознал свои ошибки и отныне будет честно трудиться. Мы и впредь будем помогать таким людям встать на правильный путь.

Михаил Иванович был подлинным Всесоюзным старостой, подлинным народным председателем. Куда бы он ни приезжал, народ буквально тянулся к нему. Михаил Иванович не боялся острых моментов, не сглаживал острые углы. Разговор всегда вел откровенно, начистоту.

3

Я получил предписание сдать армию и выехать в Москву. Ждал этого, был предупрежден о возможном перемещении еще год назад и все же несколько растерялся. Не представлял себе, как буду жить без Кон-армии, без постоянных забот о ней.

Перед отъездом посетил все дивизии, все полки. Конники тепло прощались со мной, желали успеха на новом посту. Не скрою, было очень тяжело на душе. Каждый командир знает, какво покидать свою часть, дружный воинский коллектив, который для командира что родная семья.

Климент Ефремович наказывал мне перед отъездом:

— На новой должности не зазнавайся, не отрывайся от народа. А то бывает так: вскружит власть голову — и пропал человек. У нас есть с кого брать пример — с Ленина. Доложи Главкому подробно о нашем военном округе. Сам видишь, как тяжело нам обучать людей. Нет ни уставов, ни методических руководств, ни

наглядных пособий, ни приборов. Оружия не хватает. Какое есть — в большинстве неисправное. Текучесть кадров огромная. Большой некомплект комсостава. Снабжение скверное. Словом, тебе как члену Реввоенсовета Республики и помощнику Главкома по кавалерии есть о чем подумать и что сделать!

В последние минуты, у машины, мы обнялись с Ворошиловым, расцеловались. Грустно было расставаться с ним. Сколько прожили вместе под огнем врага, делили и радость побед, и горечь потерь. Вместе спали, вместе ели. Одно утешало: я был уверен, что расстанемся ненадолго.

...И вот я в Москве. Явился к Главкому. Уточнили, что входит в мои обязанности. Как говорится на официальном языке, принял дела от А. А. Брусилова. Вскоре меня пригласил к себе Сталин. В его комнате находился Калинин.

Сталин поздравил меня с назначением на новую должность, сказал, что партия сейчас принимает важные решения, и одним из них является укрепление Красной Армии, восстановление коневодства.

— Это то, что будет относиться к вашей компетенции, Семен Михайлович,— сказал мне Сталин.— Надеюсь, что вы умело станете выполнять новые обязанности.

— Постараюсь, Иосиф Виссарионович.

— Уверены, справитесь, дело вам знакомое, немного и крестьянское,— поддержал меня Калинин.

— Наша партия — руководящая, — продолжал Сталин.— Но ее руководящая роль должна выражаться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты становились люди, способные понять наши директивы и способные провести их в жизнь честно. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками. А любителей махать руками, к несчастью, у нас еще немало.

— И сановников тоже,— добавил Калинин.

— Да, и сановников.

Обстановка в стране была напряженная. Кулаки, торговцы, используя нэп, поднимали голову. Хозяйственный аппарат только еще сколачивался. Кадров не хватало. Приходилось прибегать к помощи старых специалистов. Но некоторые из них работали плохо, под-

час умышленно вредили. Троцкисты навязали партии дискуссию, шли в партийные организации, клеветали на ЦК, ответственных коммунистов.

Оппозиционеры обвиняли Сталина и других членов ЦК в бюрократизме, отрыве от масс, в неумении решать хозяйственные вопросы и т. п., и вместе с тем Троцкий высокомерно отказывался занять какой-либо пост в советских органах (в СТО, Совнаркоме, Госплане), хотя ЦК дважды предлагал ему это.

— Троцкий ведет себя вызывающе, — сказал Иосиф Виссарионович, — противопоставляет себя ЦК. На одном из пленумов ему заметили, что член ЦК не может отказываться от исполнения решений ЦК. Он сорвался и покинул заседание. Пленум направил к Троцкому целую «делегацию» с просьбой вернуться. Он категорически отказался.

«Капризничает, — подумал я. — Ведет себя, как кисейная барышня, а еще коммунист». И сказал вслух:

— Ну и пусть не возвращается, невелика потеря.

Калинин улыбнулся.

— Говорите, пусть не возвращается? — спросил Сталин. — Но другие уже подняли крик: мы обидели Троцкого... Владимир Ильич тяжело болен. Оппозиция поднимает голову. Им не нравится партийная дисциплина, требуют свободы фракций. Керзоны, всякая белогвардейская шваль, меньшевики только и ждут, что в нашей партии начнется стычка. Между прочим, платформу сорока шести подписал и Бубнов. Вероятно, по недоразумению, — добавил Сталин.

— Мало знаю его, в бою с ним не был, — проговорил я.

— Хорошо сказано: в бою с ним не был, — заметил Михаил Иванович.

Я передал Сталину мнение Ворошилова и мое о положении в СКВО.

— Да, — коротко сказал Сталин. — ЦК принимает самые решительные меры.

Еще в июне 1923 года была создана авторитетная комиссия для глубокого обследования военного ведомства под председательством В. В. Куйбышева. К обследованию были привлечены члены ЦКК, аппарат военно-морской инспекции ЦКК—РКИ.

ЦК дважды обсуждал вопрос о положении в Красной Армии — в октябре 1923 года и январе — феврале 1924 года. Для подготовки вопроса к последнему Пленуму ЦК создал авторитетную комиссию в составе С. И. Гусева, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилова, Г. К. Орджоникидзе, Н. М. Шверника, А. А. Андреева, И. С. Уншлихта, А. С. Бубнова и других.

Пленум принял важные решения, направленные на проведение коренной реформы армии. Было укреплено руководство Красной Армией. СНК СССР распустил старый состав Реввоенсовета СССР и образовал новый. В него вошли Фрунзе, Бубнов, Ворошилов, С. С. Каменев, Мясников, Орджоникидзе, Уншлихт, Элиава, я и другие. Климента Ефремовича отозвали с поста командующего войсками Северо-Кавказского округа и назначили командующим Московским военным округом.

— Ну вот и опять вместе,— сказал он, встретив меня после пленума.

М. В. Фрунзе назначили заместителем председателя Реввоенсовета. А через год он стал его председателем.

4

Наступил 1924 год.

Страшная весть потрясла страну: 21 января в 6 часов 50 минут вечера скончался вождь партии и всего мирового пролетариата, создатель Советского государства Владимир Ильич Ленин.

Поздно вечером 21 января я передал командованию Особой кавбригады скорбную весть о смерти В. И. Ленина. Сообщил о том, что Реввоенсовет СССР принял решение создать траурный сводный эскадрон для встречи гроба В. И. Ленина у Павелецкого вокзала, эскортирования его к Дому Союзов, а затем к Мавзолею на Красной площади. Обратил внимание, что это надо рассматривать как высокое доверие воинам не только Особой кавбригады, но и всей Красной Армии, а поэтому в состав сводного эскадрона включить наиболее достойных, испытанных в боях за нашу Советскую Родину. Командовал эскадронам А. Соколов, комиссаром был П. Случевский.

Трудно, очень трудно было мне говорить все это, когда слово «Ленин» — имя дорогого человека, любимого

вождя и учителя, олицетворявшего борьбу людей труда за счастливую жизнь и светлое будущее человечества,— вдруг неотвратимо встало рядом со словом смерть. И разум, и сердце никак не могли примириться с тем, что перестало биться сердце Ленина, что Ленин умер.

С глубоким волнением вспоминаю эти тяжелые, незабываемые дни всенародного горя и прощания с любимым вождем, в моей памяти запечатлелись и те минуты, когда гроб В. И. Ленина пронесли вдоль выстроенного во фронт у Павелецкого вокзала сводного эскадрона — моих чудо-богатырей: на вороных конях, с опущенными шлемами, замерев с шашками наголо, они как бы отсчитывали неповторимые мгновения самой истории. Я пристально всматривался в суровые лица моих боевых соратников, закаленных в огне сражений и не раз смотревших в глаза смерти, и видел их впалые и воспаленные от слез глаза, выражавшие глубокую печаль и скорбь.

В эти дни открывался XI Всероссийский съезд Советов. Я был делегатом от Московской губернии. На утреннем заседании председательствующий М. И. Калинин глухо, с дрожью в голосе сообщил о смерти Ленина.

— Товарищи, нет слов, какие нужно было бы сказать сейчас,— говорил Калинин.— Я думаю, что самая главная и основная задача, стоящая перед нами,— это сохранить завоевания, главным творцом которых был Владимир Ильич...

У всех нас сердце сжималось от боли. Нет Ленина. Умер человек, имя которого знает весь мир. Умер человек, который основал нашу партию коммунистов, бесстрашно вел ее от победы к победе. Не верилось, что с нами больше нет Ильича и мы не увидим его на трибуне, не услышим его голоса... Ведь он был не только вождем, а и другом, товарищем, самым человечным человеком. Все мы будто осиротели.

Центральный Комитет обратился к партии, ко всем трудящимся с воззванием.

В числе других делегатов съезда я ездил в Горки. Гроб с телом Ильича привезли в Москву. Стояли сильные морозы, но мы не чувствовали холода. К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе и я с группой командиров Красной Армии несли гроб с телом Ильича от Павелецкого вокзала к Дому Союзов по Новокузнецкой на

руках. В почетном карауле, сменяя друг друга, стояли члены ЦК, делегации трудящихся, представители Коминтерна. Высокую честь нести последнюю вахту у гроба Ильича оказали и мне. Гроб утопал в цветах. Смотрел на дорогое лицо и едва сдерживал слезы...

5

Я уже писал о том, что 26 января 1925 года М. В. Фрунзе назначили председателем РВС СССР. Троцкого устранили из Реввоенсовета. С Фрунзе мы хорошо сработались. В любое время он принимал меня, выслушивал и, что было особенно ценно, всячески поддерживал почти по всем вопросам, когда дело касалось кавалерии.

В 1924 году вышел «Временный боевой устав конницы РККА», который еще раз закреплял мысль о том, что конница является самостоятельным родом войск Советских Вооруженных Сил, что основная ее особенность — подвижность, позволяющая широко и свободно маневрировать, наносить в конной атаке сокрушительные удары. «Временный боевой устав конницы РККА» был первым документом, в котором учитывался опыт гражданской войны.

Перед ноябрьским праздником, кажется 5 ноября 1924 года, мне позвонил М. В. Фрунзе.

— Зайдите ко мне, Семен Михайлович.

— Есть, иду.

Фрунзе встретил меня, как всегда, радушно, потом достал из ящика стола какие-то листки и сказал:

— К пятилетию Первой Конной написал для «Правды». Вы у нас главный кавалерист, прочтите, пожалуйста, может, что-либо добавим.

Я взял листки и стал читать.

«Вряд ли найдется такой уголок Советского Союза,— писал Фрунзе,— куда бы не дошел слух о подвигах этой славнейшей из славных частей Красной Армии.

Оружие ее играло решающую роль во многих важнейших кампаниях времен гражданской войны. Деникин, белополяки, Врангель, Махно — одних этих имен достаточно, чтобы судить о роли Первой Конной в истории наших революционных войн. К сожалению, мы еще не имеем написанной подробной истории Первой Кон-

ной. Это очень жаль; в нашей армии нет других частей, которые бы с такой полнотой, такой яркостью и глубиной отразили в себе, в своих действиях весь характер гражданской войны, характер всей Красной Армии с ее достоинствами и недостатками.

Недаром поэтому имя Первой Конной так популярно в самых широких рабоче-крестьянских низах.

История Первой Конной представляет огромный интерес в чисто военном отношении.

Ее операции войдут навсегда блестящими страницами в историю конницы. Эти операции служат предметом изучения не только у нас. Им уделяется много внимания и за рубежом. Та роль, которую сыграла конница, и в частности Первая Конная, в ходе нашей гражданской войны, показала, что хоронить этот род оружия как самостоятельную силу еще рано. Ряд выдающихся зарубежных военных авторитетов забил отбой в отношении оценки конницы как отживающего рода оружия...

Надо подумать и работать над дальнейшим ее укреплением. Здесь первое дело — конь. К сожалению, в этом отношении у нас дело обстоит очень и очень неблагоприятно. До мировой войны Россия славилась своими неисчерпаемыми конскими ресурсами. Советский Союз получил в наследство лишь жалкие остатки этих богатств. Число конных заводов катастрофически уменьшилось. Работа в них далека от совершенства. Количество кровных лошадей, исчислявшееся прежде сотнями тысяч, теперь определяется сотнями. И хуже всего то, что процесс восстановления этой области хозяйства совершается угрожающе медленно. Этого терпеть в дальнейшем нельзя. Темп работы надо ускорить. Не скоро, еще очень не скоро трактор вытеснит крестьянскую лошадку. И точно так же далек от нас тот час, когда мы в армии вместо коня сядем на трактор, автомобиль и мотоцикл. Всякая война ближайшего периода будет в этом отношении базироваться главным образом на старых испытанных средствах. Поэтому лучшим подарком для Красной Армии в целом, лучшим ознаменованием годовщины славной Конной армии было бы принятие и воплощение в жизнь лозунга: «Даешь коня!»

— Ну как? — спросил Фрунзе, когда я вернул ему листки.

— Очень правильно, Михаил Васильевич. «Дашь коня!» — это вы здорово сказали. А за добрые слова в адрес Конармии большое вам спасибо.

— Да. Конармия,— вздохнул Фрунзе.— Это уже история. А вот крепить кавалерию — наша забота. Кстати, когда вы предлагаете провести второе совещание комсостава конницы РККА?

— Где-то в марте — апреле следующего года.

— Хорошо.

Фрунзе был исключительно пунктуальным человеком и, если обещал что-либо сделать, никогда не забывал об этом. Спустя некоторое время, после того как Главком одобрил проведение второго¹ совещания комсостава конницы РККА для обсуждения назревших вопросов дальнейшего развития советской кавалерии, М. В. Фрунзе вызвал меня к себе.

Я доложил о предполагавшемся совещании. Михаил Васильевич внимательно выслушал меня, задал ряд вопросов, потом сказал:

— Ну что ж, все правильно.

Созванное для разрешения ряда наболевших вопросов быта и учебы красной конницы, это совещание сыграло в ее жизни важную роль.

Основной целью второго совещания кавалерийских начальников прежде всего явилась выявившаяся в процессе строительства и усовершенствования красной конницы необходимость, с одной стороны, подытожить опыт мирной учебы и изжить наблюдающийся в последнее время разнобой в области подготовки кавалерийских частей и военно-учебных заведений, а с другой — разрешение некоторых вызванных самой жизнью оперативно-тактических, организационных и хозяйственно-бытовых вопросов.

Работа совещания проходила посекционно. Были созданы секции: оперативно-тактическая, организационно-штатно-техническая, учебно-методологическая, снабженческая, по ремонту, политико-бытовая и ветеринарная.

В итоге работы секций совещанием был принят ряд основных положений, имевших большое значение для дальнейшего развития красной конницы.

---

¹ Первое совещание кавалерийских начальников состоялось в 1922 г. — *Прим. авт.*

На другой день, после того как окончилось совещание, я направился к М. В. Фрунзе с докладом. Однако его на службе не было. Болел.

Я знал о болезни Фрунзе. Все чаще она беспокоила Михаила Васильевича. Встретился с ним недели через две. Выслушав мой доклад, он сказал:

— Все это обсудим на Реввоенсовете. А где-то в конце года вновь соберем командный состав.

Но осуществить это Фрунзе не удалось — болезнь вновь обострилась, и Михаила Васильевича положили в кремлевскую больницу. По решению ЦК он лег на операцию. 30 октября состоялась моя последняя встреча с ним. Я приехал в больницу навестить его. Застал в хорошем настроении. Спросил, как он себя чувствует.

— Представьте, превосходно. Так вот и хочется встать и кувыркаться, как ребенку. Прямо не верится, что сегодня операция.

— Тогда зачем вам оперироваться, если все хорошо? Кончайте с этим делом, и едем домой. Моя машина у подъезда.

Я бросился к шифоньеру, подал Фрунзе обмундирование и сапоги. Михаил Васильевич, казалось, согласился. Он надел брюки и уже накинул на голову гимнастерку, но на мгновение задержался и снял.

— Да что я делаю? — недоуменно проговорил он. — Собираюсь уходить, даже не спросив разрешения врачей.

Я не отступал:

— Михаил Васильевич, одевайтесь, а я мигом договорюсь с докторами.

Но Фрунзе отказался от этой услуги. Он решительно разделся и снова лег в постель.

— Есть решение ЦК, и я обязан его выполнять.

Как ни упрашивал его, он остался непреклонным. Так ушел я от своего друга, не уговорив его.

На следующий день, 31 октября 1925 года, Михаил Васильевич после операции скончался от паралича сердца. Ему было всего 40 лет, он умер в расцвете творческих сил.

Смерть Фрунзе явилась тяжелой утратой для Коммунистической партии и всего советского народа.

Фрунзе был любимцем трудящихся. У бойцов, командиров и политработников он пользовался исключи-

тельным авторитетом, как добрый отец и умный воспитатель. Вся его жизнь была подвигом, ярким примером беззаветного служения интересам народа, славной ленинской партии, великому делу коммунизма. И это святое дело продолжили и продолжают соратники и ученики бесстрашного революционера, весь советский народ, горячей любовью к которому билось сердце Фрунзе до последнего удара.

Хоронили М. В. Фрунзе на Красной площади 3 ноября 1925 года. Смерть его после смерти В. И. Ленина была самой тяжелой утратой для народа и партии. С волнующей речью от имени Политбюро ЦК выступил И. В. Сталин, который сказал, что «в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых преданных революционеров нашего времени.

Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей.

Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства.

Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей.

Вот почему так скорбит партия по случаю потери товарища Фрунзе»¹.

После смерти М. В. Фрунзе у него осталось двое детей — трехлетний Тимур и дочь Таня пяти лет. Я хорошо знал жену Михаила Васильевича Софью Алексеевну и его мать Мавру Ефимовну. Семья Фрунзе жила в одном доме, по соседству с нами. Софья Алексеевна уже тогда была тяжело больна. Как-то мы чаевничали у Михаила Васильевича, кажется под Новый, 1925 год. Он тихо и грустно сказал:

— Боюсь я за Софью. Как бы беды не случилось...

Софья Алексеевна умерла через год после смерти мужа. Дети остались с бабушкой Маврой Ефимовной. Она тоже болела. Мы с Ворошиловым часто навещали семью Фрунзе. Помню, зашел я как-то к Ворошилову по делам, а он мне и говорит:

---

¹ «Правда», 5 ноября 1925 г.

— Семен Михайлович, я хочу взять на воспитание детей Фрунзе. Мавра Ефимовна все болеет, а им нужен уход. Как смотришь?

— Правильно решил, Климент Ефремович, — сказал ему.

Ворошилов взял детей Михаила Васильевича к себе.

Тимур Фрунзе впоследствии стал офицером-летчиком. В годы Великой Отечественной войны сын легендарного полководца лейтенант Тимур Михайлович Фрунзе погиб смертью храбрых в неравном воздушном бою. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Дочь полководца Татьяна Михайловна Фрунзе училась в Военной академии химзащиты Красной Армии. Когда началась война, ее направили работать на один из танковых заводов. После войны Татьяна Михайловна окончила институт имени Менделеева. Сейчас работает в одном из московских институтов Академии наук СССР. Она — профессор, доктор химических наук, член Коммунистической партии Советского Союза.

6

Время бежало стремительно, и здесь, в Москве, я просто не замечал, как проходили неделя за неделей. Мы были полны энергии и работали во имя революции, не щадя себя. Всем нам, прошедшим тяжелый путь борьбы с внешними и внутренними врагами Советской России, хотелось как можно скорее укрепить наши Вооруженные Силы, провести в жизнь военные реформы, изыскать новые резервы и возможности для наращивания боевой и технической мощи Красной Армии и Красного Флота.

Скажу откровенно, работать в Реввоенсовете Республики было очень тяжело, куда тяжелее, чем командовать армией. Там приходилось думать о боеспособности одной Конармии, здесь — о боеспособности Вооруженных Сил Республики, всех видов Вооруженных Сил, всех родов войск. А времени терять мы не имели права, ибо международная обстановка оставалась крайне напряженной. Империалисты не прекращали своих угроз в адрес Советского Союза. Провокации следовали одна за другой. В Пекине английские эмиссары спровоциро-

вали налет на советское полпредство. В Варшаве при участии английской разведки был убит советский посол П. Л. Войков. В Прибалтике, на Балканах, в Скандинавии сколачивались антисоветские блоки. В 1927 году Англия разорвала дипломатические отношения с СССР и аннулировала торговое соглашение с нами. Главарь английских империалистов пресловутый Чемберлен призывал капиталистические страны начать новый крестовый поход на СССР.

Угроза новой войны была столь велика, что ЦК ВКП(б) счел необходимым опубликовать специальное обращение ко всем членам партии, народу. «В результате политики империализма, — говорилось в нем, — почва для мира становится все более шаткой... Война может быть нам навязана, несмотря на все наши усилия сохранить мир. К этому худшему случаю нужно готовиться всем трудящимся, и прежде всего коммунистической партии. Не терять времени, поднимать хозяйство, крепить транспорт и оборону, еще энергичнее вести работу среди масс, на фабриках, в мастерских, в деревнях — в этом первейший долг всех членов ВКП»¹.

Реввоенсовет принимал все меры для укрепления обороноспособности страны. Мы подготовили проект нового закона об обязательной военной службе. Он был принят ЦИК и СНК СССР 18 сентября 1925 года. Разрабатывали положение о введении в армии единоначалия. Много заботился РВС о совершенствовании партийно-политического аппарата армии и флота. Была подготовлена и утверждена Центральным Комитетом новая инструкция для армейских и флотских партийных ячеек, положение о политическом управлении РККА. Реорганизовали Генеральный штаб, освободили его от мелких текущих дел. На штаб возложили лишь разработку коренных проблем военного строительства, подготовку страны к отпору врагу. Провели реорганизацию местных органов военного управления. Армия строилась теперь из кадровых частей небольшой численности и территориальных формирований. Принимались все меры для резкого улучшения подготовки командного состава, по воспитанию новых командиров из числа рабочих и крестьян. РВС добился в этом существенных успехов.

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1. М., Политиздат, 1970, стр. 438.

В 1925 году свыше 40 процентов командиров являлись членами партии.

РВС осуществил еще одно важное мероприятие: создание национальных частей и военных школ в республиках и областях. Национальные формирования являлись делом большой политической важности и требовали пристального к себе внимания. Известно, что именно среди населения национальных окраин было больше всего неграмотных, некоторые национальности даже не имели своей письменности.

После гражданской войны мы до предела сократили численность Красной Армии.

— Обратите внимание на следующие данные,— сказал мне Климент Ефремович вскоре после назначения его председателем Реввоенсовета СССР.— В Англии находится под ружьем свыше полумиллиона хорошо обученных солдат. Во Франции — три четверти миллиона. В Италии — 400 тысяч. В случае войны эти государства могут увеличить свои армии в несколько раз... Не исключена возможность, что к этому блоку примкнет Германия. Англия и Франция ее усиленно обхаживают. Немецкие капиталисты под шумок довольно успешно восстанавливают свою военную промышленность, а их бывшие противники смотрят на это сквозь пальцы.

— Положение хуже, чем в гражданскую войну,— согласился я.— Теперь у них танки, самолеты, автомашины. А у нас? У нас нет даже возможности содержать большую армию.

— Надо всемерно форсировать развертывание территориальных частей,— сказал Климент Ефремович.— Теперь это одна из наших главных задач.

К созданию территориально-милиционных частей Реввоенсовет СССР приступил с 1923 года. Центральный Комитет оказывал Реввоенсовету в этом сложном деле всемерную помощь, руководил его деятельностью, направлял ее, контролировал. О том, как заботилась партия о поддержании обороноспособности страны в обстановке назревающей новой военной опасности, свидетельствует хотя бы краткий перечень документов, принятых ЦК и правительством. 8 августа 1923 года ЦИК и СНК СССР издали декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». В октябре этого года Центральный

Комитет направил партийным организациям два циркулярных письма, в которых предлагалось оказывать учреждениям военного ведомства всяческую помощь в комплектовании и обучении территориальных частей. Ход территориальных формирований, первые итоги его рассматривались на Пленуме ЦК РКП(б) в 1924 году. Специальное решение вынес по этому вопросу XIII съезд партии. Съезд записал, что расширение милиционного строительства «открывает новые пути для работы партии в деревне и укрепления в ней советского влияния. Территориальные формирования, включающие в свой состав исключительно маломощные и середняцкие слои деревни, могут и должны стать одним из отправных пунктов объединения и просвещения этих последних, а также содействия хозяйственному и культурному строительству деревни. В тех районах, где существуют территориальные части, их кадры должны быть использованы в качестве новой формы связи Советского государства и партии с крестьянством. Для этого должна быть обеспечена организационная связь территориальных кадров с местными органами власти и партийными организациями наряду с укреплением терчастей партийными силами»¹.

В апреле 1927 года состоялся IV Всесоюзный съезд Советов. Я также был в числе делегатов от Московской губернии с правом решающего голоса. Съезд включил в повестку дня специальный вопрос об обороне страны и состоянии Красной Армии. Доклад по этому вопросу делал К. Е. Ворошилов. Тезисы доклада мы обсуждали на заседании Реввоенсовета.

Съезд предложил местным Советам принять действительное практическое участие в укреплении территориальной системы. «Состояние всего территориально-милиционного строительства, в частности допризывной подготовки, междуборовой работы и боеготовности территориальных войсковых соединений, должно стать показателем внимания к вопросам обороны со стороны тех Советов, в районе которых территориальные части комплекуются и обучаются»².

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. Ч. I. М., Госполитиздат, 1953, стр. 858.

² Съезды Советов Всероссийские и Союза ССР в постановлениях и резолюциях. М., 1935, стр. 389.

Создание территориальных формирований потребовало от всех нас, членов Реввоенсовета, полного напряжения сил.

— Вы представляете себе всю сложность этого дела? — спросил как-то нас Сталин. — Два-три месяца учебы в год дадут нужную пользу лишь тогда, когда командиры отнесутся к обучению солдат со всей ответственностью, когда за учебой будет осуществляться неустанный надзор вышестоящих штабов. Если допустим формальность, очковтирательство, сборы переменного состава превратятся в пустую растрату сил и средств, а это нанесет непоправимый ущерб боеспособности Красной Армии.

Да, сложность дела мы представляли. Страна была отсталой, крестьянской. На сборы призывались люди 1903—1906 гг. рождения. Они пережили две войны (первую мировую и гражданскую). Редко кто из них окончил хотя бы начальную школу. Многие научились лишь писать и читать уже при Советской власти в кружках ликбеза.

Требовалось особое педагогическое мастерство и упорство командиров, чтобы успешно обучать такой контингент военному делу. Реввоенсовету приходилось с особой тщательностью контролировать составление штабами учебных программ.

Больших усилий требовало строительство казарм, лагерей, столовых. Не хватало нужного количества палаток, постельного белья, котлов для приготовления пищи (ведь призывались одновременно сотни тысяч переменников), котелков, ложек, мисок.

С помощью Центрального Комитета партии трудности были преодолены. В 1926 году мы докладывали в ЦК, что создано уже 49 территориальных стрелковых дивизий и несколько специальных частей (бронепоездов, зенитных дивизионов, отдельных батарей). Всего в стрелковых войсках Красной Армии территориальные соединения составляли более 71 процента.

На случай войны Советское государство располагало уже приличным контингентом обученных войск.

— А как будем развертывать территориальные кавалерийские части? — спросил меня Сталин.

Я ждал этого вопроса.

— Считаю нецелесообразным формировать их. Они не оправдают себя, товарищ Сталин, — твердо ответил я, но, признаюсь, с некоторым напряжением ждал, как он будет реагировать на мои слова.

Сталин усмехнулся.

— Вот те на! Территориальные пехотные части создаете, а кавалерию подавай вам кадровую. Не правомерно. Как вы на это смотрите, Климент Ефремович? — обратился Сталин к Ворошилову.

— Вполне согласен с Семеном Михайловичем, — ответил Ворошилов.

— Почему?

— Придется брать на сборы лошадей. А много ли наберем строевых, годных под седло? Потом к каждой строевой потребуются две обозных. Если посадить все это на государственный харч, — съедят все наши запасы. И наконец, не каждый придет со строевой лошадью. Попадут и такие, кто в глаза не видел лошадей, не знает, как в седло садиться.

— Куда лицом, — добавил я.

— Вот именно. Многому ли такой конник научится за два-три месяца в год! Поотрубают все уши лошадям.

Сталин, однако, заметил:

— Все-таки в виде опыта создайте несколько частей в Северо-Кавказском округе из донского и кубанского казачества.

Мы создали лишь две территориальные кавалерийские дивизии.

Начиная с 1925-го и все последующие годы Реввоенсовет СССР под руководством ЦК партии решал вторую жизненно важную задачу — проводил коренное перевооружение Красной Армии.

До сих пор войска были вооружены старым изношенным оружием, преимущественно тем, какое досталось нам от старой царской армии. Мы проводили пересмотр этого оружия, отбирали и намечали к совершенствованию лучшие образцы. Кропотливо подбирались конструкторские кадры, создавались конструкторские бюро. Советские авиационные конструкторы создали опытные образцы самолетов — истребителей, разведчиков, бомбардировщиков. Конструировались авиационные моторы. Создание собственной авиации стало буквально всенародным делом. В марте 1923 года возникло доброволь-

ное Общество друзей воздушного флота — ОДВФ, которое организовало сбор средств на постройку самолетов и двигателей. Вопрос о строительстве воздушного флота обсуждался на XIII съезде партии. Трудовой народ на свои сбережения построил воздушному флоту 100 боевых самолетов.

Мне вспоминается такой эпизод. Нам, делегатам XIII съезда РКП(б), сообщили, что 1 июня 1924 года на московском центральном аэродроме состоится передача Обществом друзей воздушного флота СССР эскадрильи «Ленин» XIII съезду партии. Народу собралось немало. От имени ОДВФ эскадрилью «Ленин» передал Главком Каменев, заместитель председателя Реввоенсовета СССР. Потом взял слово М. И. Калинин. От имени делегатов съезда партии он поблагодарил рабочих и крестьян, которые собрали 4 миллиона рублей на постройку эскадрильи, носящей имя великого вождя революции. На митинге была принята резолюция, проект которой зачитал Климент Ефремович.

Потом мы с восхищением наблюдали в небе полет истребителей, на которых военные летчики проделали ряд фигур высшего пилотажа.

Большое внимание Реввоенсовет СССР уделял также созданию новых артиллерийских систем, в том числе зенитных, танковых, противотанковых, авиационного оружия, автоматического стрелкового оружия.

Члены Реввоенсовета присутствовали при испытании новых образцов, затем о них докладывали правительству, ЦК партии.

Генеральный секретарь ЦК партии знал всех ведущих советских конструкторов, часто беседовал с ними, всемерно поддерживал их, принимал самые решительные меры, если что-либо мешало им в работе. Оснащение Красной Армии новой техникой проводилось под непосредственным руководством партии. Партия вырастила замечательные военные кадры, готовила страну к тяжелым испытаниям 1941—1945 годов. Могу еще раз подтвердить — о неизбежности новой войны мы не забывали ни на один час после того, как завершилась гражданская война, и принимали все меры, чтобы подготовиться к ней. К сожалению, история отвела нам слишком короткий срок мирной передышки. Мы не все

успели сделать, что было задумано для укрепления обороноспособности страны.

XV съезд партии дал директивы для составления первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. В решении съезда, в частности, говорилось:

«Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»¹.

За несколько месяцев до открытия XV съезда ВКП(б) ЦК партии дал указания Реввоенсовету СССР разработать пятилетний план строительства Красной Армии. При этом обратить особое внимание на всемерное усиление в войсках технических средств.

Не один месяц Реввоенсовет, военные специалисты разрабатывали коренные вопросы повышения боевой мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота. В своих расчетах мы опирались на данные первого пятилетнего плана.

Мы, военные, пожалуй, с особой остротой сознавали, сколь опасно для страны ее отставание в развитии промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Высокоразвитые капиталистические страны непрерывно совершенствовали вооружение своих армий. Они располагали крупными производственными мощностями. Франция, например, уже в 1928 году могла выпускать в месяц 1500 танков, Англия — 2500. Число самолетов также исчислялось тысячами.

А чем располагали мы? В этом же 1928 году в Красной Армии было 200 танков и бронемашин и около 1000 самолетов старой конструкции. Поэтому с особой радостью восприняли мы решение партии о первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Нас беспредельно радовал тот энтузиазм, с которым трудящиеся приступили к выполнению плана.

Как известно, членом РВС был нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Мы часто донимали его просьбами «усилить темпы», ускорить поставку Крас-

---

¹ КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 332.

ной Армии вооружения, хотя знали, что партия делает в этом направлении все возможное и даже невозможное. Напряженный пятилетний план выполнялся в четыре года, а по ряду отраслей — в три.

Григорий Константинович относился к нашим просьбам всегда внимательно. В минуты хорошего настроения любил подтрунить над нами, особенно надо мной.

— А вы зачем торопите меня? — говорил он. — Смотрите, останется кавалерия не у дел. Придется вам переучиваться на танкистов. Представляете Буденного с его усами верхом на танке и с саблей наголо!

Помню летом 1929 года мы, члены Реввоенсовета, были приглашены в ЦК. Нарком К. Е. Ворошилов докладывал наши соображения о коренной технической реконструкции Красной Армии.

Сталин в основном одобрил наши предложения.

— Ваши специалисты хорошо потрудились, — сказал он. — Расчеты произведены со знанием дела, с учетом большой перспективы. Можете не сомневаться — советский народ даст своей Красной Армии все необходимое для разгрома любого врага. — Сталин помолчал. — И все же кое-что не учтено. Вы упускаете один очень существенный момент. Скоро в войска начнет поступать в большом количестве новая техника. Готовы ли красноармейцы принять ее? Задача состоит в том, чтобы в короткий срок овладеть ею. Рабочие, не жалея сил, создадут грозную машину — танк, самолет. А в чьи руки она попадет? Не получится так, что через несколько дней танк превратится в груды безжизненного, бесполезного для вас металла? Подумайте об этом. Общеобразовательный уровень молодежи, конечно, поднялся, но недостаточно. Еще много малограмотных, есть и совершенно неграмотные — вам это лучше знать.

— Есть, — согласился Климент Ефремович. — Ликбезы в армии продолжают действовать.

— Русские крестьяне, — вновь заговорил Сталин, выслушав Ворошилова, — непосредственно не сталкивались с машинами на протяжении всей истории русского государства. Машина будет ломать не только старую экономику, старые хозяйственные отношения, но и психику людей. Главная задача всей партии на ближайшее время — поднимать народ на овладение техникой. Старый лозунг «Техника в период реконструкции решает все»

партия заменяет новым: «Решают все кадры, овладевшие техникой».

Сталин прошелся по кабинету.

— Подумайте еще вот над чем. С техникой меняются тактика и оперативное искусство. Надо заново перучивать всю армию. Как, где будет обучаться высший комсостав? Как организуете переподготовку среднего? А командиры отделения? Как будут обучаться красноармейцы? Подумайте над вопросами наиболее полного использования техники... На очереди овладение воздушным океаном для переброски по воздуху грузов. Вполне реальная перспектива — высадки, а может быть, и выброски десантов. Преимущества очевидны: быстрота, внезапность, снимается зависимость от дорог.

— И овса не нужно, — заметил Орджоникидзе, лукаво взглянув на меня.

— Авиация не отменяет кавалерию, — усмехнулся в усы Сталин. — А вопросы взаимодействия авиации и кавалерии, взаимодействия всех родов войск в связи с появлением нового оружия приобретают особо важное значение.

После совещания у Сталина Центральный Комитет 15 июля 1929 года принял постановление «О состоянии обороны СССР».

В постановлении отмечалось, что основным итогом истекшего пятилетия (1924—1929 гг.) планового строительства Вооруженных Сил явилось создание крепкой, боеспособной армии, в политическом отношении вполне надежной, в техническом отношении стоящей на уровне развития производительных сил страны. В области подготовки страны к обороне на основе предыдущих решений ЦК ВКП(б) достигнуты также первые реальные результаты, обеспечивающие нормальное проведение мероприятий по подготовке страны к обороне в мирное время.

Центральный Комитет полностью одобрил все мероприятия РВС СССР, направленные за последние два года к общему повышению качества боевой подготовки, в частности к решительному повышению тактической подготовки войск. Воспитание в войсках широкой боевой инициативы, смелости в действиях, упорства в достижении поставленных целей, маневренной подвижности должно идти в первую очередь через воспитание волевых качеств у начальствующего состава.

ЦК признал правильным и своевременным широкое развертывание работы по усилению и усовершенствованию технического вооружения армии и предложил Реввоенсовету усилить взятый темп и наряду с модернизацией существующего вооружения добиться в течение ближайших двух лет получения опытных образцов (а затем и внедрения их в армию) современных типов артиллерии, всех современных типов танков, бронемашин.

Центральный Комитет принял ряд мер, направленных на лучшее и быстрее овладение техникой. Читатели старшего поколения помнят, какой широкий размах приняла тогда допризывная подготовка, как плодотворно работал Осоавиахим. Открывались авиационные клубы. Тысячи юношей и девушек учились летать. Строились и пользовались неизменной любовью молодежи парашютные вышки. Сотни тысяч молодых людей овладевали искусством вождения машин на курсах шоферов и трактористов.

В Красную Армию стала приходиться молодежь, уже знакомая с техникой. Нет нужды подробно описывать, как шло в частях овладение новым оружием. Армия в целом справилась с этим делом успешно.

В годы Великой Отечественной войны советские летчики, танкисты, артиллеристы, моряки, связисты проявили высокое боевое мастерство. А основы этого закладывались в годы первой пятилетки! Конечно, всем нам — и Реввоенсовету СССР, и всему начсоставу — приходилось трудиться не покладая рук. Мы собирались в Москве лишь на короткое время по неотложным делам, а затем снова выезжали в части, помогали штабам, командирам, политработникам, шли в красноармейские массы.

За годы первой пятилетки вдвое увеличился выпуск курсантов средних военно-технических училищ.

Было создано шесть новых военных академий: механизации и моторизации Красной Армии, электротехническая, военно-транспортная, военно-инженерная, артиллерийская, военно-химическая.

Коренное перевооружение армии, овладение личным составом новой техникой проводилось в сложной международной обстановке, в условиях обострения классовой борьбы внутри страны.

Партия осуществляла политику решительного наступления на кулацкие элементы, политику ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Перегибы в коллективизации, допускавшиеся левацкими элементами, вызывали в ряде мест недовольство и средних крестьян. В 1929—1930 годах произошел массовый забой скота. Обобществленные лошади, сведенные на неприспособленные дворы, лишенные элементарного ухода, зачастую выходили из строя.

Колебания части крестьян, их недовольство, вызываемое недостатками первых дней коллективизации, неумелой работой ряда местных органов, могли повлиять на настроение армии, снизить ее боеспособность. Этого не произошло. Политсостав Красной Армии, партийные организации оказались на высоте. Воины Красной Армии остались верными воинскому долгу, были до конца преданы родной Коммунистической партии, делу социализма.

В дни, когда партия развертывала решительное наступление на всех участках за полную победу социализма, вновь подняли головы нытики и малoverы, замаскированные враги партии и народа. Обстановка торопила нас. Нам предстояло в самый короткий срок или догнать промышленно развитые страны в технико-экономическом отношении, или погибнуть. А Рыков, Бухарин, Томский тащили партию назад, вместо развития тяжелой промышленности предлагали развивать легкую, вместо пятилетки — разработать двухлетку, отказаться от коллективизации и т. д.

Все честные люди, все, кому были дороги интересы социализма, кто видел истинное положение страны, не могли не осуждать правых уклонистов.

Строительство новой жизни стало делом всего нашего народа. Крепла, набирала мощь и наша Красная Армия. Реввоенсовет СССР в те годы проводил большую работу по дальнейшему укреплению могущества армии и флота. Центральный Комитет партии и его Генеральный секретарь глубоко вникали во все вопросы, поддерживали хорошие начинания. И. В. Сталин нередко лично давал нам рекомендации, советы, высказывал и критические замечания.

Вспоминается такой случай.

В конце сентября 1930 года я предложил Клименту Ефремовичу в связи с приближающейся десятой годов-

щиной разгрома Врангеля провести в стране «Декаду обороны».

Ворошилов одобрительно отнесся к моему предложению, однако сказал, что решать такой вопрос — компетенция ЦК партии.

— Доложите об этом Сталину,— сказал он.

Однако Сталину я так и не смог доложить. Это сделал сам Ворошилов, как председатель РВС СССР. Спустя несколько дней, 5 октября, уже было принято постановление ЦК ВКП(б) по этому вопросу. ЦК партии согласился с предложением Реввоенсовета о проведении «Декады обороны».

Прошла «Декада обороны» с 15 (день окончательного разгрома Врангеля) по 25 ноября. Миллионы советских людей приняли в ней активное участие. Этим они выразили горячую любовь к армии и флоту, готовность сделать все возможное, чтобы еще выше поднять боеготовность Советских Вооруженных Сил, укрепить их могущество.

Вскоре по каким-то делам меня вызвал Сталин. Обсудив необходимые вопросы, он вдруг спросил:

— А почему вы не пришли ко мне насчет «Декады обороны»?

Я растерянно пожал плечами:

— Не решился, товарищ Сталин. Свое мнение я доложил председателю Реввоенсовета.

— Ну и зря,— жестко сказал Сталин.— Вы являетесь членом Реввоенсовета и обязаны добиваться решения всех вопросов. Плохо, что не пришли. А Декада прошла хорошо.

В годы первой пятилетки мы начали создавать большой Военно-Морской Флот, достойный нашей великой державы.

В годы гражданской войны империалисты вторглись в нашу страну главным образом со стороны моря. На Севере и Дальнем Востоке морские границы Советского Союза на большом протяжении продолжали оставаться открытыми, лишенными защиты с моря. Северный и Тихоокеанский флоты еще предстояло создать

Большое народнохозяйственное и оборонное значение для нашей страны имело сооружение Беломорско-Балтийского канала. Он способствовал развитию промышленности в советском Заполярье, а военные корабли получали возможность переходить из Балтики в военноморские базы Северного флота. В 1933 году канал вступил в строй действующих. По нему из Балтики в Баренцево море прошли первые боевые корабли.

Мы отдавали себе отчет, что в будущей войне соотрется грань между фронтом и тылом. Сотни аэропланов, перелетев фронт, могут ворваться в глубокий тыл противника, разгромить его жизненные центры. А потеря их будет равносильна смерти. Значит, надо готовить соответствующим образом все население, заботиться о противовоздушной обороне...

Со всей остротой вставала необходимость производства у нас самолетов, танков, современной артиллерии, боевых кораблей. Следовало, не теряя времени, развернуть строительство значительного числа крупных заводов, которые бы работали на оборону, таких заводов, каких не имела царская Россия; создавать новые отрасли промышленности — авиационную, автомобильную, танковую, химическую, готовить для этих заводов инженерно-технические кадры.

Мы скрупулезно высчитывали, сколько в ближайшие годы нам потребуется вооружения для армии и флота и какого, подкрепляли наши расчеты тщательно обдуманными доводами и докладывали ЦК.

Благодаря принятым партией мерам и под ее испытанным руководством за исторически короткое время страна сделала гигантский шаг вперед.

В связи с этим не могу не напомнить читателям о XIV съезде партии, вошедшем в историю как съезд индустриализации страны.

Перед партией стояла тогда сложная задача — заложить прочный экономический фундамент социализма, обеспечить экономическую независимость Советского Союза, его высокую обороноспособность, сделать переход от нынешней экономики к экономике социалистической, которая должна послужить материальной основой социалистического общества.

Проводить экономическое возрождение Советской Родины, переводить ее хозяйство на социалистические

рельсы партии приходилось в условиях непрекращающихся угроз империалистов, яростного сопротивления капиталистических элементов города и деревни внутри страны и противодействия оппозиции внутри партии.

Как всегда, против практических мер партии выступал Троцкий. Он отрицал возможность создания социалистической экономики, независимой от капиталистического рынка, предлагал больше ввозить промышленных изделий из-за границы, привлекать, насаждать частный, особенно иностранный, капитал. Троцкисты выступали против союза рабочего класса с середняком, объявляли этот слой крестьянства исчезающим, размывающимся. Тем самым они хотели подорвать союз рабочего класса с крестьянством, без чего наша страна как социалистическая погибла бы. Они «...не верили в возможность социалистического преобразования сельского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана, кричали о засилье кулачества в деревне»¹.

Возникла так называемая новая оппозиция, возглавляемая Зиновьевым, Каменевым и другими. Эта оппозиция окопалась в Ленинградской партийной организации. Ее рупором стала газета «Ленинградская правда», которую редактировал участник оппозиции. Оппозиционеры пропагандировали ту же идею о невозможности победы социализма в СССР. Установка на возможность победы социализма в одной стране «отдает душком национальной ограниченности», откровенно заявил Зиновьев. Вопреки фактам, оппозиционеры, следуя за Троцким, утверждали, что государственная промышленность у нас, транспорт, финансы, торговля, а также кооперация являются госкапиталистическими. Они выступали против индустриализации. Утверждали, что мы должны ориентировать свое народное хозяйство преимущественно на развитие сельскохозяйственного экспорта и ввоз промышленных изделий из-за границы.

Нетрудно было догадаться, что оппозиция вела к тому, чтобы наша Родина оставалась страной аграрной, сырьевым придатком капитализма.

Деятельность оппозиции оживляла международную реакцию, особенно русскую эмиграцию, подавала ей но-

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. 1, стр. 410.

вые надежды. Белоэмигрантская печать писала, что ростки таких идей и настроений, какие выражает оппозиция, «при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды».

Нам было ясно, что «новая оппозиция» почти по всем вопросам скатилась на троцкистские позиции. Вопрос о возможности построения социализма в СССР был главным вопросом, по которому расходились с В. И. Лениным, с партией все оппортунисты, все группы и фракции. Троцкий, Каменев, Зиновьев, Радек были самыми яркими противниками ленинской теории построения социализма в СССР. Нельзя не отметить, что «новая оппозиция» клеветнически заявляла, что наша партия якобы перерождается, она впадала в панику перед силой мирового капитализма и т. д.

В такой обстановке Центральный Комитет готовил XIV съезд партии.

Съезд открылся 18 декабря 1925 года в Москве. Я был на съезде делегатом с совещательным голосом. В числе делегатов с решающим голосом от Московской организации был народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР Климент Ефремович Ворошилов. Его избрали в президиум съезда.

С отчетным докладом ЦК выступил И. В. Сталин. Он говорил в свойственной ему манере — четко и просто, без вычурности. В докладе был дан глубокий политический анализ обстановки в мире и в стране, показаны перспективы рабочего и национально-освободительного движения, чего достиг Советский Союз за прошедшие годы, какие задачи стоят перед партией по строительству социализма, какие объективно действующие законы диктуют эти задачи, как их лучше выполнить, какие сроки отводятся нам историей.

Приятно было сознавать, что тяжелые испытания, выпавшие на долю народа, пролитая за революцию кровь, гибель десятков тысяч лучших людей не пропали даром. Мысленно я видел высокие корпуса новых заводов, поднимающиеся на просторах нашей страны, гигантские плотины на реках, густую сеть железных и шоссейных дорог, новые города, поля моей родной Донской области, Северного Кавказа, всех других районов, обрабатываемые мощными тракторами. Видел танковые со-

единения, стремительную конницу, вооруженную новым оружием, сопровождаемую механизированными частями, эскадрильи самолетов в воздухе, грозные боевые корабли, бороздящие моря.

И вокруг меня были радостные лица. Съезд стал для нас праздником.

Съезд заявил, что СССР имеет все необходимое для построения полного социалистического общества.

Решающим звеном в борьбе за переустройство советской экономики, за ускорение темпов социалистического строительства съезд провозгласил социалистическую индустриализацию страны.

Нас радовало, что съезд одобрил установку ЦК партии на обеспечение преимущественного развития тяжелой индустрии. Он подчеркнул необходимость вести экономическое строительство так, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратил в страну, производящую машины и оборудование, чтобы СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял бы собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную, благодаря своему экономическому росту, служить могучим средством революционирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний.

Много внимания уделил съезд вопросам управления, научной организации труда, подбора работников, упрощения и удешевления госаппарата.

Радостное настроение делегатов омрачила раскольническая деятельность оппозиции на съезде.

ЦК партии принимал все меры, чтобы съезд мог работать в спокойной обстановке. Накануне съезда ЦК обратился к оппозиции с рядом конкретных предложений, в том числе с обязательством членов Политбюро не выступать друг против друга на съезде, чтобы не превратить съезд в перебранку руководителей. Однако оппозиционеры отвергли все предложения ЦК. Члены Политбюро Зиновьев и Каменев первыми ринулись на съезде в атаку на партию.

После доклада И. В. Сталина председательствующий огласил на очередном заседании заявление 43-х членов ленинградской делегации с требованием заслушать содо-

клад оппозиции. С содокладом выступил Зиновьев. Это было для делегатов полной неожиданностью. Зиновьев, да и любой из оппозиции, мог взять слово обычным порядком в ходе прений. Требование содоклада означало, что оппозиция не согласна с линией ЦК.

Терпеливо слушал съезд Зиновьева. Но какая была колоссальная разница между его выступлением и докладом И. В. Сталина! Ни признака гордости за партию, за ее великие победы, никаких забот о будущем Советского Союза, о судьбе социализма. В течение всей речи Зиновьев упорно доказывал съезду, какой он, Зиновьев, хороший коммунист, цитировал сам себя, свои прошлые речи, свои сочинения. Это было выступление не революционера, не государственного деятеля, а мелкого обывателя. Делегаты выступление Зиновьева так и оценили. Его речь неоднократно прерывали ядовитыми возгласами и репликами.

В ходе съезда с речами выступали и другие оппозиционеры. С тяжелым чувством мы слушали их. Не оставалось сомнения, что оппозиционеры действуют по тщательно разработанному плану.

Оппозиция пыталась отделить ЦК от партии, предъявляла Центральному Комитету самые нелепые, чудовищные обвинения. Все оппозиционеры выступали развязно, нагло, особенно Каменев. Он говорил не меньше, чем Зиновьев. Барство, самовлюбленность — вот что бросалось в глаза. Он начальнически покрикивал на делегатов, покровительственно поучал их.

После выступления Каменева оппозиционеры стали заявлять открыто, что они не мыслят себе руководство партии без Зиновьева и Каменева, что единственными, мол, истолкователями, наследниками, правильно понимающими Ленина, являются Каменев, Зиновьев, и только они, а не кто-нибудь другой могут стоять во главе ЦК.

В один из перерывов ко мне подошел Ворошилов, как всегда, бодрый, жизнерадостный, что явно не соответствовало обстановке.

— Как настроение, Семен Михайлович? — весело спросил он меня.

Я признался, что неважное.

— Почему?

— А разве не видишь? Оппозиционеры явно срывают работу съезда.

— Не вешай голову. Не сорвут. Со многими оппозициями справлялась партия. Справится и с этой.

— Что-то Троцкий молчит. Это подозрительно. Я ждал, что он, как прежде, первым навалится на ЦК.

— Маскировка. Распределение ролей. Оппозиция поставила себе задачу свалить ЦК, и ему ввязываться в драку сейчас невыгодно: репутация подмоченная. Потом столкнутся. Одного поля ягода. Оппозиционеры ему дорогу расчищают.

— Тоже стратегия.

— Стратегия контрреволюции.

Действительно, от намерения захватить власть в партии и стране оппозиционеры не отказались и после поражения на XIV съезде. Как известно, в 1927 году Троцкий и троцкисты пошли на открытое выступление, на восстание против партии.

Теперь, когда пишу эти строки, я думаю, какие бедствия ждали бы нашу страну, наш народ, если бы преступные замыслы троцкистов осуществились. Это наше счастье, что партии удалось отстоять чистоту ленинского учения, ленинский план построения социалистического общества в нашей стране, отстоять единство партии. Предательские замыслы троцкистов были разоблачены до конца. В этом заслуга нашего ленинского Центрального Комитета,

7

Мне, как и другим членам РВС, приходилось часто выезжать в округа, инспектировать войска. Я видел, с каким энтузиазмом советские воины воспринимали решения ЦК партии по укреплению Советских Вооруженных Сил.

Осенью 1927 года я приехал с инспекцией в Белорусский военный округ, в частности в 7-ю кавалерийскую дивизию, входившую в состав 3-го кавкорпуса С. К. Тимошенко. Командир дивизии Д. А. Шмидт, который незадолго до моего приезда принял 7-ю дивизию от К. И. Степного-Спижарного, произвел на меня хорошее впечатление.

— Разрешите узнать, какие полки будете смотреть?— спросил комдив.

— А какой полк у вас лучше других?

Стоявший рядом С. К. Тимошенко сказал:

— У нас все полки на хорошем счету. Но лучше других полк Жукова, о котором я докладывал вам. Он умело обучает бойцов, особенно хорошо проводит занятия по тактике...

Я сказал Д. А. Шмидту, что постараюсь побывать во всех полках, а начну с 39-го.

Вскоре мы въехали на территорию полка. Я вышел из машины, следом за мной С. К. Тимошенко.

Командир 39-го кавполка Г. К. Жуков встретил меня четким рапортом. Строевая выправка, четкость — все это говорило о том, что командир полка свои обязанности знает хорошо.

— Какие будут указания? — спросил Жуков, отдав рапорт.

В свою очередь я спросил Жукова, что он предлагает сам как командир полка. Георгий Константинович предложил мне обойти казармы, ближе познакомиться с жизнью и работой бойцов и командиров.

— Что ж, согласен, — сказал я. — Однако вначале посмотрим, как кормите солдат.

Побывал в столовой и на кухне, беседовал с солдатами и поварами, интересовался качеством продуктов, обработкой их, снял пробу.

— Это очень хорошо, что вы старательно готовите бойцам пищу, — сказал я поварам и объявил им, а также начальнику предслужбы полка благодарность.

С. К. Тимошенко предложил мне сделать запись в книге столовой.

— С удовольствием, — согласился я.

Затем проверил ход боевой подготовки. Надо сказать, что почти по всем показателям 39-й полк был на хорошем счету, и я остался доволен осмотром.

— Ну, а теперь покажите мне лошадей, — сказал я Жукову.

Командир полка дал сигнал «на выводку».

Пока строились эскадроны, С. К. Тимошенко доложил мне, что 39-й кавалерийский полк преуспевает во всех видах конного спорта. Почти все командиры занимаются спортом, в том числе и сам командир полка.

— А вот со стрельбой из оружия у них дела похуже, — добавил Тимошенко.

— Почему так? — спросил командира корпуса.

С. К. Тимошенко пожал плечами:

— Трудно сказать, но думаю, все дело в тренировках. Видимо, надо поднажать.

Эскадроны построились, и началась выводка лошадей. Конский состав полка был в хорошем состоянии,ковка отличная. Я остался доволен и даже похвалил Жукова.

Вскоре мы уехали с С. К. Тимошенко в 6-ю Чонгарскую дивизию.

С Г. К. Жуковым мне приходилось еще не раз встречаться, и я с удовлетворением отмечал его рост как командира. Спустя два года Жуков прибыл в Москву на курсы высшего начальствующего состава — КУВНАС. О том, как проходила учеба на курсах, Георгий Константинович рассказывает в своей книге «Воспоминания и размышления». Я лишь отмечу, что курсы Г. К. Жуков окончил успешно. Это было весной 1930 года. А уже осенью по моей просьбе его назначили в инспекцию кавалерии.

Г. К. Жуков быстро вошел в курс дела. И не случайно на общем собрании коммунистов всех инспекций и управления боевой подготовки Наркомата по военным и морским делам мы единодушно избрали Жукова секретарем партбюро, а его заместителем — И. В. Тюленева.

Г. К. Жуков в своей книге рассказал о работе инспекции, о том, какой авторитет она имела в войсках. Должен добавить, что Жуков очень скоро завоевал авторитет среди командного состава. Мне нравилось в Георгии Константиновиче то, что он глубоко вникал в вопросы боевой подготовки кавалерийских частей, проявлял инициативу, всего себя отдавал делу укрепления могущества Красной Армии. Наша инспекция провела большую работу по пересмотру организации кавалерийских частей и соединений, системы вооружения и способов ведения боя. Я уже не говорю о таком вопросе, как выработка новых инструкций. Во все эти дела большой вклад внес и Жуков.

Однако поработал в инспекции кавалерии Г. К. Жуков недолго.

Как-то весной 1933 года меня пригласил нарком обороны К. Е. Ворошилов.

Встреча С. М. Буденного с группой иркутских партизан
16 марта 1929 г.

Г. К. Орджоникидзе, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и другие несут гроб с телом В. И. Ленина от Павелецкого вокзала к Дому Союзов по Новокузнецкой улице. Москва, 23 января 1924 г.

Е. А. Щаденко, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и другие в группе награжденных участников
Первой Конной армии

А. К. Случевский, пулеметчик
Первой Конной армии

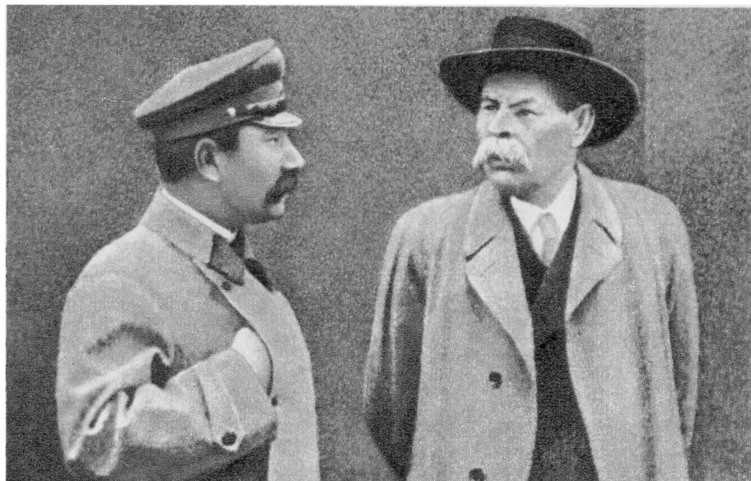
Розахон Назырова, разведчи-
ца 11-й кавдивизии

Н. П. Хуцистов, бывший коман-
дир кавэскадрона войск ВЧК
Москва, 1958 г.

Член Реввоенсовета СССР С. М. Буденный присутствует на заседании Совнаркома Туркменистана, 1926 г.

А. М. Горький и С. М. Буденный на Красной площади, 1932 г.

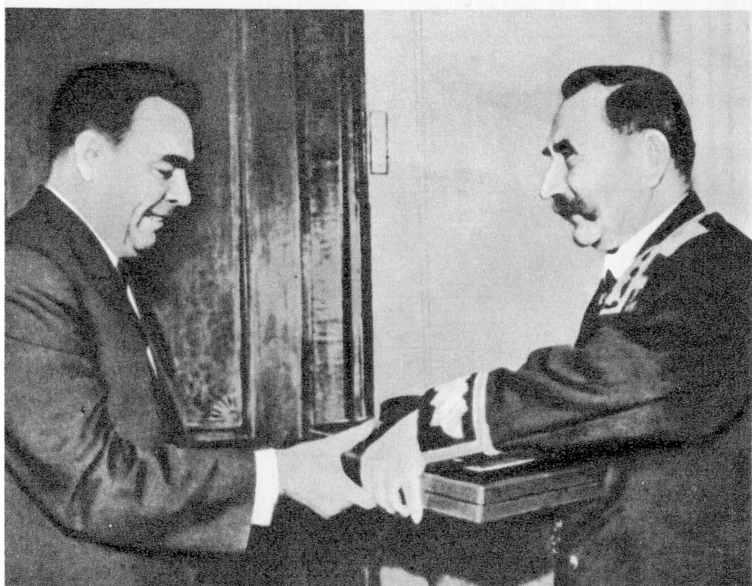

Первый заместитель Наркома Обороны
Маршал Советского Союза С. М. Буденный
на тактических учениях в Закавказском военном округе, 1940 г.

С. М. Буденный, Я. Б. Гамарник, А. И. Егоров, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов
на Всесоюзном совещании жен командиров РККА, Москва, декабрь 1936 г.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев поздравляет С. М. Буденного с награждением второй медалью «Золотая Звезда», Кремль, 1963 г.

Вошел к нему в кабинет и сразу заметил, что у Ворошилова скверное настроение.

— Садитесь, Семен Михайлович. — Он кивнул на стул.

Я сел, все еще не догадываясь, зачем вдруг так срочно потребовался наркому.

— Надо срочно подыскать нового командира 4-й кавалерийской дивизии, — сказал он.

— А что случилось?

Ворошилов сообщил, что на днях 4-ю кавдивизию инспектировал командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич и остался недоволен ее состоянием. По его словам, комдив развалил дивизию, в ней нет дисциплины, нет должного порядка.

— Сами понимаете, как мне больно это слышать, — продолжал Климент Ефремович. — Ведь дивизия носила мое имя!.. — Ворошилов встал, заходил по кабинету. — Вот как подвели, а? Уборевич просит немедленно заменить комдива. Я уже дал согласие...

Слушая Ворошилова, я подумал о том, а не сгустил ли краски Уборевич. Спросил об этом Климента Ефремовича.

Ворошилов сказал:

— Я верю Уборевичу. Не станет же он, командующий округом, наговаривать на своих комдивов?

— Логично, — согласился я.

Ворошилов встал.

— Кого вы можете предложить на эту должность? — спросил он.

Я ответил, что надо подумать, хотя могу и сейчас назвать одного товарища.

— Кто?

— Жуков Георгий Константинович, — сказал я. — Раньше он служил в Белорусском военном округе, был командиром полка, командовал бригадой...

Выслушав меня, Ворошилов сказал:

— Пожалуй, кандидатура подходящая. Лично поговорите с Жуковым, а потом заготовьте приказ.

Вскоре такая беседа состоялась. Георгий Константинович, как я понял, был доволен этим назначением. Я сказал Жукову, что 4-я кавалерийская дивизия была одной из лучших в Конармии, в ее рядах немало героев.

своими подвигами прославивших Родину. Однако сейчас...

— Уверен, что вы, товарищ Жуков, поправите дела в дивизии. Такого же мнения и нарком. Он поручил мне передать это вам.

— Постараюсь сделать все, чтобы четвертая кавалерийская дивизия вновь обрела достойную ей славу, — заверил меня Георгий Константинович.

Вряд ли есть необходимость перечислять все то, что сделал новый командир 4-й кавалерийской дивизии — он сам об этом пишет в своей книге. Скажу лишь, что Г. К. Жуков в новой своей должности проявил себя зрелым и опытным командиром. Как-то К. Е. Ворошилов, кажется это было летом 1934 года, сказал мне:

— А знаете, Семен Михайлович, у Жукова хорошо идут дела. На днях у меня был продолжительный разговор с командующим округом. Уборевич проводил в дивизии учение и сказал, что 4-ю кавдивизию просто не узнать.

Позже я и сам побывал в 4-й кавалерийской дивизии. В 1935 году она была награждена за успехи в боевой подготовке орденом Ленина. Правительственных наград удостоились многие командиры подразделений и частей. Г. К. Жуков был награжден орденом Ленина. По поручению Центрального Комитета партии и Советского правительства я прибыл в 4-ю кавдивизию вручать ей награду. Это было очень празднично. Не скрою, когда я прикреплял к Знамени дивизии орден Ленина, очень волновался. Вспомнил тех, кто в годы гражданской войны сражался за Советскую власть, кто отдал свою жизнь за дело революции. Об этом я еще раз напомнил бойцам.

— Будьте достойны тех, кто в годы гражданской войны прославил вашу дивизию, — говорил я. — У нас есть еще немало врагов, и нам следует быть начеку. Орден Ленина — это награда за все ваши труды, но она и зовет вас, товарищи, к новым делам во имя интересов нашей трудовой республики...

Потом выступил Г. К. Жуков. Он тоже волновался, но сказал кратко и ясно: дивизия не уронит чести героев войны, она добьется новых успехов в боевой учебе. От имени бойцов командир дивизии просил меня передать

партии и правительству, что 4-я кавдивизия всегда будет готова выполнить любой приказ Родины.

В 1936 году, будучи на маневрах Белорусского военного округа, нарком обороны также посетил 4-ю кавдивизию. На разборе маневров нарком дал высокую оценку действиям дивизии, а вернувшись из округа, сказал, что 4-я Донская казачья дивизия вновь обрела должную ей славу.

— И в этом заслуга Жукова, — сказал нарком. — Таких командиров нам бы побольше!

Реввоенсовет СССР работал напряженно. Коренная перестройка Вооруженных Сил требовала не только сил, опыта, но и знаний. Следовало совершенствовать теорию военного дела и методику подготовки войск. Надо было учиться прежде всего нам, высшему командному составу, чтобы обогатить себя знаниями и успешно обучать подчиненных.

Мне самому очень хотелось учиться в академии имени М. В. Фрунзе. Однако все мои попытки ни к чему не приводили. Нарком обороны, выслушав однажды мою просьбу, усмехнулся:

— Вам скоро пятьдесят, Семен Михайлович. А в академии учатся молодые. И на вас лежит ответственная работа.

— Но ведь можно при академии создать курсы?

Климент Ефремович пожал плечами:

— Ну, сам я не могу решать такой вопрос...

— А что делать?

— Обратитесь к Сталину.

Вскоре после одного из совещаний у И. В. Сталина, когда в кабинете остались лишь В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов, я доложил о разговоре с наркомом, закончив:

— Не разрешает мне учиться Климент Ефремович!..

— Учиться никогда не поздно, — заметил Сталин. Помолчал, раскурил трубку и словно рассуждая вслух: — Воевали вы неплохо. Но время гражданской войны кануло в прошлое. Теперь война — если, разумеется, нам не удастся предотвратить ее — будет носить совершенно другой характер. Все это требует от вас, военных, новых знаний, умения командовать войсками в новых услови-

ях. Я тоже считаю, — продолжал Иосиф Виссарионович, — что вам обязательно надо подучиться в академии. И не только вам... — Сталин глянул на Ворошилова. — Пожалуй, Буденный прав, надо при академии создать специальную группу, где могли бы учиться военачальники, разумеется, без освобождения от основной работы. Подумайте, Климент Ефремович...

— Ну и задали вы мне, Семен Михайлович, задачу, — сетовал после Ворошилов. — Не все ведь могут учиться без отрыва от своей основной работы!

Итак, в академии была создана особая группа, в которую входили высшие командиры, имевшие богатый боевой опыт и проявившие незаурядные военные способности, но не получившие военного образования. Мне разрешили учиться только без отрыва от исполнения служебных обязанностей. А я в то время был членом Реввоенсовета СССР, инспектором кавалерии Красной Армии, постоянным председателем уставной, наградной и высшей аттестационной комиссий. А если к этому прибавить и мои обязанности члена ЦИК СССР, то станут понятными те трудности, которые предстояло преодолеть, чтобы успешно сочетать учебу и работу.

При поступлении в академию преподаватель русского языка М. П. Протасов нанес нам, образно говоря, жестокое поражение. В диктанте, который писали я, Д. Ф. Сердич, И. Р. Апанасенко, О. И. Городовиков, Г. И. Бондарь, Я. П. Гайлит, обнаружилось столько ошибок, что все мы были просто обескуражены: сможем ли мы одолеть науку, не имея серьезной общеобразовательной подготовки?

Уехали мы в тот день из академии огорченными. И хотя я лично не сдавался, меня волновало, что созданная по моей инициативе группа уже стоит под угрозой развала. В конце концов решили так: наряду с освоением специальных дисциплин изучать общеобразовательные предметы: русский язык, математику, историю, географию.

Учились мы с огромным усердием, не жалея ни сил, ни труда. Наша академическая группа (я был ее старшиной) отличалась высокой дисциплинированностью и редким прилежанием. Все были уже пожилыми людьми, а учились, как послушные школьники, беспрекословно вы-

полняя указания преподавателей и командного состава академии.

Припоминается такой случай. Как-то в первые дни учебы вхожу в академию с портфелем, как и полагается слушателю. Дежурный по академии, увидев меня, зычно скомандовал: «Академия, смирно!» — и, чеканя шаг, направился ко мне с рапортом: «Товарищ член Реввоенсовета СССР...» Я прервал его и прошел в кабинет комиссара академии Е. А. Щаденко, бывшего в гражданскую войну членом Реввоенсовета 1-й Конной армии. Там же был начальник академии Р. П. Эйдеман.

— Вот что, дорогие товарищи, договоримся раз и на все время. В академии я и все в моей группе командиры являются слушателями, вашими подчиненными. Никаких привилегий, никаких исключений быть не должно. Каждый обязан выполнять установленный в академии порядок. Рапортовать слушателям нельзя, даже если они являются членами Реввоенсовета СССР...

Рапортов мне больше не отдавали.

Чтобы было понятно, насколько сложно и трудно было учиться тем командирам, которые сочетали свою учебу с работой, я приведу примерный распорядок своего рабочего дня. В 7.00 — подъем, физзарядка, завтрак. С 8.00 до 14.00 — занятия в академии. С 14.00 до 15.00 — обед, а затем до 24.00 — работа в инспекции кавалерии, в комиссиях, на различных конференциях. В 24.00 — ужин и до 3.00 — подготовка к занятиям в академии. Но, повторяю, несмотря на трудности, занимались слушатели в высшей степени добросовестно, не пропуская ни одной лекции, ни одного практического занятия в поле, выполняя все требования профессоров и преподавателей. Изучали тактику, оперативное искусство, стрелковое оружие, баллистику, артиллерию, бронетанковые войска, авиацию, выезжали на полигоны и аэродромы. Одним словом, были слушателями академии.

12. ПОЕЗДКА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

1

В начале марта 1926 года позвонил Ворошилов и сообщил, что меня приглашает Сталин.

— Когда? — спросил его.

— Сегодня в девятнадцать ноль-ноль.

— Только меня?

— Не знаю. Во всяком случае, я тоже у него буду.

Конечно, мне не терпелось узнать, зачем вызывает Иосиф Виссарионович. Я строил различные предположения и догадки и каждую отвергал. Не удержался, спросил об этом Климента Ефремовича.

— Мне известно только одно, — ответил он, — что хорошо знаешь и ты: по пустякам Генеральный секретарь не приглашает. Видимо, ЦК собирается поручить нам что-то важное.

Когда вошел в кабинет Сталина, Ворошилов был уже там.

— Извините, не опоздал? — смутился я, невольно посмотрев на часы.

— Нет, нет, — улыбнулся Сталин. — Это мы собрались раньше. Садитесь... Не скучаете в Москве? Строевые командиры трудно привыкают к кабинетной работе. Штабистом, говорят, надо родиться.

— Или иметь особый характер, — добавил Ворошилов.

«Что-то неспроста повел Сталин речь о кабинетной работе», — подумал я.

Сталин отодвинул какие-то бумаги.

— Просматривал заявки Реввоенсовета, — сказал он. — Скоро Красная Армия будет получать в достатке

все необходимое: приступим к реализации решений Четырнадцатого съезда партии. Но мы надеемся, что воины Красной Армии и Флота помогут партии в строительстве тяжелой индустрии, в кооперировании сельского хозяйства, конечно, прежде всего разъяснительной работой, агитацией за решения съезда. Сотни тысяч хороших агитаторов — это ведь сила? Красная Армия на 72 процента состоит из крестьян. И она является громаднейшей школой политического воспитания беспартийных молодых крестьян.

— Конечно, Иосиф Виссарионович, — поспешил ответить я. — А потом демобилизованные красноармейцы и краснофлотцы первыми пойдут на стройки, станут организаторами колхозов.

— Да, — подтвердил Сталин. — Замечательные у вас кадры. Это золотой фонд партии...

Он помолчал, внимательно посмотрел на меня и, как бы размышляя вслух, заговорил:

— ЦК очень беспокоит положение в Средней Азии. Восстановление промышленности там недопустимо затягивается. Республики отстают в подъеме экономики от центральных районов. Некоторые хозяйственники приводят в оправдание довод за доводом, и все бесспорно убедительные — отсутствие нужного количества кадров, недостаток железных дорог, своеобразные климатические, географические и иные условия. Но так могут говорить лишь люди, далекие от политики. Для нас Средняя Азия — не только важный экономический район, а форпост революции на Востоке. Любой наш хозяйственный промах в Средней Азии может обернуться крупным политическим проигрышем. Да и с точки зрения хозяйственной мы многое теряем. Сколько для армии требуется взрывчатых веществ? — неожиданно спросил Сталин меня.

Я назвал цифру.

— Вот видите. А занимаются там хлопком еще плохо. Мы вынуждены покупать его за границей, тратить на это валюту — а ведь стране дорога каждая копейка.

И. В. Сталин сказал далее, что подобную роскошь мы допускать больше не можем. ЦК партии принимает ряд кардинальных мер, чтобы двинуть дело строительства социализма в окраинных республиках быстрыми темпами. Одна из таких мер, касающихся Средней Азии, —

полная ликвидация басмачества в самое ближайшее время. Басмаческих шаек немного, они немногочисленны, но нельзя недооценивать урон, какой они нам наносят экономически и прежде всего политически. Дехкане лишены возможности спокойно заниматься мирным строительством, нет уверенности в завтрашнем дне, подрывается доверие к Советской власти.

— И не кажется ли вам, Семен Михайлович, — опять обратился Сталин ко мне, — что борьба с басмачеством несколько затянулась? Спрашиваю вас потому, что в борьбе с басмачами принимает участие одиннадцатая дивизия Первой Конной, а у конников славные традиции.

Я чувствовал себя очень скверно. О положении в Средней Азии представление у меня было самое поверхностное. О борьбе с басмачами, об участии в этой борьбе 11-й кавдивизии знал очень немного, лишь по тем лаконичным сводкам, какие поступали в Реввоенсовет Республики от командования Туркестанского фронта. Правда, об 11-й дивизии у меня еще в начале года состоялся разговор с Сергеем Сергеевичем Каменевым. Он высказал опасение, что дивизия устала — ведь она уже четыре года в Средней Азии. Может быть, пора отвести ее на отдых, заменить другой равноценной дивизией.

— Как ваше мнение, Семен Михайлович? — спросил меня Каменев.

Я считал, что вряд ли это надо делать. Во-первых, за четыре года пребывания в Средней Азии бойцы кавалерийской дивизии акклиматизировались, научились вести бои в горах, в пустыне, во-вторых, командиры частей хорошо изучили районы действий басмаческих банд. Если же послать туда новую дивизию, ее бойцам придется поначалу очень тяжело, и басмачи могут иметь временный успех.

«А может быть, я был неправ, так ответив Каменеву? — думал я. — Надо подробнее разобраться в делах Туркестанского фронта. В самом деле — с бандами Махно на Украине, с бандитизмом на Северном Кавказе сумели покончить, а за басмачами гоняемся который год. Лучше всего самому выехать в Среднюю Азию, побывать в других частях фронта, поговорить с командованием. Буду просить в Реввоенсовете разрешения выехать туда».

Сталин словно угадал мои мысли.

— Центральный Комитет партии решил послать вас, Семен Михайлович, в Среднюю Азию, — сказал он. — У вас богатый опыт борьбы с бандитизмом, и вы — я в этом уверен — правильно оцените обстановку и наметите нужные меры. Поедете в Среднюю Азию не только как член Реввоенсовета СССР и инспектор кавалерии, но прежде всего как представитель ЦК партии, Советского правительства.

Наши враги за рубежом ведут усиленную антисоветскую пропаганду, пытаются поссорить народы Средней Азии с великим русским народом, активно помогают предводителям басмачества. Помните, в прошлом году Фрунзе говорил, что борьба в Средней Азии еще далеко не закончена, что басмачи при благоприятных обстоятельствах вновь попытаются начать против нас вооруженную борьбу. Михаил Васильевич оказался прав...

Сталин имел в виду апрель 1925 года, когда работала XIV партийная конференция. Тогда у него был детальный разговор о том, как покончить с басмачеством в Средней Азии. Фрунзе предлагал усилить войска Туркестанского фронта новыми воинскими частями, переброшенными из России. Однако Ворошилов сказал (его поддержал Сталин), что воинских частей в Средней Азии достаточно, важно умело вести борьбу с врагами, решительнее преследовать басмачей. Сталин обратил также внимание Реввоенсовета на создание национальных воинских частей. Создание таких частей в республиках идет крайне медленно, особенно в Туркестане...

— Медлить в этом вопросе нельзя, — продолжал Сталин. — Туркестанский фронт существует, и это говорит о том, что в Советской России все еще идет война с врагами. Пора наконец и в республиках Средней Азии наладить мирную жизнь. Надо признать, что Среднеазиатское бюро ЦК партии провело в республиках большую работу, но она еще далеко не завершена. Проверьте, как идет разъяснение решений Четырнадцатого съезда партии, сами выступите с докладами на предприятиях, в воинских частях, соберите политработников фронта, насколько позволит обстановка — комсостав, проинструктируйте их, изложите наш разговор, передайте просьбу ЦК быстрее покончить с басмачеством.

Сталин сделал паузу, как бы давая мне возможность подумать, потом продолжал:

— Будете инспектировать войска — установите тесную связь с местными партийными организациями, с ревкомками. ЦК важно знать, как они работают, как проходит на местах земельно-водная реформа. Нам особенно дорог опыт низов...

В Средней Азии в силу ее особенных условий в первые годы после революции были ликвидированы лишь крупные землевладения. Но большие массивы земли, ирригационная сеть, скот еще находились в руках местных кулаков (баев) и духовенства. Баи владели водой, сами решали, кому сколько отпустить ее, пользовались водой как средством закабаления бедноты. И в то же время основная масса дехкан земли не имела совсем, арендовала ее у баев или владела ничтожными наделами. В ходе земельно-водной реформы намечалось провести массовую ликвидацию феодального землевладения, завершить национализацию земли, передать землю, скот, орудия труда дехканам. Распределение воды изъять из рук баев и передать местным государственным органам (водхозам). Реформа являлась продолжением социалистических преобразований, должна была поднять политическую активность крестьян, укрепить союз рабочего класса и крестьянства. Намечалась она на 1925—1928 годы.

Средазбюро ЦК ВКП(б) разработало практические мероприятия по реформе. В сентябре 1925 года Политбюро ЦК создало комиссию для рассмотрения предложений Средазбюро. В комиссию вошли Председатель ЦИК СССР М. И. Калинин и Генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин. В октябре ЦК ВКП(б) утвердил рассмотренные комиссией предложения Средазбюро.

Когда мы ушли от Сталина, Климент Ефремович пожелал мне успехов, а потом сказал:

— Зайдите к Каменеву, доложите о предстоящей командировке. Он хорошо осведомлен о делах Туркестанского фронта, о специфике борьбы с басмачами и может дать дельные советы.

Я уже знал, что по заданию ЦК и правительства для руководства борьбой с басмачеством С. С. Каменев дважды побывал в Туркестане: в 1922 и 1923 годах. Главком инспектировал войска, выезжал в самые отда-

ленные воинские гарнизоны. Он требовал от войск решительных действий, хорошего знания местного быта, оказания хозяйственной помощи населению, а также неуклонного единства действий военных и гражданских властей.

Ворошилов сказал, что ему нравится Каменев своей деловитостью, широтой кругозора, и добавил, что хотел бы видеть его заместителем наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР.

— Что ты на это скажешь? — спросил меня Климент Ефремович.

— Одобряю, безусловно. Сергей Сергеевич опытный военачальник, преданный Советской власти человек.

Забегая вперед, отмечу, что ЦК партии и правительство утвердили представление Ворошилова. С августа 1926 года С. С. Каменев был начальником Главного управления РККА, а в мае 1927 года принял пост заместителя наркома по военным и морским делам и заместителя председателя РВС СССР. В этой должности С. С. Каменев пробыл до середины 1934 года, когда был назначен членом Военного совета при НКО СССР. Ворошилов не раз с теплотой отзывался о нем.

2

27 марта прибыли в Ташкент. На вокзале меня встречали командующий Туркестанским фронтом К. А. Авксентьевский, член РВС и начальник политуправления фронта Н. Н. Кузьмин и другие должностные лица.

С Авксентьевским мы обнялись, как старые друзья.

— Рад приветствовать вас, дорогой Семен Михайлович, — сказал Константин Алексеевич. — Как доехали?

— Басмачей по дороге не встречали, — пошутил я.

— В горах прячутся...

Авксентьевского я знал еще по гражданской войне. Это был талантливый военачальник. Его высоко ценил М. В. Фрунзе. Константин Алексеевич первую мировую войну начинал рядовым. Как известно, офицерский корпус царской армии в мирное время комплектовался из сынков вельможной знати, из дворян, помещиков, капиталистов. В ходе войны в связи с резким увеличением армии и потерями в командном составе в офицерские училища разрешили направлять и детей простолюдинов,

унтер-офицеров и даже рядовых солдат, достаточно грамотных и проявивших себя в боях. В числе других командировали на учебу во Владимирское пехотное училище и Авксентьевского. Оттуда в 1916 году он вышел прапорщиком, позднее стал подпоручиком.

Октябрьскую революцию Константин Алексеевич встретил с открытым сердцем. Он сразу перешел на сторону большевиков, вместе с другими преданными сынами Родины боролся с врагами Советской власти, тогда же вступил в большевистскую партию. Летом 1918 года партия поручила Авксентьевскому ответственный пост: он стал первым в Вологде губернским военным комиссаром. Не стану перечислять всего, что сделал для укрепления Советской власти в Вологодской губернии этот кристально честный коммунист. Отмечу лишь, что он не щадил себя ради революции. М. В. Фрунзе не выпускал его из поля зрения. И в апреле 1919 года по его рекомендации К. А. Авксентьевского назначили командующим 4-й армией, которая действовала в составе Южной группы Восточного фронта. В начале 1920 года, когда командующий фронтом М. В. Фрунзе со штабом выехал в Ташкент, в Самаре он оставил за себя К. А. Авксентьевского.

К. А. Авксентьевского хорошо знали многие. На Южном фронте в октябре 1920 года, когда готовилось решительное наступление на Врангеля, Константин Алексеевич командовал (до Корка) 6-й армией. Он немало сделал для ликвидации заднепровской операции Врангеля и защите каховского плацдарма. В боях К. А. Авксентьевский проявил личное мужество и особую храбрость, был награжден орденом Красного Знамени. Осенью 1920 года во время осуществления исторической операции по разгрому войск Врангеля и освобождению Северной Таврии и Крыма Константин Алексеевич был помощником командующего Южным фронтом М. В. Фрунзе, а с 1921 до июля 1922 года — заместителем командующего войсками Украины и Крыма.

На должность командующего Туркестанским фронтом К. А. Авксентьевского назначили в ноябре 1925 года. К этому времени он окончил в Москве Курсы высшего состава РККА. Хотелось бы отметить, что и здесь, в Средней Азии, в обстановке острой борьбы с басмачеством Авксентьевский хорошо проявлял себя. Не случай-

но ЦИК Узбекской республики наградил его орденом Трудового Красного Знамени, правительство Киргизской республики — шашкой, а Ташкентский окружной исполком — боевым конем.

Члена РВС и начальника политуправления Н. Н. Кузьмина я знал меньше, но и он произвел на меня благоприятное впечатление.

Приехав в Ташкент, я прежде всего пошел в Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б). Представился. Попросил ознакомить меня с положением дел.

Секретарь Средазбюро Исаак Абрамович Зеленский рассказал мне, что местные коммунисты тесно сплочены вокруг партии, полностью одобряют решения XIV съезда партии, осуждают раскольнические действия оппозиции. Численность и влияние партийных организаций в республиках Средней Азии растут. Идет борьба за раскрепощение женщин, за вовлечение их в производство. Растет комсомол, правда, девушек-комсомолок еще единицы. Молодежь тянется к знаниям. Открыто много начальных и средних школ, техникумов, несколько институтов. Колоссальное значение имеет проведение национального размежевания¹. Но еще дают себя знать религиозные и националистические пережитки.

— Работы непочатый край, — сказал он, — и мы отдаем себе в этом отчет. Для преодоления старых привычек и традиций потребуются годы и годы.

В Средней Азии строятся новые предприятия — хлопчатобумажные, шелковые. Создаются новые отрасли промышленности — нефтеперерабатывающая, химическая, цементная. Республиканские органы разрабатывают перспективные планы крупного промышленного строительства. В прошлом отсталые колонии царской России волею партии превратятся в передовые, цветущие социалистические республики.

Полным ходом идет земельно-водная реформа. Уже получили землю и воду несколько тысяч безземельных и малоземельных хозяйств². Ведутся крупные ирригаци-

¹ В 1924 году в Средней Азии были образованы Туркменская ССР, Узбекская ССР, принятые в Союз Советских Социалистических Республик, и Таджикская АССР в составе Узбекской ССР. — *Прим. авт.*

² Всего в ходе реформы во всех республиках Средней Азии было ликвидировано 37 700 кулацких хозяйств, изъято у них 280 тысяч десятин земли. — *Прим. авт.*

онные работы. Завершается весенний сев. Задача поставлена такая: посеять хлопка вдвое больше, чем в прошлом году, хотя до довоенного уровня еще далеко. Тяжело со скотом, особенно в Узбекистане. Много его угнано за границу, расхищено, уничтожено басмачами. Не хватает инвентаря...

— Большое спасибо Красной Армии, — сказал Зеленский. — Части фронта хорошо помогают нам и в проведении посевных кампаний, и в уборке урожая. А вообще даже трудно представить себе размеры помощи, какую оказала Красная Армия пролетариату и крестьянству Средней Азии в укреплении Советской власти, в борьбе с влиянием баев и мулл. Красноармейцы — отличные пропагандисты и агитаторы, ведут разъяснительную работу в самой гуще народа, в кишлаках. На них опираются местные ревкомы. Коммунисты воинских частей — а ведь это наиболее активные, наиболее закаленные бойцы революции — входят не только в свои ячейки, но и в местные районные организации, принимают в их работе живейшее участие.

— Такую форму координации действий мы широко применяли на Украине, и она оправдывала себя, давала лучшие результаты, — подтвердил я и добавил: — Центральный Комитет очень дорожит опытом низовых организаций по проведению земельно-водной реформы.

— Опыт богатейший, — сказал Зеленский. — Отчет за прошлый год я уже послал. Реформа проходит в обстановке ожесточенной классовой борьбы при яростном сопротивлении баев. Отмечается возрастающая активность басмачей. Вот, познакомьтесь. — Зеленский протянул мне сводку.

1 марта. В районе гор Тюян-Тау (Таджикистан) рассеяна шайка басмачей. Два убиты и один взят в плен.

3 марта. (Таджикистан.) Разведывательным отрядом одного из стрелковых полков в районе Яван обнаружена и после короткой перестрелки рассеяна шайка Мулла-Махмуда. Двое басмачей убиты, двое ранены.

В тот же день в 20 километрах к юго-западу от Куляба наступлена еще банда. В бою убито четверо басмачей. Нами захвачены несколько винтовок и лошадей.

4 марта (Таджикистан). Добровольцами-дехканами в районе урочища Мони обнаружена шайка Мулла-Танакула. После короткой перестрелки шайка рассеялась, оста-

вив несколько человек ранеными. Нами захвачены две винтовки, две шашки и три лошади.

5 марта. (Таджикистан.) Дурманский добровольческий отряд, сопровождавший транспорт с зерном, по пути следования из Джиликуя обнаружил басмачей. Бандиты пытались произвести налет на транспорт. Но были опрокинуты, бежали и рассеялись в горах...

Сводка была длинная. Перечислялись стычки с басмачами за первую половину марта.

— Басмачи терроризируют население, — сказал Зеленский, когда я вернул ему сводку, — сильно мешают в проведении хозяйственных кампаний. Осенью 1925 года и зимой текущего басмачи убили более 600 человек, главным образом из числа местных активистов и тех, кого басмачи подозревают в сочувствии Советской власти. Одним словом, пытаются хоть чем-нибудь, да вредить нам, срывать социалистические преобразования. Очевидно и другое — связь басмачей с определенными империалистическими кругами.

— Через Афганистан?

— Афганское правительство признало Советский Союз. Но английские провокаторы еще хозяйничают в Афганистане и действуют в обход местных законов, формируют банды басмачей, проводят их экипировку и переброску через границу тайно от афганского правительства.

Зеленский показал мне еще один документ — правительственное объявление Афганистана, обращение к афганским подданным, примкнувшим к басмачам. В нем говорилось:

«Нам стало известно, что вы тайно переправились в некоторых местах через Дарью и присоединились к басмачам... Так как великие государства Россия, Афганистан, Бухара имеют старинную дружбу, то вам настоящим объявляется, что в течение 20 дней все переправившиеся через Дарью должны возвратиться в Афганистан и тогда они получают прощение, имущество и жизнь их будут им оставлены. Если же в течение 20 дней не явятся, то имущество, которое находится здесь, будет отобрано в казну и жизни их будет грозить опасность, так как они будут судиться как солдаты за неисполнение приказа.

Подлинное настоящее объявление украшено благосло-

венной подписью Господина Военного Министра Афганистана»¹.

Зеленский пригласил меня принять участие в предстоящем заседании Центрального совещания по борьбе против басмачества. Такие совещания были созданы во всех республиках в центре и на местах.

Центральное совещание рассматривало план второй ударной кампании по разгрому басмачества. Первая кампания была проведена весной и летом 1925 года.

Но прежде чем рассказать, что намечалось провести во время второй ударной кампании (мне пришлось принять в ней активное участие), считаю необходимым привести хотя бы краткую историческую справку. Без этого читателю будет трудно разобраться, что же происходило тогда в Средней Азии, почему борьба с басмачами так затянулась.

3

После победы Великой Октябрьской социалистической революции во всем Туркестанском крае, за исключением Хивы и Бухары, установилась Советская власть. В апреле краевой съезд Советов провозгласил образование Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики. Совет Народных Комиссаров Туркестана провел национализацию земли, воды, банков, промышленных предприятий, приступил к созданию Красной гвардии, затем Красной Армии. В июне 1918 года организованно оформилась Коммунистическая партия Туркестана.

Советская Россия помогала, чем только могла, братской Туркестанской Автономной Социалистической Республике. Отправляла хлеб, другие продукты и товары, ассигновала деньги на подъем промышленности и сельского хозяйства.

В октябре 1919 года ВЦИК и СНК РСФСР создали комиссию по делам Туркестана. В нее вошли Ш. Э. Элиава (председатель), М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, Я. Э. Рудзутак и другие. Отправляя комиссию в Туркестан, В. И. Ленин писал, что установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Рос-

---

¹ Боевой путь войск Туркестанского военного округа. М., Воениздат, 1959, стр. 161.

сийской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской Республики к слабым, донныне угнетавшимся народам.

Коммунистическая партия, В. И. Ленин систематически и последовательно разъясняли национальную политику Советского государства.

1 января 1921 года ЦК РКП(б) созвал в Москве совещание коммунистов тюркских народов РСФСР, рассмотревшее ряд важных вопросов работы среди населения национальных республик. Среди других делегатов на совещании присутствовали партийные работники Туркестана. Всего было проведено четыре таких совещания.

С величайшим героизмом и самоотверженностью отстаивали коммунисты Туркестана, рабочие, все трудящиеся первую в мире социалистическую республику на Востоке. Против нее ополчились и международный империализм, и внутренняя контрреволюция: царские чиновники, городская буржуазия — русская и национальная, баи, духовенство, меньшевики, эсеры. В ход пошли убийства, провокации, заговоры, восстания.

На протяжении 1918—1919 годов герои Туркестана — красногвардейцы, красноармейцы, руководимые коммунистами, вели бои с белогвардейцами, интервентами, басмачами, находясь в полном окружении.

Русские рабочие, весь русский трудовой народ, несмотря на исключительно тяжелое положение в стране, предпринимали все, чтобы помочь туркестанским братьям отстоять дело революции. В июле 1919 года создается Туркестанский фронт — командующий М. В. Фрунзе, член Военного совета В. В. Куйбышев. Войска фронта разгромили части Колчака и уральских белоказаков, разорвали окружение, соединились с красными героями Туркестана, а затем полностью очистили от интервентов весь Закаспийский край.

Враги Советской власти получали щедрую помощь от империалистов, и прежде всего английских. Британские дипломаты, разведчики, члены различных миссий были непосредственными организаторами и вдохновителями многих выступлений контрреволюции. Английская раз-

ведка направила в Ташкент под видом неофициальной военно-дипломатической миссии шпионско-диверсионную группу во главе с разведчиком майором Бейли.

Бейли совместно с английским генеральным консулом в Кашгаре разработал детальный план шпионско-диверсионной деятельности на территории Туркестана, установил связь с меньшевиками, эсерами и буржуазными националистами в Туркестане. Одновременно английские империалисты усилили происки в Афганистане и Бухаре, стремясь превратить их в опорные пункты для нападения на Советскую Россию. Белогвардейцы, бежавшие из России, создали так называемую Туркестанскую военную организацию (ТВО). Это был шпионско-контрреволюционный центр в Средней Азии. Его организации действовали во всех больших городах Средней Азии — Ташкенте, Самарканде, Фергане, Ашхабаде. Они добились соглашения с главарем хивинских басмачей Джунаид-ханом и бухарским эмиром Алим-ханом и усиленно готовились к контрреволюционному перевороту в Туркестане.

ТВО получила заверение английского правительства о снабжении басмачей всем необходимым.

«Представители английского правительства, — писал один из руководителей организации, офицер царской армии Зайцев, — обязались снабжать организацию деньгами, оружием и боевыми припасами, на первых порах было условлено выделить: 100 млн. рублей, 16 горных орудий, 40 пулеметов и количество винтовок, необходимых для вооружения добровольцев».

Вскоре эта организация была раскрыта чекистами и ликвидирована.

Английские империалисты не раз прибегали и к открытым вооруженным вторжениям в Туркестан. Эти вторжения заканчивались полным провалом. И все-таки уроки не пошли впрок.

Центром подрывной работы против Туркестанской Автономной Социалистической Республики англичане сделали Афганистан, через который шло пополнение контрреволюционных банд.

О захвате Средней Азии мечтали и американские империалисты. В комментариях к «14 пунктам» американского президента Вильсона говорилось, что на Среднюю Азию придется представить какой-либо державе ограниченный мандат для управления на основе протектората.

Конечно, имелось в виду, что Средняя Азия будет протекторатом США.

Враждебную позицию по отношению к Советской России, к социалистическому Туркестану занимал бухарский эмир Алим-хан.

При непосредственной помощи англичан эмир в союзе с закаспийскими белогвардейцами летом 1919 года организовал военное нападение на советский гарнизон в Керки. При помощи английских офицеров в Старой Бухаре были сооружены два завода по изготовлению пороха и патронов, где работали две тысячи австрийских военнопленных. Эмир препятствовал налаживанию связи между Бухарой и Туркестаном, нарушал мирную жизнь русских поселений на территории эмирата, не давал пользоваться ни железной дорогой, ни водным транспортом по Амударье, покровительствовал всем белогвардейцам и другим антисоветским силам. Бухарские беки совершали бандитские налеты на пограничные посты, зверски убивали русских пограничников, их жен и детей. По словам В. В. Куйбышева, эмирская Бухара представляла из себя караван-сарай для контрреволюционеров, белогвардейцев и мирового империализма.

В 1919 году в результате переговоров эмир согласился прекратить враждебную деятельность против Советского Туркестана, не увеличивать свои вооруженные силы более чем до 12 000 человек. Но вскоре он нарушил соглашение, и к лету 1920 года в армии эмира насчитывалось 13 220 человек кавалерии, 1200 пехоты, 70 000 мобилизованных ополченцев, из них 25 000 человек в восточных бекствах.

20 марта 1920 года в сопровождении членов Турккомиссии и полномочного представителя России в Бухаре эмира посетил М. В. Фрунзе. О результатах переговоров он докладывал Владимиру Ильичу: «10 дней тому назад, возвращаясь из Закаспия, мы с Элиавой были у бухарского эмира... Мы упорно и настойчиво твердили ему о том, что Советская Россия заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары и в сохранении в ней существующего режима; для укрепления же дальнейшей связи советовали самому, хотя в какой-нибудь степени, сверху пойти по пути европеизации. В ответ удалось лишь получить уклончивое: «Помаленьку, потихоньку будем, но вот народ...» — и затем сейчас же просил уб-

рать из Кагана «клопов» (это младобухарцы, приютившиеся под покровом нашего резидентства в Н. Бухаре)»¹.

В феврале 1920 года восставшие народные массы при братской помощи Красной Армии и Советской России свергли хивинского хана и на территории бывшего хивинского ханства была образована Хорезмская Народная Советская Республика. А в сентябре 1920 года та же участь постигла и бухарского эмира. Народ Бухары восстал против угнетателей и обратился за помощью к Красной Армии. Эмир с остатками приверженцев бежал в Восточную Бухару, Душанбе, рассчитывая там собрать силы и вернуть утерянный трон. Однако отряды Красной Армии продолжали наступать, и войска эмира были разбиты.

14 сентября 1920 года 1-й Всебухарский курултай (съезд) провозгласил образование независимой Бухарской Народной Советской Республики. Таким образом, несмотря на все усилия белогвардейцев и интервентов, Советская власть победила во всей Средней Азии.

Однако все эти эмиры, ханы, крупные промышленники, торговцы, баи и муллы, поощряемые и подталкиваемые из-за границы, не сложили оружия. Борьба народов Средней Азии за укрепление Советской власти продолжалась еще долго. Бандитские антисоветские действия получили здесь название басмачества.

Басмачество в Бухаре возникло еще при царизме. Оно было направлено и против эмира, и против русского царя. Но надо иметь в виду, что движение не носило национально-освободительного характера. Просто шла борьба за власть между феодалами, разжигаемая английскими эмиссарами. Не случайно непосредственным участникам этой борьбы народ дал такое название. Слово «басмач» происходит от глагола «басмак», что в переводе на русский язык означает насилловать, убивать, грабить. В годы революции басмачи стали орудием и опорой реакции.

Басмаческих шаек в Средней Азии было множество. Упорные и длительные бои с басмачами проходили в Восточной Бухаре. В песках Кызыл-Кума действовали банды Абду-Саттар-хана, в Хорезме и Кара-Кумах —

---

¹ «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 38.

банды Джунаид-хана, в Матчинском бекстве (на севере Бухары) — банды Саид-Ахмета и т. д.

Джунаид-хан был известен тем, что участвовал в восстании туркменских крестьян в 1916 году против засилья местных феодалов и царских чиновников. Теперь Джунаид-хан, используя свою былую популярность, заявлял народу, что Советская власть и царизм — одно и то же. Как и другие курбаши (предводители отрядов), он имел связь с русскими белогвардейцами и с англичанами, которые, видя в нем свою опору, всячески помогали ему оружием и боеприпасами. Басмачей Джунаид-хана насчитывалось несколько тысяч человек. Джунаид-хан решил идти на Хиву, рассчитывая, что его поход вызовет энтузиазм народа и войско будет увеличиваться. Но случилось обратное. По мере движения к Хиве банды в боях с красными бойцами несли большие потери. Преследуемый нашими частями, Джунаид-хан вновь ушел в пески, а оттуда бежал за границу. Он еще не однажды выступал против Советской власти. Последний раз в 1927 году.

К числу крупных следует отнести банду Фузайла-Максума и его брата Я.-Максума. В Каратечине и в Дарвазе Фузайл-Максум объединил все шайки и установил свою власть почти во всех районах Гармского вилоята. После ряда стычек с частями Красной Армии Фузайл растерял всю свою банду и бежал в Афганистан. В конце концов, он стал вражеским лазутчиком, агентом империалистических разведок и позднее несколько раз переходил нашу границу.

Под ударами красных отрядов банды рассыпались, потом создавались вновь. Вооружение — шашки, винтовки, пулеметы — преимущественно английское. Комплектовались отряды из местных кулаков (баев), уголовных элементов, встречались и русские белогвардейцы, был и трудовой люд, обманутый муллами.

Руководители басмаческих шаек — всевозможные авантюристы, головорезы, лютые враги Советской власти — умело играли на национальных чувствах народа, ранее угнетавшегося царизмом. Ненависть дехкан к царскому правительству они направляли против представителей Советской власти.

Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство внимательно следили за ходом событий в

Средней Азии. И. В. Сталин, в частности, в беседе с нами говорил, что из всех советских республик Туркестан особенно важен с точки зрения революционизирования Востока не только потому, что Туркестан представляет комбинацию наиболее связанных с Востоком национальностей, но и по своему географическому положению — он врезается в самое сердце того Востока, который наиболее эксплуатируется и который накопил у себя больше пороку для борьбы с империализмом. Задача состоит в том, чтобы превратить Туркестан в образцовую республику, в передовой пост революционизирования Востока.

Командовать войсками Красной Армии в Средней Азии назначались известные военачальники — С. С. Каменев, М. В. Фрунзе, В. И. Шорин, А. И. Корк, М. К. Левандовский и другие. Они многое сделали для срыва преступных планов империалистов, для помощи населению в установлении Советской власти, в возрождении народного хозяйства.

22 февраля 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о положении в Бухаре и поручило РВСР представить в Политбюро план усиления войск в Восточной Бухаре для ее скорейшего очищения. В марте, обсуждая этот план, Политбюро признало основной задачей самое быстрое и решительное уничтожение басмачества в районе Бухары и Ферганы, обязало ЦК КПТ принять самые энергичные меры к этому. В Ташкент для оказания помощи местным товарищам выехал один из виднейших деятелей партии, соратник В. И. Ленина — Г. К. Орджоникидзе.

В июне 1923 года Политбюро вновь рассмотрело вопрос о положении в Восточной Бухаре и приняло решение создать Реввоенсовет для руководства действиями против басмачества в Восточной Бухаре. В Среднюю Азию с других фронтов перебрасывался ряд кавалерийских дивизий, в том числе 11-я кавалерийская дивизия 1-й Конной армии. Дивизия вошла в состав 13-го стрелкового корпуса. Ее направили в Бухарскую группу, в районы, служившие центрами басмачества. В Среднюю Азию дивизия прибыла из Гомеля. Она состояла из шести полков, укомплектованных до полного штата. Дивизия имела богатый боевой опыт маневренной войны и славные боевые традиции.

Борьба с басмачами была исключительно тяжелой. Вести бои приходилось то в раскаленных безводных песках пустыни, то в горных ущельях. Летом воздух в пустыне накалялся так, что нечем было дышать. Сильные порывы ветра несли с собой песок, и он даже рассекал кожу. Неимоверные трудности испытывали воины, когда вели боевые действия в горной местности. На пути бойцов вставали ущелья, неприступные скалы, крутые подъемы и спуски. Нередко попытка преодолеть какой-либо перевал срывалась. Люди так уставали, что буквально валились с ног.

Басмачам было легче. Они привыкли к этим условиям, прекрасно знали места, быстро ориентировались в обстановке. Тактика у них была примерно такой же, как у махновцев: действовали разрозненными группами, нападали на красноармейские отряды внезапно на марше или в казармах, навязывали красным отрядам бои в самых невыгодных для тех условиях.

Но, несмотря на все эти трудности, красные бойцы сражались храбро, самоотверженно, с достоинством и честью.

4

Члены Центрального совещания по борьбе с басмачеством, в их число входил командующий фронтом, ознакомив меня с планом второй ударной кампании по разгрому басмачества, рассказали, что дала первая, проведенная в прошлом году. На территории Таджикистана произошло 875 боевых столкновений частей Красной Армии с басмаческими шайками. В порядке подготовки к кампании проводилась широкая разъяснительная работа. Только в одном Локае (в прошлом — главный очаг басмачества) были проведены общелокайский съезд, 8 районных конференций, 33 совещания, совещание с духовенством, 6 митингов, 8 демонстраций и т. д. В открытых столкновениях басмачи понесли серьезные потери. Однако полностью ликвидировать их не удалось. После завершения кампании борьба с басмачами несколько ослабла. В войсках был некомплект командиров. Проводится демобилизация старших возрастов, уходят наиболее опытные солдаты. Недостает оружия, продовольствия. Части размещаются в многочисленных гарнизонах — сейчас их 107. Бытовые условия исключительно тяжелые.

Я подумал, что проводить военные действия кампаниями едва ли целесообразно. Ведь это только на руку врагу. Но потом решил, что дело, пожалуй, в неправильном названии. Кампания велась за отрыв населения от басмачества, за разоблачение басмачества, и, конечно, дала хорошие результаты.

Мы обсудили и приняли план массово-политической работы среди населения в ходе второй кампании. Общая задача — в течение трех-четырех месяцев полностью ликвидировать басмачество.

В штабе фронта я ознакомился с дислокацией частей, их численностью, вооружением, обеспеченностью боезапасом. Поинтересовался, как идет боевая учеба, особенно с пополнением.

— Учатся в ходе боевых действий, — несколько смущенно ответил начальник штаба.

— А в более широком плане? В масштабе дивизии, корпуса, фронта с обработкой определенных задач в условиях гор, пустыни?

— Пока не планируем. Вот покончим с басмачами...

Я обратил внимание Авксентьевского на незначительный эффект боевых действий. В прошлом году было 875 боевых столкновений, а потери басмачей всего 164 убитыми и 20 взято в плен.

Авксентьевский пожал плечами.

— Не кажется ли вам, — спросил я его, — что слово «фронт» в подобной обстановке звучит несколько неестественно и уже не соответствует ей? К тому же дальнейшее употребление его невыгодно с точки зрения международной.

— С международной — возможно, — согласился Авксентьевский. — Но когда людям говорим, что они на фронте, это подтягивает, мобилизует их. Нам приходится быть в постоянной боевой готовности. А впрочем, я согласен с вами и считаю, что пора переименовать фронт в округ.

Долго продолжалась наша беседа. Мы обсудили многие вопросы. Особое внимание руководителей фронта было обращено на необходимость организовать классово-близкую нам массу дехкан против басмачества, создать в каждом кишлаке отряды самообороны. В случае внезапного нападения они смогли бы до прихода наших регулярных частей оказать врагам упорное сопротивление.

— А где они возьмут оружие? — поинтересовался Авксентьевский.

— Выдайте из наших складов.

— Ну, если разрешаете...

Командующий сказал, что раньше было другое указание — не вооружать местное население. Были случаи, когда кое-кто из дехкан отдавал оружие басмачам.

— А вы вооружайте надежных, преданных Советской власти, а не всех подряд.

На том и порешили.

О партийно-политической работе в войсках и среди населения доложил член РВС и начальник политуправления фронта Н. Н. Кузьмин.

Я сказал Авксентьевскому, что дней пять поезжу по фронтовым частям, ознакомлюсь с обстановкой, побеседую с людьми, а потом, примерно через неделю, проведем совещание Военного совета с участием широкого актива командиров и в деталях обсудим мероприятия, которые надлежит принять и провести в жизнь для повсеместной и полной ликвидации басмачества.

На следующий день я выступил в военной школе имени Ленина на собрании курсантов и представителей частей Ташкентского гарнизона с докладом о международном и внутреннем положении Советского Союза, о решениях XIV съезда партии. Сохранился номер фронтовой газеты, в котором было опубликовано решение собрания по моему докладу. Вот оно:

«Заслушав доклад т. Буденного о международном положении и задачах Красной Армии, общее собрание красноармейцев, курсантов и начсостава Ташкентского гарнизона признает, что существующая международная обстановка, несмотря на все буржуазные разговоры о мире, таит в себе тягчайшую опасность войны.

Вместе с успехами Советского Союза в деле социалистического хозяйственного строительства усиливается опасность нападения капиталистов на Советскую страну. Поэтому Красная Армия должна быть начеку.

100 процентов дисциплины, военных знаний и политической сознательности — вот очередная задача Красной Армии.

Здесь, на Туркестанском фронте, где части Красной Армии до последнего времени вели и ведут борьбу с басмачеством, наша задача: покончить с басмачеством

и догнать части внутренних округов в дисциплине и учебе.

Собрание выражает уверенность, что под твердым руководством Коммунистической партии, управляемая РВС Союза, Красная Армия на Туркфронте выполнит свои задачи.

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует РВС Союза!»¹

Позже мне довелось встретиться с рабочими красно-восточных и первомайских мастерских. На объединенное узловое собрание пришли не только рабочие. Прямо под открытым небом устроили скамьи. Кому не хватило скамеек и перегородок, уселись прямо на траве.

Задушевная беседа с рабочими продолжалась почти три часа. Я рассказал о международной обстановке, о том, как трудятся рабочие Москвы, как претворяют в жизнь заветы В. И. Ленина, что решил XIV съезд партии. Коротко остановился на успехах Туркестана, достигнутых за год.

Когда я закончил доклад, пришлось долго отвечать на самые разнообразные вопросы. Помню, дехкане больше всего интересовались, что говорилось на съезде партии о кулаке и что было решено.

— У нас в кишлаках тоже есть кулаки, как с ними быть?

Я объяснил, что кулак опасен не сам по себе, а в той мере, в какой он сможет повести за собой середняков. Поэтому партия поставила задачу — не дать кулаку овладеть середняцкой массой, организовать бедноту и середняков вокруг партии против кулака. В своей резолюции съезд записал, что борьба против кулачества должна идти как путем организации бедноты против кулака, так и путем укрепления союза пролетариата и бедноты с середняком на предмет отрыва середняка от кулачества, в целях изоляции кулака. Изолировать кулака — значит добиться того, чтобы кулак стоял один, открыто перед всеми, чтобы он не имел союзников себе в деревне. Когда кулак один — он не опасен. Однако сплотить бедняков и середняков против кулака — дело нелегкое. И все же партия приступает к решению

---

¹ «Красная звезда», 30 марта 1926 г.

этой труднейшей задачи, и тогда кулак не будет угрозой социалистическому строительству. Партия ставит задачу вовлечь крестьянина-середняка в прямое социалистическое строительство. Ильич указал, как это сделать — через кооперацию. Кооперирование крестьян — основной вопрос коммунистической политики в деревне.

Позднее мне довелось быть на заседаниях Совета Народных Комиссаров Республики. Рассматривались важнейшие вопросы развития Туркестана в свете решений апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1926 года. Как известно, пленум наметил практические пути осуществления индустриализации, а именно: создавать кадры строителей индустрии; ускорять темпы накопления, создавать резервы; установить строжайший режим экономии; поднимать активность партийных масс и рабочего класса; укреплять союз рабочего класса и крестьянства; крепить единство партии.

На заседании отмечалось, какую важную роль будут играть в осуществлении плана индустриализации республики Средней Азии. В план включаются ряд важнейших союзных строек, размещаемых в Средней Азии, в том числе заводы сельскохозяйственного машиностроения для полной механизации хлопководства, создание ряда крупнейших оросительных систем. Первый и главный объект — строительство Туркестано-Сибирской железной дороги, призванной соединить два крупнейших сырьевых района СССР.

Был принят ряд решений об итогах весенней посевной кампании, о подготовке к уборке хлеба, о ходе земельно-водной реформы.

А затем я выехал в Узбекскую ССР — посетить ряд гарнизонов, встретиться с нашими героическими воинами, посмотреть, как они живут, как организована борьба с басмачами, помочь в этом командованию, местным партийным и советским органам. Меня сопровождал командующий К. А. Авксентьевский. Мы побывали в самых отдаленных гарнизонах — Кулябской, Вахшской и Гиссарской долинах — очагах басмачества, в городе Термезе, расположенном в непосредственной близости от государственной границы с Афганистаном.

Всюду я подолгу беседовал с бойцами, отвечал на их многочисленные вопросы. У всех было хорошее, бодрое настроение, хотя бытовые условия оказались действи-

тельно тяжелыми. За годы действия в горах бойцы месяцами не видели бани, забывали, что такое керосиновая лампа, постель, мебель. Снабжение гарнизонов по горным дорогам представляло исключительные трудности. Воинов, не привыкших к местному климату, мучила малярия. Больных и раненых или оставляли на месте без квалифицированной медицинской помощи, или несли в госпиталь несколько километров на носилках. Считаю не лишним напомнить читателю, что автомашин тогда не было, да они и бесполезны были бы на горных дорогах того времени. Даже на арбе не везде можно было проехать. Единственное надежное средство сообщения — верховая лошадь. Правда, хорошо помогали летчики. Наши славные соколы совершали прямо-таки чудеса: на старых, изношенных машинах летали низко над горами, проносились по ущельям, чуть не касаясь крыльями отвесных скал, садились с риском для жизни на крохотные площадки.

С особой радостью встречался я с конниками прославленной 11-й кавалерийской дивизии. Тяжелые испытания выпали на ее долю, велики ее заслуги перед Родиной. Другие дивизии 1-й Конной давно в тылу занимаются обычной боевой подготовкой, а они все еще на фронте, все еще воюют с врагами, сколько лет не выходят из боя. Немного осталось в полках ветеранов: иные отдали жизнь за Советскую власть, за светлое будущее народа, другие (старшие возрасты) демобилизовались. Но и молодые конники свято хранили славные традиции 1-й Конной, отважно дрались с басмачами. Считаю не лишним привести несколько боевых эпизодов.

В сентябре 1922 года командованию 13-го стрелкового корпуса стало известно, что по приказу Энвер-паши, объявившего себя главнокомандующим всеми войсками ислама, готовится налет басмачей на город Каган, где располагался штаб корпуса. Налет должен был возглавить один из главарей западнобухарского басмачества Абду-Саттар-хан.

Командующий группой поставил перед первой бригадой 11-й кавдивизии задачу — разгромить банду Абду-Саттар-хана в песках Кызыл-Кумов, а второй бригаде (комбриг К. И. Овинов) — очистить от басмачей Матчинское бекство. Создали сводный отряд. Командование им возложили на Ивана Ефимовича Петрова, будущего

генерала армии, героя Великой Отечественной войны. При сводном отряде находился начальник разведывательного отдела 13-го стрелкового корпуса Дмитрий Романович Ипполитов — старый «бухарец», следопыт, отлично знавший повадки басмачей, а также только что закончивший военную академию товарищ Гаазе, исполнявший должность начальника оперативного отдела штаба корпуса.

Выступив с мест постоянного расположения — из Катта-Кургана и Джизака, сводный отряд 18—19 сентября сосредоточился в Бухаре, а 20-го выступил в направлении кишлака Варанзи, который являлся исходным пунктом всей операции. Здесь к отряду присоединился караван верблюдов с водой и продовольствием. Сюда же прибыл мусульманский конный дивизион под командой И. Ф. Куца.

В ночь на 21 сентября отряд вступил в Кызыл-Кумы. Шли по твердым такырам. Петров вел отряд переменным аллюром, рассчитывая к рассвету достичь колодцев Султан-Биби, где находились басмачи. Но басмачи успели уйти, забросав колодцы падалью. А над песками уже поднималось солнце, и все вокруг запыляло жаром (температура воздуха в пустыне поднималась до 52°, а пески накаливались даже до 70°). Как потом выяснилось, басмачи ушли к колодцам Такай-Кудук. До них около двух суточных переходов. Караван повернул обратно, а сводный отряд направился по следам басмачей.

К концу вторых суток, окончательно выбившись из сил, отряд расположился на отдых под покровом ночи всего в пяти километрах от колодцев. На рассвете разведчики обнаружили басмачей — около 800 всадников Абду-Саттар-хана. Басмачи вели себя беспечно, будучи твердо уверены, что красный отряд, опасаясь гибели в пустыне, сюда не дойдет. Бандиты спали у такыров с колодцами, юртами и множеством подседланных лошадей, привязанных за ноги к кольям — приколам.

— Ударим по ним внезапно, — сказал Петров.

В обход стойбища выслали усиленный эскадрон 62-го кавалерийского полка под командой Н. П. Сидельникова, ныне генерал-полковника в отставке, участника Великой Отечественной войны. Основные силы отряда, тщательно соблюдая маскировку, двинулись на сближение с противником. Конармейцы решительно атаковали

бандитов. Под командиром 2-го эскадрона 61-го кавалерийского полка А. П. Листовским был чистокровный ахалтекинец, славившийся резвостью хода. Он пустил его во весь мах к левой группе юрт. Навстречу ему выбежал, судя по одежде, какой-то курбаши. Он что-то кричал, стреляя из маузера. Листовский решил взять его в плен и приказал по-узбекски:

— Бросай оружие!

Курбаши, а это был сам Абду-Саттар-хан, в ответ снова выстрелил. Этот выстрел решил его судьбу. Он упал зарубленный подле юрты...

Н. П. Сидельников удачно атаковал стойбище с тыла и не выпустил ни одного басмача. Отряд Абду-Саттар-хана был разбит наголову. Лишь немногим удалось спастись бегством. Конармейцы захватили огромное количество английского оружия, лошадей, верблюдов и других трофеев. Сами понесли сравнительно небольшие потери.

Лихая атака бойцов 11-й кавдивизии под колодцами Такай-Кудук была отмечена в приказе войскам 13-го стрелкового корпуса.

Решающим было сражение объединенных отрядов 11-й кавалерийской дивизии (500 сабель) с объединенной бандой басмачей (3000 сабель) под командой Ибрагимбека в Сурханской долине в предгорьях Баба-Тага и у кишлака Юхарь-Кокайти.

Это двухдневное сражение положило начало полному разгрому басмачества в Восточной Бухаре.

Примерно в 18—20 километрах от Ура-Тюбе разведка обнаружила банду басмачей. По оценке разведки, банда состояла примерно из 150—200 сабель при одном пулемете. На ликвидацию банды командир 16-го кавалерийского полка направил эскадрон конармейцев с двумя станковыми пулеметами.

Банда располагалась в кишлаке в горном ущелье. Для того чтобы полностью уничтожить банду, необходимо было перекрыть вход и выход из кишлака. Командир эскадрона решил ночью направить пулеметчика Александра Случевского и 15 конников в обход — запереть выход из кишлака.

Утром конармейцы открыли по врагу огонь. Среди басмачей началась паника. Бандиты бросились на выход из кишлака и тут попали под кинжальный огонь пулемета. Другого выхода не было, и басмачи рвались вперед,

чтобы уничтожить нашего пулеметчика. Наступили решительные минуты: Александр Случевский не дрогнул, хотя на него неслась лавина врагов. Его пулемет поливал их свинцом. Ни один басмач не ушел живым. Когда кончился бой, то оказалось, что банда насчитывала не 150—200 человек, а около 500. У них было 4 станковых и 12 ручных пулеметов.

Во многих боях участвовал конармеец Александр Случевский. В настоящее время А. К. Случевский работает заместителем директора одного из институтов Академии наук СССР.

Не раз отмечался на Туркестанском фронте и Михаил Топильский, комиссар полка, активный участник борьбы с басмачами в Таджикистане; главным образом в Кулябском и Вахшском районах.

В Туркестан на борьбу с басмачеством его послали с группой добровольцев в мае 1924 года после окончания комиссарского факультета Военно-политического института имени Толмачева в Ленинграде. В боях с басмачами Топильский проявлял личную храбрость, стойкость, умел воодушевить бойцов. Не раз он был на волосок от смерти, но благодаря мужеству и стальной выдержке смерть каждый раз отступала и Топильский выходил из боя невредимым.

11-я кавдивизия понесла в боях с басмачами немалые потери. Ранней весной 1924 года командир 1-й бригады В. А. Лихарев со взводом прикрытия выступил в горы Баба-Таг, чтобы объединить под своим командованием отдельно действовавшие там отряды 61-го и 62-го полков. В предгорьях Баба-Таг взвод окружила большая банда басмачей. Командира смертельно ранило, но до последней минуты он продолжал командовать, поднимая дух красноармейцев. Он умер, когда подошла помощь.

Героически погиб в бою командир 61-го полка М. Симонов. С небольшим отрядом он поднимался вверх по реке Сурхан, инспектируя стоявшие в кишлаках гарнизоны. Между кишлаками Вакаты и Пайзава Симонов внезапно встретился с объединенной бандой Ибрагим-бека. У Симонова было 30 человек, у Ибрагим-бека более пятисот. Несмотря на это, командир полка принял бой, свалил несколько басмачей, но получил тяжелое сабельное ранение и спустя некоторое время умер.

Героически погиб в бою командир 62-го полка Савко. И все трое в Баба-Таге... Были тяжело ранены командир дивизии В. Я. Качалов (в Отечественную войну генерал-лейтенант и командующий армией, героически павший в бою); помощник командира полка В. Д. Крючкин (ныне генерал-лейтенант в отставке), политрук Адлер, лучшие пулеметчики Латыпов, Писарев и другие красноармейцы, командиры и политработники.

В историю борьбы с басмачами вписано имя славной дочери узбекского народа Розахон Назыровой. Ее фотография экспонируется в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. Она — человек удивительной судьбы. Живет недалеко от Ташкента, в Янгиюле.

В 1926 году во время посещения полков 11-й кавдивизии я встречался с ней. Она была разведчицей и, по отзывам командования, добросовестно выполняла задания, проявляя смелость и решительность.

— Молодчина, смелая ты девушка, — сказал я ей. — Так и надо служить Советской власти — честно, бескорыстно, ради счастья трудового народа.

Вот что Розахон говорит о себе, о своей жизни:

— Богато одарила природа Ферганскую долину, а наш кишлак Кош, где я родилась, будто нарочно обошла. Затерялся он в долине между песками и болотами... Однажды ночью отняли меня от родной матери. Одиннадцать лет всего мне было, когда чужие люди, посадив на арбу, куда-то повезли. Целую ночь крутились колеса, все дальше и дальше оставался позади родной кров. Остановились в Коканде. И тут узнала — украл меня Ишан, у которого отец мой батрачил. Так внезапно, грубо оборвалось мое короткое детство.

Печально потянулись дни на новом месте. Угнетала тоска по дому, матери, по родной Фергане. Но здесь, в Зеравшане, уже ждала меня иная судьба. Пришла революция. Я встретилась с людьми волевыми, интересными, увлеченными революционной борьбой. Вышла замуж за коммуниста. Но вскоре снова начались темные дни. Муж уехал выполнять задание партии, а в Катта-Курган ворвались басмачи, забрали меня в Нуратинские горы.

Однажды басмачи спустились в долину на базар и меня притащили с собой. Людей кругом — видимо-невидимо: съехались из разных округов. У одной галантерейной лавочки я увидела красноармейцев со звездоч-

ками на фуражках. Делая вид, что покупаю зеркальце, одному из них шепнула: «На базаре переодетые басмачи — 25 человек!» Басмачи, видимо, догадались, что я выдаю их, и, увидев меня рядом с красноармейцами, открыли беспорядочную стрельбу. Но вся их шайка была схвачена.

Что руководило тогда мною? Ведь одна пуля могла оборвать мою жизнь. Сделала я тот решительный шаг потому, что всей душой ненавидела угнетателей и врагов народа.

Познакомили меня красноармейцы с русской женщиной Марией Кузнецовой. Она была инструктором Каттакурганского уездного комитета партии. Предложила мне работать рассыльной, начала учить русскому языку. А как увлекательно она рассказывала о своих встречах с большевиками, с самим Лениным!

Никогда не забыть ее слова, обращенные ко мне: «Смелее, Розахон! Пусть крылья страха не касаются твоих плеч». Это было в 1919 году, когда я получила комсомольский билет под номером 3. Он хранится сейчас в Музее истории комсомола Узбекистана.

С той поры началась для меня совсем иная жизнь. Я стала разведчицей в 11-й кавалерийской дивизии.

...В глухих ущельях Нуратинских гор скрывались басмачи — коварные, изворотливые и злобные. Надев паранджу, я отправилась в стойбище врагов. Остановилась в доме дехканина-бедняка. Познакомилась со служанкой кишлачного бая. От нее узнала, что басмачи денно и ночью готовятся к наступлению и в пятницу отправляются в путь: бай собрал для них 450 лошадей, запас винтовки и патроны. «Посмотрим, в чьи руки попадут эти подарки», — подумала я и глубокой ночью ушла из кишлака в лагерь красных войск. Там я впервые встретилась с Иваном Ефимовичем Петровым, ставшим впоследствии командующим Туркестанским военным округом.

Операция прошла успешно. Ни один из басмачей не ушел из горного ущелья. Часть их была уничтожена, многие попали в плен. А «подарки» бая попали в руки красноармейцев.

Отгремела гражданская война. Сняла с головы буденовку. Теперь надо было налаживать новую жизнь, обрабатывать отнятые у баев земли, открывать школы для детей, раскрепощать подруг. Это тоже была битва, но

куда сложнее и труднее. Помню случай, происшедший в Ферганской долине Янги-Курган. Я выступала там на собрании женщин, когда в дом вошли несколько человек в длинных халатах. Чутье подсказало: что-то неладное — не спрятано ли под халатами оружие? Прямо с трибуны позвала несколько коммунистов и комсомольцев, стоящих на страже, и сказала им: «Задержите пришедших, снимите с них халаты».

И не ошиблась. То были недобитые басмаческие шакалы. С черными мыслями пришли они сюда. Женщины, наверное, растерзали бы врагов, но их увели в ЧК. А подруги мои сняли с себя паранджу и бросили в огромный полыхающий костер...

Сколько с тех пор исхожено дорог! После ликбеза пошла создавать колхозы, а потом работала в партийных и советских органах — председателем сельсовета, политработником в МТС, колхозным парторгом, секретарем райкома... Вся жизнь связана с партией. Находясь на пенсии, не могу сидеть дома. Только в общении с людьми и черпаю силы, нахожу радость. Вот поэтому, думаю, и сердце мое по-прежнему молодо. Огонек, зажженный в нем комсомолом полвека назад, и сейчас ярко горит и, пока я жива, не погаснет.

Розахон Назырова — замечательная женщина, в ее судьбе — судьба тысяч таких же женщин, смелых и отважных патриоток Родины.

Несколько лет назад я снова был в Узбекистане, встретился с ней. Вспоминали 1926 год, борьбу с басмачеством.

— А ты не очень-то стареешь, молодцом выглядишь, — заметил я. — Наверное, готова хоть сейчас идти в бой, как полвека назад?

Розахон Назырова улыбнулась:

— У нас с вами закалка крепкая. Сколько врагов было у Советской власти? Не перечеть. Всех побили. Сердце радуется, какой стала наша Советская Родина. Нашел свое счастье в семье народов и Советский Узбекистан.

К ее словам трудно что-либо добавить...

В горах надежным проводником у меня был боец-разведчик Хамракул Турсункулов — ныне известный

сын узбекского народа, трижды Герой Социалистического Труда. Служил в 7-й кавалерийской бригаде, которой командовал К. П. Ушаков. Здесь в одном из боев Турсункулов и начальник полковой разведки Н. Микулин спасли жизнь командиру бригады К. П. Ушакову, когда его ранила вражеская пуля. Ползком они преодолели обстреливаемый участок и вынесли командира в безопасное место.

Мне не раз довелось потом встречаться с Турсункуловым, в том числе и на XXII съезде КПСС. После съезда вместе с генералом армии И. И. Федюнинским мы были в Ташкенте, побывали в гостях у колхозников хозяйства «Шарк Юлдузи», которым руководил долгие годы Турсункулов. Мы с ним обнялись, как давние боевые друзья, вспомнили гражданскую войну, борьбу с басмачеством.

— Вы у нас, Семен Михайлович, самый дорогой гость, — сказал Турсункулов.

Осмотрели хозяйство. Все, что мы увидели в колхозе, свидетельствовало о больших резервах и могучей силе колхозного строя.

Когда уезжали, Турсункулов пригласил нас вновь приехать к ним. К сожалению, побывать в Средней Азии еще раз мне не удалось. Правда, с Турсункуловым потом встречался в Москве. А вскоре с болью в сердце узнал, что он умер.

Завершив инспектирование войск, мы вернулись в Ташкент.

Для обстоятельного разговора о том, как дальше проводить боевые операции против басмачей, было созвано расширенное заседание Реввоенсовета фронта с участием многих командиров и комиссаров. Перед совещанием был поставлен ряд вопросов:

1. Прекратить разрозненные действия кавалерийских отрядов, не связанных между собой и не координирующих свои действия.

2. Операции проводить организованными единицами — бригадами, полками, эскадронами, связанными единой волей. Каждой части выполнять определенную, предусмотренную операцией задачу.

3. Боевые действия против банд басмачей вести глав-

ными силами. Частью сил стремиться не дать врагу возможности отступать.

4. Операции проводить с таким расчетом, чтобы изолировать банды от их баз, лишить возможности пополнять свои силы. Добиться глубокого понимания бойцами особенностей действий в условиях малой войны на горном театре.

5. Действия частей фронта обязательно проводить совместно с национальными добровольческими отрядами.

6. Всемерно укреплять связи с местным населением, особенно дехканами. Вести среди населения широкую политическую работу. Тех, кто перешел на сторону бандитов по неосознанности, не привлекать к ответственности, ограничиваясь разъяснением их вины перед Родиной.

С этими предложениями, тщательно обсудив их, все согласились.

В стране в тот год проходила большая политическая кампания — выборы в Советы.

Когда мы встречались с тружениками Средней Азии, с дехканами и рабочими, нас спрашивали, почему в Таджикистане наряду с Советами как органами государственной власти в некоторых районах функционируют ревкомы.

Существование ревкомов вызывалось необходимостью. Они были в тех районах, где еще действовали басмачи. Ревкомы назначались вышестоящими органами. Функционировал также и ревком Таджикской АССР. Там, где басмачество удавалось полностью ликвидировать, проводились выборы местных Советов, к которым переходила вся полнота власти.

Я полагал, что решительное наступление на басмачество в 1926 году даст возможность уже к осени провести выборы местных органов государственной власти повсеместно. Это мое мнение разделяли и члены правительства Таджикистана, и Военный совет Туркестанского фронта. Решили доложить о том Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и председателю Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилову.

После совещания в штабе фронта я поехал в Среднеазиатское бюро ЦК партии и оттуда связался по телефо-

ну с К. Е. Ворошиловым, доложил ему мое мнение о целесообразности переименовать фронт в округ и провести повсеместно выборы Советов. Ворошилов сказал, что вопрос об округе решит сам в ближайшее время. Что же касается ревкомов, посоветовал доложить мнение местных товарищей непосредственно И. В. Сталину, что я и сделал. Иосиф Виссарионович задал мне много вопросов: как настроены по отношению к Советской власти дехкане, рабочие, что они говорят и что их волнует; как ведут себя бойцы, как проходят боевые операции и т. д.

Вот таким примерно был разговор.

Сталин: Товарищ Буденный, вы считаете, что ревкомы настало время упразднить?

Буденный: Да, товарищ Сталин. Мне кажется, что здесь, на местах, достаточно окрепла Советская власть и выборы в Советы Таджикистана пройдут успешно. Командование фронта, правительство республики убеждены в том, что Советы победят повсеместно. Вы же знаете, что ревкомы были назначены; этим в какой-то мере ущемлялись права дехкан и рабочих: они не выбирали членов ревкома, а лишь принимали их как должное. Теперь же, во время выборов, труженики изберут в Советы самых достойных, тех, кого они сами пожелают.

Сталин: Все это понятно. Но не попытаются ли проникнуть в Советы наши классовые враги — байство, духовенство, эмирские чиновники и другие враги?

Буденный: Товарищ Сталин, и нас это беспокоит, но товарищи из правительства республики уверяют, что замена ревкомов выборными органами власти пройдет успешно и что к предвыборной кампании пройдет тщательная подготовка. Лично я убежден, что избирательная кампания пройдет в обстановке острой классовой борьбы между дехканами, рабочими и нетрудовыми элементами, но наши враги потерпят поражение.

Сталин: Что ж, вы наш представитель, товарищ Буденный, и, если обстановка сложится по-другому, не в нашу пользу, будете отвечать перед партией и правительством.

Буденный: Я об этом уже подумал, товарищ Сталин.

Сталин (в трубке послышался смехок): А вы, вижу, не боитесь моих предостережений. Кстати, когда товарищи думают провести в Таджикистане выборы?

Буденный: Месяца через три-четыре. Все зависит от боевых действий фронта. Ведь в некоторых районах все еще есть басмачи.

Сталин: Надо усилить борьбу с ними. Подключайте к этому добровольческие отряды из рабочих и крестьян. Они лучше знают своих врагов, хорошо ориентируются на местности. Словом, надо создать нетерпимую обстановку для наших врагов, надо, чтобы у них под ногами горела земля.

Буденный: Есть, товарищ Сталин. Именно так мы и понимаем свою задачу.

Сталин: Когда думаете выезжать в Москву?

Буденный: Об этом еще не думал.

Сталин: Ну и хорошо. Думайте о басмачах, а в Москву успеете. Если надо — оставайтесь там подольше. И держите в курсе дела Реввоенсовет Республики.

Буденный: Утром я докладывал товарищу Ворошилову всю обстановку.

Затем я доложил Сталину о других политических мероприятиях, которые намечают провести правительства республик Средней Азии. Сталин выслушал меня внимательно, дал ряд советов.

Я передал мой разговор со Сталиным всем местным товарищам, в том числе членам Реввоенсовета фронта.

Посетили мы город Полторацк (ныне Ашхабад), конный завод. Туда приехали большой группой — члены правительства ТССР К. Атабаев, Х. Сахатмурадов, я, К. А. Авксентьевский. Побывали мы и в 1-м Туркменском кавалерийском полку. На память сфотографировались с конниками.

Вскоре мне позвонил Климент Ефремович. Он передал, что наше предложение рассмотрено. Туркестанский фронт с 4 июня 1926 года постановлением Реввоенсовета СССР переименован в Среднеазиатский военный округ.

Выборы в Советы Таджикской АССР постановлением ревкома республики было решено провести осенью.

Выборы прошли успешно. Правда, в некоторых районах классовые враги пытались спровоцировать бедноту и середняков против Советской власти, распространяли провокационные слухи, но были разоблачены и потерпели поражение. В состав Советов в своем большинстве вошли представители бедноты. Вместо ревкомов были избраны 248 кишлачных Советов, 18 кентисполкомов, 28 ту-

манисполкомов, 2 райисполкома и 7 вилоятисполкомов¹. Итоги кампании показали, что дехкане верят Коммунистической партии и Советской власти, готовы отдать все свои силы для упрочения нового социалистического строя.

Так был завершен переход от системы революционных комитетов к Советам в Таджикистане.

Начались крупные операции по разгрому басмаческих шаек.

Перед моим приездом в Среднюю Азию готовилась крупная операция по разгрому банд Ибрагим-бека и Хурам-бека. Командование Туркестанского фронта поставило перед кавалерийскими частями, расположенными в Таджикистане и Сурхан-Дарьинском районе, задачу разгромить банды в кратчайший срок. К. А. Авксентьевский доложил мне о проведении операции, которая по замыслу должна была завершиться полным уничтожением всех банд.

— План проведения операции окончательно еще не утвержден, и ваши советы были бы кстати.

— Очень хорошо, Константин Александрович, — ответил ему. — Но прежде я хочу побывать в частях, поговорить с командирами, комиссарами, с рядовыми красноармейцами.

Боевые действия должны были начать части, дислоцировавшиеся в Термезе. Сюда я и прибыл. Всю неделю инспектировал воинские подразделения, знакомился с оперативной обстановкой. После этого высказал командованию несколько замечаний. Так, на мой взгляд, следовало лучше продумать вопросы надежной связи между отрядами. Нет резона создавать слишком мелкие группы, которые вряд ли могли вести самостоятельные боевые действия. План операции не предусматривал изоляцию банд от их основных баз. Кроме того, следовало перед началом операции атаковать базы басмачей с самолетов, которыми округ располагал. Наконец, к операции почти не привлекались национальные добровольческие отряды. Почему? Надо, чтобы эти отряды действовали в исключительно тесном взаимодействии с кадровыми частями.

---

¹ См. М. Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1963, стр. 613.

Вернувшись в Термез, вместе с командованием округа мы еще раз в деталях обсудили план предстоящей операции. Все мои замечания и предложения были приняты. Я призвал командиров проявлять высокую бдительность, вести постоянно, днем и ночью, разведку. В боях действовать решительно и мужественно.

А через несколько дней началась операция, в которой участвовали части 6, 7 и 8-й отдельных кавбригад.

Первый решающий удар по объединенным бандам Ибрагим-бека и Хурам-бека нанесли 82-й и 84-й кавполки 8-й бригады и 77-й кавполк в горах Терegli-Тау и Ак-Тау. Крупные бои по разгрому басмаческих банд проводили также 3-я стрелковая дивизия и 7-я кавалерийская Туркестанская бригада. Удары по врагу нарастали с каждым днем.

Борьбу с басмачеством мы сочетали с усилением разъяснительной работы среди населения, говорили дехканам о задачах Советской власти, разъясняли, кто такие басмачи, чего они добиваются, кому служат. Наиболее отъявленных бандитов из числа курбаши судили народным судом, приглашали на эти суды как можно больше крестьян. Так, в Яване народ судил Мулла-Махмуда. Кто он такой? В 1922 году 23-летний Мулла-Махмуд вступил в басмаческую шайку Ибрагим-бека, втянутый в нее своим отцом Ашур-баем. Мулла-Махмуд был простым джигитом у Ибрагим-бека. Ему хотелось стать курбаши, но для этого надо было «отличиться».

«Войди в доверие к красным, убей их командира, а голову принеси мне в знак доказательства, и тогда я сделаю тебя курбаши», — сказал ему Ибрагим-бек. Отличавшийся храбростью и хитростью, Мулла-Махмуд послушался своего повелителя и ждал лишь удобного случая, чтобы осуществить злодейский план. В 1925 году он сдался в плен, убил командира таджикского добровольческого отряда Пир-Мин-Баши, захватил семь винтовок с патронами, ушел в банду. За этот «подвиг» Ибрагим-бек назначил его курбаши.

Действовал Мулла-Махмуд в Локае и Бальджуанском районе. Он беспощадно убивал сочувствующих Советской власти дехкан, советских работников. Соучастник Мулла-Махмуда курбаши Мулла-Бури, зная, что его ждет суровая кара, если сам не сдастся на милость Советской власти, обезоружил Муллу-Махмуда и доставил его нашим.

На суде вскрылась жуткая картина его злодеяний. Один за другим выступали свидетели. Хассият-Бити, мать погибшего красного командира Пир-Мин-Баши, отдала суду чалму, шапку своего сына и рассказала, как он был убит.

— Будьте прокляты, басмачи! Сурово покарайте их,— требовала она от суда.

Другой свидетель, Мулла-Шариф-Абдурахмаков, рассказал, как Мулла-Махмуд зарубил его отца и расправился с матерью, которая и теперь лежит в постели.

Суд приговорил Мулла-Махмуда и семерых его пособников к расстрелу. Другие обвиняемые были осуждены к заключению на разные сроки¹.

Еще раньше был приговорен к расстрелу один из виднейших деятелей басмаческого движения Берды (Датхо).

Опыт боев с басмачами тщательно обобщался штабистами. Нужно сказать, что туркестанцы внесли много нового в военное дело, что потом стало применяться в войсках других округов. Так, туркестанцы стали инициаторами разработки и осуществления воздушнодесантных операций, имеющих громадное значение в условиях гор и пустынь. Надо также отметить, что Туркестанский округ первым в истории армий применил в 1928 году боевое десантирование. Для разгрома остатков банды Джунаид-хана самолеты сели почти в центре Кара-Кумов.

Во время второй ударной кампании части Красной Армии провели 267 боев. Операции войск округа против басмачей завершались успешно. Мы могли доложить Центральному Комитету партии и Советскому правительству, что организованных басмаческих шаек на территории среднеазиатских республик не осталось.

Правда, потом было еще несколько отдельных вылазок врага. Считаю необходимым рассказать и о них, чтобы у читателя создалось ясное представление, когда и как окончательно завершился разгром басмачества.

Осенью 1927 года Джунаид-хан собрал отряд до тысячи человек и 19 сентября официально объявил о своем походе против Советской власти. Это был лютый враг дехканства, агент иностранных разведок. В 1924 году Джунаид-хан заявил, что признает Советы, и I Всетурк-

---

¹ См. «Красная звезда», 15 июля 1926 г.

менский съезд Советов помиловал его. Он вернулся из-за границы и поселился в Кара-Кумах, в районах колодцев Орта-Кую, Пешка-Кудук и Чарышли. В душе он по-прежнему ненавидел Советскую власть и ждал удобного момента, чтобы вновь взяться за оружие. Когда в связи с проведением земельно-водной реформы обострилась классовая борьба, Джунаид-хан воспользовался этим. Его бандиты захватили район 5-го аулсовета и угрожали городу Ильяны.

Правительство Туркменской республики приняло ряд экстренных мер: была организована комиссия ЦИК по оказанию помощи войскам со стороны местного населения. Командующему Среднеазиатским военным округом Реввоенсовет СССР дал указание немедленно разгромить Джунаид-хана, не дать ему возможности захватить новые районы. К. А. Авксентьевский предпринял весьма эффективные меры, и уже в ноябре с бандами Джунаид-хана было покончено.

Разбитый Джунаид-хан с несколькими оставшимися верными ему джигитами, обманув наши заградительные отряды на границе, навсегда покинул территорию Советского Союза.

Кстати, за отличные боевые действия против банд Джунаид-хана 84-й кавполк 8-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригады был награжден РВС СССР и ЦИК СССР орденом Красного Знамени.

Весной 1931 года с двухтысячным отрядом перешел нашу границу матерый бандит Ибрагим-бек. Новое вторжение было явной авантюрой. Среднеазиатские республики к этому времени значительно окрепли. В них окончательно победил советский строй. На какую-либо поддержку населения Ибрагим-бек не мог рассчитывать. И тем не менее положение оставалось опасным. Налетами на дехкан, террором бандиты могли сорвать весеннюю посевную кампанию, оставить страну без хлопка.

Командование округа, местные партийные и советские органы приняли самые решительные меры. Были приведены в боевую готовность и выступили против басмачей специальные части, в том числе Таджикский дивизион и Узбекская бригада. На борьбу с бандитами поднималось население. В кишлаках и аулах на случай появления там шаек басмачей или их агентов и разведчиков создавались добровольческие отряды.

Вторжение Ибрагим-бека ликвидировали быстро. В ряде стычек его шайки были разгромлены наголову. Сам он с остатками банды пытался опять уйти за границу. Это ему не удалось. Отряд местных добровольцев настиг преступников на одном из переходов, окружил и взял в плен, в том числе самого Ибрагим-бека.

В 1931 году с басмачеством в Средней Азии было покончено навсегда ¹.

---

¹ Президиум ЦИК Узбекской ССР в ознаменование особых заслуг в героической борьбе на среднеазиатских фронтах как в годы гражданской войны, так и после нее — успешной ликвидации басмачества в Узбекистане — наградил Семена Михайловича Буденного орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР.

13. ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

1

Если вытянуть в одну линию путь боевых походов, рейдов и маршей 1-й Конной, то получится не менее 10 тысяч километров. Десятки крупнейших боев, тысячи мелких, но жарких схваток с врагами трудового народа провели конники на бескрайних просторах задонских и кубанских степей, на воронежских и курских полях, в Донбассе, у предгорий Кавказа, на просторах Украины, в Полесье, у подножий Галицийских холмов. И всюду красные бойцы проявляли бесстрашие, героизм, верой и правдой служили своему народу. Многие в боях отдали свою прекрасную жизнь за дело Октября. Те, кто прошел суровую школу жизни в рядах конармейцев, до сих пор с теплотой и любовью вспоминают Конармию.

Если говорить о себе, то я не желаю иной судьбы, чем та, которая выпала на мою долю. Я счастлив и горд, что был командармом 1-й Конной. Горжусь и тем, что еще в 1919 году, в самое тяжелое время для Советской России, когда на нас со всех сторон шли враги, стал членом славной ленинской Коммунистической партии и вот уже более полувека состою в ее рядах. Мне, как и всем советским людям, дорого все то, что сделано и будет сделано под руководством партии, Советского правительства.

У меня сохранилась фотография, на которой я снят в форме старшего унтер-офицера Северского драгунского полка с четырьмя Георгиевскими крестами на груди и четырьмя медалями. Как в старину говорили, у меня был полный георгиевский бант. На медалях отчеканен девиз: «За веру, царя и отечество». Но мы, русские солдаты, воевали за Отечество, за Россию, за народ.

И как только свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, я стал ее солдатом, сердцем и разумом приняв идеи Коммунистической партии, идеи В. И. Ленина.

Нам, командирам и политработникам молодой Красной Армии, приходилось несравненно труднее, чем бывшим царским офицерам и генералам. Ведь мало кто из нас имел необходимое военное образование. А белогвардейцы располагали вышколенными кадрами, ими командовали опытные военачальники. Однако всех этих господ красные бойцы, в том числе и конармейцы, били по всем правилам революционного военного искусства. 1-я Конная армия с честью и доблестью пронесла боевые знамена сквозь огонь гражданской войны.

Из рядов Конармии вышло немало видных деятелей нашего государства и Вооруженных Сил СССР. Бывшие конармейцы К. Е. Ворошилов, С. К. Тимошенко, А. А. Гречко, А. И. Еременко, К. А. Мерецков, К. С. Москаленко стали Маршалами Советского Союза, а П. Ф. Жигарев, С. И. Богданов, П. С. Рыбалко, Я. Н. Федоренко, А. И. Леонов — маршалами родов войск.

В дни Великой Отечественной войны немало конармейцев командовали фронтами и армиями, занимали ответственные государственные посты в оборонной промышленности. Родина высоко оценила их заслуги в боях и в мирном труде. Маршал К. Е. Ворошилов стал дважды Героем Советского Союза и, кроме того, Героем Социалистического Труда. Дважды удостоивались звания Героя Советского Союза С. К. Тимошенко, С. И. Богданов, П. С. Рыбалко, Д. Д. Лелюшенко. Бывший конармеец Е. П. Славский стал министром СССР, А. Л. Минц — ныне академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий.

Я назвал, разумеется, только небольшое число имен бывших конармейцев, в последующие годы прославивших Родину героическими делами на военном и трудовом фронтах.

1-я Конная армия была, по словам К. Е. Ворошилова, «огромной военной и политической школой» для многих таких, как я, он, людей, поднявшихся из самой гущи народных масс. Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко пришел в 11-ю кавдивизию 1-й Конной подростком, боевую деятельность начал с

того, что подвозил конникам боеприпасы. Дивизия тогда вела тяжелые бои под Ростовом. На вопрос журнала «Огонек», что дала ему служба в 1-й Конной армии, А. А. Гречко ответил: «Любовь и уважение к нашей героической Красной Армии, желание посвятить себя и всю жизнь военной службе в Советской Армии. Собственно, с Первой Конной армии началась моя служба в Вооруженных Силах». Маршал Советского Союза К. С. Москаленко писал, что служба в Конармии закалила его, молодого тогда комсомольца, воспитала волю, смелость, настойчивость, мужество, привила любовь к Советской Родине, к своему роду войск — кавалерии. А вот свидетельство маршала войск связи А. И. Леонова, молодость которого начиналась на пулеметной тачанке: «Я стал маршалом, но первое боевое крещение получил в легендарной Первой Конной армии. Всегда с волнением вспоминаю то огненное время и думаю: да, не зря мы проливали кровь за Советскую власть — наша Родина стала такой могучей и величавой».

Советские люди гордятся своими Вооруженными Силами, их боевыми делами, славными боевыми традициями. О них, в том числе и о 1-й Конной, народ слагает стихи, песни, ей посвящаются произведения искусства. И это понятно — на замечательных подвигах красноармейцев воспитываются поколения. Однако в свое время мне, Ворошилову и другим военачальникам приходилось отстаивать славное имя 1-й Конной, давать достойный отпор всяческим злопыхателям и клеветникам. Были такие, к сожалению. Распространяли всякие небылицы о красных конниках и белогвардейцы — те, кого мы били, разные там мамонтовцы, денкинцы, врангелевцы. Удивляться нечему — что же им оставалось делать? Однако вражескую клевету охотно подхватывали троцкисты всех мастей. Они и те, кто им сознательно или бессознательно помогал, продолжали возводить всяческую хулу на 1-ю Конную и после того, как она была расформирована (осенью 1923 года), т. е. замахивались на самое святое святых — на героическую историю Красной Армии, на ее наследие, на боевые традиции.

Характерно, что сам народ не давал в обиду Первую Конную. В связи с этим невольно вспоминается история с книгой И. Э. Бабеля «Конармия», отрывки из которой в 1924 году опубликовал журнал «Красная новь».

Как только рассказы Бабеля были опубликованы, в редакции центральных газет, в Реввоенсовет Республики и ко мне посыпались письма с резким протестом. В письмах говорилось, что автор тенденциозно освещает жизнь конармейцев, умышленно гиперболизирует, обобщает частные недостатки, что своим произведением Бабель бросает тень на всю Красную Армию.

Вот один из документов тех лет¹.

«Протокол № 1 общего собрания командного и политического состава 1-й Особой кавалерийской бригады от 4 января 1925 г. Москва. Ходынка.

Повестка дня: «Взгляды комполитсостава 1-й Особой кавбригады на рассказы гр. Бабеля, опубликованные в третьей книжке (апрель — май 1924 г.) журнала «Красная новь» из книги «Конармия».

Слушали: доклады тт. Галиева, Славского.

Выступили: тт. Черкасов, Соколов, Медведев и другие.

Как докладчики, так и выступающие единодушно отмечали, что рассказы Бабеля о Конармии — это пасквиль на 1-ю Конную армию. В рассказах нет ни одного положительного бойца или командира, которому бы подражали другие. Бабель, взявшись писать о Конармии, не мог, не имел права умолчать о том, что эта армия — армия революции, ее бойцы — верные сыны Советской Республики, им дороги свобода и независимость, и поэтому они решительно громили врага...»

Примерно те же мысли были в резолюции собрания командного и политического состава 3-й бригады 10-й Майкопской кавдивизии имени Коминтерна молодежи и в других письмах.

Полемика об этой книге продолжилась и в 1928 году. Тогда в газете «Правда» 26 октября было опубликовано мое открытое письмо, а 28 ноября — Алексея Максимовича Горького. На этом бы и поставить точку, но отклики на письма побудили меня подготовить еще одну статью на эту тему.

Статья получилась большой. Я уже собрался отправить ее в редакцию «Правды». Но меня вызвал И. В. Сталин.

---

¹ Из личного архива автора.

После обсуждения ряда вопросов, связанных с обороной страны, Сталин неожиданно сказал:

— Читал в «Правде» ваше открытое письмо Горькому и ответ Алексея Максимовича. Вижу, крепко задел вас этот вопрос.

— Очень крепко, товарищ Сталин, — сказал я. — Конечно, в Конармии были случаи грубого нарушения бойцами дисциплины, некоторых мы даже отдавали под суд ревтрибунала. Но ведь это — единицы! А Бабель написал о Первой Конной так, что у читателя создается неверное представление не только о конармейцах, но и о всей Красной Армии.

Я доложил Сталину, что собрался отправить новое письмо в «Правду».

— Могу ознакомиться с ним, прежде чем оно будет опубликовано? — спросил Иосиф Виссарионович.

— Конечно, товарищ Сталин, — поспешно ответил я.

— Пришлите, пожалуйста, мне его.

— Оно со мной.

— Тем лучше.

Я вынул из планшета статью и передал Сталину. Он сел за стол и стал внимательно читать. Не скрою, я очень переживал — что Сталин скажет.

Иосиф Виссарионович встал из-за стола:

— Максим Горький сейчас в Италии, болеет, и я бы посоветовал воздержаться от публикации письма. Вы правильно ставите вопрос. О бойцах Красной Армии, защитниках Октября, надо писать с любовью и уважением, и я уверен, что эту точку зрения разделяет с нами и Максим Горький. И не надо заострять свой спор с ним, Семен Михайлович. Это только на руку нашим врагам. Вот придет Горький, и тогда все обсудим.

— Согласен, товарищ Сталин.

2

В 1933 году в Москве состоялся I Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Я выступал на этом съезде. Моя речь понравилась Горькому. Он откликнулся на нее статьей «История деревни».

«Среди прекрасных речей на съезде колхозников, — писал он, — среди множества ценных пожеланий и предложений, высказанных хозяйками и хозяевами Союза Со-

ветов, было отмечено дружными аплодисментами предложение товарища Буденного. Он сказал:

«Здесь товарищи выступали и говорили о том, что каждый колхоз, так же как и каждая фабрика, каждый завод, должен стать неприступной крепостью обороны. Вы знаете, товарищи, что сейчас пишется «История заводов». То же самое нужно сделать и в отношении сел и колхозов. Нужно записать их революционные заслуги, революционную деятельность, описать героические подвиги тех бойцов, которых село, колхоз дали в годы гражданской войны в ряды партизанских, красногвардейских отрядов, в ряды Красной Армии. Нужно начать писать историю сел и колхозов, чтобы на этой истории воспитывать наше молодое поколение, чтобы оно дало достойных бойцов нашей социалистической родине».

Это весьма ценная и своевременная идея, и она уже, как говорят, «носится в воздухе». Еще до съезда мысль о необходимости написать «Историю деревни» возникла одновременно в двух местах — в Сибири и в одной из областей центра Союза. Еще раньше — год тому назад — идея эта группой товарищей обсуждалась на квартире М. Горького и была изложена в записке, поданной в ЦК; уже ведется работа над созданием такой истории в Рахитянском районе ЦЧО. Возникновение этой мысли свидетельствует о потребности колхозного крестьянства знать свое прошлое. Товарищ Буденный отлично указал, для чего требуется это знание. Но кроме еще более крепкой организации энергии сопротивления врагам, кроме самообороны оружием нам необходима самооборона посредством знания. Нужно, чтоб молодежь знала, в какой страшной темноте, в какой нищете, в каком унижении жили ее деды и отцы, какую массу крови и энергии затратил рабочий класс на борьбу за освобождение деревни из ежовых рукавиц помещиков и кулаков, из крепких сетей нищенской, единоличной собственности, которая делает людей врагами друг другу. Знание развивается сравнением, а нашей молодежи не с чем сравнивать то, что ей дано, чем она обладает. Именно поэтому и по силе здоровой жажды хорошей жизни среди молодежи нередко встречаются парнишки и девчонки, которые не умеют ценить все то, что для них завоевано, встречаются задорные орлы, которые преждевременно мечтают об уютном курятнике. Знание прошлого вылечит

ло бы их от слишком торопливого стремления пользоваться достижениями настоящего, не думая о будущем, не стараясь углубить и расширить не ими завоеванное и заработанное хорошее наших прекрасных, но еще не легких дней»¹.

Мы, военные, были очень признательны Горькому за то, что он обратил такое пристальное внимание на вопросы воспитания молодежи на революционных и боевых традициях советского народа, его доблестной армии.

Когда я потом встретил Алексея Максимовича, он выглядел очень уставшим, и я сразу понял, что здоровье его неважное. Мы о многом тогда поговорили. Горький рассказывал, как жил в Италии, на Капри, как работал, какие книги писал. Я похвалил пьесу Вишневского. Горький отозвался:

— Да, замечательную вещь создал пулеметчик!

И тут я не удержался, сказал, что «Первая Конная» Вишневского — истинная правда о революционных бойцах-конармейцах — не идет ни в какое сравнение с книгой Бабеля.

Горький отшутился:

— Семен Михайлович, вы — командарм и защищаете своих бойцов. Я — командарм в литературе, ко мне обращаются молодые писатели, и я обязан их защищать.

Вскоре после окончания работы I Всесоюзного съезда колхозников-ударников нас с Ворошиловым пригласил к себе И. В. Сталин. Разговор зашел о сельском хозяйстве, о том, что надо больше выращивать хлеба. А потом, после небольшой паузы, Сталин обратился ко мне:

— Максим Горький мне звонил... Прав он насчет воспитания молодежи на революционных традициях. Продумайте с Ворошиловым, как перенести этот вопрос в армию...

Сталин сказал, что и в кавалерии еще не на должном уровне поставлено воспитание бойцов и что я, Буденный, отвечаю за это в первую очередь.

— Учту, товарищ Сталин...

---

¹ М. Горький. Собр. соч., т. 27. М., Изд-во художественной литературы, 1953, стр. 405—406.

У меня со Сталиным было немало встреч, бесед по многим вопросам. Мне нравились в характере Сталина такие черты, как прямота, откровенность, твердость. Не могу не сказать, как однажды Сталин едва не объявил мне выговор. А было это так. Нам, группе слушателей Военной академии имени М. В. Фрунзе, предстояло выполнить прыжки с парашютом. С этой целью выехали на учебный аэродром. День выдался погожий. С набором высоты самолет стало слегка покачивать. Настроение у меня бодрое, хотя еще ни разу не прыгал.

Секунда — и лицом ощутил упругий ветер... Не стану описывать чувства, которые владели мной в те минуты, скажу одно: прыжок прошел успешно. И на земле выполнил поставленную задачу (в полет я уходил командиром батальона).

Вскоре состоялся выпуск слушателей академии, на котором присутствовали руководители партии и правительства. Торжественное собрание проходило в Кремле. После официальной части состоялся прием.

Там Роберт Петрович Эйдеман, бывший командарм 13-й армии, поднял тост и за меня. Он стал рассказывать о том, как я учился. Роберт Петрович говорил, что Буденный, несмотря на свой высокий пост и солидный возраст, учился старательно.

Когда Эйдеман упомянул о прыжке с парашютом, Сталин серьезно сказал:

— Товарищ Буденный, а кто вам разрешил это делать? Ведь членам правительства нельзя водить машины, дрезины по железной дороге, а вы вдруг прыгнули с парашютом? Вы нарушили партийную дисциплину. — Сталин глянул в сторону Ярославского: он в то время был председателем ЦКК. — Товарищ Ярославский, разберитесь в партийном порядке...

Тут уж не до веселья. Чувствовал себя очень неловко, но все же решительно возразил:

— Товарищ Сталин, я выполнял прыжок с парашютом не как член правительства, а как слушатель академии, который обязан пройти всю учебную программу.

Меня поддержал начальник академии.

Наступила пауза. Потом Сталин сказал:

— Ну, если товарищ Буденный делал это по долгу службы, тогда другой разговор...

Весной 1933 года Сталин пригласил меня к себе.

— Семен Михайлович, — сказал Иосиф Виссарионович, — поздравление ЦК партии по случаю вашего пятидесятилетия вы уже получили, а сейчас лично хочу поздравить вас.

И Сталин крепко пожал мне руку.

— Спасибо, Иосиф Виссарионович.

В тот вечер мы долго беседовали. Вспоминали гражданскую войну, ожесточенные бои под Царицыном... Когда я уходил, Сталин сказал:

— Семен Михайлович, у нас с вами давняя боевая дружба, а фотокарточки вашей не имею, может быть, подарите?

Я не растерялся:

— А вы мне свою?

— Пожалуйста, Семен Михайлович.

Сталин извлек из стола свою фотокарточку и написал: «Создателю красной конницы, другу и товарищу Семену Михайловичу Буденному от И. Сталина».

Этот портрет с надписью висит у меня в кабинете...

3

Все годы после того, как я покинул 1-ю Конную, ко мне идут письма. Пишут люди со всех концов Советской страны — рабочие, колхозники, ученые, учителя, советские и партийные работники, историки, ветераны войны... В письмах они делятся своими радостями и горестями, советуют, спрашивают, вносят предложения. Ветераны войны, бывшие воины 1-й Конной, рассказывают о боевых походах, вспоминают боевых товарищей — и живых, и тех, кто сложил голову на полях сражений. Бывает, почта приносит и другого рода письма, из-за рубежа, полные злобы и лютой ненависти к нам, советским людям, советскому строю. Читать такие письма и противно и весело. Что же, борьба продолжается!

В этой борьбе против нас идеологи империализма стараются извратить всю историю Советского государства, историю борьбы рабочего класса, историю партии, боевую историю нашей армии. Но как же тщетны эти потуги! Разве можно облить грязью Солнце, разве можно повернуть историю вспять! Нет, фальсификаторам истории, как бы они ни клеветали на Советский Союз, не удастся умалить величие побед Вооруженных Сил СССР

на фронтах гражданской и Великой Отечественной войн, ибо об этих победах знает весь мир...

Мне посчастливилось быть делегатом XXIV съезда партии. Слушая отчетный доклад ЦК, я невольно уносился мыслями в прошлое, вспоминал первые годы Советской власти. Нищая, разоренная царизмом и войнами страна с трудом отстаивала свое существование.

Прошло всего три-четыре десятка лет, и на мировой арене появился великий, могучий Советский Союз — надежда и опора трудящихся всего земного шара.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, в длительной и кровавой борьбе с империалистическими агрессорами отстоял великие завоевания Октября, сделал свою Родину могучей и счастливой, обеспечил условия для возникновения мировой социалистической системы. С каждой новой пятилеткой все ошутимей, все зримей становятся для советских людей черты коммунизма.

Когда думаешь о том, чего достиг советский народ, сердце радуется. Не напрасны были понесенные жертвы. Мы выстояли в тяжелой борьбе с врагами Советского государства, мы победили. Не скрываю, я горжусь, что был непосредственным участником великих событий.

Советский народ, занятый мирным созидательным трудом, вынужден повседневно заботиться о своей безопасности, содержать армию, тратить значительные средства на оборону. Нам приходится строить коммунизм, не выпуская оружия из рук. Империалисты не отказываются от своих преступных планов, не расстаются с надеждой реставрировать у нас и во всех других социалистических странах капиталистический строй, вернуть себе утрачиваемое господство в мире, право грабить народы, распоряжаться их судьбами.

Советские Вооруженные Силы, выпестованные Коммунистической партией, зорко стоят на страже мира и безопасности Советской страны. Они служат могучим фактором, заставляющим империалистических агрессоров умерять свой пыл, сдерживать свои аппетиты.

«Все, что создано народом, — говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде партии, — должно быть надежно защищено. Укреплять Советское государство — это значит укреплять и его **Вооруженные Силы**, всемерно повышать обороно-

способность нашей Родины. И пока мы живем в беспокойном мире, эта задача остается одной из самых главных!..

Советские люди могут быть уверены, что в любое время дня и ночи наши славные Вооруженные Силы готовы отразить нападение врага, откуда бы оно ни исходило. Любой возможный агрессор хорошо знает, что в случае попытки ракетно-ядерного нападения на нашу страну он получит уничтожающий ответный удар.

Говоря о славной Советской Армии, нельзя не сказать доброго слова о наших фронтовиках, о тех солдатах и командирах, которые в годы Великой Отечественной войны отстояли свободу нашей Родины. После колоссального напряжения военных лет им и отдохнуть не пришлось: фронтовики снова оказались на фронте — на фронте труда. Многих из фронтовых товарищей уже нет с нами. Но миллионы еще в строю. Одни продолжают службу в армии, другие отдают Родине свои знания и труд на заводах и стройках, в колхозах и совхозах, в научных институтах и школах. Пожелаем всем им хорошего здоровья, счастья, новых успехов в труде во имя коммунизма»¹.

Благодарность партии, благодарность народа для нас, посвятивших жизнь военной службе, является самой ценной, самой высокой наградой.

Бойцов 1-й Конной, как и всех воинов Красной Армии, отличали в гражданской войне высокий наступательный дух, неукротимая воля к победе. Их действиями руководили безграничная вера в правоту дела Коммунистической партии, интернациональная солидарность с трудящимися всех стран, жгучая ненависть к угнетателям. В боях с белогвардейцами и интервентами они проявляли массовый героизм, презрение к смерти, самоотверженность, высокую революционную бдительность.

На созданных в огне сражений славных боевых традициях Первой Конной, всей Красной Армии воспитывались и воспитываются поколения советских воинов. «Боевые традиции — это не просто реликвии прошлого. Это могучее оружие, выкованное в огне сражений для защиты завоеваний революции», — говорил нам М. В. Фрунзе.

Советские воины, воспитанные Коммунистической пар-

---

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, стр. 81—82.

тией на славных революционных и боевых традициях нашего народа, вместе с воинами братских социалистических стран разгромят любого агрессора, если он вновь вздумает напасть на нас, на лагерь мира, социализма и демократии.

Мы служим Родине, нашей родной Коммунистической партии. И пока бьется сердце, мои дела и помыслы — с партией.

Мои книги — это завещание молодому поколению.

Я уверен, что наша славная молодежь всегда будет верна великому учению Ленина, революционным традициям партии и достойно завершит дело, начатое старшими поколениями, — построит коммунизм.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	3
1. Приказ — идти на Врангеля	5
2. Обстановка накаляется	35
3. Идем в решающий бой	80
4. Сражение разгорается	109
5. Последний удар	124
6. Война окончена. Бои продолжаются	156
7. Поездка в Москву	179
8. На Дону и Кубани	209
9. Рано вкладывать клинок в ножны	234
10. На съезде партии	275
11. В Реввоенсовете Республики	314
12. Поездка в Среднюю Азию	358
13. Этих дней не смолкнет слава	396

Семен Михайлович Буденный

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ
Книга третья

Редактор *Е. С. Дьяченко*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *М. П. Зудина*
Корректор *Т. В. Жильцова*

Г-30325. Сдано в набор 26.5.72 г. Подписано к печати 6.3.73 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12³/₄. Усл. печ. л. 21,42 + вкладки ⁷/₈ печ. л. =
= 1,47 усл. печ. л. 23,03 уч.-изд. л.
Бумага типографская № 1. Тираж 100 000 экз. Цена 1 руб. 9 коп.
Изд. № 3/5382. Зак. 172

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство Министерства обороны СССР
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Сковорова-Степанова, дом 3

Полн. 1-й кн. 091611

